

Е. ВОЙСКУНСКИЙ
И. ЛУКОДЬЯНОВ

УР, СЫН
ШАМА

Е. ВОЙСКУНСКИЙ
И. ЛУКОДЬЯНОВ
УР, СЫН ШАМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

УР, СЫН

ШАМА

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

МОСКВА ~ 1975

Е. Войскунский
И. Лукодянов

УР, СЫН ШАМА

Фантастический роман

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

P2
B65

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Рисунки А. И т к н и а

В $\frac{70803-365}{M101(03)75}$ 456—75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

Часть первая

ПРАКТИКАНТ

Глава первая

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ

Сломался или сорвался с крепления руль на каравелле «Пинта», которой командовал Мартин Алонсо Пинсон, и полагают и подозревают, что все это случилось из-за козней Гомеса Расконо и Кристобаля Кинтеро.

Х. Колумб, Дневник 1-го путешествия

Чертово городище — небольшая банка в Каспийском море, с давних пор пользовавшаяся у моряков неважной репутацией. Еще в 1811 году корвет «Казань», идя под всеми парусами, наскочил на нее, не обозначенную на картах, и потерял руль. Именно с этих пор за банкой начали наблюдать. И не зря.

Несколько раз за последнее столетие она вылезала на поверхность и вновь скрывалась под водой. Где-то в глубине Чертова городища клочкотал грязевой вулкан. Обычно он лениво изливался через отдушины-грифоны густой теплой грязью, но иногда, словно решив размяться после долгой спячки, с ревом выбрасывал наружу мощный газовый факел. Тогда море у Чертова городища вскипало, будто гигантская кастрюля на адском костре. Пласты донного грунта перемещались, и Чертово городище из островка, превращалось в подводную отмель, пока очередное извержение, выбросив поглощенный грунт, не создавало новый островок.

Вот почему банку прозвали Чертовой. Что до второй половины названия, «городище», то она приклеилась к первой после промеров глубин. Промеры показывали здесь правильно чередующиеся впадины и выступы мор-

ского дна, и казалось, что впадины и выступы — это улицы и крыши домов затонувшего города. Богатая фантазия рыбаков превратила сухие цифры промеров в цветистые легенды. Дошло до того, что недавно экспедиция Академии наук, искавшая остатки полулегендарного города Шерги-Юнан, решила обследовать Чертово городище. Аквалангисты увидели, что банка представляет собой ряд параллельных увалов. Кое-где они прерывались отверстиями — остатками вулканических кратеров — и свежими грифонами, медленно изливавшими грязь с пузырьками газа.

Капризный характер Чертова городища не нравился каспийским морякам, и они предпочитали держаться от него подальше, разве только рыбацья шхуна, ведя лов сельди, зайдет иной раз в эти пустынные воды.

Собственно, с рыбацьею шхуны все и началось...

Ранним утром 9 сентября «Алигейдар» ставил сети в одной миле к северо-западу от банки Чертова городища. Слабый ветерок тянул с севера, шхуна с застопоренным мотором слегка покачивалась на зыби, и сеть, отпущенная лебедкой, медленно уходила в воду. Лебедка была старенькая, ее стук падал в первозданную тишину утра неровно, прерывисто.

Вдруг «Алигейдар» затрясся всем корпусом, как больной в малярийном приступе.

— Эй, что случилось? — крикнул шкипер в люк моторного отсека, при этом его зубы сами собой выбили барабанную дробь.

Испуганный молодой моторист выглянул из люка. Он тоже не понимал, что случилось. Тряска усилилась. «Алигейдар» с прытью, неожиданной для такой старой посуды, отбивал залихватскую чечетку — казалось, вот-вот он развалится.

Надо было убираться отсюда как можно скорее. Шкипер жестом велел запустить мотор. Чтобы сеть не намотало на винт, пришлось ее бросить. Сердце шкипера облилось кровью, когда почти новая сеть скользнула в воду; конечно, место обозначили буйками, но мало ли что...

Застучал мотор, и «Алигейдар» побежал прочь от неприятного места. Странная вибрация не прекращалась. Штурвал так и прыгал в руках шкипера. Не успела шхуна пройти полкабельтова, как двигатель взвыл на бешен-

ных оборотах и пошел «вразнос». Моторист еле успел его выключить. Было ясно, что шхуна потеряла винт. Вибрация как ножом срезала его шейку. Рыбаки перепугались не на шутку.

— Па-па-па-паруса! — заорал шкипер.

Паруса валялись «на всякий случай» в грязном носовом отсеке. Теперь этот случай настал. Пока рыбаки выволакивали их наверх и распутывали клубок шкотов и фалов, «Алигейдар» прыгал, как нетерпеливая собака перед кормежкой. Наконец разобрались в блоках, вздернули на коротенькую мачту небольшой грот и крохотный кливер, разнесли шкоты. Парусность была слишком мала для тяжелого корпуса шхуны, да и ветер вдобавок дул навстречу. Медленными зигзагами «Алигейдар» поплелся от Чертова городища, и тряска понемногу ослабевала.

Ровно в час, после перерыва, в Институте физики моря возобновились занятия. У младшего научного сотрудника Валерия Горбачевского настроение было скверное. И вот почему. Сегодня он твердо решил во время перерыва потребовать от лаборантки Ани Беликовой кое-каких объяснений. Как только прозвенел звонок, Валерий выскочил в примыкающий к институту сад и огляделся ястребиным взглядом. Аниной пестрой юбки пока не было видно. Тут к Валерию подошел, сияя приветливой улыбкой, Грушин и стал доказывать, что уважаемая Вера Федоровна в своей статье об аналогии каспийских прибрежных течений с океанскими изложила чересчур поспешные выводы.

Валерий беспокойно оглядывался и проклинал себя за то, что не успел вовремя смыться от Грушина. Теперь же сделать это было неудобно, да и физически затруднительно: Грушин обычно разговаривал мягко, но при этом цепко держал собеседника за руку. К тому же он был начальником отдела.

— ...Измерения магнитных параметров каспийских течений пока не позволяют сделать выводы, что... — быстро текла грушинская речь.

Валерий ощутил необходимость вступить за директрису, Веру Федоровну Андрееву, и возразил:

— Да, но возьмите данные последней экспедиции

«Пингвина». Вера Федоровна не просто сопоставляла тихоокеанские течения с каспийскими, а пересчитывала по различию электропроводности океанской и каспийской воды. Учитывая теорию модели круглого моря и различие в солевом составе...

— Различия! — Грушин взмахнул руками и подскокил. Всегда, когда оспаривалась его мысль, он подскакивал и быстро размахивал руками, как крыльями, и довольно долго оставался при этом в воздухе. — Видите ли, дорогой Горбачевский, надо прежде всего различать теллурические, общепланетные токи в море от токов иного происхождения...

У Валерия заныло под ложечкой: навстречу шла Аня. Она чинно шла с Нонной, этой ходячей статуей, и что-то ей говорила. Поравнявшись, она взмахнула ресницами в сторону Валерия — будто дротик метнула — и преспокойно прошла мимо. Но Валерию показалось, что в этот миг ее губы выглядели насмешливыми.

Придерживаемый Грушиным за рукав, он плелся по аллее, с трудом преодолевая желание вырваться и побежать за Аней. Попадались навстречу и другие сотрудники института; они прогуливались компаниями или в одиночку, дышали свежим воздухом, ели бутерброды и сочувственно поглядывали на Валерия.

«Сколько у нас народу в институте, — тоскливо думал Валерий, — а сцапал он именно меня...»

— Хотите нарзану выпить? — спросил он с надеждой.

— Я не пью нарзан, — ответил Грушин. — Как видите, вопрос об электромагнитных явлениях в замкнутых течениях лишь на первый взгляд...

Весь перерыв, до последней секунды, он водил Валерия по саду. Когда же наконец прозвенел спасительный звонок, было уже поздно: цветастая юбка мелькнула в дверях института и скрылась.

Валерий поднялся к себе и, насупившись, принялся за обработку записей подводного магнитографа. Только он взялся за счетную линейку, как его вызвала к себе Вера Федоровна.

Она, прищурившись, посмотрела на вошедшего Валерия и сказала густым контральто:

— Банку Чертова городище знаете?

— Чертова городище? Конечно, знаю.

Еще бы ему не знать! Лет десять назад он, Валерий,

влип в настоящее приключение возле этой самой банки. Тогда на ее месте был небольшой островок — острогз Ипатия,— и Валерий своими глазами видел, как мощный газовый выброс разрушил Ипатий и превратил его в подводную банку.

— Так вот: возьмете «Сеvрюгу» и сегодня же отправитеcь туда.— Вера Федоровна коротко рассказала о странном происшествии с рыбацкeй шхуной «Алигейдар».— Черт их там знает, чего они испугались и как ухитрились потерять винт. Вы-то не из пугливых? — Она опять прищурилась на Валерия.

Вера Федоровна была близорука, но, полагая, что очки к ней не идут, обходилась без них. Ее коротко стриженные волосы отсвечивали красной медью.

Валерий обиженно поджал губы. Он робел перед директрисой и не нашелся, что ответить. Вера Федоровна сунула в резко очерченный помадой рот сигарету. Валерий шелкнул зажигалкой.

— Проверьте, что там происходит. Что за вибрация. Может быть, это связано с вулканизмом, активизацией грифонов... Ну, в общем, выясните причину явления. Срок даю пять дней.

Валерий попробовал было возразить:

— Я не закончил еще обработку кривых...

— Кривые подождут. Да, еще: если рыбаки не соврали, то не разрешайте запускать двигатель в опасной зоне. Пользуйтесь парусами. Вы как будто яхтсмен, старый моряк...

Валерий хотел с достоинством ответить, что он не «как будто» яхтсмен, а командир-рулевой второго класса для судов с парусностью до тридцати квадратных метров, но Вера Федоровна успела закончить:

— ...и, следовательно, у вас вся корма в ракушках.

Как и большинство океанологов, она не затрудняла себя в выборе выражений.

Валерий сказал, что ему все ясно, и вышел.

«Привет! — думал он, идя по пустому коридору.— Целых пять дней. За пять дней Анька пять раз на танцах побывает с этим крокодилом. Надо же, чтоб так не повезло!»

Он присел на подоконник и прижал лоб к стеклу.

«Проинструктировала! — думал он, нарочно растравляя рану.— «Вы не из пугливых?..» Крузенштерну никто

бы не посмел такое сказать перед отплытием. Не говоря уж о капитане Куке. Их с уважением инструктировали. Лаперузу сам Людовик XVI делал пометки на полях инструкции...»

Взгляд Валерия стал рассеянным, несколько затуманенным, и вот он увидел себя в королевском кабинете, весьма, впрочем, похожем на кабинет Веры Федоровны. Даже большой глобус был на привычном месте. В оранжевом кафтане, обшитом кружевами, король вышел из-за стола в стиле Луи Каторз, твердо ступая туфлями с бантами, на высоких каблуках.

Высокомерное лицо короля, обрамленное буклями каштанового парика, обратилось к Валерию, на его плечо легла королевская рука с дымящейся сигаретой между пальцами.

— Сударь,— сказал король густым контральто,— мы не сомневаемся в том, что ни бури, ни ураганы не сломят вашей отваги и вы вернетесь победителем и будете награждены дипломом кандидата наук без защиты диссертации. Быть может, удастся даже ускорить ваш въезд в новую кооперативную квартиру...

А потом — обвисшие от штиля паруса, запах смолы, плавящейся в палубных пазах от тропического солнца, а вокруг фрегата — долбленые лодки жителей Коромандельского берега, свист стрел, град метательных камней... А он, Валерий, стоит в шляпе с плюмажем на высокой корме. Он пренебрегает опасностью.

— Артиллерист! — приказывает он. — Каронады к бою...

«Размечтался!» — оборвал себя Валерий. И тут же подумал, что пять дней на морском приволье — это, в общем, тоже вещь. Сентябрь стоит теплый. Покупаться, позагорать, рыбку половить.

Валерий спрыгнул с подоконника и пошел оформлять отъезд. Но по дороге ноги неожиданно свернули в боковой коридорчик и сами собой понесли его к соседней лаборатории. Валерию ничего не оставалось, как отворить дверь и войти.

Нонна подняла от кульмана гордую голову и холодно взглянула на Валерия.

— Где Аня? — спросил он.

— Вышла, как видишь.

— Куда?

Нонна пожала плечами и снова взялась за карандаш. Валерий вышел в коридор и чуть ли не носом к носу столкнулся с Аней.

— Осторожнее не можешь? — Она держала в руке стеклянное блюдо с отвратительной зеленой жидкостью.

— Извини, Аня. — Валерий прокашлялся. — Аня, я сегодня ухажу в море. На пять дней.

— Ну и прекрасно. — Она снизу вверх взглянула на него бойкими светло-кофейными глазами. — Мне прийти на пристань помахать тебе платочком?

— Аня, я хотел с тобой поговорить...

— Сейчас мне некогда, Валера.

— Тебе всегда некогда...

— Ну, не надуй губы. — Она хихикнула. — Вернешься, вот и поговорим тогда. А о чем ты, собственно, собираешься?

— Как будто ты не знаешь...

— Даже представления не имею.

Видали? Даже представления не имеет! Как будто не она вчера вечером, вместо того чтобы ждать его, Валерия, телефонного звонка, убежала из дому. Он, Валерий, прекрасно знает, где она была — на концерт ленинградской эстрады. И с кем! С толстым, пучеглазым Петенькой Ломейко из лаборатории спектрального анализа. Ему, Валерию, точно сказали ребята...

— Ну, раз ты не имеешь представления... — Он горестно махнул рукой и пошел прочь.

— Подожди! — крикнула она.

Валерий остановился. Аня подошла и свободной рукой сняла какую-то ниточку с кармана его тенниски.

— К тебе блондинка прицепилась. Значит, на пять дней?

— Да, на пять дней.

— Ну, счастливого плавания, Валера. — Она улыбнулась.

— Спасибо, — сказал он, сразу повеселев.

Никогда не поймешь, что на уме у этих женщин.

«Севрюга», маленькое суденышко, переделанное из военного катера — «морского охотника» времен Отечественной войны, — плавно покачивалось у причала Института физики моря.

Валерий Горбачевский с рюкзаком на плече сбежал по сходне на палубу и был встречен оглушительным «смирно». Костя Федотов, старшина «Севрюги», бывший военный моряк, облаченный в тельняшку без рукавов и синие сатиновые трусы, стоял возле надстройки, прикрыв голову левой рукой, а правой отдавая честь. Из радиорубки выкатился парень в плавках, заросший дремучим черным волосом, и застыл, выпятив живот. Третий член экипажа высунулся из моторного отсека, сонно помигал на Валерия, сдернул с головы серый берет, подбросил его, поймал и скрылся.

— Товарищ адмирал! — гаркнул Федотов. — Разрешите доложить: линейный корабль первого класса «Вобла»... прошу прощения — «Севрюга»...

— Довольно хохмить, — прервал его Валерий и шлепнул Федотова по руке, отдающей честь; затем он ткнул радиста пальцем в живот, отчего тот крикнул и согнулся. Валерий часто выходил в море на «Севрюге» и был на дружеской ноге с ее экипажем, однако в роли начальника экспедиции он появился впервые, чем и объяснялась почетная встреча. — Так, — сказал он, сдвинув брови к переносице и придав таким образом лицу необходимую начальственную строгость. — Будем крепить вьюшки с кабелем.

— Арташес! — крикнул Федотов, грозно вращая белками. — Аврал! Свистать всех наверх, вьюшки крепить!

Волосатый радист сорвался с места и, высоко подкидывая ноги, побежал к вьюшкам, пробежал мимо и, сделав несколько кругов по палубе, вернулся к исходному пункту.

На этом церемония встречи начальника экспедиции закончилась. Вьюшки были закреплены. «Севрюга» на малых оборотах отошла от причала и взяла курс на Чертово городище.

Всю дорогу шли светлой лунной ночью. Покачивало. Валерий безмятежно спал в кубрике и видел во сне, как начальник отдела Грушин бежит в одних плавках по институтским коридорам и кричит дурным голосом: «Свистать всех наверх!»

Под утро Федотов разбудил его и сказал:

— Пять миль до городища. Стопорить моторы?

— Да, конечно.

Валерий взбежал по крутому трапу наверх. Был тот тихий час, когда море, присмирив, готовилось упруго вытолкнуть из-за горизонта огненный мяч солнца. Восток уже пылал оранжевым и красным светом. В воздухе была разлита плотная тишина.

Радист Арташес, исполнявший по совместительству обязанности кока, позвал завтракать. Валерий наполнил пластмассовую кружку чаем и обратился к команде с речью.

— Товарищи! — сказал он. — В последнее время в данном районе проходящими судами обнаружены случаи непонятной вибрации верхних слоев воды, настолько значительной, что отмечен случай поломки гребного вала...

Команде «Севрюги» это было известно, но все с уважением слушали, как начальник ловко перекладывает человеческую речь на нудный канцелярский язык.

— Во избежание аварии, — продолжал Валерий, покрывая бутерброд толстым слоем консервированного паштета, — все время пребывания в зоне вибрации мы будем находиться под парусами.

— Правильно, — одобрил моторист Володя Ткачев. — Чего зря моторесурсы бить.

— Тебе лишь бы сачковать, — заметил Федотов.

Валерий аккуратно прикрыл паштетный слой вторым ломтем хлеба и откусил большой полукруг, для чего ему пришлось открыть рот на угол, предельный для челюстного сочленения.

— Вовово виваия вувет, — сказал он с набитым ртом. — Возможно, вибрация будет обнаружена не сразу, — продолжал он, прожевав, — поэтому мы будем крейсировать в зоне и выжидать. Поскольку характер и свойства вибрации пока не уточнены, купание воспрещается.

— А рыбу ловить? — спросил Арташес.

— Рыбу? — Валерий немного подумал. — Рыбу можно.

После завтрака подняли паруса, и «Севрюга» медленно с легким утренним ветерком двинулась к загадочному месту. Море было спокойно. Солнце, поднявшись над горизонтом, мягко золотило зеленоватую поверхность воды.

Ходили взад и вперед короткими галсами. Потом догадались лечь в дрейф: надоело делать поворот за пово-

ротом. «Севрюга», мало приспособленная к роли парусного судна, не хотела подчиняться. Наконец нашли такое положение парусов, при котором грот и кливер уравновешивали друг друга, и «Севрюга» начала описывать короткие дуги «туда и сюда», чуть отходя под ветер.

Команда освободилась. Первым делом освежились забортной водой, поливая друг друга из ведра. Затем Арташес притащил удочки, и все четверо, свесив босые ноги за борт, приступили к лучшему в мире препровождению времени. Вполголоса рассказывали анекдоты из жизни рыболовов. Несколько раз Валерий перевешивал датчики, опущенные на кабеле в воду, взглядывал на приборы — они пока не обнаруживали никаких колебаний.

Вибрация началась в полдень. Корпус «Севрюги» вдруг затрясся мелкой дрожью. Штаги и ванты заняли так надсадно, что у Валерия заболели зубы. Арташес зажмурился и заткнул уши пальцами.

Каждая деталь катера, казалось, издавала свой звук, и эти звуки сливались в дикую и весьма неприятную какофонию.

Валерий кинулся к приборам. Рычажок самописца чертил на медленно ползущей графленой ленте узкие зигзаги.

— Валера! — позвал Федотов. — Глянь, что делается!

Вода вокруг катера была в серебряных пятнах: рыба, оглушенная или убитая, всплывала на поверхность брюхом кверху. Оглушенная или убитая? Это было очень важно.

— Черпак! — крикнул Валерий.

Федотову удалось начерпать десятка два рыб и вывалить их в бачок с морской водой. Через несколько минут крупные рыбы начали плавать, тычась мордами в стенки бачка. А мелочь, оглушенная насмерть, так и не проявила признаков жизни.

— Что это та-та-такое? — спросил Федотов, стуча зубами.

— По-моему, ультразвук. — Валерий снова подошел к прибору.

Да, колебания были явно ультразвуковые. Невидимые и неслышимые, доступные только чуткому слуху приборов, они заставляли «Севрюгу» трястись мелкой дрожью, которую колебания всех частей катера превращали в слышимые звуки.

— Откуда эта музыка? — спросил Федотов.

Валерий дернул плечом, глядя, как тянется из-под пера по графленой ленте мелкий фиолетовый зигзаг. Частота не была постоянной, она беспрерывно менялась. Валерий пытался найти какую-то закономерность. Сначала это ему не удалось, но, когда он просмотрел запись за полчаса, ему показалось, что он улавливает повторение.

Да, повторение было. Группа колебаний продолжительностью в одиннадцать минут и семь секунд в точности повторилась три раза. Явление природы? Вряд ли. «Тут человеком пахнет», — подумал Валерий.

Больше двух с половиной часов продолжалась вибрация. За это время Валерий установил, что повторялось несколько музыкальных фраз, если такое выражение можно применить к ультразвуку. А может, это не музыка, а какие-то сигналы? Телеграфные? Нет, морзянка исключалась: паузы чередовались слишком неравномерно. Пожалуй, чередование колебаний напоминало человеческую речь, переведенную с нормальной частоты в ультразвуковые колебания морской воды, а потом превращенную прибором в фиолетовые зигзаги на ленте.

Вибрация прекратилась так же внезапно, как и началась.

— Ф-фу! — Ткачев вытер беретом потное лицо. — Попрыгали под музыку!

Валерий рассказал команде о своих предположениях.

— Человеческая речь? — Федотов недоверчиво оглядел пустынное море. — Кто же это балует? Человек-амфибия?

— Слушай, дорогой, — сказал Валерию Арташес, — ты говоришь, источник колебаний был звуковым. Давай проверим, как на ленте звук голоса записывается, а потом сравним, да?

— Ну что ж, давай.

Валерий вытащил из воды датчик, с помощью Арташеса пристроил к нему микрофон и запустил бумагопротяжный механизм самописца. Затем откашлялся и заговорил:

— Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.

Он повторил эту фразу трижды. Самописец бесстрастно воспроизвел на ленте чередующиеся группы колебаний, но зигзаги шли слишком тесно, сливаясь. Ва-

лерий увеличил скорость ленты и повторил опыт. Теперь можно было разглядеть каждый зигзаг. Паузы между словами имели вид прямой черточки. Такие черточки были и в записи таинственных колебаний. Значит, первичный их источник действительно мог быть звуковым...

— Да,— сказал Валерий,— похоже, что человеческая речь. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Через пять с половиной часов вибрация повторилась. Запись в точности соответствовала первой.

Двое суток дрейфовала «Севрюга» над Чертовым городищем, записывая неизменно повторяющиеся колебания. К счастью, погода была тихая и не мешала наблюдениям. Ставя буйки на якорях, экипаж «Севрюги» окольцевал зону наибольшей интенсивности; наконец был поставлен буюк с флажком, отметивший центр зоны. Первичные наблюдения можно было считать законченными. Теперь следовало доложить по радио начальству и запросить инструкций. Но Валерий на свой риск решил обследовать зону поглубже. Часы вибрации были точно известны, и по окончании очередного «вибресеанса», как они называли это, Валерий вытащил на палубу чемодан с аквалангом.

Он прикинул: в баллонах две тысячи литров воздуха, глубина здесь шесть-семь метров, значит, воздуха хватит на целый час. До следующего «вибресеанса» не менее двух часов. Впрочем, вибрация опасна только для мелкой рыбешки, а в нем, Валерии, как-никак шестьдесят девять кило. Но кто знает, какие номера может выкинуть Чертово городище. И Валерий решил принять некоторые меры предосторожности.

— Значит, так, Костя,— сказал он, закидывая за плечи баллоны и застегивая ремни.— Если через час... нет, через сорок пять минут я не вернусь, бери второй акваланг и ныряй. Захвати веревку и фонарик. Ладно?

— Добро. А если я пока наверху поплаваю в маске и с трубкой и погляжу, как ты ныряешь?

— Это можно,— согласился Валерий.

Он натянул ласты, перелез через бортовой леер и по скоб-трапу спустился к воде.

Вода была просто наслаждение после раскаленной стальной палубы «Севрюги». По чистому песчаному дну скользили веселые солнечные зайчики.

Опустившись на дно у якоря-центрального буйка, он

посмотрел вверх. В пяти метрах над ним как бы парил силуэт человека. Валерий помахал рукой — силуэт повторил движение. Значит, Костя его видит. И он спокойно, экономя воздух, поплыл над дном, поглядывая по сторонам.

Дно понижалось. У Валерия заложило уши. Он сделал глотательное движение — уши освободились. Посмотрел наверх — силуэт Федотова был еле виден. Ладно, пойдем глубже по уклону дна.

Яма, в которую спустился Валерий, упиралась в край крутого подводного холма — очевидно, это начиналась сама банка. Из песка причудливо торчали плиты ноздреватого песчаника. Валерий медленно плыл вдоль подводного увала, посвечивая фонариком в темные дыры, зиявшие в его склоне, — старые кратеры грязевого вулкана.

«Вот оно, значит, Чертово городище. Да, не очень-то приятное местечко», — подумал Валерий и вдруг остановился.

Из наклонной стены увала торчало длинное сигарообразное металлическое тело, наполовину скрытое в дыре кратера. Оно имело метра три в диаметре и сильно суживалось к концу.

«Привет! — подумал Валерий. — Подводная лодка... Откуда она здесь взялась? И как ухитрилась залезть в эту мышеловку? Что-то ни руля, ни винтов не видать в корме — если это корма. Странная подлодка. А может, не наша?»

Валерию стало не по себе при этой мысли. Надо поскорее всплыть и немедленно сообщить по радио, вызвать пограничников...

И все же он медлил. Слегка пошевеливая ластами, висел над лодкой, вглядываясь в черную щель между ее корпусом и стенками кратера. Так и тянуло ползть в щель, осмотреть лодку получше. Валерий взглянул на манометр. Воздуха еще много, минут на сорок. А, была не была!

И, включив ручной фонарик, он решительно полез в щель.

Обдало глубинным застоявшимся холодом. Валерий потрогал корпус лодки, ладонь скользнула по гладкому полированному металлу. Прижавшись баллонами к стенке щели, он посветил вперед. Странно, странно: ни одного сварного шва, не говоря уж о заклепках.

Он полез дальше. Щель кончилась, и Валерий оказался в подводной пещере. В свете фонарика он видел веретенообразное тело лодки. Должно быть, это «малютка», не больше пятнадцати метров в длину. Ну-ка, пройдем дальше, к носу — если это нос... Стоп! Дверца! Валерий тщательно осмотрел тонкий стык хорошо пригнанной овальной дверцы. Опять-таки странно: насколько ему известно, у подводных лодок боковых дверей не бывает, люк находится наверху, в рубке. Но тут никакого намека на рубку — гладкое веретено. Новая какая-то конструкция. Но винты и рули ведь должны быть — хоть с одного конца?.. Неужели их срезало вибрацией?

Валерий пробрался к «носу» лодки и убедился, что и там нет ни рулей, ни винтов. Гладкий корпус с одной только овальной тонкой щелью дверцы на боку.

Он несколько раз прикладывался ухом к корпусу — внутри слышались неясные шорохи. Или, может, в ушах шумит кровь?

Вдруг Валерий вспомнил, что под водой время идет незаметно. Он взглянул на манометр — и ощутил мгновенный холодок страха: воздуха оставалось только на обратный путь.

Только спокойно! Скорее назад!.. Только вот фонарик прицепить к поясу, чтобы не мешал. Но когда он снимал с руки петлю фонарика, она выскользнула, и фонарик ушел вниз. Валерий погнался было за светлячком, погружающимся в бездонный колодец, снова почувствовал, что заложило уши, и ему по-настоящему стало страшно.

Сильно загребая руками и отталкиваясь ластами, он рванулся вверх. Ударился головой в потолок пещеры. Кромешная тьма обступила его. Где-то там, наверху, сияние дня, «Севрюга», товарищи, а здесь тьма и гибель...

Воздух кончился. Легкие судорожно старались втянуть воздух, но вдох не получался. Черная тьма — и нет воздуха. Но без вдоха нельзя!.. Вырвать загубник изо рта, чтобы втянуть в легкие хоть что-нибудь, хоть воду, — втянуть и умереть...

Он ощутил грудью гладкий металл. Лодка! Там люди, они дышат, у них воздух!

Из последних сил он вырвал из ножен нож и отчаянно застучал рукояткой по металлу.

Металл вдруг подался, и тут же Валерия с силой втянуло внутрь лодки и сзади со стуком захлопнулась дверь.

Глава вторая

УР, СЫН ШАМА И КАА

Добрый корабль Скидбладнир.
Верно, много нужно было колдовско-
го умения, чтобы сделать такой.

Младшая Эдда

Он вырвал изо рта загубник и сделал судорожный вдох. Со стоном выдохнул, снова глотнул воздух. Воздух был свеж и прохладен. Прислонившись баллонами к стене, Валерий часто и жадно дышал, приходя в себя и освобождаясь от удушья. Когда дыхание успокоилось, он стянул маску.

Видимо, он находился в шлюзовом отсеке. Вода, доходявшая почти до пояса, бесшумно убывала, и, когда обнажился пол, что-то сдвинулось в стене, и Валерий увидел овальный проем, мягко освещенный розоватым светом. Он шагнул через комингс и оказался в узком отсеке — втором тамбуре. Отсек был пуст. Ни лампы, ни плафона. Откуда же свет?..

Дверь пошла вбок, как в вагоне, только беззвучно, и Валерий, шлепая мокрыми ластами, вошел в небольшое помещение, залитое тем же розовым бестеневым светом. Прямо перед ним стоял человек необычной внешности.

Это был рослый парень примерно одних с Валерием лет. На нем были не то трусы, не то плавки. Крепкий торс перекрещивали две широкие синие ленты, расходившиеся к плечам на манер латинского «V». Поперек груди шла третья лента. Вся эта сбруя, как мысленно определил Валерий, была снабжена множеством карманчиков с хитрыми застежками. Темные волнистые волосы, схваченные белым обручем, падали почти до плеч. Смуглое лицо с толстыми губами и носом с горбинкой окаймляла короткая кудрявая бородка. Его карие глаза в ободке черных ресниц скользнули по Валерию и изумленно уставились на ласты. С выражением какого-то детского любопытства подводник указал пальцем на ласты и произнес фразу на непонятном языке, со множеством гласных и звонких звуков.

— Чего? — обалдело переспросил Валерий.

Незнакомец открыл в улыбке плотные белые зубы, шагнул вперед и погладил Валерия по плечу. Тот неволь-

но отшатнулся. Черт его знает, что за птица. Вырядился не по-человеческому, бороду отрастил, а стыд еле прикрыт. В лице определенно что-то восточное. Неужели иранец?

— Кто вы такой? — спросил Валерий сырым голосом и прокашлялся. — Ху ар ю? — повторил он по-английски.

Незнакомец, все так же ясно улыбаясь, сделал еще шаг и вдруг потерял щекой о щеку Валерия. Валерий отскочил.

— Чего дурака валяешь? — сердито крикнул он.

Незнакомец радостно закивал головой. Потом ткнул себя длинным пальцем в грудь и сказал:

— Ур.

«Ну и имя!» — подумал Валерий. Он повторил жест незнакомца и сказал:

— Валерий.

— Ва-ре-ли, — отчетливо произнес Ур.

— Да нет. Ва-ле-рий.

— Данет Валери...

— «Да нет» — не надо, просто Валерий.

Ур решительно подытожил затянувшееся объяснение:

— Данет.

«Пес с тобой, — подумал Валерий, — пускай я буду Данет. Как же, милый человек, выбраться отсюда да и тебя прихватить?..»

Ур что-то говорил на непонятном языке, а Валерий тем временем лихорадочно соображал, как же быть дальше. Прежде всего, разумеется, надо вытащить подводную лодку из каверны.

Только сначала напиться бы...

Сложив руку горстью, он поднес ее ко рту и сделал несколько движений губами.

Ур закивал, отодвинул стенную панель и достал нечто вроде велосипедного насоса. Поднеся его ко рту, он нажал ручку. Из насоса выдавилась толстая колбаса зеленоватой пасты, которую Ур подхватил губами и с видимым удовольствием съел. Затем он протянул насос Валерию.

— Концентрат, — сказал Валерий. — Пища космонавтов. Да мне не есть, а пить хочется.

Он не взял насос и опять поднес горсть ко рту.

На лице Ура отразилось недоумение. Он снова протянул насос, проговорив нечто, судя по интонациям, весьма

убедительное. Валерий нерешительно поднес насос ко рту. Паста была прохладна и очень вкусна, но вкус был совершенно незнакомым. Оказалось, что паста хорошо утоляет и голод и жажду.

Вытянув руку ладонью вверх, он стал рисовать на ней указательным пальцем другой руки.

Ур оказался сообразительным. Он живо схватил Валерия за локоть и подвел к наклонной доске с рукоятками и приборами — странными приборами без цифровых шкал и стрелок.

«Пульт управления», — подумал Валерий.

Ур что-то тронул, в левой части доски отскочила крышка. В углублении пульта Валерий увидел два ролика, между которыми тянулась широкая нежно-голубая лента. Рядом в продолговатом гнезде лежало несколько тонких цветных стержней. Валерий взял один из них, попробовал на голубой полосе — пишет.

Тогда он быстро нарисовал в разрезе море, подводную банку, пещеру и застрявшую в ней лодку Ура. Ур жарко дышал ему в плечо и кивал: понял, значит. На поверхности моря Валерий нарисовал «Северюгу». Ур просительно посмотрел на него.

— Катер, — объяснил Валерий. — Мотобот. Понимаешь?

Нет, Ур явно не понимал. Он взял другой стержень и, продвинув ленту на роликах, нарисовал свою лодку, разворачивающуюся в подводной пещере носом к отверстию, а затем развел руками с беспомощным видом. Еще несколько эскизов и жестов — и Валерий понял, что вернуться в тесной пещере лодка не может, а заднего хода почему-то нет.

Валерий еще продвинул ленту. Это была не бумага, а очень тонкая, но плотная пленка. Стержни не писали на ней, а, казалось, выжигали цветные следы. Интересная новинка...

Серией эскизов Валерий изобразил, как с катера на шлюпке подают трос, ныряют, зацепляют за корму лодки и вытаскивают ее из щели. Затем для большей доходчивости он отцепил от пояса веревку, привязал ее к ручке кресла и подергал.

Ур кивал и, нарисовав торчащую из отверстия кормовую часть, показал, что трос можно зацепить за выступ под кормой.

Так, обмениваясь рисунками, они обошлись без языка и, похоже, сумели договориться. Но как связаться с экипажем «Севрюги»? Там, должно быть, уже началась тревога, ведь по времени ребята знают, что запас воздуха у Валерия кончился...

Ур внимательно осмотрел оборудование Валерия — баллоны, гофрированный шланг, легочный автомат, пояс с грузами, но, кажется, ничего не понял. Он взял загубник, болтавшийся на шланге на груди Валерия, поднес его ко рту и заговорил. Свободной рукой он показал на катер, нарисованный Валерием, потом на свое ухо.

— Думаешь, это рация? — Валерий жестами дал понять, что подводник ошибается.

Тогда Ур сел в кресло перед пультом. Он выдвинул из ручки кресла длинный стержень с шариком на конце, поднес ко рту и заговорил. И сейчас же лодку затрясло мелкой дрожью. Стоило Уру сделать паузу — дрожь прекращалась. В квадратном окошечке прибора опаловое свечение меняло интенсивность, следуя голосу Ура.

«Вот где источник ультразвука», — подумал Валерий.

Ур встал с кресла и жестом пригласил Валерия. Тот сел, нерешительно взял стержень с шариком и громко сказал: «А!»

Лодку тряхнуло. Ур развел руками и что-то сказал. Очевидно, вибрация была для него самого непонятным явлением.

— Пусть трясет, — сказал Валерий вслух. — На «Севрюге» почувствуют. — И, приблизив рот к шарiku, однотонно завыл, воспроизводя сигнал вызова, повторяя звук «А» коротко или длинно, по азбуке Морзе. Он знал, что там, на «Севрюге», на ленте самописца ползет запись, понятная радисту. — А-а-а, а-ааа-ааа-а, а-а-ааа-ааа-ааа-ааа, а-а-а-ааа-ааа! — вырабатывал он позывные «Севрюги» — «СП23».

Дважды он повторил морзянкой обращение к Косте Федотову, объясняя, как найти корму лодки и как завести трос. От непрерывного выгья у Валерия пересохло во рту, пришлось освежиться зеленой пастой. Теперь оставалось ждать.

Внутренняя дверь тихо отворилась, из глубины лодки появился пожилой длиннородый человек. Голова его была повязана белой косынкой, длинные концы ее свисали над левым плечом. На нем была белая накидка, дохо-

дившая до пола и оставлявшая открытой смуглую мускулистую руку с медным кольцом на предплечье.

— Шам,— указал Ур на длиннорядого и погладил его по плечу.

«Странные имена»,— подумал Валерий.

Величественный Шам вышел. Вскоре он вернулся, ведя за руку немолодую, но статную женщину в длинной белой одежде. Женщина на подводной лодке!

— Каа,— сказал Ур, взял ее руку и приложил к своей щеке.

Она подошла к Валерию, улыбнулась и материнским жестом погладила его по голове.

Ур нарисовал на ленте мужчину и женщину в длинных одеждах, держащих за руки ребенка. Показав на ребенка, он ткнул себя в грудь.

— Значит, это твои папа и мама? — сказал Валерий.— А дядей-тетей здесь нету? Интересно, семейная подводная лодка!

Он поочередно поклонился родителям Ура. Те важно покивали, заговорили на незнакомом языке. Убедившись, что Валерий их не понимает, они вышли из отсека.

Медленно тянулось время.

Снаружи заскребло по корпусу лодки. Потом раздался стук. Азбука Морзе! Костя Федотов вызывал начальника экспедиции.

Ур отодвинул в одном месте стенную панель — здесь под панелью была голая стенка. Подав Валерию инструмент, напоминающий разводной ключ, показал, что можно этим стучать.

Двусторонняя звуковая, а вернее, стуковая связь была установлена. Шорохи, скрежет за бортом, двадцатиминутная тишина — и наконец долгожданный рывок. Валерий и Ур еле устояли на ногах. Вытянутая из тесного отверстия лодка всплыла на поверхность и закачалась на воде. Ур вышел в шлюзовую отсек, распахнул дверь и высунулся наружу. Валерий последовал за ним. Он видел, как раздуваются ноздри Ура, вдыхая морской воздух, как блестят его глаза, перебегая с «Севрюги», покачивающейся в полукабельтове, на шлюпку у кормы подводной лодки.

Ур захлопнул дверцу и жестом пригласил Валерия в отсек управления. Сев в кресло, он повернул ручку, и переборка перед пультом превратилась в экран, на котором

Валерий увидел море, «Севрюгу» и шлюпку. Стали доноситься звуки — плеск воды и мягкий басок Кости, попрекавшего медлительного Володю.

Затем Ур легко провел пальцами по клавиатуре пульта. «Севрюга» вдруг начала уменьшаться и вместе с морем уходить вниз. Лодка взлетела!

Не было слышно никакого шума двигателя. Лодка бесшумно двигалась в воздухе. Должно быть, Ур проверял ее — она то поднималась на добрую тысячу метров, то стремительно шла вниз, едва не касаясь воды. Потом лодка замерла в воздухе над «Севрюгой» и наконец плавно села на воду борт о борт с катером.

Ур повернул к Валерию улыбающееся лицо и протянул кулак с оттопыренным кверху большим пальцем — первое естественное и понятное движение, — и Валерий оторопело посмотрел на палец, как бы ожидая от него новых чудес.

На борту «Севрюги» Ур приветливо поздоровался с командой, погладив каждого по плечу. Ребята хлопали глазами и робели, один только Арташес не проявил признаков смущения. Он ткнул Ура пальцем в грудь и спросил:

— Где такие подтяжечки к плавкам отхватил?

А Костя Федотов жарко прошептал Валерию в ухо:

— Ну и рыбку ты выловил! Это же типичный шпион!

— Вот что, — распорядился Валерий. — Не спускай с него глаз и не давай уйти на лодку. А я свяжусь с институтом.

— Есть! — сказал Костя голосом, исполненным решимости.

Валерий кликнул Арташеса и пошел в радиорубку. Ур, с детским любопытством разглядывавший шпиль — устройство на носу катера для выбора якорной цепи, — последовал за ними. Костя Федотов шел за ним шаг в шаг, готовый в любую минуту закрутить «шпиону» руки за спину.

Арташес включил рацию и вызвал портовую радиостанцию, через которую шла связь с Институтом физики моря. Ур не проявил особого интереса к радиоаппаратуре. Постоял немного, почесал одной ногой другую и вышел на верхнюю палубу. Стальная палуба была горя-

чей от полуденного солнца, ходить по ней можно было только в тапочках, но Ур преспокойно шагал босиком.

Он спустился в моторный отсек. Удивленно воззрился на дизель, обошел его, осмотрел со всех сторон, даже понюхал.

— Дизеля, что ли, никогда не видел? — усмехнулся Ткачев.

— Притворяется, — свистящим шепотом произнес Костя.

— Может, притворяется, — лениво согласился Ткачев.

Он показал Уру учебный плакат «Работа четырехтактного двигателя», висевший на переборке. Ур смотрел на плакат внимательно, но, похоже, ничего не понимал. Ткачев, указав на картинку «всасывание», для наглядности громко втянул воздух. Потом, закрыв рот и раздувая щеки, изобразил сжатие, потом с шумом выдохнул, покрутив при этом рукой. По лицу Ура было видно, что он пытается вникнуть столь же добросовестно, сколь и безуспешно.

Сверху в люк заглянул озабоченный Валерий и знаком попросил Ура подняться на верхнюю палубу.

Только что у Валерия был трудный разговор с директором института. Вера Федоровна вначале не поверила его сбивчивому докладу и принялась было отчитывать за фантазерство, но потом, уловив отчаянные нотки в голосе Валерия, долго выясняла подробности. Она звонила куда-то, а Валерий ждал, томясь и ковыряя краску на серой панели аппаратуры. Наконец директриса отдала распоряжения: прежде всего установить, не вооружены ли чужеземцы, затем постараться выведать, какие они имеют при себе документы, и любыми средствами, за исключением прямого насилия, продержать их на «Северюге» до подхода катеров морпогранохраны.

Теперь Валерий, притащив из каюты пачку книжечек и бумажек, показал их Уру, жестами спрашивая, нет ли у него таких же или похожих бумаг. Тут были паспорт Валерия, читательский билет научно-технической библиотеки, «Право вождения парусных судов с парусностью до 30 квадратных метров» и даже завалявшийся приглашенный билет на конференцию по вопросам очистки городской бухты от плавающих пленок нефтепродуктов. Ур осмотрел и перелистал все это, но заинтересовался

только фотокарточкой Ани в купальнике, случайно оказавшейся среди документов. Он разглядывал ее неприлично долго, пока Валерий, потеряв терпение, не вытянул карточку из его пальцев.

Поняв наконец, чего добивается от него Валерий, Ур отрицательно покачал головой: нет у него никаких бумажек.

— Ох, и хитер! — прошептал Костя Валерию.

Он пригласил Ура обедать, проворный Арташес успел уже сварить суп-лапшу, гречневую кашу с мясом и кисель ягодный. От обеда Ур отказался. Выражение испуга мелькнуло у него в глазах, когда Арташес поставил перед ним миску с супом. Ур отпрянул, вскочил на ноги. Напрасно Валерий звал его и даже тянул за руку. Ур вышел из кубрика и направился к сходне, переброшенной с «Севрюги» на лодку.

— Ур! — позвал Валерий.

Тот оглянулся, с улыбкой произнес что-то непонятное. Валерий отчаянно жестикулировал, призывая чужеземца остаться гостем на «Севрюге». Из ответной жестикуляции Ура он понял, что тот не хочет огорчать своим отсутствием родителей. Валерий попытался было втолковать Уру, чтобы он и родителей забрал сюда, на «Севрюгу», но этого Ур не понял. Пока они переговаривались таким образом, Костя перешел к активным боевым действиям. За спиной Ура он, как бы невзначай, толкнул сходню, и та, соскользнув с корпуса лодки, повисла на канатах. При этом сходня гулко ударилась о борт «Севрюги». Ур живо обернулся на звук удара. Посмотрел на Костю, чье напряженное лицо и фигура таили угрозу. Оживленно-простодушное выражение мигом слетело с лица Ура. Несколько секунд он испытующе смотрел на Костю, потом шагнул к борту и, нисколько не помедлив, не примерившись даже, легко прыгнул на свою лодку, а до нее было в тот момент не менее четырех метров.

Валерию показалось, что Ур, глядя на него с корпуса лодки, иронически усмехнулся. И эта ирония послужила толчком к поступку, которому Валерий потом и сам дивился. Он отрывисто бросил Косте:

— Свяжись с погранохраной, доложи все, что увидишь!

Разбежавшись, сколько позволяла ширина палубы, он с силой оттолкнулся и прыгнул. У самого борта лодки

он, чуть не долетев, плюхнулся в воду. Откуда-то в руках Ура появился гибкий шест, он протянул его Валерию. Тот ухватился за шест, и Ур мигом вытянул его на округлую «спину» лодки. Некоторое время они смотрели друг на друга выжидающе, не то чтобы враждебно, но — готовясь противостоять неожиданностям. Потом Ур указал Валерию на дверь в корпусе. Дверь отворилась, Ур ловко скользнул внутрь. Валерий, внутренне содрогнувшись от собственного безрассудства, последовал за ним.

Глава третья

«ВЫ УЧЕНЫЕ, ВЫ И РАЗБИРАЙТЕСЬ»

Я его узнал по большим круглым глазам, по трем рядам зубов, по его рогам и хвосту и синему дыму, вырывающемуся из ноздрей. Чего хочет от меня это исчадие ада?

Т. Смоллет, Приключения Перигрина Пикля

Лодка летела с небольшой скоростью над морем. Ни компаса, ни других знакомых Валерию навигационных приборов на пульте управления не было. Только по экрану медленно скользила полоска света, — должно быть, указатель курса.

Стоя у переборки скрестив руки, Валерий смотрел на вздрагивающую полоску, на синюю морскую равнину, на заросший черными завитками затылок Ура, покойно сидевшего в кресле перед пультом. Куда он летит? Откуда он и какое задание выполняет? И что за странный у него экипаж?

Тревога жгла Валерия. Мелькнула мысль: а не наброситься ли на этого пилота-подводника, появившегося будто из смутных сновидений, — да, не наброситься ли на него сзади, сорвать эти дурацкие подтяжки и прикрутить его подтяжками к креслу? А что потом? Он, Валерий, не имеет ни малейшего представления о том, как следует управлять этим диковинным кораблем, все здесь ново, непривычно, непонятно... Да и удастся ли скрутить?.. Уж скорее он, Валерий, окажется скрученным, а потом выйдет прямо из стены иностранный майор — выйдет с на-

глой улыбкой, попыхивая сигарой, развалится в кресле и начнет допрос. Ну, не на такого напал! Из него, Валерия, никаких сведений не выудишь. Да и выуживать, строго говоря, нечего... «Во всяком случае, я вам не дам-ся», — с вызовом подумал Валерий.

По положению солнца, клонившегося к закату, он определил, что лодка летит на северо-запад. Определил ли это и Костя, сообщил ли курс пограничникам? Конечно, сообщил.

Из соседнего помещения вышел длиннородый Шам. Величественно кивнул Валерию и тоже встал за спиной Ура, глядя на море, колыхавшееся на экране. Валерий неприязненно смотрел на резкий горбоносый профиль Шама, на грубый браслет, охвативший его предплечье. Сколько ему? Пятьдесят с лишним? «Папочка под стать сыночку», — подумал он, — тоже ненормальный, — и тут вдруг вспомнил об Ане: «ненормальный» — это было ее любимое слово. — Посмотрела бы ты, Аня, сейчас на меня — как я лечу черт знает в чем и черт знает с кем, а главное — черт знает куда. А если мне не суждено тебя больше увидеть, Аня, то не поминай лихом... и очень жаль, что у нас не сложились отношения. А все потому, что тебе нравится, чтобы возле тебя крутилось не меньше десятка научных сотрудников, предпочтительно старших, а я пока младший. Ну что ж, Аня, прощай...»

И до того стало Валерию жаль самого себя, что на глаза навернулись слезы.

Шам сказал что-то Уру, а когда тот, судя по тону, возразил, Шам повысил голос, настаивая на своем. И Ур склонил голову в знак послушания. Занятый наблюдением за ними, Валерий не сразу заметил, что на экране теперь плывет земля.

То был низкий песчаный берег, тут и там в пятнах бурых кустиков верблюжьей колючки. Потом слева потянулась гряда пологих холмов, за ней — белая извилистая лента дороги, рощица низкорослых деревьев, зеленый разлив виноградников.

Лодка теперь летела очень медленно, едва ли не со скоростью пешехода. Шам кликнул жену, та поспешно вошла, обмотанная белым покрывалом, и оба они уставились на экран, то и дело обмениваясь какими-то замечаниями.

«Что же это за места?» — лихорадочно соображал

Валерий. Похоже, выскочили к побережью чуть южнее Приморска... Э, да он изменяет курс! На посадку, что ли, заходит? Может, здесь кто-то должен их встретить? И Валерию мгновенно представилось, как из кустов к приземлившемуся кораблю выходит некто с циничным лицом, с бесшумным пистолетом в кармане и ампулой с цианистым калием, зашитой в уголке воротничка.

Лодка зависла в воздухе и по вертикали пошла вниз. Легкий толчок. Хоть это хорошо, промелькнуло у Валерия в голове: на своей территории сели, не за границей. Он направился к двери, но Ур придержал его за локоть. Валерий тотчас вырвал руку, насторожился. И тут же ему стало неловко: ну конечно, старших надо пропустить первыми...

Шам, а за ним Каа вышли из отсека в тамбур, а оттуда спустились по трапу на землю. За ними спустился Валерий, последним выпрыгнул Ур. Осмотрелись. Ландшафт был полупустынный. Скучные редкие кустики эфемеров покрывали сухую землю. Неподалеку, у подножия невысокой горы, белела каменная осыпь, и оттуда вытекал, слабо журча, родник. Вода, прозрачная и даже на взгляд холодная, прыгала по обломкам известняка, тут и там образуя крошечные водопады и заполняя старинную водопойную колоду, выдолбленную в камне. Переливаясь через край, вода уходила в негустые заросли камыша.

Шам, а за ним и все остальные двинулись к роднику. Было жарко. Валерий, изнывая от зноя, ругал себя за то, что пустился в погоню, не прикрыв головы, в одних плавках.

Шам, подойдя к колоде, погрузил в прозрачную воду руки, а потом и лицо. Он напился, умылся и вытер лицо и бороду полой своего одеяния. Засмеялся гортанно и что-то сказал жене. Каа тоже напилась, потом оба скинули сандалии, вымыли ноги и сели рядышком на камень. Они удовлетворенно жмурились, и Шам коротко обратился к Уру. Тот нерешительно подступил к колоде и некоторое время всматривался в свое отражение, потом осторожно потрогал воду пальцем.

«Бойтся, что отравленная?» — подумал Валерий, наблюдая за ним. А может, он не шпион, а пришелец? Гм, пришелец... Лодка у него чудная, но все же — не космический корабль. Тюбики с пастой тоже не обязательно из

рациона космонавтов. Да и родители его совершенно земные, похожие на кого угодно — на бедуинов, туарегов или на кого там еще, но только не на пришельцев из неведомых миров...

Валерий шагнул к колоде и напился, плеснул водой себе в лицо, облился с головы до ног. Взглянув на Ура, увидел, что тот смотрит на него с неистовым любопытством. Шам сказал что-то, а Каа засмеялась, и тогда Ур решился наконец. Вытянув губы трубочкой, он сделал первый глоток. Поднял голову, подумал, словно прислушиваясь к току воды по пищеводу, потом наклонился и стал пить вздохом с возрастающей жадностью.

— Хватит пить,— сказал Валерий с испугом,— лопнешь.

Ур звучно глотал, чмокал. И только после окрика своего строгого родителя он оторвался от воды.

— О-о,— выдохнул он изумленно.— О-о-о!

Тут слышались лай и блеяние. Из-за нагромождения скал выбежали две большие широколобые собаки, каких в этих местах называют «алабаш». Увидев незнакомых людей, псы остановились, свирепо рыча. Ур смотрел на них с опаской. А Шам вдруг встал и медленно пошел к собакам, улыбаясь и негромко говоря что-то на странном своем языке. Валерий знал, что здешние пастушьи собаки отличаются бешеным нравом. Он подскочил к Шаму и дернул за край одежды:

— Стойте! Они разорвут вас!

Шам резко взмахнул рукой — не мешай, мол, отвяжись. Псы залились яростным лаем, один из них припал на задние лапы, готовясь к прыжку, но Шам продолжал медленно приближаться и бормотать. И странное дело — грозные алабаши притихли, их рычание перешло на низкие ноты и прекратилось вовсе. Шам без страха потрепал по загривку одного, потом другого — псы, непривычные к таким нежностям, шурились почти кротко, если бы только это слово «кротость» хоть как-нибудь вязалось с их видом.

Из-за скалы высыпала отара овец — плотно сбитая масса пыльной шерсти, гнутых рожек и тонких ножек. Впереди, покачивая огромным курдюком и роняя на ходу шарики, трусил большерогий баран с вылинявшей красной тряпчочкой на шее. За отарой, помахивая длинным посохом, шел пожилой пастух. На нем были венгерские

брюки из шёршавой ткани букле, заправленные в толстые вязанные шерстяные носки, именуемые в здешних местах «джораб». Клетчатая рубаша, остроносые веревочные лапти-чарыхи, незаменимые в горах, и мохнатая папаха довершали его наряд.

— Салам алейкум,— степенно сказал пастух, обращаясь к старшему Шаму и подавая ему руку. Потом посмотрел на блестящую под солнцем лодку и спросил: — Самолет, ракет? Вынуждены посадка?

— Да, вынужденная посадка,— сказал Валерий. — Отсюда далеко до райцентра?

— Зачем далеко? Там... — Пастух махнул рукой в сторону гор. — Еще близко — наше село.

— А телефон у вас в селе есть?

— Правлени колхоза есть. С тобой иностранни турист, да? Хинд, Мисир?¹

— Иностранцы,— подтвердил Валерий.

Увидев, что пастух удивленно смотрит на что-то за его спиной, Валерий обернулся. Шам и Каа, войдя в гущу столпившихся у водопоя овец, стояли на коленях, обнимали и целовали глупые овечьи морды. Валерия поразило выражение лиц Шама и его жены — умиленное, разнеженное, счастливое.

— С ума посходили! — проворчал Валерий.

Ур, казалось, тоже с удивлением смотрел на родителей. Если только они действительно были его родителями...

«Как бы добраться до телефона, не упустив моих «подопечных»? — размышлял Валерий. — Им ведь ничего не стоит залезть в свою посудину — и поминай как звали».

Быстро нарастающий гул заставил его вскинуть голову. Со стороны моря шли два самолета. Прошив голубизну неба длинным белым стежком инверсионного следа, они промчались и скрылись из виду. «Наверное, перехватчики», — подумал Валерий и совсем приуныл, не зная, как теперь быть.

Но все решилось неожиданно просто. Шам не пожелал расстаться с овцами. Сказав что-то Уру, он поспешил за уходящей отарой. Каа послушно засемила следом. Ур, напившись еще раз воды, двинулся за ними, да же не взглянув на лодку.

¹ Х и н д, М и с и р (азерб.) — Индия, Египет.

Валерий шел рядом с Уром. Камешки и колючки впились в его непривычные к босому хождению пятки, солнце палило голову и плечи, и надо было бдительно смотреть под ноги, чтобы не наступить на следы уходящей в облаке пыли отары.

«Почему именно я влип в эту паршивую историю? — огорченно думал Валерий. — Почему, ну почему я такой невезучий?»

Звонить в погранохрану пришлось сложным путем. Слышно было плохо, Валерий орал во весь голос, пот лил с него горячими ручьями. Докричался наконец. Далекий голос подтвердил, что все понял, и велел Валерию быть неотлучно при иностранцах, пока не приедут за ними.

«Иностранцы» ни о чем, как видно, не подозревали. Они вели себя странно, и, если бы не Ур с его летающей лодкой, Валерий подумал бы, что вот пришли гости из соседнего колхоза обменяться опытом летнего содержания овечьего стада.

Во дворе правления под развесистым тутовым деревом вокруг Шама и Каа собралась группка колхозников. В центре группы мекал черный упитанный баран. Шам осматривал его, шупал, что-то говорил, жестикулируя. Колхозники отвечали ему на своем языке и тоже жестикулировали, и было видно, что здесь уже установилось взаимопонимание.

— Этот человек очень хорошо барашку знает, — сказал Валерию председатель колхоза, дородный мужчина с седыми усами и печальными глазами, полуприкрытыми морщинистыми веками. И добавил: — Исключительно умный человек.

— Точно, — подтвердил Валерий, чувствуя себя неловко в одних плавках и понимая, что мало похож на гида, сопровождающего иностранных туристов. — Знаете что? — сказал он неожиданно для самого себя. — Мы там купались и... понимаете, вся одежда в машине осталась, а ее...

— Украли? — хитро прищурился председатель.

— Нет... Машина должна сюда прийти за нами. Но пока что... Может, найдется у вас что-нибудь — рубашка, брюки...

— Почему не найдется? — Председатель закурил болгарскую сигарету. — Эти люди откуда приехали? Алжир, да?

— Нет... Вернее, да... в общем, из тех мест.

— Тунис? — Председатель, как видно, был расположен к обстоятельному разговору.

— Из Центральноафриканской республики, — сказал Валерий скороговоркой. — Президент с женой и сыном.

Председатель поцокал языком и сказал с мягкой, отеческой укоризной:

— Такой молодой, а уже так много врешь. Ты думал, я поверю, да? Ты думал, я газеты не читаю? Если бы африканский президент приехал, газета бы написала, мне из района товарищ Гуламов позвонил бы. Зачем надо врать? Ай-яй-яй.

— Извините, — сказал Валерий, покраснев от стыда. — Это я пошутил так... неудачно... — Он наклонился к председателю и прошептал: — Понимаете, за нами должны приехать, и нужно, чтобы эти люди... в общем, задержать их нужно.

— Это я и без тебя понял. — Председатель кликнул шустрого паренька и велел принести что-нибудь из одежды для Валерия. — Ты не беспокойся, — сказал он, поглаживая усы. — Пока плов сделаем, пока кушать будем, эти люди никуда не уйдут. Этот человек очень барашку любит.

Приготовления к пиршеству уже шли полным ходом. Шам принял деятельное участие в свеживании зарезанного барана. Каа помогала женщинам мыть рис, крошить лук.

Ур стоял у ворот и пытался разговориться с маленькой дочкой председателя. Та, смущенная необычным видом собеседника, слегка отвернулась от него и, теребя черную косу, то и дело прыскала в ладошку. Увидев зажженный во дворе огонь, Ур тотчас позабыл о девушке. Широко раскрыв глаза, смотрел, как пламя охватило сухие сучья, перебегая с ветки на ветку, и как они, занимаясь, выстреливали золотые искры. Присев на корточки, Ур осторожно протянул руку к огню — ближе, ближе — и вдруг резко отдернул руку.

— Данет! — позвал он, положив пальцы в рот.

— Что, обжегся? — сказал, подойдя к нему, Валерий. — Ты бы еще голову сунул в огонь.

Ур что-то говорил, показывая на костер, на темнеющее небо.

— Да, да,— покивал Валерий.— Хочешь сказать, что впервые увидел такую занятную игрушку, да? А вот папочка твой не притворяется, что не видел раньше огня. Если он действительно твой папочка... Хотел бы я знать, кто ты такой и откуда прилетел,— добавил он задумчиво.

Потом, когда поспел плов, гости и хозяева уселись на разостланном тут же, во дворе, паласе — жестком поло-сатом ковре,— и каждый получил пиалу с пловом. Ур нерешительно покрутил пиалу в руках, отставил ее и извлек из кармана своих широких подтяжек трубочку с пастой. Но Каа, сидевшая рядом, вдруг рассердилась — она выхватила у него трубочку и отбросила в темные кусты у ограды да еще шлепнула Ура по руке и прикрикнула, как на вредного малыша. И Ур покорно взял пиалу. Посмотрев, как едят другие, он погрузил пальцы в горячий, пропитанный жиром рис и отправил горсть в рот. Как видно, ему понравилось. Он набил полный рот кусками баранины — и подавился. Каа колотила его по спине, пока он не выплюнул непрожеванное мясо. Шам строго сказал что-то и показал, как надо жевать.

Все засмеялись, глядя, как здорового парня учат жевать мясо. Валерий тоже покатывался, уж очень смешно это выглядело. Ур старательно жевал, до отказа опуская нижнюю челюсть, и глотал по команде Шама, и вскоре дело пошло на лад.

На большом черном подносе из лакированной жести, расписанном розами, принесли белый виноград, сладчайший и нежный сорт аг-шааны, как сразу определил Валерий. Шам принялся учить Ура есть виноград: он запустил себе в рот целую кисть и вытащил ее обратно голый, умело задержав ягоды зубами.

— Вот дает! — засмеялся Валерий, обрывая со своей кисти ягодку за ягодкой.

А председатель, шуря глаза, наставительно сказал: — Он правильно кушает. Виноград не арбуз.

После ужина подали крепко заваренный чай в маленьких пузатых стаканчиках. Но Шам и его жена посмотрели на чай с недоумением и не стали пить. Знаками они попросили воды, им принесли кувшин с водой и чашки. Ур тоже, конечно, накинудся на воду, вливал в себя

чашку за чашкой — и тут во двор правления въехали черная «Волга» и «газик».

Валерий вскочил и, путаясь в широких штанах — старых штанах председателя, — поспешил к вышедшим из «Волги» людям.

— Исходя из всего этого, — сказал Андрей Иванович, хлопнув ладонью по папке, — делаем вывод, что они не входят в сферу нашей компетенции. Не наше, в общем, дело. — Он вытер платком лысую голову. — Вы ученые. вы и разбирайтесь.

В кабинете председателя колхоза было жарко. Вентилятор гудел на столе, слегка подпрыгивая и как бы намереваясь взлететь, но прохлады от него не было никакой. Валерий сидел в углу, возле выцветшего переходящего знамени, приставленного к стене, и сонно моргал, глядя на Андрея Ивановича. По привычке, привитой чтением детективов, Валерий мысленно называл его майором, хотя Андрей Иванович был в штатском.

Ну вот, думал Валерий, целую неделю разбирались, экспертов повезли целый взвод, а теперь — «не наша компетенция». Пусть наука разбирается. А что наука? Ну, произвели антропометрическое обследование Ура (насколько он разрешил), уточнили, что никаких отличий от *homo sapiens* у него не имеется. Расовые признаки выражены неясно, язык не похож ни на один из ныне существующих, поведение — странная смесь дикарского любопытства, непритворного незнания многих обиходных предметов и понятий и умения управлять техникой небывалого вида и качества.

Правда, запись насчет небывалой техники была сделана только со слов Валерия, потому что летающую лодку обследовать не удалось. Лодка исчезла в тот самый вечер, когда в колхоз по вызову Валерия приехал Андрей Иванович со своими людьми. У родника — там, где приземлилась лодка, — ее не оказалось. Поиски продолжались несколько дней, пограничники прочесали всю прилегающую местность. Исчезновение лодки было тем более удивительно, что Ур безотлучно находился в селении и, следовательно, никак не мог поднять ее в воздух. Нарисованные Валерием картинки с изображением лодки, то взлетающей, то проваливающейся под землю, Ур разгля-

дывал молча и молча же отдавал. Не понимал, что ли? Валерий терялся в догадках. Может, там, в лодке, был еще кто-то затаившийся, который и улетел после ухода ее экипажа?

«А была ли лодка?» — спросил один из экспертов, вызванных Андреем Ивановичем. Это был Пиреев, представитель высоких научных сфер, Валерий не раз видел его на всевозможных совещаниях. Спросил Пиреев мягко, без ехидства, но Валерий надулся. «Не обижайтесь, Горбачевский,— тихо продолжал Пиреев, отечески глядя на Валерия сквозь голубоватые выпуклые линзы очков,— не обижайтесь, мы вам верим, но видите ли, какая штука,— не могла же лодка взлететь сама по себе. А молодежь нынче весьма склонна к фантазиям, в которые сама же и верит...»

Пиреев взял слово сразу после Андрея Ивановича.

— Очень приятно, Андрей Иванович, что вы доверяете нам, ученым, столь деликатное дело,— говорил он в своей мягкой, приветливой манере, чуть шепелявя.— Непознаваемых явлений, как известно, нет, и можно не сомневаться, что мы разгадаем загадку этого трио. Должен, однако, признаться, что космическая версия, предложенная нашим юным другом Горбачевским, повергает меня в сильнейшее смущение. Прошу понять правильно — я допускаю возможность инопланетного разума, поскольку на этот счет имеются положительные высказывания компетентных товарищей. Но эти трое, согласитесь, Андрей Иванович, никак не укладываются в наше представление о так называемых пришельцах. Когда я смотрю на этого... гм... Шама, я просто не могу поверить, что он имеет какое-либо отношение к космическому перелету, к иной цивилизации. Передо мной типичный землянин. Я бы сказал — прирожденный скотовод. Непонятный язык, на котором он говорит, не есть доказательство принадлежности к внеземной форме разума...

— Максим Исидорович,— перебил его Андрей Иванович,— Горбачевский, насколько я понял, и не говорит о Шаме ничего подобного. Верно, Горбачевский?

— Да.— Валерий прокашлялся.— Не говорю. Ур, по моему, инопланетник, он высадился на своей лодке с космического корабля, который остался на орбите или, может, улетел дальше. А пожилых он прихватил где-то на Земле. Где-нибудь в Азии, скажем. Мало ли на планете

плохо изученных племен? Вон я на днях читал, что на Филиппинах обнаружили племя, живущее в каменном веке, они ходят голые и...

— Нагота, дорогой мой,— это не показательно,— улыбнулся Пиреев.— Шам и его почтенная супруга обмотаны одеждой, а ваш Ур ходит полуголый, тем не менее вы же сами относите пожилых к малоразвитому племени, а этого... гм... Ура — к внеземной цивилизации. Но не в этом дело. Сомнения мои распространяются и на Ура. Трудно предположить, чтобы где-то за тридевять парсеков существовала форма разумной жизни, в точности похожая на нашу. Ур — земной человек. Кроме того, не стоит скидывать со счетов то, что он очень похож на Шама. И они, это же видно, относятся к Уру как к сыну. Разве не так?

— Похоже, что так,— сказал Валерий.— А может, и нет. В общем, я ведь не утверждаю, а предполагаю...

— Конечно, будь у нас в руках таинственная лодка, о которой вы нам поведали, тогда мы смогли бы добавить к предположениям нечто более весомое. К сожалению, лодки нет, и где она, неизвестно. Кстати: чудеса в управлении этим аппаратом, о которых вы нам рассказывали, не столь уж сильно поражают воображение. На нынешнем уровне науки и техники такой аппарат может быть создан уже сейчас и заброшен с экспериментальной или иной целью. Несомненно, он управляется дистанционно. Вы не согласны?

— Н-не знаю,— пробормотал Валерий.— Я не в курсе последних новинок...

— Конечно, вы и не можете быть в курсе, это не входит в тематику вашего института.

— Вы сказали — с экспериментальной или иной целью,— спросил Пиреева Андрей Иванович.— Как это понимать?

— А это уже по вашей части, дорогой Андрей Иванович,— улыбнулся Пиреев.— Я хочу сказать: не поторопились ли вы вывести дело за сферу своей компетенции?

Андрей Иванович наклонил лысую голову и пожевал губами, раздумывая. На лбу его собрались морщины. Вентилятор на столе гудел на отчаянно высокой ноте.

Один из участников совещания, сухопарый седоватый человек с удивленно вздернутой правой бровью, сказал:

— Я думаю, было бы правильнее не относить наших

пришельцев непременно к какой-нибудь сфере, а понаблюдать за ними некоторое время. Хорошо бы — в естественных условиях.

— Что значит — в естественных условиях? — спросил Пиреев.

— Пусть живут, где им нравится...

— И делают, что хотят, да? Ну, так же нельзя, дорогой Лев Семенович. Они подстерегут вас, к примеру, в вашем же подъезде и всадят вам в спину нож. Куда годится такая бесконтрольность?

— Странная у вас манера шутить, Максим Исидорович. — Сухопарый человек нервно двинул рукой, опрокинув чернильницу на столе председателя. Хорошо, что чернильница была пуста. — Я не говорю о полной бесконтрольности. Ну, вот, скажем, Шаму, как мы видим, нравится здесь, в колхозе, он хорошо разбирается в животноводстве. Почему бы ему с женой не пожить здесь некоторое время? Его поведение было бы у всех на виду.

— Допустим. А как быть с этим... гм... Уром?

Лев Семенович пожал плечами и посмотрел на часы.

— Ну, так, — сказал Андрей Иванович после долгого раздумья. — Вы тут, Максим Исидорович, серьезные доводы привели. Все же повторю: нет у нас оснований поддерживать этих людей. А вы, пожалуйста, ими займитесь. Я с профессором Рыбаковым согласен, — кивнул он Льву Семеновичу, — понаблюдать надо. Шам, как я понимаю, никуда от овец не захочет уйти, вот и пусть поживет здесь. Пусть работает, как обыкновенный колхозник. Об этом можно будет договориться. Что касается Ура... — Он посмотрел на Валерия: — Вы как будто нашли с ним общий язык, Валерий Сергеевич. Вчера, я смотрел, вы шли с ним на пруд купаться, как два закадычных друга, любо-дорого.

Валерий выжидательно смотрел на Андрея Ивановича, вытянув шею и часто моргая белесыми ресницами. К чему это клонит «майор»?

— Так вот. Было бы неплохо, если б вы над ним еще малость пошефствовали. — У Андрея Ивановича возникло на лице добродушное выражение. — Может, он пожил бы у вас дома, а? В естественных условиях, как тут говорили.

— Да что вы, Андрей Иванович, это никак невозможно! — вскинулся Валерий. — Я у тетки живу, как она на

это посмотрит... Да и не хочется мне... Это ведь такая...— Он чуть было не сказал «обуза», но поправился: — Ответственность такая...

— Ты его нашел, ты и шефствуй,— усмехнулся Андрей Иванович, перейдя вдруг на «ты».— Сам же утверждаешь, что он прилетел с Марса или откуда там еще. Вот и подтверди. Для науки выявишь важный факт, диссертацию напишешь, чего доброго.

— У меня другая тема,— проворчал Валерий.

— Скажешь тетке, что к тебе иностранный специалист прикреплен на некоторое время. Сколько у вас комнат? Две? Ну, разместитесь. Или категорически возражаешь?

— Ладно,— не сразу ответил Валерий.— Попробовать можно... Только времени для «шефства» будет не очень-то. Я уйду на работу, а он один дома останется. Тетка тоже работает...

— Это верно. Командировку бы надо тебе оформить. Максим Исидорович, нельзя ли дать указание в их институт, чтобы Горбачевского командировали, скажем, для выполнения спецзадания?

— Отчего ж нельзя? Пришлите мне соответствующую бумагу, и я дам указание.

— Вот и ладно. Пока на месяц, а там видно будет. Зарплату пусть переводят Горбачевскому на домашний адрес. Так? Теперь возьми-ка ручку, Валерий Сергеевич, и пиши.— Он протянул Валерию свой служебный блокнот, раскрытый на чистой странице.— Пиши: «Я, такой-то, должность, место работы»...

Пока Валерий писал, заботясь о том, чтобы почерк отражал сильный, но открытый характер в соответствии с прочтенной недавно статьей в популярном журнале, Андрей Иванович достал из портфеля пачку денег.

— Посчитай,— сказал он.— Пиши дальше: «Получил столько-то — сумму прописью — на специальные расходы». Подпиши. Значит, так: приодень их по-человечески, остальное — на содержание Ура. Документального отчета у тебя не потребую, но прошу зря не швыряться. Договорились? Вообще-то надо бы это по науке провести, да слишком у вас сложно с деньгами. Контакт, Валерий, будешь держать с профессором Рыбаковым, так? Спасибо, товарищи, за проделанную работу. Само собой, прошу эту историю не разглашать. Ни к чему нам сенсации...

...На животноводческой ферме, в старой глинобитной пристройке, отведенной Шаму с женой для временного жилья, Валерий застал одну только Каа. Она рубила ножом кусок жирной баранины на доске. Рядом были разложены свежие виноградные листья.

Валерий спросил, где Ур. Из ответа Каа он понял, что Ур пошел за водой к колодцу. Про Шама Валерий не стал спрашивать: знал, что тот с утра уходит с отарой на пастбище.

Снаружи донеслись голоса, девичий смех. Валерий выглянул и увидел Ура. Он разговаривал с председателевой дочкой, мешая русские и азербайджанские слова со своими, непонятными. «До чего быстро схватывает разговорную речь!» — подумал Валерий. Девушка, потупясь, теребила черную косу и время от времени прыскала. Ур вдруг обернулся, будто почувствовав, как взгляд Валерия уперся в его широкую загорелую спину.

— Данет! — воскликнул он радостно. — Я иди. Привет!

Председателева дочка упорхнула. Ур вошел в калитку, неся два ведра воды. Поставив ведра у двери, в тени тутового дерева, он тут же начал пить кружку за кружкой, пока мать не прикрикнула на него. Валерий принялся втолковывать ему, что здесь, в деревне, мало интересного, лучше переехать в город, где Ур мог бы пожить у него. Ур все понял быстро, даже не пришлось ничего рисовать в его записной книжке.

— Город, — сказал он и погладил Валерия по плечу. — Ур иди город. Данет — хорошо!

Труднее было добиться от Ура согласия сменить одежду на городскую: не везти же его в город в плавках с подтяжками. Все же он уговорил Ура и повел его вместе с Каа в сельмаг.

Помещался сельмаг в приземистом каменном строении розового цвета. Серые и темно-синие пиджаки свешивались с потолка, а среди них ярким взрывом слепила глаза алая нижняя юбка из тончайшего орлона. Ниже громоздились на полках пирамиды консервных банок, коробки папирос «Казбек», скромные пачки кофейного напитка «Желудь», печенье, сахар, филе атлантической трески, пыльные бутылки вермута. Под развешенными по углам цветастыми головными платками стояли лопаты.

Каа пришла в необычайное возбуждение. Она все трогала и шупала под неодобрительным взглядом продавца и что-то быстро говорила Уру, показывая на алую юбку. Валерий пытался переключить ее внимание на ситцевые платья, но Каа и слушать не хотела. Напрасно продавец и местные покупательницы, показывая жестами, объясняли, что юбка эта — товар ненужный, потому что надевать ее можно только под платье, так, чтобы никто не видел ее огненной красоты, — Каа твердо стояла на своем. Она обрушилась на продавца с гневной речью и даже показала ему кукиш. Продавец вспылил и обругал Каа. Дело шло к рукопашной схватке. Валерий едва уговорил обоих. Для Каа ему пришлось купить эту импортную юбку, и только тогда она сразу успокоилась.

Потом были куплены для Ура нейлоновая рубашка и синие джинсы, а также кеды 44-го размера, белые с синим. От носков Ур категорически отказался. Еще Валерий купил для Шама клетчатую рубашу и хлопчатобумажные брюки в полоску.

Отъезду предшествовало прощальное чаепитие.

Неподалеку от родника стояла огромная старая чинара, что называется, в три обхвата; в ее широкой тени, как под навесом, располагалась колхозная чайхана. Тут высился, сверкая начищенными пузатыми боками и попыхивая паром, трехведерный самовар. В просторном, как иная пещера, дупле чинары помещались посуда, запасы чая, сахара и древесного угля.

Расселись на широком полосатом ковре, тут и там как бы всхолмленном от могучих корней чинары. Чайханщик, небритый толстяк, подпоясанный полотенцем, расставил на ковре синие стеклянные блюда с мелко наколотым сахаром. Тем временем его доброхотный помощник, подросток в брюках клеш с поясом, украшенным самодельной латунной пряжкой в виде двух скрещенных револьверов — следствие зарубежных детективных фильмов, — колот головку сахара топориком на наковаленке, вделанной в середину большого деревянного блюда.

Затем чайханщик, окинув посетителей опытным взглядом, приступил к раздаче чая. Тем, кто постарше, чай был подан в грушевидных стаканчиках «армуды»,

остальным — в тонких стаканах. Все пили, как принято здесь, вприкуску. Валерий наметился было бросить в свой стакан несколько кусков сахара, но тут же бдительный чайханщик вежливо, но твердо отобрал у него тонкий стакан и заменил его граненым.

— Так-то, юноша,— засмеялся Пиреев, увидевший это.— Нельзя нарушать обычай. И правильный к тому же обычай: долго ли поломать тонкий стакан, если во-зить в нем ложечкой?

— Поломать,— повторил Ур, сидевший рядом с Валерием.

— Нет лучшей посуды для чая, чем «армуды»,— продолжал Пиреев, любовно рассматривая на свет груше-видный стаканчик с крепко заваренным чаем.— Как гар-монична его форма! Этот широкий раструб наверху — в нем быстрее охлаждаются верхние слои чая. Эта узкая талия отделяет зону интенсивного охлаждения от ниж-ней, сферичной части, которая сохраняет тепло...

— Ин-тен-сивный,— повторил Ур.— Что такое, Данет?

— Термодинамическая сторона чаепития,— продол-жал Пиреев, увлекшись идеей,— разве думали о ней со-здатели примитивного стакана, отвечающего лишь про-стейшей задаче отделения жидкости от окружающего воздуха? Иное дело — «армуды». Древние мудрецы Вос-тока рассчитали его форму, чтобы обеспечить постоянст-во температуры. Вот такая штука, дорогой Горбачев-ский.

Ур все дергал Валерия за рукав, и Валерию при-шлось объяснять, что означает слово «интенсивный». Тут подъехали машины — черная «Волга» и «газик». Ур вскочил на ноги. Теперь, в джинсах и белой рубашке, в кедах, он выглядел как обыкновенный турист, путеше-ствующий по профсоюзной путевке. Порывистый, любозна-тельный турист с модной бородкой, только гитары нет. Пожалуй, лишь синие подтяжки с поперечиной на груди, просвечивавшие сквозь нейлон, придавали его облику необычность.

Ур обошел «Волгу», прислушался к тихому урчанию мотора, потом поискал, как открывается капот, и отки-нул его. Увидев трясущийся на амортизаторах мотор, он почесал одну ногу другой — и вдруг быстренько скинул джинсы.

— Эй, ты что делаешь? — Валерий поспешил к подопечному.

Ур вытащил из карманчика плавков плоскую гибкую коробочку. Это было нечто вроде блокнота, только вместо бумаги — тончайшая непрозрачная пленка, легко перематывающаяся с ролика на ролик. Пишущим стержнем Ур уверенно нарисовал или, скорее, выжег схему четырехтактного двигателя, потом указал на «Волгу» и возпросительно взглянул на Валерия. Схема в точности соответствовала учебному плакату, который показывал Уру на «Северюге» флегматичный моторист Ткачев.

«Ну и память! — подумал Валерий. — Если только он не притворяется, что никогда раньше не видел обыкновенного мотора...»

— Все правильно, — сказал он вслух. — Только не надо брюки снимать.

И он объяснил Уру, что в джинсах есть карманы. Ур заулыбался, потом переложил из карманчиков своих странных плавков в карманы брюк всякую непонятную мелочь.

Настал миг прощания. Шам, несколько утративший свой величественный вид в длинной рубашке навыпуск, простился с Уром сдержанно. Зато Каа повисла у Ура на шее и плакала в голос. Юбка, купленная давеча в сельмаге, распоротая и превращенная в платок, пламенела у нее на голове.

С некоторой опаской Ур сел рядом с Валерием на заднее сиденье «Волги». Машины тронулись.

Глава четвертая

СПЕЦКОМАНДИРОВКА

Позаботьтесь о немедленном переселении Хаузера. Бедняге необходим покой и хороший уход. Скоро вы обо мне услышите. Да хранит вас бог, господа!

Я. В а с с е р м а н, Каспар Хаузер

Был ранний вечер. Сквозь открытое окно в комнату вливался привычный шум густонаселенного двора — крикливый голос нижней соседки, галдеж мальчишек и

звуки ударов по мячу, пестрое разноголосье телевизоров, транзисторов и магнитофонов.

Ур высунулся в окно — посмотреть на футболистов. Горшки с алоэ мешали ему, он их поставил на пол. Смотрел, пока во дворе не возобновилась игра, потом отошел от окна. Он был в любимых плавках с подтяжками, босой. Его черные волосы были теперь подстрижены, белый обруч снят за ненадобностью.

— Они очень любят дерутся,— сказал Ур.

— Драться,— поправил Валерий, не поднимая головы. Он только что уселся в кресло под торшером и развернул газету.

Ур опять прилип к карте мира, висевшей на стене. Он водил по ней пальцем и бормотал:

— Мар-тиника... Барба-дос... Пернам-буко...

— Ох ты! — Валерий вдруг подскочил в кресле.— Ур, посмотри-ка, что в «вечерке» написано!

Ур взял газету, прочел медленно и монотонно:

— «Снова «летающее блюдце». Вопросительный знак. Агентство Ассошиэйтед пресс передает из Монровии: на днях жители столицы Либерии наблюдали необычное зрелище. Над городом на большой высоте медленно пролетел предмет, имевший сигарообразную форму, напоминающую старинный дирижабль. Не было слышно звука двигателей. Ярko отблескивая в лучах заходящего солнца, неопознанный летающий объект бесшумно проплыл над городом и удалился в сторону океана. Ректор местного университета заявил корреспонденту агентства, что, по его мнению, наблюдалась редкая форма оптической иллюзии, связанная со свечением облаков. Репрессии в Сеуле. Здесь продолжают аресты студентов...»

— Стоп! — перебил его Валерий.— Это уже другое. Ну, что скажешь, приятель? Сигарообразная форма, бесшумное движение. Тебе это ни о чем не напоминает?

Он в упор смотрел на Ура. Но лицо Ура, обрамленное черной бородкой, не отразило ни озабоченности, ни удивления.

— Монровия,— сказал Ур, протянув Валерию газету.— Где есть такой город?

— В Африке... Послушай, зачем ты притворяешься? Ведь это про твою лодку написано.

— Каса-бланка, Тим-букту,— бормотал Ур, водя

пальцем по Африканскому континенту.— Вот Монровия! — обрадовался он.

— Ты слышал, что я тебе сказал?

— Данет, я слышал, что ты сказал. Моя лодка.— Ур тщательно выговаривал слова.

— Ну, дальше? Почему ты замолчал? И не чеши, пожалуйста, ногу ногой. Сколько раз я говорил: это неприлично.

— Я не знаю, сколько раз. Я не считал.

— Господи! — Валерий вздохнул.

Вот уже неделя, как Ур жил у него, в старом двухэтажном доме на улице Тружеников Моря. Родителей Валерий потерял рано и жил у тетки, родной сестры матери. Тетя Соня работала зубным врачом в поликлинике. Много лет назад она осталась одна после неудачного брака и всю силу привязанности обратила на племянника. Валерий рос непутевым парнем, недоучился, бросил школу, пропадал по вечерам на бесконечных танцульках. От него частенько пахло вином, и он дерзил тетке, когда та принималась его упрекать, и она горько плакала. Просто счастье, что в институте НИИТранснефть, куда Валерий устроился на работу лаборантом, попались толковые молодые инженеры, которые взялись за парня, приохотили его к морскому спорту и вообще, как рассказывала тетя Соня сослуживцам, «повлияли на мальчика благотворно». Беспокойства хватало и теперь, когда Валерий уходил в море на яхте. Лет десять назад тетя Соня чуть с ума не сошла от тревоги: яхта попала в шторм и разбилась о камни, и больше двух недель Валерий прожил с товарищами на каком-то пустынном островке, потом пустился в опасное плавание на самодельном плоту. В общем, что говорить! Чудом мальчик уцелел, только чудом. С той поры его будто подменили: пошел учиться, окончил вечернюю школу, окончил вечернее отделение института — и вот стал младшим научным сотрудником в Институте физики моря, все пошло хорошо, настали для тети Сони спокойные дни. Впрочем, не такой у нее был характер, чтобы жить спокойно. Теперь волновало ее, что «мальчик никак не женится», а ведь уже ему двадцать семь...

Теперь вот иностранца привел в дом — тоже и от этого было у тети Сони беспокойно на сердце.

Ура Валерий представил ей как иностранного специа-

листа-практиканта, чудака и оригинала, не пожелавшего жить в гостинице. И верно, чудаковатый он был: дома ходил в плавках и босиком, воды пил безобразно много, да и имя его как-то не внушало тете Соне доверия.

— По-моему, у Барсуковых была собака по имени Ур,— громким шепотом сказала она Валерию, когда тот привел гостя.

— Урс у них был, а не Ур.

— Это все равно,— убежденно заявила она.— А какую еду ест твой оригинал?

— Шут его знает. Да ты не выкладывайся, тетя Сонь,— сказал Валерий.— Что ему дашь, то и сожрет.

— Ну и выражения у тебя, Валечка! Ведь все-таки он иностранец.

Уже на третий день эмпирическим путем тетя Соня установила, что от компота, жареной картошки и помидоров Ур никогда не отказывается. Вообще иностранец был покладистый и приветливый. Он и соседям приглянулся, особенно с той минуты, когда Барсуковым привезли холодильник и Ляля Барсукова, убедившись в нежелании шофера участвовать в выгрузке, призывала на помощь мужчин. Ур как раз торчал— под присмотром Валерия— во дворе. Он подошел к грузовику, взвалил холодильник на спину и отнес в барсуковскую квартиру. Вот силища!

Но никто не знал, каким тяжким грузом легла на плечи Валерия тайна странного гостя. Обучение языку шло хорошо и быстро, Ур схватывал все на лету. С детским любопытством Ур изучал географическую карту, перелистывал книги в книжном шкафу. Терзал Валерия непрерывными вопросами.

Хуже было на улице. Тут с Ура ни на секунду нельзя было спускать глаз. Он подолгу разглядывал встречающих женщин и улыбался им во весь рот. Он брал с прилавков уличных киосков понравившиеся предметы— яблоки, конфеты, пестрые пачки сигарет, тюбики с зубной пастой. Смысл денежного обращения был ему явно недоступен. Быстрее всего Ур научился выбирать из медных монет нужные для автоматов с газированной водой. Ни одного автомата он не пропускал. Мороженое тоже ел охотно.

Валерий все время был начеку, наставляя и предостерегая своего подопечного. Но однажды, только он отвернулся, чтобы расплатиться за банку венгерского «лечо»,

взятую Уром с прилавка ларька, как услышал громкие крики. Невысокий парень с ниткой черных усов насккивал на Ура и махал руками, задевая его по носу. Оказалось, что Ур дергал за ручку запертую дверцу стоявшего у тротуара автомобиля, пытаясь проникнуть внутрь, и тут как раз вышел из магазина владелец машины. С большим трудом удалось Валерию унять расхажившегося владельца.

Трудно, трудно приходилось Валерию. Он испытывал сильнейшее искушение позвонить по номеру, данному Андреем Ивановичем, и заявить, что больше не может, пусть кто-нибудь другой займется пришельцем. Но в то же время ему любопытно было докопаться до разгадки тайны, окружавшей Ура.

...— Значит, ты не отрицаешь, что это твоя лодка проплыла над Монровией? — сказал он, пристально глядя на Ура.

— Моя лодка,— спокойно подтвердил тот, продолжая исследовать карту.— Где город Сеул?

— Ур, мне важно знать: кто-нибудь есть в лодке?

— В лодке есть никто.

— Значит, ты сам управляешь ею, да? Но каким образом?

Ур промолчал. То ли не понял вопроса, то ли не пожелал отвечать. Вот так всегда — ускользал от ответа на вопросы, тревожившие Валерию более всего.

А может, не он управляет лодкой, а кто-то еще? Может, высадился на планете не он один, а целая орава пришельцев — в разных местах? Откуда он, черт дери, прилетел? И с какой целью? А если он не пришелец, то кто же?

Ур, морщась от табачного дыма, подошел к раскрытому окну. Уставился не то на полную луну, не то на красносиний световой призыв над недалеким универмагом: «Покупайте пылесосы!» Валерий ткнул сигарету в пепельницу и поднялся.

— Ур, не выходи, пожалуйста, во двор. Я скоро приду.

Телефон был в прихожей, за дверью комнаты, но Валерию не хотелось, чтобы Ур слышал разговор. Сбежав по скрипучей деревянной лестнице, он быстро прошел по двору, залитому светом из раскрытых окон и дверей первого этажа.

На миг Валерий поднял голову и увидел в окне своей комнаты неподвижный силуэт Ура. «Господи,— подумал он,— пришелец стоит как ни в чем не бывало у окна моей комнаты, и никто, никто не подозревает об этом чуде!» Все остается совершенно обыденным. Привычно мерцают за раскрытыми дверями экраны телевизоров, вот забили гол, и вопль восторга, одновременно исторгнутый из груди всех детей и всех мужчин, шквалом проносится по двору. В квартире Барсуковых гремит музыка,— фармацевт-пенсионер Фарбер сидит в застекленной галерее второго этажа, уткнувшись в толстенную книгу. Обычный вечер в обыкновенном старом дворе, устоявшийся быт, спокойная отрешенность от дневных забот — и этот силуэт в окне! А ведь крикни он, Валерий, что у него в комнате пришелец из неведомого мира, его бы просто подняли на смех...

Будка телефона-автомата была рядом с рыбным магазином. Валерий набрал номер и сразу услышал голос Андрея Ивановича.

— Вы читали сегодня «вечерку»?

— А что такое?

Валерий, торопясь и глотая окончания слов, рассказал о сигарообразном аппарате, пролетевшем над Монровией, и о своем предположении. Андрей Иванович выслушал, а потом сказал:

— Насколько я знаю, за этим кораблем или как там по-научному— НЛО,— установлено слежение. Как ведет себя парень?

— Осваивается. Язык уже изучил неплохо, географией увлекается. Хочу заняться с ним математикой, физикой...

— О себе по-прежнему ничего не рассказывает? Н-да... Орешек... Ладно, Валерий, что еще у тебя?

— Андрей Иванович, если бы лодку эту поймать... ну, посадить ее как-то.... очень много удалось бы узнать, понимаете?

— Над этим вопросом думают. И не только думают, но и пробуют. Лодочка очень не простая, орбита непостоянная... Ну, в общем, наука разберется, что к чему... Все у тебя? Мне звони только в особых случаях, проконсультируйся с Рыбаковым. Будь здоров.

Проходя двором, Валерий снова поднял голову и снова увидел в своем окне неподвижный силуэт на фоне кар-

ты мира, висевшей на стене. Он вошел в прихожую. Тетя Соня высунулась из кухни, поманила его пальцем, громко зашептала:

— Ой, что это с ним делается, Валечка? Я зашла сейчас в вашу комнату, а он стоит у окна, бормочет, на вопрос не ответил... Боюсь, вылезет сейчас из окна, вскарабкается на крышу, они ведь знаешь какие, лунатики...

Валерий распахнул дверь.

Напряженно выпрямившись и запрокинув голову, Ур стоял у окна, спиной к двери. Лица его Валерий не видел, но почему-то и не хотелось ему сейчас увидеть лицо Ура...

Ур внезапно отвернулся от окна. Он весь обмяк, тяжело дышал, в полуприкрытых глазах было странное выражение оцепенелости, опустошенности. Сделав два-три неверных шага, Ур нащупал край дивана и сел, обхватив голову руками.

— Тебе что, плохо? — подскочил к нему Валерий. — Ур, ты слышишь?

Но Ур не ответил, как обычно: «Данет, я слышу». Корчась от боли, он сполз с дивана на коврик. Растерянный Валерий метнулся было на кухню — принести воды, но тетя Соня опередила его. Она уже успела отсчитать двадцать пять капель Зеленина — капель, которые предпочитала всем лекарствам, — и велела Уру выпить. Было похоже, что Ур не слышал ее призывов, но вдруг, как бы прозрев, он увидел перед собой стакан, схватил его и с жадностью выпил. В следующий миг на его лице отразилось отвращение. Он обвел взглядом комнату, посмотрел на тетю Соню, на бледного Валерия и сказал:

— Плохая вода.

— Сейчас притащу хорошую!

Ур долго пил холодную воду, пока не опорожнил весь сифон с газировкой. Дыхание его стало свободным, глаза прояснились. Отставив последний стакан, он погладил Валерия по плечу и слабо улыбнулся. Так улыбается провинившийся малыш старшему брату, желая избежать наказания.

Валерий, следуя современной моде, не любил выражать свои эмоции. Он подавил внезапное желание погладить Ура по плечу. Он только сказал:

— Ничего, ничего, брат. Все будет в порядке..

...Фармацевт Фарбер, ныне пенсионер, в молодые годы был аккуратным подписчиком журналов «Нива» и «Вокруг света». Давным-давно все эти журналы с приложениями, накопившиеся за много лет, были по требованию Фарберовой жены изгнаны из квартиры и свалены на чердаке. Состарился сам Фарбер, умерла его жена, обветшали позабытые журналы. Многие из них были पुшены соседями на хозяйственные нужды в годы войны, когда было трудно с бумагой.

Но что-то все же уцелело, и Валерий, будучи подростком, открыл этот клад. Сколько волшебных часов провел он на чердаке, среди рухляди и мокрого белья! Трудолюбиво собрал он, страничка за страничкой, выпуски Жюль Верна — тут были романы, не переиздававшиеся многие десятки лет: «Маяк на краю света», «Золотой вулкан», «Братья Кип», «Два года каникул». Тут были «Эрик Светлоокый» Хаггарда, и «Затерянные в океане» Жаколио, и научно-фантастические книжки Александра Богданова, Виктора Гончарова, Зуева-Ордынца.

Из пыли и праха собрал их Валерий, сокрушаясь над зияющими дырами безвозвратно потерянных страниц. Лучше других авторов сохранился Бьёрнстjerne-Бьернсон. После некоторой тренировки Валерий научился произносить эту фамилию почти без запинки. Но слезливые герои Бьернсона ему не нравились. Он отдавал предпочтение пиратам капитана Мариэтта, морским бродягам Де-Вер Стекпула, трапперам Джеймса Оливера Кэрвуда.

Тайком от тети Соии Валерий перетаскал пыльные сокровища с чердака к себе в комнату и как умел переплел. От этих книжек и пошла его любовь к морю и к мореплавателям. Он представлял себя то капитаном Головиным, то капитаном Куком. То он видел себя на борту шлюпа «Мирный» и вместе с кем-нибудь из лазаревских офицеров делал в вахтенном журнале запись, поражающую его воображение: «...неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие поднимающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали все от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было стыдно, а самый твердый человек внутренне повторял: боже, спаси!»

Шли годы, но старые книжки детства все-таки остались с Валерием на всю жизнь.

Теперь за эти книжки принялся Ур. Читал он быстро, все подряд, то и дело задавая Валерию вопросы: что такое кабестан, что такое флибустьер, княвдигед, супер-карго?..

Но любимым чтением Ура стали атлас морей и книга Шулейкина о физике моря. Да еще газеты. Еще он облюбовал найденную на дне книжного шкафа рваную книжку двадцатых годов в желто-голубой обложке — учебник доктора Жемчужникова «Плавание и прыжки в воду». Он ее штудировал, как иной старательный студент — курс сопротивления материалов. Он ложился животом на диван и отрабатывал плавательные движения, рекомендованные доктором Жемчужниковым. Переворачивался на спину и, шумно дыша, махал руками и пинал ногами диванные подушки.

— Силен, силен, — посмеивался Валерий. — Вот станет лето — свезу тебя на пляж, посмотрим, как ты поплывешь.

— Поплыву, — самоуверенно отвечал Ур. — Главное — теоретическая подготовка.

— Подготовка, — поправлял Валерий.

Однажды осенним вечером Валерий сидел в кресле под торшером и дочитывал купленную на днях книгу Вассермана «Каспар Хаузер». Напротив него Ур устроился с ногами на диване, склонил черноволосую голову над томиком «Неведомых земель» Хенига. Быстрота, с которой он перелистывал книгу, раздражала Валерия.

— Ур, — сказал он, — ты читаешь или перелистываешь?

— Читаю. — Ур подумал немного и добавил: — А по мере прочтения перелистываю.

Валерий привстал с кресла и выхватил книгу из рук Ура.

— Если ты так быстро читаешь, то скажи, что ты прочел на этой странице.

Ур добросовестно ответил:

— «Он прошел через земли паропамисадов на закате Плеяд. Земля паропамисадов гориста и тогда так была покрыта снегом, что только с трудом можно было проходить по ней. Впрочем, множество деревень, снабженных всем, кроме масла...»

— Стой! — несколько ошарашенно сказал Валерий. — Нет, сиди, — добавил он поспешно, увидев, что Ур собирается встать. — Я хотел сказать — достаточно. А что это за земля паром... черт, не выговоришь... паропамисадов?

— Теперь она называется иначе. Горы Гиндукуш.

— Чего только не узнаешь от нечего делать! — проворчал Валерий. — Ты-то сам не из этих мест, случайно?

— Данет, я не понял. Как я могу быть случайно из этих мест?

— О господи, ну, так уж говорится... По чертам твоего лица, по привычке, сидя на диване, поджимать ноги можно подумать, что ты приходишь с Востока. Теперь понятно?

— Понятно. Те, кто сидят на диване, поджав ноги, происходят с Востока.

В сердцах Валерий кинул томик Хенига Уру на диван. Но Ур уже углубился в другую книгу. Возле него на диване много было раскидано книг, среди них и вузовские учебники математики и физики. Ур необычайно быстро освоился с математическими терминами и перелистывал страницы, испещренные уравнениями и формулами, еще быстрее, чем страницы географических или иных популярных изданий. Вот и теперь Валерий, искоса поглядывая на Ура, видел, как он небрежно листает толстый учебник высшей математики. Валерий сам давно уже собирался засесть за этот учебник, освежить в памяти кое-какие сведения, которые могли понадобиться для диссертации.

Теперь Валерий остерегался задавать Уру проверочные вопросы. Но тут Ур застрял на какой-то странице, и Валерий не без злорадства подумал: «Ага, голубчик, сел на мель».

— Что, на трудное место наскочил?

Ур прочел:

— «Легко видеть, что если мы введем величину, названную Вейлем контрвариантной тензорной плотностью первого ранга, то получим...»

— Непонятно, да? — сказал Валерий почти радостно.

— Непонятно, — подтвердил Ур. — Кто такой Вейль?

— Математик, — твердо сказал Валерий. Он был убежден, что в этой книге не упоминаются артисты и спортсмены.

— Современный?

— Не могу же я все помнить. Сейчас посмотрим.

Валерий вытащил из шкафа том энциклопедии. Между немецким этнографом Карлом Вейле и французским историком Жоржем Вейлем он обнаружил принстонского математика, автора одной из неудачных теорий единого поля Германа Вейля.

— На, читай.

Ур быстро пробежал небольшую статью о Вейле и отложил том.

— Он выбрал самый трудный путь. Непонятно почему. Эту контрвариантную плотность проще применить вот так...

В руках Ура оказался его роликовый блокнот. Он набросал несколько строк уравнений и показал Валерию.

— Знаешь, я в этом не очень разбираюсь,— честно сказал тот.— Я ведь не математик, а гидролог...

— Но ведь это так просто.

— Для тебя, может, и просто. Хочешь, я приглашу кого-нибудь из настоящих математиков?

— Данет, я не хочу,— сказал Ур.— То, что здесь называется математикой, я знаю.

— Значит, ты по специальности математик?

— У меня нет специальности.

— Как это? — спросил Валерий, а сам подумал: «Так я тебе и поверил!»

Ур молча взялся за газеты.

«Поговорили! — подумал Валерий с чувством неясной обиды.— До чего односторонняя коммуникация: я, как справочное бюро, на все вопросы отвечаю, а он о себе молчок. «У меня нет специальности!» Что-то втираешь ты мне очки, приятель. Н-да, пожалуй, мне потруднее приходится, чем опекунам Каспара Хаузера. Тот и сам не знал, кто он такой и откуда взялся, а этот... этот все знает, но не хочет говорить».

Вдруг ему пришло в голову: а может, Каспар Хаузер был инопланетным пришельцем? И его убийцы — тоже, только из другой планетной системы...

Валерий был многолетним искушенным читателем научной фантастики, и теперь перед его мысленным взором стал раскручиваться такой сюжет, что впору хватать карандаш и бумагу...

Он вздрогнул от телефонного звонка, раздавшегося

за дверь. Протянув руку к трубке, подумал: вот сейчас металлический голос потребует к телефону герцога звездного герцогства Фомальгаут, известного на Земле под именем Ур...

— Валера, ты? — прозвенел в трубке оживленный высокий голосок. — Приветик.

— Привет, — ответил он и прокашлялся.

— Что-то давно тебя не видно в институте.

— Да, понимаешь, неожиданно вытолкнули в отпуск...

— Ой, бедненький, каким жалобным голосом ты сказал! — засмеялась Аня. — Знаю, знаю, кто-то говорил, что тебя к иностранному специалисту приставили. И не отпуск у тебя вовсе, а спецкомандировка. Растешь, Валера!

«Ну вот, — подумал Валерий, — уже слухи пошли. Попробуй хоть что-нибудь сохранить в тайне...»

— А как ты с ним объясняешься? Ведь по-английски ты не очень, — продолжала болтать Аня. — Он молодой или старый? Хотя я уже знаю, Нинка его видела, ты с ним стоял на Большой Морской у автомата с газировкой.

— Раз ты все знаешь, чего ж спрашиваешь? Слушай, Аня, расскажи лучше, что в институте нового?

— Да ничего! Нонну назначили руководителем группы...

— Вот как, — сказал Валерий, неприятно удивленный. — Что, не нашли никого другого?

— И она уже поцапалась с Грушиным. Тут всю лабораторию, можно сказать, кинули на помощь одному важному диссертанту, а Нонна отказалась. Ой, что было! Петя рассказывал, Грушин прыгал до потолка, чуть наружу не вылетел. — Аня хихикнула.

— Ясно, — сказал Валерий сухо. — Уж если Петя рассказывал, значит, так оно и было.

— А Петя, между прочим, купил «Запорожец».

— Видишь, сколько новостей. А говоришь — ничего нового.

— Разве это новости? Ничего особенного. Ты что вечером делаешь, Валера? В кино не хочешь сходить?

— А ты поезжай на «Запорожце»...

— Ну-у, Валера, как тебе не стыдно! Вот не ожидала!

Столько было в ее голосе ласковой укоризны, что Ва-

лерий смягчился. Ему хотелось поскорее увидеть Аню. Ах, хорошо бы рассказать ей все, облегчить душу, свалить тяжкое бремя тайны!.. Нельзя, нельзя. Уж если есть человек, менее всего пригодный для посвящения в тайну, то это, конечно, Аня...

— Извини,— сказал он.— А какое кино?

— В клубе моряков идет «Фальшивая Изабелла». Говорят — ничего.

— «Паршивая Изабелла»? — не расслышал он.

— «Фальшивая»! — Аня засмеялась.— Так пойдем?

«Черт, как быть? — подумал Валерий.— Уйти, оставив Ура дома, опасно: мало ли что может сотворить этот типчик. Пойти вместе с ним? Мешать будет. Хочется с Аней побыть вдвоем...»

— Алло, ты слышишь? Я уж подумала, что разъединили. Так бери своего иностранца, и пойдем.

— Ладно,— сказал Валерий.

На «Фальшивую Изабеллу» не попали. На фильм про индейцев, сделанный в ГДР, тоже не попали. Всюду были толпы, всюду висели аншлаги.

Ур выглядел несколько растерянным в вечерних скопищах у кинотеатров. Он стоял с Аней у афишной тумбы, с любопытством озираясь. Валерий после очередной неудачной попытки достать билеты выбрался из толпы и подошел к ним.

— Валера,— сказала Аня, хихикая,— Ур такой остроумный! Представь, спрашивает сейчас: «А что такое кино?» С таким серьезным видом спрашивает — ну просто умора!

— Чем смеяться, взяла бы и объяснила,— проворчал Валерий, вызвав новый взрыв смеха.

Аня была очень хороша — загорелая, белокурая, в замшевой курточке и кожаной юбке. Глазки у Ани были слегка подведены зеленым, ресницы подкрашены и вроде бы наставлены, на розовых щечках, когда она смеялась, возникали ямочки. Приятно было смотреть на Аню.

В кинотеатре «Дружба» шла пустяковая комедия.

— По-моему, мы ее видели,— сказал Валерий,— но убей меня бог, если я помню содержание.

— А там и не было содержания,— пропела Аня, взяв Валерию под руку.— Двое глупых влюбленных беспре-

рывно ссорятся на фоне велосипедных гонок. Неужели не помнишь? Ты еще сказал потом, что все-таки надо делать фильмы с расчетом не на ихтиозавра, а хотя бы на среднего интеллигента.

Валерию стало приятно, что Аня запомнила его выражение. Он приободрился. Это ничего, что они не попали в кино. Вот он идет под ручку с Аней, да, да, она избрала его среди многочисленных воздыхателей, и пусть встречные мужчины поглядывают на нее, и пусть толстячок Петенька колесит на своем «Запорожце»,— он, Валерий, плевать хотел на «Запорожец».

— Данет, я читал в энциклопедии, что ихтиозавры жили сто миллионов лет назад,— сказал Ур.— Тогда люди еще не жили. Почему ты говоришь, что фильмы делают для ихтиозавров?

Аня засмеялась.

— Ой, помрешь! Это ж надо уметь — острить с таким серьезным видом! Ур, вы из какой страны приехали?

— Это не имеет значения,— поспешно вмешался Валерий.— Вот автомат. Ур, хочешь водички выпить?

— Хочу,— сказал Ур и вытащил из кармана горсть трехкопеечных монет, которыми его исправно снабжал Валерий.

Он пил стакан за стаканом.

— Знаешь, на кого он похож? — шепнула Аня Валерию.— Ты видел рисунки Эффеля «Сотворение человека»? Вот он похож на эффелевского Адама.

— Не нахожу. Эй, Ур, хватит пить. Лопнешь.

Ур озабоченно пощупал свой живот.

— Нет, не лопну,— сказал он и налил еще стакан.

Он пил, с удивлением глядя на смеющихся Аню и Валерию.

Вскоре они вышли к новому зданию цирка, зазывно сверкающему огнями. И тут им вдруг повезло: в кассе начали распродажу билетов, оставшихся от брони, и Валерий подоспел вовремя.

Ах, цирк! Вы входите в кольцевое фойе и вдыхаете полузабытые горожанами запахи конского пота и навоза, смешанные с запахами опилок, парфюмерии и любительской колбасы из буфета. И неповторимый аромат цирка, и само это фойе, которое своим названием, происшедшим от французского слова «жаровня», напоминает о тех временах, когда озябшие зрители в антрактах гре-

ли руки над горящими углями в специальной комнатке,— все это наводит вас на мысль о древности и вечности искусства.

Вы покупаете программу с удивительной, по-цирково-яркой обложкой и вчитываетесь в звонкий набор старых терминов — эквилибр-баланс, антиподисты, иллюзионисты, волтижеры... А потом грянет бурный марш, волшебное вспыхнут в вышине софиты, и возникнет на арене монументальная фигура шпрыхсталмейстера (переименованного ныне, увы, в «инспектора манежа»). Он подносит к строгим устам микрофон, и в цирке воцаряется тишина...

Если вы по натуре скептик и все знаете наперед, то лучше не ходите в цирк: он покажется вам примитивным. Чтобы получить от цирка удовольствие, надо полностью ему отдаться. И тогда вы насладитесь его яркой грубоватой зрелищностью и получите кучу положительных эмоций, без которых, как утверждает медицина, нечего и думать о мало-мальски приличном здоровье.

Ах, это было великолепно!

Ур смотрел на арену с жадным любопытством. Он громко охал и замирал от ужаса, когда там, под куполом, прекрасное человеческое тело в сверкающем блестящем костюме как бы кидалось в пропасть. И он восторженно вскрикивал, когда руки артистки в точном соответствии с законами динамики и кинематики уверенно встречали пущенную рукой партнера перекладину встречной трапеции. Он подбадривал джигитов такими неистовыми криками, что шарахались кони, а зрители вскакивали с мест, чтобы посмотреть на него. В паузах, когда два коверных принимались устраивать друг другу традиционные пакости и клоун, получив пинок, пролетал едва ли не через весь манеж, Ур хохотал, подпрыгивая на сиденье, и в его смехе сквозила жестокая насмешка над потерпевшим — так, вероятно, хохотали в своих роскошных цирках древние римляне, когда звери терзали первых христиан.

Валерий тоже наслаждался зрелищем, но, будучи человеком современным, не позволял себе, конечно, столь бурно проявлять эмоции. Он с интересом поглядывал на Ура. Было нечто первобытное в горбоносом профиле пришельца, в его толстых губах, то раздираемых воплем восторга, то приоткрытых стоном страха. «Да какой он, к

черту, пришелец? — думал Валерий. — Такая непосредственность и эмоциональность пристали скорее любителю петушинных боев из развивающейся страны, чем водителю необыкновенного, поражающего воображение корабля». Земной, земной человек сидел рядом с Валерием и оглушительно бил в ладоши. Такой же земной, как его родители, кинувшиеся обнимать овец...

Группа лилипутов показывала иллюзионный аттракцион. Над холодильником «Орск» жарили яичницу, плыл по цирку аппетитный запах, свидетельствующий о том, что обмана нет. Ур опять колотил в ладоши, радовался, как ребенок.

— Знаешь, как это делается? — сказал ему Валерий. — Под крышкой холодильника — петля индуктора тэвэче, и скворода нагревается в поле высокой частоты. Слышишь, Ур?

— Данет, я слышу.

И он продолжал восторженно хлопать. Валерий презрительно скривил губы. Нет, все-таки он дикарь. Дикарь, которого неведомые учителя неведомо зачем натаскали в математике и обучили управлять летающим кораблем...

— А тебе надо все непременно объяснять, — метнула Аня в Валерия сердитый взгляд. — Человек радуется эффектному зрелищу, а ты ему зудишь на ухо, как ненормальный. Токи высокой частоты...

Тут лилипуты стали раздавать зрителям в первых рядах электрические лампочки и люминесцентные трубки, которые сразу начинали светиться. Ур тоже протянул руку, и лилипут вручил ему трубку. Трубка розово засветилась, Ур взвыл от восторга.

Валерий не удержался от комментария:

— Под ковром по барьеру разложен кабель тэвэче...

Лилипут услышал это, грустным внимательным взглядом посмотрел на Валерия и на Ура. Он был пожилой, этот маленький человек, личико в тонкой сеточке морщин, черные волосы аккуратно зачесаны, и одет он был весьма тщательно: строгий черный костюм, черный галстук-бабочка, лакированные туфельки.

Ур широко улыбнулся лилипуту и отдал трубку обратно. Тот принял с легким кивком и отошел.

После представления, выйдя из цирка, постояли немного, любуясь панорамой вечернего города. Огни,

огни, мириады теплых огней; сбегая вниз, к морю, они обрывались чернотой бухты.

Аня теперь держала Ура под руку и оживленно болтала, а Ур стоял, напряженно выпрямившись, неподвижный, не похожий на того дикаря, который еще полчаса назад оглушительно аплодировал и орал нечто восторженное.

— Вы как будто окаменели,— сказала Аня, прервав рассказ о том, как в прошлом году у них был японец-практикант, потрясший институтскую общественность своей необыкновенной вежливостью.— Ур, вы слышите? Почему вы на меня не смотрите?

— Аня, я слышу,— ответил Ур, переступив ногами, обутыми в кеды большого размера.— Я не смотрю на вас потому, что Данет не позволяет мне смотреть на женщин. Это неприлично.

— Господи, что ты мелешь! — с досадой воскликнул Валерий.

— Ой, не могу! — хохотала Аня.— Вот же остряк!

А Ур, недоумевая, переводил взгляд с одного на другую.

Дома Валерий быстро помылся, выпил стакан простокваши (привычка, привитая тетей Соней) и растянулся на тахте под прохладной простыней. Ур тоже лег на свой диван. Сквозь открытое окно в темную комнату проник вкрадчивый лунный свет. С улицы донеслось громыханье позднего автобуса. Потом во дворе начался ежевечерний кошачий концерт. Было слышно, как нижняя соседка ворча высунулась из окна и плеснула в котлов водой.

У Валерия было дурное настроение. Со дна души поднималось глухое раздражение против Ура, испортившего вечер. Правда, бывали у него с Аней размолвки и раньше, когда они ходили куда-нибудь вдвоем. Уж очень она привлекала мужское внимание. И она только смеялась, когда Валерий принимался настаивать на своем исключительном праве быть рядом с ней. Она смеялась и, не думая оправдываться, строила ему глазки, и Валерий оскорбленно умолкал. Несколько раз он давал себе слово, что перестанет встречаться с Аней, всё, конечно, надоели эти качели. Но потом Аня звонила ему как ни в

чем не бывало, и Валерий таял от ее ласкового голоса, как брикет с мороженым в теплой руке, и снова мчался к условленному месту встречи.

Теперь еще Ур, неотесанная дубина, встрял между ними. «Ах, какой остроумный иностранец!» — мысленно передразнил он Аню. — Знала бы ты, Анюта, откуда взялся этот «остряк»... Да и мне не мешало бы узнать наконец...»

— Данет, — позвал Ур, — ты спишь?

«И голос у него какой-то гулкий, — неприязненно подумал Валерий. — Как из пустой бочки...»

— Почти сплю, — ответил он.

Ур секунды две-три размышлял, потом снова подал голос:

— Если бы ты спал, ты бы не ответил. Значит, не спишь. Данет, все люди работают, я тоже хочу работать.

— Что? — удивился Валерий. — Где ты хочешь работать?

— Хочу работать там, где ты.

— А ты представляешь, чем занимается Институт физики моря?

— Этот институт занимается физикой моря.

— Верно, верно, нетрудно догадаться. А конкретно? Какие вопросы физики моря тебя интересуют?

— Возникновение в море электричества, — сразу ответил Ур.

— А раньше... до того, как ты сюда прилетел, ты занимался этой проблемой?

— Нет.

— Почему же она тебя вдруг заинтересовала?

— Я не занимался, но это не значит, что я не интересовался.

«Черт бы побрал твою тупую манеру употреблять слова в их наиточнейших значениях!» — подумал Валерий.

— Послушай, Ур, — сказал он, помолчав, — почему ты не хочешь рассказать, где ты родился и вырос? Откуда ты прилетел?

— Я родился на корабле, — не сразу ответил Ур.

— Ну, ну, дальше. На каком корабле?

— На большом корабле. Я вырос в таких местах, где нет свободной воды. Я прилетел оттуда.

Ответив таким образом на все вопросы, он умолк,

предоставив Валерию ломать голову над новой загадкой. Что еще за большой корабль? И что за места, где «нет свободной воды»? Уж не происходит ли он из какого-нибудь племени, кочующего по пустыне Сахаре или Атакаме? Может, он из аргентинской пампы? Этакий реликтовый полудикий патагонец или арауканец, которого для чего-то обучили высшей математике...

Тут он вспомнил, как нерешительно подступил Ур к роднику и потрогал льющуюся воду пальцем — как человек, никогда не видевший прежде обыкновенной воды... И с какой жадностью он пил тогда... Да и теперь — с не меньшей...

— Данет,— сказал Ур,— завтра пойдем на твою работу.

— Как бы не так! Тебя могли бы, пожалуй, принять лаборантом, если бы ты представил хоть какие-нибудь документы.

— Но ведь я человек. А все люди работают.

— Ты человек без паспорта.

— Тогда дай мне паспорт. Я хочу работать.

— Я не выдаю паспортов. И вообще — поступить на работу не так просто. Надо написать заявление на вакантную должность, представить документы в отдел кадров... ну, и так далее... Поздно уже,— добавил Валерий сонным голосом.— Давай спать.

— Давай,— согласился Ур.— А завтра пойдем на работу.

Глава пятая

УР НАЧИНАЕТ РАБОТАТЬ

— Ваша диссертация! Так вы пишете диссертацию? — вскричал изумленный д'Артаньян.

А. Дюма, Три мушкетера

В кабинет Веры Федоровны вошли начальник отдела Грушин и Нонна Селезнева, недавно назначенная руководителем группы. Вера Федоровна подняла глаза от бумаг. Закурила длинную тонкую сигарету, близоруко прищурившись, окинула быстрым взглядом Нонну, как всегда, тщательно одетую и гладко, без затей, причесанную.

Матово-бледное красивое лицо Нонны хранило обычное замкнутое выражение. «И верно говорят про нее: ходячая статуя»,— вскользь подумала директриса.

— Вот, Вера Федоровна,— сказал Грушин, садясь на стул и сразу схватив с директорского стола пластмассовую подставочку для авторучки,— привел к вам эту строптивую особу. Воспитывайте ее сами.

— Что же это вы, Леонид Петрович, с бабой справиться не можете? — произнесла Вера Федоровна своим густым контральто.

— Да разве это, извините, баба? — вскричал Грушин, привычный к тому, что директриса не любит стеснять себя в выборе выражений.— Если б Нонна на меня не обиделась, я сказал бы, что это баба-яга!

— На такой вздор, Леонид Петрович,— спокойно сказала Нонна,— я не обижаюсь.

— Вам все вздор,— закричал Грушин,— никакой управы над собой знать не хотите!

— Тихо, тихо,— сказала директриса.— Не надо нервничать.

— Да как же, Вера Федоровна! — Грушин устремил на нее взгляд, исполненный преданности.— Вы же сами распорядились заняться пиреевской диссертацией. Я почти все подготовил, справочного материала дал группе— горы, горы, но я не могу сладить с ее упрямством. Она отказывается выполнять работу.

— Да, отказываюсь,— бесстрастно подтвердила Нонна, глядя директрисе прямо в глаза.— Тема диссертации имеет к нашей тематике лишь косвенное отношение. Это раз. У нас своя тематика идет напряженно. Людей не хватает, вот Горбачевского в какую-то спецкомандировку отправили без моего ведома. Это два. И, наконец, третье, самое главное: просто не хочу делать для кого бы то ни было диссертацию. Пиреев хочет стать доктором наук — прекрасно, пусть трудится над диссертацией сам.

— Видели? Вот так она и мне твердит! — вскричал Грушин.— Заладила: не хочу и не хочу! — От быстрых взмахов он подскочил и даже слегка задержался в воздухе.

— Сядьте, Леонид Петрович, вы ветер поднимаете,— сказала Вера Федоровна, бросив сигарету в набитую окурками пепельницу.— В общем-то, Нонна, я с вами совершенно согласна: нехорошо писать диссертацию за дя-

дю. Но прошу вас учесть, в какой степени зависит от Пиреева утверждение нашей тематики. Кстати, и тема о течениях прошла с трудом, ее бы зарубили, если б не доброе отношение Пиреева... Что вы на меня устались? — У Веры Федоровны на переносице образовалась сердитая складка. — Вот и Леонид Петрович возражал против этой темы.

— Я и сейчас, Вера Федоровна, продолжаю считать, что океанские течения — тема для головного института, а не для нашего, — сказал Грушин. — С нас вполне хватит каспийских.

— Я этого не считаю, — холодно произнесла Нонна, — но позволю себе напомнить, Вера Федоровна, что эту тему предложили нашему отделу вы сами.

— Да, предложила. И повторяю: нам бы ее не утвердили, если бы не поддержка Пиреева. Повторить еще раз?

— Не надо. Я поняла. Пиреев помог нам в утверждении темы, мы обязаны помочь ему с диссертацией.

— Во-от, — Вера Федоровна благосклонно наставила на Нонну палец. — Наконец-то речь не мальчика, но мужа. Именно помочь. Мы не пишем диссертацию за Пиреева, мы оказываем ему помощь в оформлении графического и текстового материала. Ясно?

— Прекрасная формулировка, — сказала Нонна. — Что ж, пусть диссертант представит материалы, я согласна отредактировать текст и дам ребятам вычертить графики.

Вера Федоровна побарабанила пальцами по настольному стеклу — в наступившей тишине этот звук прозвучал зловеще. Нонна сидела прямо, вскинув темноволосую голову.

«Ну, сейчас будет шторм», — подумал Грушин.

— Леонид Петрович, — обратилась к нему директриса, — прошу вас, не крутите подставку, в глазах мелькает. Вы можете предложить эту работу другой группе?

— Нет, Вера Федоровна. Группа Каневского в экспедиции, у Абдулова другая тематика. Только группа Селезневой.

— В таком случае, Нонна, придется сделать работу.

— Дайте письменное распоряжение.

Грушин не узнавал сегодня грозную директрису. Любого сотрудника, который осмелился бы перечить ей так,

как перечила Нонна, Вера Федоровна просто вышвырнула бы из кабинета.

— Слушайте, Нонна,— тихо сказала директриса.— Вот у меня лежит ваша докладная. Я намерена дать ей ход: понимаю, что для завершения темы нужна экспедиция в Атлантику. Это трудно, но, может, я добьюсь. Но если вы не окажете помощь,— она подчеркнула интонацией последние слова,— не окажете помощь Пирееву, то тут я не гарантирую, что экспедиция состоится.

Нонна молчала.

— Тема у Пиреева, насколько я знаю, раскидистая — вопросы формы Земли, кривизна морской поверхности — словом, высшая геодезия. Тут действительно горы материала. Все это у нас есть. Валяйте, Нонна, валяйте. Прощу вас.

Нонна в раздумье провела мизинцем по гладкому лбу.

— Хорошо,— сухо сказала она.— Исполню вашу просьбу. Но дайте мне толкового расчетчика. Придется много считать.

Она уже шла к двери, когда Вера Федоровна окликнула ее:

— Пойдите! Чуть не забыла: с завтрашнего дня выйдет на работу Горбачевский. И прибудет какой-то практикант-иностранец. Из какой он страны, я так и не поняла, ну да ладно, все равно. Русским он как будто владеет, так что суньте ему последние отчеты по Каспию, пусть сидит в уголке и читает.

За два месяца «спецкомандировки» Валерий изрядно соскучился по привычному институтскому распорядку, по друзьям-товарищам, по спорам о футболе, космосе и судьбах человечества. Соскучился по нешумным очередям в техническом архиве, по толстым справочникам с закладками, по хлестким картинкам комсомольской стенгазеты — по всему пестрому комплексу, который и называется хорошим словом «работа».

Ранним декабрьским утром, когда дворники только приняли шаркать метлами по тротуарам, Валерий и Ур стояли на троллейбусной остановке. На углу уже заняла свой пост бабуся с кошелкой, наполненной жареными семечками. Она тут сидела, наверно, с девятнадцатого ве-

ка, в любую погоду, даже когда выпадал редкий в этом краю снег,— во всяком случае, Валерий не помнил, чтобы угол пустовал. Он поздоровался с бабусей и всыпал в карман стаканчик семечек.

Потом они с Уром втиснулись в переполненный троллейбус, и тут тоже было хорошо и привычно. Ур, сжатый со всех сторон, ошалело моргал, а Валерий — ничего. Ужом протиснулся к заднему сиденью, на котором, как всегда, сидела Нина Арефьева, секретарша директора. На коленях у Нины была целая гора портфелей, и Валерий добавил свой.

— Привет, Валера! — слышалось со всех сторон. — Где пропадал? В командировке?

— Валерка, не отрывай билет, уже взяли.

— Валер, этот бородатый чувак с тобой? Ладно, отопрем ему.

Долговязый Рустам со щеками, синими от бритья свирепой бороды, оглянулся на Валерия и сказал:

— В какой турнир записать? Шахматы или настольный теннис?

— Давай в оба... Хотя нет... — Валерий вспомнил, что он теперь не один, времени на два турнира не хватит. — Запиши на пинг-понг.

— Запишу, дорогой, — сказал Рустам. — Хотя не следовало бы. Саймака обещал? Обещал. Не несешь? Не несешь.

— Будет тебе Саймак. Завтра принесу.

— А как твоего румына зовут?

— Какого румына? — удивился Валерий.

— Анька говорила, что ты к какому-то румыну приставлен.

«Господи, с чего она взяла?!» — подумал Валерий.

Несколько дней назад, когда Ур потребовал, чтобы его взяли на работу, Валерий решил посоветоваться с профессором Рыбаковым. Состоялся долгий и обстоятельный разговор. Льва Семеновича интересовали мельчайшие детали поведения Ура. Он заставил Валерия повторить рассказ о странном приступе головной боли у Ура в полнолуние и все записал. О том, как Ур вел себя в цирке, о его интересе к географии, и о математических способностях Ура тоже сделал подробную запись.

«Что вы думаете обо всем этом, Лев Семенович? — спросил Валерий. — Пришелец он, по-вашему?».

Рыбаков посмотрел на него, вздернув бровь.

«Перенесем ответ на ваш вопрос на энное количество времени,— сказал он, подумав.— Что касается желаний Ура работать в вашем институте, то не вижу в этом ничего дурного. Напротив, полезно будет увидеть его при деле. Вы как будто колеблетесь?»

«Да видите ли...— нерешительно сказал Валерий.— Конечно, у нас в институте не ведутся секретные работы, но все-таки...»

«Пусть это вас не смущает, Горбачевский. Компетентные лица проверили все, что их интересует. Мы имеем дело не с разведчиком».

«Да это я и сам вижу...»

«Ну и прекрасно. Я помогу с оформлением Ура на работу в ваш институт. Надеюсь, никто возражать не станет».

Никто возражать не стал.

В отделе кадров были предупреждены об иностранном специалисте-практиканте. Но все же начальница отдела с сомнением покачивала головой, читая заполненную Валерием анкету Ура.

«Место рождения почему не проставили? — спросила она, вздыхая.— И национальность. Нате, проставьте».

Валерий задумался, занеся шариковую ручку над анкетой. В следующий миг он написал: «город Плоешти... румын».

«На какой срок прибыл? — продолжала сомневаться начкадрами.— И насчет ученой степени неясно... Первый раз без бумаг оформляю...»

Но и это осталось позади. Валерий повел подопечного к себе в отдел. Ур легко поспевал за ним, рассохшийся паркет трещал под его шагами. Сразу за поворотом коридора была дверь их лаборатории, сейчас она стояла настежь: начальник отдела Грушин, уже собравшись выйти из комнаты, давал последние указания руководителю группы Нонне Селезневой.

— Доброе утро,— сказал Валерий.— Немножко опоздал из-за товарища практиканта.— Он мотнул головой на Ура.— В отделе кадров оформляли.

Грушин дружелюбно поздоровался с Уром за руку, сказал, что очень плодотворно работал года два назад с венгерскими товарищами, а вот с румынскими еще не доводилось, но он уверен, что практика пойдет хорошо,

а если что потребуется, пусть товарищ... Ур? Просто Ур? Превосходно, превосходно... пусть товарищ Ур обращается к нему без всяких стеснений, он, Грушин, всегда будет рад помочь. Помахав рукой, Грушин вышел из комнаты.

— Здравствуйте,— сказала Нонна Уру.— Меня зовут Нонна Павловна, но можно называть просто Нонна, это у нас принято.

— Просто Нонна,— произнес Ур и широко улыбнулся.

Валерий испугался, как бы он не погладил эту гордую, ходячую статую, по плечу. Но Ур воздержался от привычного движения — все же начинала сказываться школа.

— Разрешите узнать, какие вопросы вас интересуют, какова программа вашей практики? — продолжала Нонна.

Ур подумал немного, а потом сказал:

— Я хочу работать.

Синецкий Рустам, сидевший за своим столом, ухмыльнулся и подмигнул Валерию. У Нонны ответ Ура не вызвал улыбки.

Нонна с детства была умницей. Еще в детском садике ее постоянно выделяли для чтения стишков перед посетителями: ей можно было смело доверить это, не опасаясь, что вместо рекомендованного «Елка, елка, зеленая игол-ка» она выдаст что-нибудь из детскосадского фольклора вроде «Собака побежала, дежурному сказала, дежурный удивился и в бочке утопился», как делали иные пятилетние хулиганы.

В школе у Нонны был самый чистый передничек, самые аккуратные тетрадки и самые лучшие отметки. Так же было и в институте, разве только накрахмаленный передничек уступил место тщательно выутюженным платьям. Точная, как мерительная плитка Йогансона, твердая, как алмазный конус твердомера Роквелла, бесстрастная, как логарифмическая линейка,— такова была Нонна. Сотрудники побаивались ее, а сотрудницы — во всяком случае, многие из них — «органически не переваривали». Она как бы служила живым укором всяческой безалаберности и неаккуратности. Поговаривали, что в студенческие годы был у Нонны роман с молодым доцентом, вроде бы даже они поженились, но спустя две или три

недели разошлись, и с тех пор Нонна избрала для себя, как говорят кибернетики, жесткую программу.

Румын-практикант с первого же взгляда не понравился Нонне. Толстогубый и какой-то размашистый, со встрепанной черной бородкой, с широченными плечами, расправившими крупноклетчатый пиджак букле, в огромных кедах, он сразу был отнесен ею к разряду наиболее неприятных ей людей — к «разбитным парням».

Но, так или иначе, он был гостем, и приходилось с этим считаться.

— Вполне естественно, что вы хотите работать,— ровным голосом сказала Нонна,— иначе вас не послали бы на практику. Полагаю, что вас интересует Каспийское море.— Нонна плавно поднялась из-за стола и подошла к большой карте Каспия.— Следовало бы прежде всего объяснить вам, почему наш головной московский институт, занимающийся Мировым океаном, имеет свой филиал — в лице нашего института — здесь, на Каспии. Как вы знаете, Каспийское море изолировано от океана, это, в сущности, озеро. Но вода в этом озере морская, следовательно — и законы морские...

Валерий тем временем приводил в порядок свой стол. С сожалением думал он о прежнем руководителе группы — пожилым добродушном Ахмедове, недавно ушедшем на пенсию. Могли бы Рустама выдвинуть на его место, думал он: свой парень и такой же кандидат наук, как и Нонна. Так нет, Нонку назначили! Она же житья никому не даст, чуть что — замечание, а то и выговор. Кто же вынесет такое? Какой-то он, Валерий, невезучий. «Нет, надо быстрее довести до конца диссертацию, защититься — и прощай, дорогая, переведусь в другой отдел, а может, уйду в морскую нефтеразведку, меня давно туда зовут».

— Но по ионному составу, пропорции содержания солей и проводимости Каспийское море заметно отличается от Мирового океана. Вот эти особенности и составляют... — гладко текла речь Нонны. — Вам понятно то, что я говорю?

Раздался гулкий голос Ура:

— Нонна, мне понятно то, что ты говоришь. Каспийское море отличается от океана. Здесь нет больших масс свободной воды, которые вращаются вокруг земной оси.

— Вы говорите об океанских течениях? — спросила

Нонна, удивленная формулировкой Ура. Обращение на «ты» она пропустила мимо ушей: ей уже была ясна невоспитанность практиканта.

— Сначала — огромное количество свободной воды, — проговорил Ур, — потом обнаруживается, что она движется. Постоянное движение.

— Не совсем понимаю, к чему вы это говорите. Но приступим к делу. — Нонна открыла шкаф и указала на полку, заставленную папками: — Здесь отчеты о работе отдела за последние полгода. Познакомьтесь с материалами, они введут вас в курс наших работ. Потом обговорим вопросы вашей дальнейшей практики.

— Знакомиться с материалами — это значит прочитать то, что здесь написано?

— Совершенно верно.

— Нонна, я согласен.

И Ур, подступив к шкафу, выгреб сразу все папки с полки. Держа их перед собой, как растянутую гармонь, он огляделся в поисках свободного места.

— Садитесь за мой стол, — сказал Рустам. — Я сейчас в архив уйду.

Ур сел за стол Рустама, раскрыл первую папку — и пошел перелистывать страницы. Валерий тоже принялся за работу. Но только он взялся за счетную линейку, как Нонна позвала его:

— Валерий, подсядь, пожалуйста, ко мне.

Она коротко ввела Валерия в курс дела: надо проделать некоторые расчеты для докторской диссертации одного товарища. Вот тема, вот справочный материал (она кивнула на стопку книг и гору папок, из которых торчали обтрепанные края пожелтевших листов бумаги и синек), все это надо систематизировать, а потом, когда понадобится отдать на обработку в вычислительный центр, она, Нонна, оформит заявку. Все ясно?

— Я не закончил еще обработку кривых, — уныло сказал Валерий.

— Придется отложить кривые. Это срочное задание.

— А как фамилия диссертанта?

— Не имеет значения. Рустам, ты в архив идешь?

— Да.

— Зайди к зампохозу, попроси выписать стол для практиканта.

— Ладно. — Рустам вышел.

Валерий взял со стола Нонны справочные материалы и с шумом свалил их на свой стол. Нонна выдвинула ящик стола, мельком посмотрелась в лежавшее там зеркальце, потом захлопнула ящик и углубилась в работу.

Некоторое время в комнате было тихо. Только от стола, за которым сидел Ур, доносился шорох переворачиваемых страниц.

— Можно к вам? — Аня, милостиво улыбаясь, впрорхнула в комнату. — Приветик всем. Ур! — Она всплеснула руками. — Вы уже работаете у нас?

Ур поднял голову, улыбнулся.

— Аня, я знакомлюсь с материалами, — сказал он. — А потом буду работать.

— Потом будете работать? — Аня хихикнула и, мельком взглянув на Валерию, наклонилась к Нонне.

Обе зашептались.

«Потрясающий цвет... — слышал Валерий обрывки фраз. — Здесь слегка присборено... Нет, вырез не глубокий...»

«Понеслись, — неодобрительно подумал Валерий. — Сумасшествие всех девок обуяло, совершенно помешались на тряпках. Нонна и та не устояла, снизошла до разговоров с Анькой, этой оголтелой тряпичницей...»

Он посмотрел на Ура. Тот писал что-то в замысловатом своем блокноте, а папок, прочитанных и отложенных в сторону, было уже больше половины.

«Мне бы такую скорость развить», — подумал Валерий, листая бумаги и синьки, отбирая нужные материалы по методике определения кривизны морской поверхности. Нужные! Ему-то, Валерию, положим, вовсе не нужные.

Аня ушла, не взглянув на него. Ну и ладно, в перерыв он с ней поговорит. Вот еще описание методики — сплошь математика, поишачить придется...

Незадолго до перерыва Ур поставил папки — все разом — на полку и сказал:

— Нонна, я прочитал.

— Вы, конечно, шутите, — холодно произнесла Нонна. — Чтобы прочесть все материалы, нужно как минимум три дня.

— Я все прочитал, — повторил Ур.

— Он действительно прочел, — вставил Валерий, — можешь проверить, с любой страницы.

— Мне проверять незачем. Товарищ приехал на практику, и его отношение к делу — вопрос только его совести.

— Совесть, — сказал Ур. — Мне встречалось это слово в книгах. Что оно означает?

— погоди, Ур. — Валерий вышел из-за стола. — Мне знаешь что в голову пришло, Нонна?

— Ну? — Судя по выражению ее лица, она и мысли не допускала, что Валерию может прийти в голову что-нибудь путное.

— Ур превосходный физматик, я имел случай убедиться. Так вот — не засадить ли его за расчеты для диссертации? Слушай, я серьезно говорю.

Нонна, склонив голову набок, провела мизинчиком по гладкому лбу. Оно конечно, хороший физматик очень нужен сейчас; директриса обещала дать кого-нибудь в помощь, но не торопится... Может, этот неотесанный практикант и вправду приличный физматик? Не похоже... А впрочем, риска никакого.

— Ну, если Ур не возражает, — сказала Нонна, — то пусть поможет тебе.

Прозвенел звонок на перерыв, немедленно отдавшийся гулом голосов и топотом ног в коридорах. Валерий потащил Ура в буфет. Рустам уже стоял в очереди, близко от прилавка, и Валерий заказал ему кефир и бутерброды.

За столик к ним подсели два очкарика из их отдела и немедленно затеяли бурный спор о вчерашнем футболе. Потеснившись, дали место и Нине Арефьевой с ее неизменными стаканом кофе и миндальным пирожным.

— Как дела, Ур? — спросила Нина. — Нравится наш институт?

— Нравится, — сказал Ур, откусив от своего бутерброда больше половины. — Но я хочу быстрее работать.

— То есть как? Вы разве еще не приступили?

— Приступил, конечно, приступил, — ответил за Ура Валерий. — Ты Анюту не видала? Почему ее нет в буфете?

— Сапог! — вопил один из очкариков. — Бурчевский вне игры был, когда Тимофеев ему головой отыграл! Ты куда смотрел?

— Сам ты сапог! — кричал другой. — Не был он вне игры...

— Ой, перестаньте орать, — поморщилась Нина. — Анька, кажется, собиралась набойки на туфли сделать. Сходи к Нерсесу.

В холле шло сражение в настольный теннис. Валерий, не задерживаясь, направился к лестнице, но Ур вдруг остановился. Пластмассовый шарик резво прыгал по столу, и Ур не сводил с него глаз, поворачивая голову влево-вправо, влево-вправо.

— Ну что же ты? — нетерпеливо крикнул Валерий. — Пошли, пошли!

— Дай человеку посмотреть, — сказал Рустам, тоже вышедший из буфета. — Видишь — интересуется.

— Старик, ты здесь будешь? У меня дело есть, посмотри за практикантом. Боюсь, как бы он не заблудился в коридорах...

— Присмотрю, дорогой, — кивнул Рустам.

Прыгая через ступеньки, Валерий понесся вниз. На первом этаже, под лестницей, была сапожная мастерская. Никто не знал, когда и каким образом свил здесь гнездо пожилой носатый сапожник, — похоже было, что сидел он здесь со дня основания института, и, уж во всяком случае с того момента, когда строители укрепили первый лестничный марш.

— Привет, дядя Нерсес, — обратился к нему Валерий, — Аня не была у тебя? Аня Беликова, в такой, знаешь, пестрой...

— Пестрый, не пестрый, — поморщился сапожник, не глядя на Валерия. — Зачем объясняешь? Сколько женщин в институте есть, я всех знаю.

— Да, конечно... — Валерий устыдился. — Так была она?

— Зачем не была? — Дядя Нерсес вынул гвозди из рта и начал подробно рассказывать, как преобразилась в лучшую сторону Анина туфля, после того как он сделал новую набойку.

Валерий, не дослушав, побежал дальше. Он выскочил в садик, примыкавший к институтскому корпусу, и был встречен Джимкой, рыжей дворнягой. Джимка приветственно помахала хвостом. Валерий вытащил из кармана два кусочка сахара, которые Джимка мигом слизнула с ладони, и зашагал по центральной аллее.

И тут его окликнул Грушин, сидевший в пальто и высокой шапке на скамейке под голыми акациями. Валерий сделал вид, что не услышал, и хотел проскочить на большой скорости мимо, но Грушин был не из тех, от которых можно улизнуть. В следующий миг Валерий уже сидел на скамейке рядом с Грушиным и, томясь и озираясь, выслушивал его похвалу транзистору «Сони». Недавно Грушин купил в комиссионном этот миниатюрный приемник и не расставался с ним ни на минуту, поговаривали, что даже и ночью.

— Удивительную вещь сейчас передали в «Последних известиях»,— сказал Грушин, одной рукой прижимая к уху черную коробочку «Сони», а другой на всякий случай придерживая Валерия за плечо.— Вы ведь знаете о вчерашнем запуске американских космических кораблей? Ну вот. Сейчас сообщили любопытные подробности. Какой-то неопознанный летающий объект крутится по орбите, и американцы...

У Валерия заныло под ложечкой: от павильона «Воды» чинно шли под ручку Аня и Нонна, а сбоку к ним пристроился Петя Ломейко — конечно, с того боку, где Аня. Петя что-то такое заливал и сам похохатывал, Аня хихикала, а Нонна, как всегда, невозмутимо смотрела прямо перед собой.

— ...Захватить магнитной сетью,— бубнил Грушин,— но ничего из этого не вышло...

Зло разобрало Валерия. Сколько можно терпеть ее выходки? И он решил подойти к ним, оттереть Петечку и спокойно так, без эмоций, сказать: «Аня, мне нужно с тобой поговорить...»

Тут же, однако, он насторожился и вскинул на Грушина вопрошающий взгляд:

— Простите, Леонид Петрович, что вы сейчас сказали?

— Вы что, голубчик, туговаты на ухо? Я сказал, что им не удалось захватить магнитной сетью это «летающее блюдце» или, как говорится в американском сообщении, «веретено». Оно каким-то непонятным образом ускользнуло. Теперь расслышали?

— Да, спасибо...— Валерий поежился. Все-таки холодно было сидеть здесь в куртке, без пальто.

— Я всегда относился скептически к рассказам о «блюдцах» и прочих «тарелках», все это, по-моему, шар-

латанство, и поэтому сегодняшнее сообщение... Эй, вы куда?

Грушин сделал быстрое движение рукой, чтобы поймать Валерия, но на этот раз Валерий оказался проворнее. Он взлетел по лестнице на третий этаж и ступил в холл.

Ур стоял с ракеткой в руке за теннисным столом, и Рустам учил его играть — накидывал шарик, Ур лупил по нему, шарик улетал бог знает куда, ребята, стоявшие вокруг, кидались ловить шарик, и Ур, сияющий широкой улыбкой, снова лупил.

«Играет, видите ли, в пинг-понг,— смятенно подумал Валерий,— и ему дела никакого нет до того, что в околоземном пространстве охотятся на его лодочку, на «веретено» это самое... Ах, будь ты неладен с твоим пинг-понгом, пришел бы окаянный!..»

Ур увидел его.

— Данет! — гаркнул он и оттопырил кверху большой палец в знак того, что игра идет хорошо и он очень доволен.

И Валерий глупо кивнул ему в ответ.

Из института возвращались большой компанией. Ур со всеми был уже на короткой ноге, а к Рустаму просто вспылал любовью, даже потерся щекой о жесткую Рустамову щеку, вызвав взрыв смеха. У ларька с мороженым он остановился и начал всем совать в руки холодные вафельные стаканчики — даже продавцу соседнего крохотного галантерейного магазинчика тоже протянул мороженое. Упитанный продавец в гигантской, шитой на заказ кепке типа «аэродром», надвинутой на глаза, стоял рядом с прилавком своего магазина-шкафа, сунув руки в карманы и выставив толстенькое колено. Презрительно глянул он на Ура и отвернулся.

Валерий хотел было расплатиться за мороженое, но Рустам его опередил.

— Деньги,— вспомнил Ур.— Всюду нужны деньги. Но я теперь хожу на работу, значит, у меня тоже будут деньги.

— А что, раньше у тебя их не было? — ухмыльнулся Рустам.

— Раньше не было.

— Во дает! — засмеялся очкарик Марк. — С таким серьезным видом...

— А может, он жил до сих пор на иждивении родителей, — заметил второй очкарик, которого звали Аркаша.

— Ну уж, — усомнился Марк. — Ур, тебе сколько лет?

— По вашему счету мне около двадцать четыре лет.

— По нашему? Разве в Румынии счет другой?

— Да что вы к нему привязались? — вставил Валерий. — Ну, ошибся человек. Еще не совсем чисто говорит по-русски...

Начал накрапывать дождь. Ур вдруг остановился, задрал голову и ловя губами капли. Потом выставил ладонь лодочкой.

— Пошли скорее, — сказал Аркаша. — Сейчас припустит. Эй, Ур, ты что, дождя не видел?

— Дождь, — пробормотал Ур, разглядывая мокрую ладонь. — Да, да, я читал... Дождь...

— Смотрите, дождь ловит! — засмеялся Марк. — Во дает! А мешком солнышко ты не пробовал ловить?

— Мешком солнышко? — удивился Ур. — Как это?

— Не слушай ты его, дорогой. — Рустам обнял Ура за плечи. — Марк у нас грубиян. Нехороший человек.

— Сам ты нехороший человек, хоть и кандидат! — проворчал Марк, нахлобучивая поглубже кожаную шляпу.

К неудовольствию Валерия, желавшего поскорее остаться вдвоем с Уром, Рустам проводил их до самого дома. Хорошо еще, что не внял приглашению Ура, усиленно зазывавшего его домой.

— Рустам хороший человек, — сказал Ур, поднимаясь по лестнице вместе с Валерием. — Ты тоже хороший человек. И сосед хороший человек, — указал он на старичка пенсионера Фарбера, который, как всегда, сутуло сидел у окна, уткнувшись бледным носом в толстую книгу.

— Все хорошие люди, — поддакнул Валерий. — Те, кто твою лодку пытались стащить с орбиты, тоже хорошие люди.

Ур посмотрел на него большими темными, с поволокой глазами и молча вошел в переднюю.

— Мальчишки, — пропела из кухни тетя Соня, — руки мыть — и обедать! Борщ стынет!

Сели за стол. Ур положил себе украдкой на колени

раскрытую книжку, но бдительная тетя Соня заметила и отняла книжку.

— Насилу Валю отучила читать за столом, а теперь и ты туда же!

После обеда молодые люди удалились в свою комнату. Ур немедленно устроился на диване с газетой.

— Ур, нам нужно поговорить,— сказал Валерий, закурив.

— Давай говорить, Данет.

— Я уже доложил тебе, что американские космонавты пытались захватить на орбите неопознанный летающий объект.

— Ты не сказал, что это были американские космонавты.

— Да, это были они. Хотели зацепить твою лодку магнитной сетью, но лодка сманеврировала и ушла.

Ур промолчал.

— Признайся, это ты управлял ее маневром?

— Я не управлял,— медленно сказал Ур.— Зачем же так примитивно? Слышишь, как на кухне щелкает в холодильнике автомат? Ты ведь не смотришь, какая там температура, когда включать, когда выключать. Холодильник сам это делает.

— Автоматика, понятно... А какие двигатели стоят на твоей лодке? На каком горючем они работают?

— Данет, я боюсь, что ты не поймешь.

— А ты объясни...— Валерий встал перед Уром, в упор глядя на него и как бы показывая своим решительным видом, что Уру не отвертеться от объяснения.— Мы с тобой друзья, Ур, не так ли? Ты видишь, как мы все хорошо к тебе относимся, верно?

— Да,— ответил Ур, глядя в окно.

— Ну вот. Значит, и ты должен отнестись ко мне... к нам с доверием. Прошу, Ур,— смягчил он суровое слово «должен».

— Трудно это объяснить,— сказал Ур после паузы.— Не знаю таких слов, а математику ты не поймешь... Ближе всего к тому, чему ты требуешь объяснения, смысл, который вкладывается в слово «информация». Информация — везде, где мозг, способный мыслить. Поток информации непрерывен, но... как это... он везде...

— ...рассеян,— подсказал Валерий.

— Рассеян, да.— Ур задумался.— Мозг непрерывно

получает информацию, но... случайность... Да, случайность приема и случайность передачи...— Он опять задумался, а потом поднял взгляд на Валерия и проговорил извиняющимся тоном: — Не могу объяснить, Данет. Не хватает слов.

Валерий прошелся по комнате.

— Ну хорошо,— сказал он, присев на подоконник и снова закурив.— Могу предположить, что ты и твои... сограждане... что вы научились управлять потоком информации, хотя не представляю, какое это имеет отношение к управлению летающей лодкой. Это недоступно моему пониманию, а объяснить ты не можешь. Верю тебе. Но скажи хотя бы, откуда ты прилетел? Ты сегодня сказал Нонне: сперва видишь огромное количество свободной воды, потом замечаешь, что она в движении. Так можно увидеть, только подлетая к Земле из космоса.

— Да, да, много воды,— оживился Ур.— Мало суши и много воды. И сильное магнитное поле.

— Ну уж — сильное! Всего каких-нибудь две трети эрстеда у магнитных полюсов. В районе Курска напряженность побольше, два эрстеда, но ведь это — аномалия...

— Сильное естественное поле,— повторил Ур.

— Ты опять уходишь от ответа на мой вопрос...

— Данет, я слышал вопрос.— Ур помолчал.— У тебя много книг, которые называются научной фантастикой. Я их читаю. Некоторые книги меня очень удивляют, другие интересно читать. Я знаю, ты думаешь, что я пришелец с другой планеты...

— Ну, ну, дальше. Почему ты замолчал?

Из передней раздался телефонный звонок.

— Говори же, Ур! Прав я или нет, считая тебя пришельцем?

— Данет, не могу я тебе ответить.— В темных глазах Ура появилось выражение мольбы и голос звучал умоляюще.— Одно могу сказать: я человек. Такой же человек, как все люди.

Тетя Соня позвала из-за двери:

— Валечка, тебя к телефону.

Взяв трубку, он услышал знакомый женский голос:

— Валерий Сергеевич? Говорит секретарь профессора Рыбакова. Лев Семенович просит вас срочно приехать к нему.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ОДНОЙ АВТОРИТЕТНОЙ КОМИССИИ

РЫБАКОВ. ...Таким образом, товарищи, сегодняшнее сообщение Горбачевского проливает новый свет на проблему. Ур не отрицает, что на околоземной орбите находится именно его корабль. Подтверждаются и те высказывания Горбачевского об этом корабле, которые, как вы помните, вызывали сомнения. На прошлой неделе корабль уклонился от магнитов нашего спутника. Вчера потерпела неудачу попытка американцев затратить его. Корабль явно снабжен сложной программой маневрирования и уклонения от приближающихся к нему предметов. Двигатели на корабле, по-видимому, не могут быть отнесены ни к одному из применяемых ныне в космонавтике типов. Уоткинс подтверждает, что не видел ни малейших выбросов плазмы при маневрировании НЛО. После попытки американцев корабль, как вы знаете, исчез. Во всяком случае, локационный поиск перестал давать результаты. Весьма многозначителен, на мой взгляд, ответ Ура на вопрос Горбачевского о двигателях и топливе: «Боюсь, что ты не поймешь». И затем он произнес нечто маловразумительное о потоке информации, о некой случайности ее приема и передачи. Предположение Горбачевского относительно умения пришельцев управлять потоком информации можно принять условно, лишь в том смысле, что Ур, по-видимому, обладает исключительной способностью к быстрому усвоению информации — я имею в виду овладение языком и различными областями знания. Припомним заявление Ура о том, что он родился на большом корабле и прилетел из таких мест, где нет «свободной воды». Не следует ли из этого, что он родился во время дальнего космического перелета? Тогда о местах, где нет «свободной воды», он мог знать только понаслышке...

ПЕТРОВИЧЕВ. От кого? От своих родителей, которые более всего смахивают на полудиких кочевников, скажем, из Сахары? В Сахаре действительно нет «свободной воды». Не там ли следует искать ареал обитания наших таинственных пришельцев?

РЫБАКОВ. Уважаемый Петр Иванович вновь поднимает вопросы, обсуждавшиеся нами при первом знакомстве с пришельцами. Мы тогда, если помните, установи-

ли, что их язык не имеет ничего общего ни с одним из ливийско-берберских языков, включая такие диалекты, как ахагарский, гхадамесский, спуайский и прочие. Нет, Сахару придется отбросить...

ПЕТРОВИЧЕВ. Вы можете поручиться, Лев Семенович, что их язык не имеет ничего общего ни с одним из земных языков?

РЫБАКОВ. Поручиться не могу. В первые дни нам удалось записать на пленку всего несколько отрывочных фраз. Сам Ур теперь на этом языке не говорит, а его родители умолкают, если видят магнитофон. Все же записанные фразы дают возможность для достаточно широкого лингвистического анализа.

ПЕТРОВИЧЕВ. Достаточно широкий не означает полный. Горбачевский говорил тут, как настаивал Ур на том, что он человек. Верно, товарищ Горбачевский?

ГОРБАЧЕВСКИЙ. Да, он сказал: «Я такой же человек, как все люди».

ПЕТРОВИЧЕВ. Как антрополог, я полностью подтверждаю это. Ищите родину Ура где угодно, только не в космосе.

ПИРЕЕВ. Я согласен с выводом московского коллеги. Логично допустить, что все трое — выходцы из некой малоразвитой страны, откуда Ур был вывезен в некую страну высокоразвитую, где и получил образование, а также техническое снаряжение. Затем он мог прилететь к себе на родину и вывезти оттуда родителей с непонятной пока для нас целью...

РЫБАКОВ. Максим Исидорович, ваша точка зрения нам известна. Родители Ура — загадка, но полагаю все же, что еще большей загадкой является, как вы изволили выразиться, техническое снаряжение Ура. Именно оно и побуждает меня отказаться от иронической тональности, с которой я обычно употреблял прежде слово «пришельцы». Ракетостроение — не моя специальность, но я знаю, что ни один из ныне существующих космических кораблей не движется без реактивного двигателя. Будем же исходить из этого факта. Хотелось бы услышать мнение физика. Не скажете ли, Григорий Амбарцумович, несколько слов?

МАТЕВОСЯН. Скажу. Я корабля этого парня не видел, но, судя по тому, что о нем рассказывают, на корабле используется не реактивная тяга, а какая-то другая.

Новый вид энергии? Не знаю такого на практике. В теории возможно, не отрицаю. Дайте корабль, тогда можно будет понять. Я не противник гипотезы о внеземных цивилизациях. Вселенная бесконечна, и было бы неразумно отвергать возможность чужого разума. Лично я полагаю, что доживу до расшифровки сигнала из космоса: такие сигналы, по моему убеждению, давно уже идут к Земле, но мы еще не умеем их выделять из фонового излучения. Возможно, мы не представляем себе физических характеристик каналов связи других цивилизаций. Теперь что же: на корабле с неведомым источником энергии прилетели люди, ничем не отличающиеся от прочих людей. Не тороплюсь называть их пришельцами. Но хотел бы напомнить: спектральный анализ звезд дает тот же рисунок, что и на Солнце. Те же элементы. Что отсюда следует? Единство законов Вселенной. А из этого? Возможность схожих форм органической жизни в разных мирах. Понимаю, что сказано слишком общо. Но других аргументов пока нет.

РЫБАКОВ. Я тоже считаю, что столкновение с внеземной жизнью в схожих проявлениях более вероятно, чем встреча с чудищами из плазмы или чего там еще. Не удивительно, что существо из другого мира, похожее на нас, называет себя человеком.

ПЕТРОВИЧЕВ. Не стоит все же распространять возможность схожих форм дальше общего углеродно-водородно-кислородного принципа. Здесь достаточно широкий диапазон для разнообразия форм. Я продолжаю придерживаться взгляда о земном происхождении этих троих.

ПИРЕЕВ. Полностью согласен.

РЫБАКОВ. Мы не сможем сейчас прийти к согласованному выводу, у нас недостаточно информации. Придется, по-видимому, просить Валерия Сергеевича продолжать наблюдение...

ГОРБАЧЕВСКИЙ. Прошу меня освободить от этого, Лев Семенович. Постоянное напряжение. Все время смотри, как бы он чего не выкинул, не ляпнул чего... Я что-то устал...

ПИРЕЕВ. Что это вы говорите, Горбачевский? Молодой спортивный человек — и вдруг «устал»! Это не дело, дорогой мой. Вам пошли навстречу, оформили как спецкомандировку...

ГОРБАЧЕВСКИЙ. Я не просил, чтобы мне шли на встречу. Прошу освободить.

ПИРЕЕВ. Кто же вас сейчас заменит, если вы сами выудили этого гражданина из воды и подружились с ним? И потом — неужели вам не хочется поработать для науки?

РЫБАКОВ. Валерий Сергеевич, я просто не вижу возможности кем-то вас заменить. Мы просим вас еще некоторое время...

Еще не умолкли трели звонка, возвестившего перерыв, а в коридор второго этажа уже высыпала группка младших научных сотрудников и сотрудниц. Опустошив корзину одной из продавщиц кефира, они не сразу разошлись: уж очень интересный возник разговор.

Курносенькая брюнетка с мальчишеской стрижкой сказала:

— Ой, девочки, вы слышали? В группе Селезневой произошел математический взрыв.

— Хотя я и не девочка,— ответил на это парень в умопомрачительной голубой водолазке,— но тоже слышал. Рустам рассказывал, у них работает заграничный практикант, который в уме решает сферические треугольники. Голова!

— Не только сферотриангли решает,— возразила девушка баскетбольного роста, с вольно распущенными по спине волосами.— Он что-то такое придумал. Новую систему вариационной статистики, что ли.— Она откусила кусочек сдобной булки.

Лысеющий молодой человек с меланхоличным лицом сказал:

— На днях был я в одной компании. Там как раз зашел разговор об этом практиканте.— Он умолк, закрыв глаза.

— Ну, а дальше? — спросила брюнетка.— Ефим, проснись! Что за несчастье, вечно спит на ходу! О чем был разговор?

Ефим чуть приоткрыл глаза.

— Говорили, что у него не было никаких документов, даже паспорта. И что у него нет даже фамилии, одно имя.

— У Ефима всегда захватывающе интересная инфор-

мация,— сказала баскетболистка.— На уровне гадательной книги Мартына Задеки. Без документов отдел кадров никого не оформляет. А что нет фамилии, так и у римских императоров не было фамилий.

— Были у них фамилии,— сказал обладатель водолазки.

— Нет, не было.

— Ой, девочки, знаете что? Надо Аню Беликову спросить, она, по-моему...— И, понизив голос, брюнетка принялась шептать что-то баскетболистке.

Глава шестая

«Я — ЗЕМЛЯНИН»

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, и увидел гигантских косматых чудовищ. По сравнению с ними волны, на которых я катался сегодня, казались просто рябью.

Д. Лондон. Путешествие на «Снарке»

Институтские коридоры! Потемневший от времени, скрипучий паркет, гул голосов и всплески смеха, клубы табачного дыма, причудливыми туманностями завивающиеся вокруг строгих коридорных лампочек.

Раннее утро. Шумными стайками тут и там собираются эмэнэсы — младшие научные сотрудники, взбудораженные вчерашним футболом, до краев наполненные положительными эмоциями. И уже несутся выкрики, экспансивные, но незлобивые: «Сапог! Куда ты смотрел? Не был Бурчевский в офсайте, когда Тимофей отыграл ему...» Ссорятся, дерзко блестя очками, Марк и Аркаша, но ссора эта, как вы понимаете, пустяковая: спустя пять минут они дружно пройдут к своим столам.

Младшие научные сотрудницы прогуливаются, взявшись под руку. О чем они говорят? Трудно уловить: говорят они все сразу, одновременно, то и дело понижая голоса до шепота. Все же по случайным обрывкам фраз можно понять, что речь идет о товарах массового потребления и устройстве детей в детские садики, о кастрюле-скороварке и об отсутствующих в данную минуту приятельницах.

Затем в коридоре появляются старшие научные сотрудники. Завидев их, эмэнэсы, подобно матросам, застигнутым сигналом боевой тревоги, разбегаются по своим постам, то бишь отделам и лабораториям. Старшие немного задерживаются в коридоре, чтобы обменяться мнениями о назначениях и перемещениях, о публикациях и диссертациях. Немножко футбола, один-два анекдота — и с последними трелями звонка старшие скрываются за дверями своих кабинетов.

Коридоры пустеют: с восьми до двенадцати — период, именуемый «творческим временем». В этот период в институт не допускаются посетители, нельзя ходить из комнаты в комнату. И все же... все же посетители понастырнее проникают в институт. И все равно по коридорам ходят, потому что невозможно втиснуть в жесткие рамки распорядка функции живых организмов. Бродят отдельные курильщики, коим не разрешают дымить в отделах.

Пятиминутная физкультпауза. Коридоры наполняются сотрудниками, а также музыкой и командами, записанными на пленку: «Ноги — на ширину плеч, руки вперед...» Сотрудники и сотрудницы приседают в меру своего возраста и служебного положения и поднимаются, и на многих лицах можно увидеть благодущные улыбки, и можно услышать остроумные замечания в адрес сотрудников, чьи фигуры препятствуют грациозности движений. После бега на месте, сотрясающего межэтажные перекрытия, коридоры снова пустеют.

Незадолго до перерыва появляются девушки из буфета с корзинками, в которых строгая белизна кефира так славно гармонирует с легкомысленной желтизной сладких булочек. Навстречу призывным возгласам девкефироносиц выскакивают из комнат сотрудники порезвее...

Мы не станем описывать коридоры во время обеденного перерыва. Желающих получить представление об этом мы отсылаем к известной книге Гаруна Тазиева о вулканах. Добавим только, что футбол и скороварки — отнюдь не единственные темы коридорных разговоров. Здесь происходит постоянный обмен научной информацией между исполнителями различных тем. И немало открытий, если докопаться до их истоков, рождено именно в институтских коридорах. Хотите верьте, хотите нет, но это так.

...По институтскому коридору шел главный бухгалтер. В белой сорочке с черным галстуком, в просторных брюках, он не шел, а шествовал, держа кончиками пальцев тонкую папку, с достоинством неся свой круглый живот. Мельком поглядывал он на номера комнат, и каждый номер в его сознании был связан с номером темы, которая там разрабатывалась, а номер темы, в свою очередь, — со статьями расходов. Главбух вежливо отвечал на приветствия встречаемых штатных единиц, и каждое «Здрасте, Михаил Антоныч» вызывало в его тренированной памяти точные сведения об окладе, размере последней премии и о выполнении плана освоения средств. Работникам преуспевающих отделов Михаил Антонович даже улыбался, соразмеряя, впрочем, уровень поднятия уголков губ с экономическими показателями.

Неотвратимый, как лазерный луч, главбух прошел к директорской приемной и скрылся за дверью.

— Здрасте, Михал Антоныч, — пропела Нина Арефьева, отрываясь от пишущей машинки.

— Здравствуйте, Ниночка. Вера Федоровна у себя? — спросил главбух, одновременно приводя в действие дверную ручку.

Вера Федоровна была не одна. За приставным столом сидели Грушин, Нонна Селезнева и этот практикант-иностранец, о котором ходило по институту столько слухов.

— Присядьте, Михал Антоныч, мы скоро кончим, — сказала директриса, дымя длинной сигаретой. — Продолжайте, Нонна.

— Собственно, у меня все. — Нонна аккуратно укладывала в папку кипу листов. — Если мы сохраним взятый темп, диссертация будет готова через месяц.

— Ну что ж, рада слышать. Так и надо поступать с неприятными работами — быстрее их кончать, к чертовой бабушке.

Прищурившись, Вера Федоровна наблюдала за тем, как Ур наливал себе в стакан газированную воду из сифона.

Практиканта она уже не раз видела, но на совещание вызвала впервые. Любопытно было посмотреть вблизи на этого сотрудника, о математических подвигах которого директриса была наслышана. Пока Нонна докладывала о состоянии работы по оказанию помощи знатному диссертанту, Ур громко зевал и возил под столом ногами.

Без разрешения взяв с директорского стола сифон, беспрерывно пил газировку.

Вере Федоровне захотелось услышать его голос, и она спросила:

— Где вы обучались физике и математике? Я к вам обращаюсь, товарищ... э... товарищ Ур. Вы слышите?

— Я слышу.

Ого, вот это голосок!

— Если слышите, то ответьте,— сказала Вера Федоровна и добавила: — Пожалуйста.

— Я учился далеко отсюда.

— В Англии? — прищурилась директриса. — В Америке?

— Нет. — Ур снова поставил стакан и нажал на рычажок, но сифон только издал жалкое шипение.

— Понимаю,— сказала Вера Федоровна несколько раздраженно. — Чтобы начать разговаривать, вам нужно выдуть не два литра газировки, а четыре.

— Вера Федоровна, он что-то не в духе сегодня,— быстро сказала Нонна. — Мне с трудом удалось привести его сюда, он терпеть не может совещаний.

— А я их очень люблю,— повысила голос директриса. — Хлебом меня не корми, а дай посоветоваться. К вашему сведению, товарищ Ур: я бы хоть сегодня бросила этот кабинет и ушла в плавание. Я больше половины жизни провела в море, и только мои научные заслуги усадили меня в это кресло. Впрочем, что ж вам объяснять... — оборвала она сама себя. И — официальным тоном: — Совещание закончено. В ваших же интересах, Нонна, быстрее закрыть работу по оказанию помощи диссертанту. Чем скорее кончите, тем больше вероятности, что вы увидите в океан.

— В океан? — Нонна просияла. Это было так неожиданно, как если бы в нежилом доме вдруг разом распахнули все окна и двери. — Вера Федоровна, разрешена экспедиция?

— В принципе — да. В декабре отправится в плавание исследовательское судно «Миклухо-Маклай». Пирев обещал выхлопотать несколько мест для нашей тематической группы. Только не кидайтесь меня целовать, Нонна, не люблю я это. — Вера Федоровна зажгла настольную зажигалку и прикурила новую сигарету. — Слушаю вас, Михал Антоныч,— сказала она главбуху.

Это означало, что остальные могут уйти. Грушин бросил Нонне: «Пошли», — и легким шагом вышел из кабинета. Нонна, однако, замешкалась — перекладывала листки в папке, возилась с завязками. Ур разглядывал большой глобус, стоявший на отдельном столике. Глобус был не простой. Океаны, вырезанные из листовой меди, были наклепаны на него. Внутри глобуса помещался соленоид, создававший магнитное поле.

Тем временем Михаил Антонович докладывал с неизменной своей обстоятельностью:

— В институте, Вера Федоровна, большой перерасход электроэнергии. Вот извольте взглянуть. — Он положил на директорский стол листок. — Третий месяц подряд выходим за пределы лимита, и переплата, как видите, возрастает.

— Что вы смотрите на меня такими глазами? Я свою тереллу, — директриса кивнула на глобус, — уже полгода не включала.

— Разумеется, я не говорю лично о вас, Вера Федоровна. Более того: понимаю необходимость экспериментов. Но такого перерасхода допустить никак не могу. Электричество денег стоит...

Тут плавная речь главбуха была прервана самым бесцеремонным образом.

— Вы платите деньги за электричество? — спросил Ур своим гулким голосом.

Михаил Антонович кинул на него неодобрительный взгляд.

— Платим по утвержденному прейскуранту отпускных цен на электроэнергию для промышленных предприятий, — сказал он сухо. И добавил не без иронии: — Электричество, между прочим, это не просто шелк — и зажег лампочку. Это топливо, обслуживание электростанций, эксплуатация линии передач...

И опять прервал его Ур:

— Платить деньги за электричество — все равно, что стоять по горло в чистой воде и попросить прохожего принести стакан воды. Добывать энергию побочным путем, когда планета...

— Товарищ... э... Ур, — сказала Вера Федоровна, — если у вас нет ко мне служебных вопросов, то я вас не задерживаю. Нонна, что вы тут торчите? Бегите доделывать диссертацию.

— Вера Федоровна, еще один вопрос. Михаил Антоныч, извините, я совсем коротко...— Нонна подалась к директрисе, вытянув шею, и быстро заговорила: — Ур предложил оригинальный метод измерения электрических токов в слабых течениях, и нам бы хотелось проверить...

— Существует, к вашему сведению, ЭМИТ¹.

— Да, конечно. Но он годится только для мощных течений, а тут, судя по его схеме, можно измерить самые слабые. Прибор уже почти готов. Разрешите нам на несколько дней уехать...

— Не разрешаю. У нас в этом месяце плохо с командировочными деньгами. Верно, Михаил Антонович?

Главбух кивнул, поджав губы, ибо ни один главбух не станет поощрять служебные разъезды.

— Нам не нужны командировочные,— сказала Нонна.— Мы поедем на автобусе. Тут недалеко есть речка со слабым течением, Джанавар-чай...

— Не морочьте голову, Нонна. Эта речка воробью по плузо.

— Всего на два дня, Вера Федоровна. Мы прихватим еще субботу и воскресенье.

Ответа Нонна не получила. Директриса, сильно прищурившись, смотрела вбок, и Нонна обернулась в направлении ее взгляда.

— Что с ним такое? — тихо спросила Вера Федоровна.

Ур стоял, напряженно выпрямившись и запрокинув голову. Смуглое лицо его, обращенное к окну, заметно побледнело и как-то изменилось — будто резче обозначились под кожей кости и хрящи, будто отвердело оно вдруг, застыло, «схватилось», как «схватывается» цемент. Глаза были широко раскрыты и неподвижны.

— Ур, тебе нехорошо? — Нонна быстро подошла к нему и потерела за плечо.— Ур!

Она ощутила в его напряженной мышце каменную, нечеловеческую силу и невольно отдернула руку. Подоспел Михаил Антонович, они вдвоем попытались усадить Ура на диван, но ничего не вышло. Он стоял статуей и не замечал, не видел их.

— Как лунатик,— пробормотал главбух.

¹ ЭМИТ — электромагнитный метод измерения течений.

Ур вдруг обмяк, веки его опустились, на лице появилось выражение опустошенности, сменившееся гримасой боли. Он принялся судорожно тереть лоб и виски.

— Что с вами было? — спросила директриса. — Что это, Нонна? Такое бывает с ним?

— Первый раз вижу, — растерянно ответила та.

Прибор по схеме Ура действительно оказался несложным. Ур с Валерием быстро разработали чертежи и сдали их в мастерскую. Правда, возникла заминка: понадобилось восемь метров проволоки трехгранного сечения со стороной 0,27 миллиметра из чистого ниобия. Именно ниобий, по словам Ура, подходил по своим физическим константам, заменить его было нечем.

А где его взять? И не тянуть же самим из него проволоку. Пришлось идти на поклон к институтскому начснабу.

Начснаб обладал художественной натурой. Он рисовал, играл — и довольно неплохо — на скрипке и был превосходным рассказчиком. Посетители похитрее использовали эту его струнку: терпеливо выслушивали рассказы начснаба, всячески выказывая интерес и восхищение, и бывали вознаграждены. Дело в том, что, несмотря на артистичность натуры, Ованес Арсентьевич был весьма экономным хозяйственником. Подписывая «требования», он неизменно зачеркивал проставленную в графе «количество» цифру и заменял ее вдвое меньшей. В институте помнили, как однажды он задумался над «требованием» на вентиль водопроводный размером один дюйм: требовалась всего одна штука, и было невозможно отпустить половину вентили. Но не таков был начснаб, чтобы изменять своим правилам. Твердой рукой он зачеркнул «один дюйм» и написал: «Отпустить размером полдюйма».

— Ованес Арсентьевич, да ведь так нельзя! — возопил проситель.

— Можно, — тихо ответил Ованес Арсентьевич. — У нас водопроводные вентили в квартирах ставят полдюймовые, а кто их открывает на полное сечение? Никто. На полоборота открывают.

Перед окончанием занятий Валерий постучался в кабинет начснаба. Приветливо поздоровавшись, он спра-

вился о здоровье, спросил, давно ли Ованес Арсентьевич был в отпуску.

Вопрос достиг цели: один из любимых рассказов начснаба как раз и был отпускной историей. И Валерий — уже не в первый раз — выслушал историю о том, как Ованес Арсентьевич, будучи в санатории, убедил некую легковурную курортницу, что радоновые ванны надо принимать непременно в темных очках и темной же шляпе, иначе полезная радиация уйдет наружу.

Валерий проявил к рассказу живейший интерес, чем и расположил к себе начснаба. Затем он изложил свою просьбу.

— Как, как? — переспросил Ованес Арсентьевич, берясь за любимую двенадцатицветную шариковую ручку. — Ниобий?

Валерий начал было объяснять, что это такое, но начснаб отклонил объяснение.

— У каждого своя специальность, — сказал он несколько торжественно. — Ты знаешь, что такое ниобий, но не можешь его достать. Я не знаю, что такое ниобий, но я его тебе достану.

Ованес Арсентьевич положил перед собой чистый лист бумаги, затем, подумав немного, выдвинул из ручки зеленый стержень (цвету он придавал некое одному ему известное значение) и взялся за телефонную трубку.

— Учись, — сказал он. — Допустим, я приехал в чужой город. Никого не знаю. И мне нужен этот самый ниобий. Что я делаю? Я набираю любую комбинацию цифр. — Он закрутил диск. — Откуда это? Квартира? Извините, не туда попал. Ладно, другой номер... Откуда это?.. Главрыбпром? Это говорит Ованес Арсентьевич. Здравствуйте. Извините, я забыл ваше имя-отчество... Ах, ну да, Мамед Курбанович! — Он быстро написал имя-отчество и номер телефона. — У меня к вам маленькая просьба, Мамед Курбанович: мне нужна проволока из ниобия... Да, ниобий... Куда он идет? Почему я знаю, руководство требует... Вашему снабженцу? Записываю: девять-три-шесть-семь-ноль-девять... Как его имя-отчество?.. Большое спасибо.

Минут через пятнадцать листок был плотно исписан телефонными номерами, именами-отчествами, названиями учреждений.

— Понимаешь, — говорил в промежутках между

звонками начснаб,— очень важно сразу назвать себя. Абонент подумает, что знает меня, но забыл, и ему передо мною неудобно... Это техупр Подземстроя? — говорил он в трубку...

Ниобиевая проволока нужного сечения оказалась на складе неликвидов Аптекоуправления, куда попала неведомо как и неведомо откуда. Осталось найти способ оформления взаимоотношений, но это уже был сущий пустяк. И пораженный Валерий слышал, как кто-то горячо благодарил Ованеса Арсентьевича, а тот успокаивал собеседника:

— Да что вы, Илья Исаакович, для хорошего человека мне не жалко. Помогу вам переделать самосвал на бортовую машину. Позвоните мне завтра после трех, я к этому времени обо всем договорюсь...

Положив трубку, Ованес Арсентьевич размял сигарету, со вкусом затянулся и сказал, гася в глазах огонек азарта:

— Конечно, физика моря — очень хорошее дело. А все-таки техническое снабжение интересней.

К себе в отдел Валерий вернулся уже после звонка, возвестившего окончание занятий. В комнате был только Рустам — он откалывал от кульмана лист ватмана и насвистывал бурную мелодию «танца с саблями» из балета «Гаянэ».

— Где Ур? — спросил Валерий.

— Минут десять, как исчез. Вы разве не вместе вышли?

Валерий бросился к соседней комнате и убедился, что она заперта. Значит, и Аня ушла. Очень мило.

— Пойдем, дорогой,— прервал Рустам его горестные раздумья.— Чего ты за него беспокоишься? Он уже освоился в городе, не заблудится.

Они сбежали по лестнице и вышли на улицу, заполненную людьми, машинами и троллейбусами.

«Заблудиться-то он не заблудится,— думал Валерий.— Сам уже ходит по городу и вроде бы остепенился — не цапает с прилавков что ни попадя, не глазеет, разинув рот, на женщин». Нет, не потому тревожился Валерий, что Ур ушел один,— уж скорее потому, что ушел он, возможно, как раз не один...

— Что ты сказал? — спохватился Валерий, что не слушает Рустама.

— Уже третий раз тебе говорю: рано в этом году жара началась. И предлагаю съездить на пляж. Скажи?

— Неохота, Рустам.

— Надо, дорогой, надо. Сейчас — по домам, бери плавки и ласты, в полседьмого встретимся у бульвара на автобусной остановке. Есть? Проведем вечер как люди — в воде. Ну?

Дома были раскрыты все окна и двери. Запаренная, потная тетя Соня поставила перед Валерием тарелку с холодной окрошкой и села у окна, обмахиваясь старинным сандаловым веером.

— Валечка, — сказала она, добрыми глазами глядя на племянника. — Не сердись на меня, я очень к Уру привязалась, но все-таки хочу спросить: долго он еще будет жить у нас?

— А что такое? — нехотя ответил Валерий. — Он почти всю получку тебе отдает на хозяйство...

— Я не об этом! — вскинулась тетя Соня. — Я сама могу прокормить не одного, а, если хочешь, трех иностранцев.

— Хватит и одного. — Валерий отодвинул тарелку.

— Не сердись, Валечка, но мне странно. Вчера... нет, позавчера... Да, вчера звонит Аня, я ее, конечно, спрашиваю: «Вам Валечку позвать?» А она говорит: «Нет, Ура позовите...»

— Ну, и что? — угрюмо спросил Валерий. — Ур захотел в цирк, мне идти было неохота, Аня вызвалась сопро... сопровождать его. Вот и все.

— Да, я слышала, он говорил о цирке. Почему он без конца туда бегаёт?

— Ну, нравится ему цирк. Подружился там с лилипутом. Ты имеешь что-нибудь против?

— Конечно, нет. Я не об этом. Видишь ли, Валечка... ты ухаживаешь за Аней, а теперь могут пойти разговоры всякие...

Валерий бросил нож и вилку и поднялся из-за стола.

— Валя, подожди! Почему ты не доел? Господи, ничего не скушал!..

У себя в комнате Валерий достал из шкафа маленький спортивный чемоданчик, покидал в него плавки, ласты и трубку. Заглянула расстроенная тетя Соня.

— Мне ничего не надо в жизни,— сказала она, вытирая глаза,— лишь бы ты был счастлив...— Голос ее прервался.— Тебе уже двадцать семь, в твои годы люди имеют семью, детей...

— Ладно, тетя Соня, не плачь. Все будет в свое время.

— Ты твердишь это уже не знаю сколько лет... Может, и будет когда-нибудь, но меня уже не будет... Не придется мне понянчить внуков...

Теперь она плакала неудержимо, и Валерию удалось немного успокоить ее, только пообещав, что в ближайшее время он «займется этим вопросом серьезно».

Рустам уже дожидался его на автобусной остановке у Приморского бульвара. Они вдвинулись в огнедышащий автобус и полчаса простояли, стиснутые мокрыми жаркими телами так, что не могли пошевелить не то что языком, но и бровью. Наконец эта пытка кончилась, они вылезли едва живые на конечной остановке.

Пляж и море!

Шлепая ластами Валерий и Рустам вошли в воду. Некоторое время они плыли вдоль линии буйков, потом Валерий перевернулся на спину. Хорошо было лежать, пошевеливая раскинутыми руками и глядя на высокое небо. Солнце зашло за холмистую гряду, но было еще светло. Лишь на востоке горизонт затянуло как бы лиловым дымом. С пляжа донесся радиоголос, полный оптимизма: «До самой далекой планеты не так уж, друзья, далеко!»

Валерий лежал, закрыв глаза, и представлял себе, как белый теплоход «Миклухо-Маклай» подходит к Азорским островам. Ах, было бы здорово попасть в экспедицию!

Валерий раз мечтался. Теперь он видел себя на борту старинного парусного судна эпохи каперской войны. Судно проходит мрачную теснину Магелланова пролива и поворачивает на северо-запад. Стоянка у безлюдного острова Хуан-Фернандес — надо дать отдых измученному экипажу и пополнить запасы пресной воды и продовольствия. Да вот беда: стадо коз, оставленных на острове английскими корсарами, резко уменьшилось. Оказывается, испанцы, чтобы лишить врагов свежего мяса, высадили на остров голодных собак — те, ясное дело, стали охотиться на коз и почти всех загрызли...

С закрытыми глазами лежал он на спине, и легкая волна медленно сносила его к берегу. «До самой далекой планеты...» — неслось с пляжа. Чей-то гулкий голос прозвучал:

— Попробую кролем.

С попутным ветром — на север, продолжал мечтать Валерий. Хорошо бы перехватить сорокапущечный испанский галион, набитый слитками золота, идущий из Акапулько...

— Ты работаешь одними руками, потому и не движешься, — услышал Валерий знакомый голос, а вслед за тем и смех, тоже хорошо знакомый. Вмиг он перевернулся на живот и увидел в нескольких метрах, ближе к берегу, Аню.

В бело-красном купальнике, в красной резиновой шапочке стояла она по пояс в воде и смеялась, наблюдая, как Ур, выпучив глаза и вздымая фонтаны, бил обеими руками по воде.

— Ногами, ногами работай! — сказала Аня. — Ты слышишь?

— Аня, я слышу, — ответил Ур, бурно дыша.

Теперь он заработал ногами, извергнув новые всплески.

Рустам, тоже увидевший Ура и Аню, сказал деловито:

— Побью ему морду.

— Не смей! — испугался Валерий. — Поплывем отсюда...

Но тут Аня заметила их и крикнула как ни в чем не бывало:

— Приветик! — Она помахала рукой, приглашая подплыть ближе. — Никак вот не научу Ура плавать.

Ур хорошо помнил учебник доктора Жемчужникова. Он попробовал плыть брассом и, когда это не получилось, перешел на овер-арм, который теперь называют плаванием на боку. Но и овер-арм ему не дался, впрочем, как и треджен — превосходный, но вышедший ныне из моды стиль, заимствованный у южноамериканских индейцев. И тогда Ур, обеспокоенный несоответствием практики с теорией, применил кроль — стиль австралийских аборигенов, любимый стиль великого пловца Каханамоку, стиль, прославивший некогда Джона Вейсмюллера, исполнителя роли Тарзана.

Он бил воду руками и ногами и правильно дышал, все

он делал вроде бы правильно, но почему-то не продвигался вперед. Пожалуй, он даже несколько подался назад, что, собственно, и вызывало Анин смех. Вот «стиль», названный доктором Жемчужниковым «плаванием по-собачьи», получился у Ура сразу,— может быть, потому, что за основу этого «стиля» взято естественное передвижение на четвереньках,—но плавать «по-собачьи» Ур считал постыдным. И он усердно молотил воду.

— Данет! — гаркнул Ур, встав на ноги и сгоняя ладонями воду с лица.— Рустам! Аня учит меня плавать!

— Вижу, вижу,— сказал Рустам, сузив глаза.— Я думал, ты приличный парень, а ты, оказывается...

— Заткнись! — Валерий с силой ударил по воде, плеснув Рустаму в лицо.— Не будем тебе мешать,— сказал он Уру,— учись дальше. Поплыли, Рустам.

— Поплыли.— Уже отвернувшись от Ура, Рустам скосил на него яростный глаз, сказал внятно: — Спасибо скажи своему Данету. Если б не он — расквасил бы я тебе морду.

— Рустам! — завопил Валерий.

Но Рустам уже плыл прочь, шлепая по воде ластами и мерно загребая длинными руками. Ничего не оставалось Валерию, как последовать за ним. Он не видел, как насупила Аня светлые бровки, как разинул рот и ошарашенно хлопал глазами Ур.

Доплыв до мостков, длинной колбасой протянувшихся с пляжа, Рустам и Валерий присели на обросшую скользкой зеленью ступеньку лестницы. Долго сидели они так, по грудь в мягко колышущейся воде, и молчали. На потемневшем небе проступила луна — ломоть дыни с неясными пятнами семечек. Заметно похолодало.

— Свалим эту диссертацию — попросу в отпуск,— сказал Рустам.— Жене приспичило в Закарпатье съездить. Ты был там?

Валерий мотнул головой.

— Брось, дорогой,— сказал Рустам, сочувственно глядя на поникший профиль Валерия.— Одна только Анька на свете? Если хочешь знать, вертихвостка она — Перестань! — поморщился Валерий.

— Разве можно так — встречается с тобой и в то же время крутит с Петей Ломейко...

— Петя кандидат, да еще с «Запорожцем»,— горько сказал Валерий,— а я...

— Вот-вот, в самую точку попал. Петя кандидат с автомобилем, а теперь и ему вышла отставка, потому что появился иностранец с вычислительной машиной вместо головы. Ей разве человек нужен? Положение ей нужно, а не человек. Скажи?

— Ну, какое там положение у Ура,— пробормотал Валерий.

— Не скажи, дорогой. Закончит он практику, вернется к себе в Румынию или откуда он там и займет видное положение. Анька давно учуяла, что этот румын-вундеркинд далеко пойдет.

— Никакой он не румын.

— А кто?

— Инопланетник...

Рустам изумленно воззрился на друга. В лунном и звездном свете лицо Валерия казалось неестественно бледным и как бы размытым. Вдруг Валерий вскинул голову и взглянул на Рустама. Их взгляды встретились.

— Я пошутил,— сказал Валерий, мысленно обругав себя.— Это была шутка, понятно?

Было поздно, когда Валерий возвратился домой. Редкие пятна света лежали на темном асфальте двора. Давно угомонились мальчишки, всласть погонявшие мяч. Даже у Барсуковых было тихо, не гремела магнитофонная музыка.

На площадке второго этажа, облокотившись на перила, неподвижно стоял Ур. Валерий невольно замедлил шаг, поднимаясь по лестнице: не хотелось ни о чем разговаривать.

— Я тебя жду,— сказал Ур, отлепившись от перил.— Где ты был так поздно?

— Ты же знаешь, на пляже.

Ур вслед за Валерием вошел в душную переднюю. На нем были его любимые плавки с подтяжками и кеды. Пока Валерий пил свою обязательную, оставленную тетей Соней в холодильнике простоквашу, пока умывался и чистил зубы, Ур сидел в комнате на диване, поджав ноги, и читал.

— Можешь читать,— сказал Валерий, кидаясь на тахту и натягивая на себя простыню,— свет мне не мешает.

— Не буду читать.— Ур потянулся, погасил свет.

Некоторое время он ворочался на диване. Вечно он путался в простынях. Потом снова раздался его голос:

— Валерий, пока ты не заснул, я хочу тебе кое-что сказать.

Впервые он назвал Валерия по имени.

— Может, завтра поговорим?

— Нет. Сейчас. Завтра я уйду.

— Как это уйдешь? — испугался Валерий.— Куда?

— Уйду. Я тут вам только мешаю...

— Никуда не уйдешь. Я тебя не отпущу!

— Если ты не будешь перебивать, я тебе расскажу, почему я так решил.

— Давай.— Валерий умолк, охваченный смутным предчувствием необычайного.

— Валерий, ты считаешь меня пришельцем вроде тех, о которых я прочитал в твоих книжках. Я не могу тебе сказать, откуда я приехал, но я землянин. Такой же, как мои родители. Как ты, как тетя Соня. Как Аня.

— Не надо перечислять. Ты землянин. Дальше?

— Я землянин,— повторил Ур.— Но условия, в которых я вырастил... Нет, не так сказал...

— В которых ты вырос.

— Да. Условия, в которых я вырос, были немножко необычные. Долгое время мне пришлось жить вдали от других людей. У меня не было даже книг, из которых я мог бы узнать, как живут теперь люди. Поэтому я не знал многого. Когда я сюда приехал, все мне очень нравилось, я радовался тому, что снова живу среди людей, таких же, как я, как мои родители...

— Ясно, ясно. Давай дальше.

— Мне казалось, что я быстро... как это говорится... быстро адаптируюсь. Мне хотелось, как все люди, ходить на работу. Ездить в троллейбусе. Играть в настольный теннис. Посещать цирк. В цирке очень интересно, это замечательное зрелище...

— Ну что ж,— сказал Валерий, опасаясь, как бы Ур не отвлекся в сторону,— ты все это делаешь неплохо. Могу добавить, что в институте тебя ценят как хорошего математика.

— Математику я немножко знаю,— согласился Ур.— Но все оказалось гораздо сложнее. Сам того не желая, я причиняю людям неприятности и даже страдания.

Он снова завозился, не то подтыкая простыню, не то вытаскивая ее из-под себя.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросил Валерий.

— Я плохо воспитан. Пью слишком много воды, слишком громко разговариваю, часто говорю не то, что нужно... Многим это неприятно. Нонне, например. Ей вообще не нравятся мои манеры...

— Ну, это не так страшно, — усмехнулся Валерий, — нравится Нонне или не нравится.

— Ты думаешь? — Ур вздохнул. — А сегодня на пляже Рустам хотел меня побить, хотя я не представляю, как бы он это сделал... Я спросил Аню, за что он вдруг меня возненавидел. И Аня сказала, что это из-за тебя. Рустам твой друг, а у тебя — ревность, — тщательно выговорил Ур. — Ты ревнуешь меня к себе... то есть нет — к Ане... Как правильно?

— Неважно, — отрывисто бросил Валерий. — Хватит об этом.

— Я ничего об этом не знал. Я читал в книгах про любовь. Тетя Соня хвалила роман «Анна Каренина». Я ее прочел. Книга очень хорошая, но мне казалось, что любовь была только в прошлые времена, а теперь такого не бывает. Когда я сказал это Ане, она только засмеялась. Скажи мне ты: теперь тоже есть любовь?

Валерий молчал.

— Никто не хочет мне объяснить, — снова вздохнул Ур.

— Это объяснить нельзя. Вот влюбишься — сам поймешь.

— Да, — неуверенно сказал Ур. — Мне нравятся девушки, но я вижу, что все это очень сложно. Я причинил тебе страдания — прости. Я решил уехать, чтобы не мешать вам. Вот все, что я хотел сказать.

Валерий, глядя в раскрытое окно на осиянную лунным светом верхушку айланта, раздумывал над словами Ура. Вот и прекрасно, уезжай. Снова все будет, как было раньше — легко и свободно, без тяжелой ответственности за этого пришельца. Снова выходы в море на «Северюге», и приятная возня с магнитографом, и неспешное вызревание собственной диссертации, и, может, океанская экспедиция... И снова — вдвоем с Аней по вечерам...

И вдруг он представил себе, что Ура не будет. Не будет стонать пружинами диван под его мощным телом. Не

будут валить ребята в институте к любимцу практиканту с просьбой рассчитать что-нибудь; исчезнет из стенгазеты рубрика «Спросите Ура», над которой изображен мускулистый торс с вмонтированным вычислительным пультом. Поскучнеют без Ура с его детским азартом братские турниры в настольный теннис...

А что скажут Рыбаков и Пиреев?!

— Куда ты уедешь? — спросил Валерий.

— Куда-нибудь. Земля велика.

— Теперь послушай, что я скажу, — заговорил после долгой паузы Валерий. — Ты прав, что жизнь не проста. Не знаю, где и в каких условиях ты вырос, там у вас, возможно, все проще — ходи босиком по траве и нюхай незабудки...

— Нюхай незабудки? Что это?

— Ну, так говорится. Погоди, не перебивай... Никаких особых неприятностей от тебя нету. Если ты не нарушаешь порядка, то имей манеры, какие хочешь, — это не возбраняется. Конечно, чесать ногу об ногу не очень элегантно, но ты вроде теперь не чешешь... А что касается моих страданий... Любовь это или не любовь, не знаю, не в словах дело. Но Аня мне нравится, и мне, конечно, приятно, когда она гуляет с другим... Ты этого не знал, и я тебя не виню. И на Рустана не обижайся, он ведь тоже не знает, что ты такой... ну... не совсем обычный. Он счел своим долгом заступиться за меня... Ты спишь? — спросил Валерий, прислушавшись к ровному дыханию Ура.

— Нет. Я слушаю тебя и думаю.

— Так вот, Ур, скажу честно: Аня легкомысленная малость, ей все ха-ха, хи-хи... и будет лучше, если ты... — Валерий замаялся, не находя нужного слова.

— Если я не буду ходить с ней в цирк и ездить на пляж.

— Не в этом дело. Можешь ходить и ездить, только чтобы дальше не заходило, понимаешь? Ну вот... А уезжать не надо, Ур. Правда. Ребята огорчатся, если уедешь.

— А ты?

— Я тоже.

— Хорошо, — сказал Ур. — Я останусь.

— Вот и молодец. А теперь давай спать.

Но Валерию не спалось. Он повернулся на другой

бок, зевнул. И тут ему показалось, что Ур смотрит на него в темноте.

— Чего не спишь? — спросил он с каким-то мимолетным неприятным ощущением.

— Я сейчас думал, думал, думал, — сказал Ур, — и придумал фантастику. Вроде тех историй, которые я прочел в книжках из твоего шкафа. Если ты не будешь спать, я расскажу.

— Давай, — сказал Валерий.

Рассказ, сочиненный Уром и несколько отредактированный авторами

В некоторой Галактике, на некоторой планете существовала некая весьма древняя цивилизация. Развивалась она много тысячелетий, и давно там позабыли про войны и всякие распри. И, поскольку не было нужды в военной промышленности, тамошние жители могли все силы направлять на совершенствование, на процветание науки и искусства. С энергией у них было не просто, потому что энтропия есть энтропия, тут ничего не поделаешь, к тому же планета у них не имела своего, естественного магнитного поля. Скупной энергетический паек очень стимулировал научный поиск, и в конце концов они решили эту трудную проблему и стали получать достаточно энергии, не отравляя при этом свою атмосферу тепловыми и радиационными отходами.

Болезней они не знали, вернее, забыли о них. Пищи у них было вдоволь, потому что они научились синтезировать что угодно в любом количестве. Обучение наукам было поставлено превосходно. Ну, к примеру, так. Нужный для обучения текст наносился на такую тоненькую и длинную ленту, вроде магнитофонной записи, и обучаемый понемногу, метр за метром, съедал ее. Лента переваривалась, а помещенная на ней информация в известной последовательности переходила в кровь, с ее током поступала в мозг и усваивалась механизмом памяти. Так что процесс обучения продолжался у них недолго и не был труден.

Разумеется, у них был налажен обмен информацией с другими цивилизованными мирами, да и преодоление межзвездных пространств не являлось для них особой

проблемой. И поэтому они были в курсе всего, что происходило в Галактике.

И вот они узнали, что на ее окраине, вдали от галактического центра, от серьезных источников энергии, есть звезда из породы желтых карликов с небольшой планетной системой. И там, на третьей от звезды орбите, находится небольшая такая планета, поверхность которой на две трети залита водой. Суша, занимавшая всего треть поверхности, была неудобная, с редкостным обилием горных цепей и пустынь, — тем не менее на этой суше возникла цивилизация. Уровень ее был, в общем, невысок, так что особого интереса для изучения эта планета вроде бы не представляла. Не такая уж невидаль — малоразвитая или, как говорят, развивающаяся цивилизация. Развивается — ну и пусть себе развивается на здоровье.

Естественно, что наблюдения за этой планетой велись весьма незначительные. Ну, скажем, занимался этим один чужак. Вот он наблюдает, сопоставляет наблюдения с более ранними материалами, подмечает существенные изменения, сопутствующие развитию цивилизации, и сводит свои наблюдения в отчеты. Время от времени информацию эту просматривают — или, если угодно, впитывают — сограждане, облеченные ответственностью за галактическую безопасность. Они понимающе качают головами: драчливая, дескать, планета, часто там воюют, истребляют друг друга... вот и растительность губят, загрязняют удивительные свои моря, а в атмосферу выбрасывают столько углекислоты, что просто непонятно, задумываются ли тамошние двуногие обитатели над своим будущим... Ага, вот и гриб атомного взрыва появился. Так-так, ничего не скажешь, развивается цивилизация...

И делает наш наблюдатель интересный вывод: развивается, мол, эта цивилизация весьма неравномерно — то как бы забегают вперед, то плутает по боковым тропинкам, будто на ощупь.

Ну, например. Судя по всему, тамошние ученые допытались, что если проводник пересекает магнитные силовые линии, то в нем наводится электродвижущая сила — и наоборот. Планета ведь располагала готовеньким магнитным полем, а многие ли планеты, даже очень благоустроенные, обладают таким природным богатством? Так вот, ухватиться бы тамошнему населению за элект-

ричество. Нет. Не разглядели его замечательных возможностей — продолжали превращать воду в пар, ковали коленчатые валы, изобретали клапаны и золотники и спалили в паровых котлах чуть ли не половину лесов на планете. Когда же преждевременно открытое электричество пробило себе наконец дорогу и вытеснило паровую машину, против его натиска все-таки устоял транспорт: предпочел ему двигатель внутреннего сгорания. Понаделали огромное количество автомобилей, тоже с коленчатыми валами — уж очень полюбили там эту кривую, ни за что не хотели расставаться. Стали делать из нефти зловонное топливо, отработанные газы которого отравили воздух в городах.

Вот примерно такое впечатление производила на наблюдателя цивилизация этой планеты в дальнем углу Галактики. Она, цивилизация, с ее бросками. вперед и блужданиями на боковых тропинках, казалась по меньшей мере странной. У них-то самих, на высокоразвитой планете, развитие шло по восходящей прямой под небольшим таким, осторожным углом. Надо ли пояснять, какими изумленными глазами смотрели они на путаные петли, представлявшие, по мнению наблюдателя, графическое выражение развития дальней планеты! В этих петлях глаз — или то, что заменяло его, — едва улавливал тенденцию к подъему.

И все-таки тенденция эта прослеживалась неуклонно. И, когда был отмечен на той планете атомный взрыв, наблюдатели на высокоразвитой планете забеспокоились. Да, наблюдатели. Их уже было порядочно — не один чудак, а целый, так сказать, научный коллектив. Опять, стало быть, преждевременное открытие: не научились еще управлять атомной энергией, а сразу на тебе — ядерный взрыв, который не мог не погубить большое количество тамошних жителей. Не очень, как видно, дорожат они высшей ценностью мироздания — разумной жизнью, если пускают в ход неуправляемые нуклеарные реакции.

И особенно возросло беспокойство, когда поступили первые сведения о выходе тамошних в космос. Конечно, это были первые робкие шаги, облет планеты в пределах ее гравитационного поля. Но известно ведь, на какие удивительные скачки способны тамошние двуногие. Пока что они, как видно, совершенствуют реактивные двигате-

ли, возятся с ракетным топливом, но где гарантия, что они не сумеют справиться с субстанцией времени? Они ведь странные: пошли по линии развития паровой техники вместо электрической, хотя электричество было им уже известно и доступно, и это обошлось им в петлю примерно в полтора столетия по их летосчислению. А ну как на этот раз они не отвлекутся в сторону, поймут, что то, что они называют скоростью света,— не предел скорости взаимодействия материи, и выйдут на галактические дороги? Что тогда?

В сущности, простейший силлогизм. Первая посылка: тамошние двуногие способны в обозримом будущем овладеть техникой межзвездных перелетов. Вторая посылка: они хоть и наделены разумом, но сохранили некие первобытные черты, свойственные, надо полагать, их диким предкам. Следовательно: выход на галактические дороги этих драчливых существ, готовых в любой момент шархнуть неуправляемой атомной реакцией по разумной жизни, представляет собой серьезную опасность для цивилизованного космоса.

Теперь дальней планетой занималось множество ответственных лиц не только на той высокоразвитой планете, но и в других цивилизованных мирах, связанных системой дальней космической связи. Шел интенсивный обмен информацией. И когда стало известно, что «тамошние двуногие» стали отправлять аппараты к соседним планетам, было решено созвать совещание представителей высоких цивилизаций, известных друг другу: надо принимать какие-то меры.

В согласованный срок открылась на одной из планет конференция. Кого только там не было, в смысле — каких только форм органической жизни! И белковые были формы, и германиевые, и кремнийорганические, и такие, что и слов для их характеристики не найти... Ну что говорить — увидеть надо, иначе просто не поверишь... Были и представители коллективных организмов — эти прилетели целым контейнером, этакая колония тонн в триста...

Пришлось организаторам конференции поработать, как говорится, в поте лица,— вернее, того, что им лицо заменяло. Но подготовили они все хорошо: комнаты кому с охлаждением, кому с подогревом, и разное освещение, и питание, и атмосфера каждому какая требуется, ванны там с разными жидкостями... Средства обще-

ния — грубо говоря, перевод с разных частот на общую — тоже, разумеется, были подготовлены.

Собрались, одним словом. Некоторое время ушло на изучение суммированной информации о дальней планете, причинившей столько хлопот. Потом начался обмен мнениями.

Встал, допустим, какой-нибудь восьмирук-восьминог, глаза на пальцах — и говорит:

— Опасная планета, всего можно ожидать от этих двуногих. Чего хорошего, а то ведь прилетят со своими бомбами и пойдут кидать их без разбора по разумной жизни. Вон они между собой как нескончаемо дерутся — так уж тем более взъеряются на других, у которых, к примеру, ног побольше. Нельзя нам закрывать глаза — или что у кого есть — на опасный вариант дальнейшего развития. Надо же нам о детях своих беспокоиться.

— Что вы предлагаете, брат? — спросил председатель.

Помигал восьминог своими гляделками и говорит:

— Звезда-то у них какая? Желтый карлик? Что ж, сложимся энергоресурсами, сконцентрируемся и схлопнем звезду. Больше ничего не остается.

Тут просит слова некий двуногий, чешуйчатый, ужасно гибкий. Всеми цветами прореливается от волнения.

— Братья, — говорит, — по разуму! Не надо, — говорит, — торопиться с такими серьезными делами. Ведь они, тамошние, — мыслящие. Значит, — говорит, — в известной степени тоже братья по разуму. С какой стати они станут швырять в нас бомбы? Если и сумеют до нас долететь, то увидят же, что здесь высокоорганизованная разумная жизнь. Нет, они придут к нам, как к старшим братьям, за советом, более того — за советом просвещения. И мы им обязаны помочь. Они поймут, что агрессивность не оправдывается ни морально, ни экономически. Не верю, что их мышление извращено от природы, изначально, — не может этого быть. Просто оно еще молодо и полно детского задора...

Как загалдит конференция на всех частотах:

— Идеалист несчастный!

— Детский задор, видите ли, нашел в атомной дубине!

— Ишь как позеленел, за своих беспокоится...

И верно, разволновался двуногий. Пришлось ему вы-

пить для успокоения раствору едкого натра. Почистил клювом чешую, помигал теменным глазом — успокоился.

Затем поднялся такой зубастый, из тарбозавров. Встал на задние лапы, хвостом подперся и давай телепатически вещать — сам-то безголосый.

— Братья! — вещает. — Мы, ящеры, живем на планете, похожей на ту. У нас история жизни в точности как у них началась. Только там из-за попадания системы в радиационную полосу космоса наши братья ящеры разом вымерли, и в результате этого жуткого несчастья, о котором невозможно говорить без содрогания, планету захватили ничтожные млекопитающие...

— Потише насчет млекопитающих, — предостерегли его.

— Прошу прощения, — вещает ящер, — я не собирался кого-либо обижать. Я только хочу сказать, что, если бы на той планете не произошло трагедии, ящеры не дали бы развиться млекопитающим и развитие бы там пошло нормальным путем, без скачков и завихрений, — ну, как у нас на планете. Поймите меня правильно: я имею в виду тех млекопитающих, а не разновидности, присутствующие на данной конференции. Там цивилизация должна была возникнуть наша, ящерная. Другое дело, если бы там с самого начала не было ящеров...

— Не слишком ли много о ящерах? — перебили его.

— Ближе к делу, — сказал председатель. — Брат ящер, что вы предлагаете?

— Я предлагаю: желтого карлика не трогать. Нехорошо это — без крайней надобности схлопывать живые звезды. Да и накладно это энергетически. Планету тоже не надо губить, планета сама по себе хороша. Может быть, даже не всех тамошних млекопитающих надо ликвидировать, а с разбором — тех, что лезут с атомными зарядами в космос. После них можно будет сделать кое-какую дезинфекцию, состав воздуха привести в порядок — превосходная будет планета.

Тут просит слова коллективный разум, триста тонн мозга:

— От имени разумной оболочки планеты мы обращаемся к вам, братья по разуму. Опасность велика! Опасность очень велика! Для вас, разобщенных, может быть, это не так заметно, но мы отчетливо вижу всю серьезность положения. Для нас повреждение одного элемента

жизни — гибель всей оболочки, нам ни в коем случае нельзя подвергать себя опасности! Очаг космической агрессии, пока не поздно, должен быть ликвидирован! Лично мы предлагаем прекратить обсуждение — надо или не надо. Конечно, надо! Мы предлагаем обсудить конкретные вопросы: когда и как! Не жалейте энергии, братья, ибо опасность безмерно велика!

Истерическое это выступление сразу как-то взвинтило конференцию. Со всех сторон, на всех частотах посыпались выкрики:

— Преувеличивает оболочка — не так уж велика опасность! До звездных перелетов им еще далеко, может, и вовсе не осияют, а если и осияют, так к тому времени, может, цивилизуются!

— Как бы не так! Сказано же в докладе: склонны к забеганию вперед, вот и выбегут к центру Галактики и застигнут нас, незащищенных! Срочные меры надо принимать, братья, а не ждать, пока там цивилизуются до второй степени разума!

— Правильно! Подсчитать расход энергии, сложить ее поровну и схлопнуть желтого карлика!

— Почему поровну? Разложить расходы пропорционально радиусам планет, так будет справедливо.

— Неверно! Пропорционально массам, а не радиусам!

— Не надо трогать звезду! Мы, ящеры, просим дать нам возможность навести там порядок...

— Схлопнуть, схлопнуть!

— Не торопитесь, братья! Нет ничего страшнее, чем ошибка поспешного обобщения. Спору нет, доклад обстоятелен, но мы ведь не знаем никаких деталей. Вон сказано в докладе, что за последнее время ядерные взрывы там наблюдаются реже. Как понимать такую тенденцию, если она окажется устойчивой? Подумать надо, братья, накопить больше информации...

Ур замолчал.

В окно светила луна, и в ее неверном свете, раздробленном листвой айланта, лицо Ура было каменно-неподвижным, и глаза были немигающие, темные, без блеска. Ужасом повеяло на Валерия от этого лица, ужасом и межзвездным холодом — будто космическая пропасть

разверзлась вдруг между ним и диваном, на котором лежал Ур.

Страшная мысль вдруг пронизала его: не робот ли лежит в его комнате? Робот-андроид, отправленный на Землю, чтобы «накопить больше информации»... Механизм, лишь притворяющийся человеком, а на самом деле бездушный, такой же равнодушный к судьбам человечества, как диван, на котором лежит... лежит только потому, что такова его программа: во всем неотличимо походить на людей...

А где-то за черными галактическими далами некие высокоразвитые существа ожидают его информации. Они, видите ли, обеспокоены: преждевременно вылезли в космос драчливые, неотесанные, не доросшие... как это?.. до второй степени разума... Как бы не смутили покой благоустроенных планет, не шарахнули бы по ним атомной дубиной... И нет им дела до нашей жизни, до наших радостей и печалей, до той трудной и долгой борьбы, которую силы добра ведут со злой силой, как раз этой атомной дубиной и размахивающей. Мы для них, высокоразвитых, все равно что... все равно что тараканы для дезинсекторов. «Планета хорошая, только позвольте нам, ящерам, навести там порядок, ликвидировать зловредных млекопитающих...»

Валерий сел на тахте. Бежать куда-то, что-то делать... предупредить людей, что страшная нависла угроза: в любое время могут «схлопнуть» солнце — и брызнут обломки планет, превращаясь в облачка плазмы...

А этого робота, лежащего на диване,— обезвредить как-то... молотком по затылку...

Ур заворочался опять, забарахтался в простынях. И вдруг, издав вопль, соскочил с дивана.

У Валерия сердце оборвалось.

— Ты что? — выдохнул он, объятый ужасом. — Ты что?..

Протянул трясущуюся руку к торшеру, дернул за шнурок. Вспыхнул свет. Ур, держась рукой за обтянутый плавками зад, метался по комнате. Потом бросился к своей постели, начал рыться в ней, переворачивая подушку, простыни.

— Вот она, зар-раза! — прорычал он и протянул Валерию нечто на ладони.

Это была кнопка. Хорошая чертежная кнопка, с мед-

ной головкой и тонким острием, мирно лежала на ладони.

— Как она попала в постель? — возмущался Ур, потирая другой рукой уколотый зад. — Со стола я ее смахнул, что ли, когда книгу брал?

Валерий тупо смотрел на кнопку. Космический страх медленно отпускал его, рассеивался, испарялся. И Валерий освобожденно вздохнул. И засмеялся. Тоже мне робот — заорал, как резаный...

— Не понимаю, что здесь смешного, — сказал Ур.

Он выглядел рассерженным. Топорщилась черная борода, толстые губы были надуты, как у обиженного ребенка.

Скрипнув, отворилась дверь — в комнату заглянула тетя Соня в халате, украшенном абстрактными цветными трапециями.

— Что с вами, мальчики? Что за вопли? Весь дом разбудите!

Ур добросовестно объяснил, что случилось.

— Из-за такой незначительной травмы — такой крик? Не ожидала я от вас, Ур. А тебе, Валечка, стыдно смеяться над товарищем. — Она удивленно смотрела на Валерия, изнемогавшего от смеха. — Вместо того чтобы продезинфицировать ранку...

— Сейчас я ему йодом смажу! — Валерий сунул ноги в тапочки и пошел в кухню, где висела аптечка. — Ох и смажу!

— Возьми лучше календулу, — посоветовала тетя Соня.

Спустя минут десять свет был потушен, и оба снова лежали в своих постелях. Луна уплыла. Теперь в раскрытое окно проникал только слабый шелест листьев на свежающем ночном ветру.

После стрессовой вспышки и неожиданной разрядки Валерий чувствовал себя усталым, опустошенным. А все-таки странно, подумал он: почему Ур сочинил такую историю? Только ли потому, что начитался сверх меры фантастики?

— Зачем ты рассказал это? — спросил Валерий.

Ответа не последовало. Ур спал, лежа на животе, чтобы не потревожить невзначай уколотое место.

Глава седьмая

ЧТО ЭТО БЫЛО?..

Там, внизу, когда шумел мотор,
Был у них последний разговор.
«Мисс,— сказал ей инженер Чарлз Хоулд,—
Вы мне динамо милей».

Из старой песни

Мерно вращалась, слегка покачиваясь и как бы описывая полюсами конус, планета Земля — электрический генератор с ротором диаметром в двенадцать тысяч километров, с окружной скоростью у экватора почти пятьсот километров в секунду, с мощным магнитным ядром внутри. И, словно обмоткой, покрыта она соленой токопроводящей оболочкой Мирового океана, а над ней вторая обмотка — ионосфера, непрерывно питаемая космическим излучением.

Много на планете движущейся воды. Могучие струи холодных и теплых течений пересекают моря и океаны в разных направлениях. Несут к морям свои воды многочисленные реки...

Более ста лет назад Майкла Фарадея осенила великопленная идея: в воде — проводящей жидкости, пересекающей магнитные силовые линии, должен возникнуть электрический ток. И если его измерить, можно по нему определить скорость течения. На Темзе выбрал Фарадей участок, где река пересекала магнитный меридиан под прямым углом. Правда, не было еще в те времена точных приборов, и опыт Фарадею не удался.

Прошло целое столетие, прежде чем этот опыт был успешно повторен. Теперь существует готовая система ЭМИТ — электромагнитный метод измерения течений. Но годится он только для мощных течений вроде Гольфстрима.

Все серьезные океанские течения ныне, конечно, измерены для нужд мореплавания. А «несерьезные», слабые течения? Вроде бы они особенно и не нужны.

Тем не менее методику, предложенную Уром для измерения слабых течений, было решено испытать: прибор был прост, испытание не требовало особых расходов, и Вера Федоровна дала свое согласие.

— Вечно отрываете меня от дел! — проворчала она,

выслушав Нонну, и подошла к стене, сплошь увешанной картами.— Ну-ка, давайте посмотрим на эту вшивую речку.

Джанавар-чай — Волчья река — протекала километрах в семидесяти от города. За тысячи лет существования она проела в суглинках довольно глубокий каньон. Летом речка пересыхала, обнажая усеянное камнями ложе. Осенью воды прибавлялось, и Джанавар-чай лениво текла к морю, нисколько не подозревая, что ей предстоит послужить науке. Высокая честь была ей оказана за то, что в нижнем своем течении она, как и Фарадеева Темза, текла строго с запада на восток, пересекая под прямым углом магнитный меридиан.

— Ладно,— сказала Вера Федоровна, посмотрев.— Заранее знаю: ни черта у вас не выйдет, на таком течении вы не сможете выделить ток из фона. Но ваше счастье, что я, как все женщины, любопытна... Что вы там разглядываете? — оглянулась она на Ура, стоявшего у глобуса.

В свое время Вера Федоровна Андреева прославилась оригинальным исследованием влияния океанов на магнитное склонение. Ей принадлежала идея тереллы — глобуса с медными океанами. Когда по катушке-соленой-ду, помещенной внутри глобуса, пропускали ток, терелла превращалась в геомагнитную модель земного шара. Магнитные полюса оказывались точно на месте, из них расходились силовые линии. Подвешивая магнитные стрелки вокруг глобуса, можно было получить верную картину аномалий. Таким образом Вера Федоровна обосновывала гипотезу о том, что аномалии — искажения магнитных склонений — вызваны не чем иным, как своеобразием очертаний океанов.

Был широко известен ее опыт. На тереллу наклепывали медный лист, вырезанный по форме древнейшего Мирового океана,— то был палеоокеан, существовавший шестьсот миллионов лет назад. Включался ток, вздрагивали, поворачивались стрелки — теперь они показывали не на северный магнитный полюс, а на то место, где он был в те далекие времена,— между Маршалловыми и Каролинскими островами. Северный магнитный полюс на модели смещался на свое древнейшее место, подтвержденное палеомагнитными исследованиями...

Ура, как видно, очень занимала терелла. Услышав во-

прос директрисы, он постучал пальцем по тусклой меди в южной части Индийского океана.

— Вот здесь,— сказал он.— Здесь, вокруг Антарктиды, единственное место на планете, где сливаются все океаны.

— Общеизвестно и очевидно,— обронила Вера Федоровна, возвращаясь к себе за стол.

— И здесь проходит единственное на планете замкнутое кольцевое течение, опоясывающее земной шар.

— Течение Западных Ветров,— сказала директриса, придвигая к себе бумаги.— У меня мало времени, Ур, чтобы выслушивать такие потрясающие откровения.

— Его не хватает на вашей модели, Вера Федоровна. Сделайте в этом месте кольцо, и пусть оно вращается вокруг глобуса. Модель земного магнетизма заиграет по-новому.

Вера Федоровна прищурилась на тереллу.

— Почему это она заиграет по-новому? — сказала она, помолчав.— Допустим, в кольце будет наводиться электродвижущая сила, моделирующая электрический ток в течении,— ну и что?

— Ток можно увеличивать и смотреть, что произойдет при этом.

— Можно.— Вера Федоровна грустно покивала головой.— Можно увеличивать ток и смотреть. Все можно. А вы займетесь вместо меня вот этим.— Она накрыла ладонью кипу бумаг.— Вы отправитесь вместо меня на заседание месткома и будете разбирать заявления на получение квартир и приобретение автомобилей. А? Ну, что устались на меня? Идите. Берите четверг и пятницу и проваливайте на свою речку. Если надо, прихватите субботу и воскресенье — меня это не касается.

— Хотела бы я знать, что у нас происходит,— сказала Нонна строгим голосом.— В группе совершенно разболталась дисциплина...

Это не было ни собрание, ни производственное совещание. Просто все были в сборе, и Нонна решила обратиться к группе с речью воспитательного характера.

— Перессорились, как дошкольники,— продолжала Нонна.— Аня не хочет ехать. потому что едет Ур. Валерий не хочет ехать, потому что не едет Аня. Меня не ка-

саются ваши личные дела, но если они отражаются на работе...

Ур поднял голову от геодезической карты и сказал:

— Аня не хочет ехать, потому что еду я? Не понимаю.

— Ах, да ничего подобного! — выпалила Аня, порозовев и нахмутив тоненькие шелковистые бровки. — Мне абсолютно безразлично, кто едет, а кто нет. Просто у меня на выходные масса всяких дел. В конце концов, есть другие лаборанты.

— Я бы и взяла другого, — холодно проговорила Нонна, — но, как нарочно, Швачкин сдает экзамены, а Межлумов болен.

— Не понимаю, почему Аня теперь со мной не хочет разговаривать, — сказал Ур.

— Не только с тобой, — вставил Рустам.

— Очень вы мне нужны! — Щеки у Ани пылали огнем, в глазах стояли слезы. — Никуда я не поеду, и вообще мне надоело...

Не договорив, она выскочила из комнаты.

Тут продолжительный звонок возвестил окончание рабочего дня. Валерий быстро покидал в портфель-чемоданчик бумаги и книжки, щелкнул замочком и устремился в коридор.

В соседней комнате никого не было, но Валерий заметил за матово-стеклянной перегородкой, отделявшей от комнаты лабораторное помещение, чью-то тень. Он заглянул в приоткрытую дверь и увидел Аню. Она сидела за старинным «ундервудом», занеся пальчики над клавиатурой. По щеке, обращенной к Валерию, скатилась слеза. Аня смахнула ее и ударила по клавишам. Написав несколько слов, опять застыла в раздумье.

Валерий тихо подошел. Аня вскинула на него испуганный взгляд и закрыла руками заправленный в машинку лист бумаги. Все же Валерий успел прочесть: «Директору Ин-та физики моря т. Андреевой. Заявние».

— Ты написала «заявние» вместо «заявление», — сказал он.

— А тебе какое дело? — Аня мельком взглянула на бумагу. — Сейчас же уходи.

— Ты пишешь заявление об уходе?

— Да, — сказала она, с вызовом потрянув головой. — Надоело! Видеть всех вас не могу...

Под глазами у нее было черно от краски, размытой

слезами. Аня отвернулась, всем видом выказывая, что ждет ухода Валерия. Он посмотрел на ее нежный затылок в легких белокурых завитках, потом потянулся к машинке и быстро написал несколько слов.

— Не смей! — Аня оттолкнула его руку.

Но Валерий успел дописать и молча вышел. Он шел по коридору, глядя себе под ноги, старый паркет скрипел под шагами. Он почти дошел до поворота, как вдруг услышал Анин голос и оглянулся. Аня выглядывала из-за двери своей комнаты.

— Подожди меня у выхода! — крикнула она.

Спешно она привела в порядок лицо. Потом выдернула из машинки лист, на котором после слова «Заявние» было напечатано «ялюблютебя», и, сложив, спрятала в сумочку.

Валерий ожидал ее у выхода. Аня взяла его под руку, и они пошли вниз по залитой солнцем улице.

— Это правда? — спросила Аня. — То, что ты написал?

— Да, — ответил он, поглядывая на ее белые туфельки.

Помолчали немного. Потом Аня спросила:

— Почему ты мне раньше никогда не говорил?

— А зачем? Сама должна была понять...

— Какие-то вы все... как дети... — сказала Аня. — Почему я должна догадываться сама? Почему ваши ухаживания, ваша трепотня должны меня к чему-то обязывать? Какие-то вы все собственники... Стоит мне пойти в кино или... или поехать на пляж, как ты напускаешь на себя оскорбленный вид. А потом появляется прямо из воды твой друг и грозит набить морду — спасибо еще, что не мне...

— Не сердись на Рустама. Он разозлился на Ура и... счител своим долгом передо мной, хотя я его не просил...

— Вот-вот. Все вы ужасно благородные друг перед другом. Прямо рыцари. Один считает долгом заступиться. Другой, узнав, что поехал на пляж с «чужой», — она подчеркнула это слово интонацией, — девушкой, приходит на следующий день и заявляет: «Аня, ты извини, я не знал, что ты принадлежишь Валерию, больше я с тобой не буду ездить»...

— Гос-споди! — простонал Валерий. — Так и сказал?

— Дурак такой, где он только воспитывался? — сер-

дито сказала Аня, отпустив руку Валерия. — «Принадлежишь»!

— Действительно, глупо получилось...

Он хотел добавить, что сам-то он нисколько не виноват, потому что не подстрекал Ура к такому заявлению, но осекся. Разве он не дал понять Уру, чтобы тот держался от Ани подальше? И разве, зная идиотскую прямолинейность Ура, трудно было предвидеть, что он может выкинуть подобный номер?

— Он немножко неотесанный, — сказал Валерий, — со странностями. Но могу поручиться, что он не хотел тебя обидеть.

— Какая разница — хотел или не хотел? Как можно вообще сказать такое девушке? Тоже мне пришелец несчастный...

— Пришелец? — Валерий остановился, изумленно глядя на Аню. — С чего ты взяла, что он пришелец?

— А ты не слышал? Говорят, он прилетел не из Румынии, а с Луны, с Марса, — в общем, не знаю откуда. Он припадочный.

— Припадочный? — еще более поразился Валерий.

— Нинка рассказывала, какой он припадок закатил у директорши в кабинете. Ненормальный, в общем.

Аня снова взяла его под руку и осторожно пошла по свежевырытой земле: тут вдоль тротуара копали траншею. Несколько женщин в курточках апельсинового цвета, опершись на лопаты, оживленно переговаривались. Группка прохожих, загородив проход, обсуждала какое-то уличное происшествие.

— Он ему грубость сказал, — слышались голоса, — а тот не стерпел...

— Ка-ак швырнет его, он в воздухе распластался...

— Ничего он не швырял. Сам подпрыгнул, зацепился за что-то, а потом плюхнулся на песок...

— Ни за что он не зацепился, я сам видел: повис в воздухе и руками размахивает, будто плавает...

— Ну что это такое? — сказала Аня. — Граждане, дайте пройти.

Она подошла к маленькому промтоварному магазину. Обычно продавец стоял у входа: в самом магазинчике, узком, как шкаф, ему было тесно. Но сейчас продавец не стоял на улице, не покуривал возле пестрого прилавка. Он сидел в магазине на табурете — сквозь раскрытую

дверь было видно его бледное лицо с безумно выкаченными, остановившимися глазами. Почему-то он был без своей неизменной огромной кепки. Двое молодых людей — как видно, дружки продавца — хлопотали возле него, поили водой. Один из них тихо сказал Ане, сунувшейся было в магазин:

— Нельзя, девушка, закрыто.

— Как это закрыто? — возмутилась Аня. — Еще два часа до закрытия!

— Он немножко заболел. Завтра приходи.

— Да ладно, пойдем, — сказал Валерий. — Уж если кто-то ненормальный, так этот магазинщик. Он тронулся от безделья — не видишь разве?

— Он мне обещал польскую перламутровую, девятый номер. — У Ани был очень огорченный вид. — Ах, досада какая!.. Кто ненормальный? Магазинщик? Ну уж нет, этот вполне нормальный.

Незадолго перед ними по той же улице прошли Ур и Нонна. Нонна шла танцующей походкой, широко, по-балетному разворачивая ступни. Она злилась на себя за эту легкомысленную походку, пыталась даже ее переделать, но медленно передвигать ноги, ставя их носками внутрь, оказалось настолько утомительным, что пришлось бросить и смириться. Против собственной природы, увы, не пойдешь. С улыбкой у Нонны тоже было неладно: губы у нее устроены будто нарочно для привлекательной улыбки. Ну, с губами-то Нонна справилась — ценой длительной тренировки перед зеркалом научилась держать уголки рта, рвущиеся вверх, опущенными. Это придавало ее лицу несколько высокомерное выражение — то самое, за которое и прозвали Нонну в институтеходячей статуей.

— Хочу спросить тебя, — сказал Ур, — что означает выражение «работать на дядю»?

— Ну, так говорят, когда делают работу за того, кто сам обязан ее сделать.

— Выходит, за работу, которую выполнил не он сам, Пиреев получит степень доктора наук?

— Ты удивительно догадлив.

До Ура ее ирония, однако, не дошла.

— Ты преувеличиваешь, — сказал он. — Не думаю,

чтобы моя догадливость могла кого-нибудь удивить. Теперь скажи мне: будет ли вред оттого, что Пиреев защитит диссертацию и станет доктором наук?

«Вот навязался на мою голову!» — подумала Нонна.

— Для нашего отдела скорее будет не вред, а польза,— сухо сказала она.— Может, поговорим о другом?

— Давай,— согласился Ур.— Только закончим этот разговор. Значит, польза. Ты имеешь в виду океанскую экспедицию?

— Да. И вообще тему электрических токов в океанских течениях. Она не совсем в профиле нашего института, это — личная тема Веры Федоровны. Грушин против нее возражал, а Пиреев утвердил.

— Значит, вреда не будет,— удовлетворенно сказал Ур.— Ты хотела поговорить о чем-то другом?

Нонна любила логику и всегда старалась следовать ее правилам. Но приверженность Ура к строгим логическим выводам вызывала у нее раздражение. И ее вдруг охватило желание смутить безмятежность этого новоявленного моралиста.

— Тебе не доводилось читать Евангелие? — спросила она.— А я читала. Моя бабушка верила в бога, и после нее осталось Евангелие. Так вот, там есть довольно любопытные афоризмы. Например: «Не приносите в храм цены песьей».

— Цена песья,— вдумчиво повторил Ур.— Это значит — стоимость собаки?

— Это значит, что нельзя жертвовать храму средства, добытые недостойным путем.

— Нонна, я не понял,— сказал Ур, помолчав.

— Ох! — Невозмутимость Нонны подвергалась тяжкому испытанию.— В переносном смысле я имею в виду храм науки,— начала она объяснять.— Нельзя вводить в этот храм недостойного, которому там не место. Если и это не понятно, то поясню: корыстные цели несовместимы с занятием наукой. Теперь понятно?

— Не совсем. Мы ведь не преследуем корыстной цели, делая за Пиреева диссертацию.

— Конечно,— сказала Нонна, чувствуя, что еще немного, и она сорвется, завизжит на всю улицу.— Мы корыстной цели не преследуем, но стараемся заручиться поддержкой Пиреева в наших делах. И давай закончим, Ур. Не очень-то приятная тема.

Ур молчал, размышляя. Впереди тротуар был разрыт. Нонна сошла на мостовую, а Ур остановился у автомата с газированной водой. Выпив залпом стакан, он без видимого усилия перепрыгнул через траншею и горку вынутаго грунта и снова оказался рядом с Нонной.

— Ты здорово прыгаешь в длину,— сказала она.— Почему бы тебе не заняться всерьез? Заделался бы чемпионом.

— Чем заняться всерьез?

— Прыжками в длину.

— Как можно всерьез заниматься прыжками? — удивился Ур.— Я прыгаю, когда это нужно.

Тут он опять остановился, глядя на женщин в апельсиновых курточках, копавших траншею.

— Ур, я пойду,— сказала Нонна.

— Подожди минутку, я сейчас.

Он направился к продавцу магазина-шкафа. Толстошекий, в кепке метрового диаметра, тот, как обычно, стоял у пестрого своего прилавка и с чувством превосходства поглядывал на прохожих.

— Что надо? — процедил он, взглянув на вставшего перед ним Ура.

— Надо, чтобы ты работал,— сказал Ур.

— Иди отсюда.— Продавец перевел скучающий взгляд на кучу песка, которая под взмахами лопат приближалась к носкам его двухцветных туфель.

— Нехорошо,— сказал Ур.— Женщины копают землю, им тяжело, а ты целыми днями стоишь тут и ничего не делаешь.

— Ты что привязался? — сузил глаза магазинщик.— По роже хочешь?

— Не хочу,— добросовестно ответил Ур.— Ты отдохни,— обратился он к ближайшей из работавших женщин и вытянул у нее из рук большую совковую лопату.— А ты работай.— Он протянул лопату магазинщику.— Бери, бери. Надо работать.

Женщина, у которой он отобрал лопату, разинула от изумления рот. Ее подруги перестали копать, смотрели с интересом.

— Как же, будет он тебе работать! — сказала одна из них.

Начали останавливаться прохожие. Остановился и проходивший мимо лилипут — тщательно одетый, с на-

помаженным аккуратным пробором, с маленьким личиком в сетке мелких морщин. Должно быть, он направлялся в цирк, находившийся неподалеку отсюда. Увидев Ура, лилипут улыбнулся ему и кивнул, но Ур его не заметил. Он все протягивал продавцу лопату.

— Издеваться? — прошипел тот сквозь зубы.

Резким движением он отбросил лопату. По-боксерски сбывшись, шагнул к Уру и с силой толкнул его в грудь. Ур удержался на ногах, только отступил шага на два. Лицо его словно окаменело, и он скрестил тяжелый взгляд со злым взглядом продавца. Продавец замахнулся для нового удара...

Тут-то и произошло нечто поразительное, давшее пищу для толков и пересудов едва ли не всему городу, — настолько поразительное, что почти никто в это не поверил.

Но работники в апельсиновых курточках, и несколько случайных прохожих, и лилипут-циркач, и, разумеется, Нонна видели своими глазами, как продавец вдруг оторвался от земли и повис в воздухе. Распластавшись, как гигантская лягушка, он беспомощно и судорожно махал руками, пытаясь дотянуться до балконной решетки второго этажа. Кепка свалилась с его головы, обнажив раннюю лысину.

Это продолжалось недолго — не более пяти секунд. Потом продавец рухнул ничком на кучу песка.

— Ай-йй-йй-йй! — заголосила одна из работниц. — Что это было?!

Ур повернулся и пошел прочь. Нонна пустилась догонять его. Заглянув Уру в лицо, она как бы не сразу узнала странного своего сотрудника: исчезло обычное добродушно-благожелательное выражение, губы плотно сжаты, между бровей образовалась суровая складочка. «Он будто маску сбросил», — подумала Нонна с неожиданным и неприятным чувством робости.

То же чувство, а может, что-то другое, чему она не могла найти определения, подсказало ей, что не нужно сейчас тревожить Ура расспросами. И Нонна замедлила шаг, приотстала. Еще некоторое время она видела черную шапку волос удаляющегося Ура. Потом он скрылся из виду.

В троллейбусе было битком набито. Но молодой парень с тетрадкой, испещренной математическими уравне-

ниями, поднялся и уступил Нонне место. Она поблагодарила и села. Парень стоял рядом и смотрел на нее с улыбочкой, требующей ответного внимания. Мельком взглянув на него, Нонна подумала, что парня следовало бы обрядить в костюм средневекового паж — такого испорченного мальчишки, дамского угодника и сердцееда.

Еще в детстве Нонна придумала себе тайную игру, со временем превратившуюся в привычку. На собраниях и совещаниях, в метро и троллейбусе она украдкой присматривалась к сидящему напротив — мужчине или женщине, старому или молодому, все равно, — и мысленно переодевала его, меняла прическу, приводя внешность в соответствие с выражением лица, с предполагаемым характером.

Кандидат географических наук Грушин — гладко причесанный на косой пробор, всегда в свежей сорочке и при галстукке, — становился как бы самим собой, когда Нонна мысленно снабжала его жидкой бородкой от уха до уха, суконным картузом с высокой тульей, желтой косовороткой, подпоясанной шнурочком с кистями, и синими штанами в белую полоску, заправленными в высокие смазные сапоги.

Таким же образом Нонна то надевала на Валерия жокеевую шапочку, то вкладывала ему в руки лук со стрелами и отправляла в Шервудский лес. Рустам почему-то представлялся ей с бородой, в цветастом халате и чалме, — он полулежал в сладостной истоме на низеньком диване и посасывал кальян.

Но с Уром эта игра не выходила. В какие только одежды не обряжала его фантазия Нонны! Латы римского легионера, космический скафандр, кожаные доспехи Зверобоя — все это было не то, не то. Аня находила в Уре сходство с эфелевым Адамом. Ах нет, чепуха. Пробовала Нонна примерять к нему камзол, плоеные воротнички, даже кружева, входящие в мужскую моду. Что ж — столетия два назад одетые в кружева мужчины совершали отчаянные подвиги. Но и это не выявляло внутренней сущности Ура. И Нонну это не то чтобы раздражало, но беспокоило.

С первого момента появления Ура в институте она испытывала к нему неприязнь. Ей казалась неправильной, иррациональной, если угодно, та легкость и быстрота, с которой этот дурно воспитанный, неинтеллигентный пра-

ктикант решал сложнейшие физико-математические задачи. Тут был какой-то подвох, и это тревожило Нонну, любившую во всем ясность и определенность. Еще более злило ее то, что, против собственной воли, она много думала об Уре. Да, она оценила его как способного работника, и этого было бы вполне достаточно для характера их отношений. Так нет же — Ур все более занимал ее мысли. «Прекрати о нем думать!» — приказывала она себе. Всегда ей удавалось подчиняться собственным приказам. Теперь — пожалуй, впервые в жизни — самовнушение не помогало.

Испуганный вопль работницы в апельсиновой курточке — «Ай-яй-яй-яй, что это было?!» — все еще стоял в Ноннинных ушах.

«Что же это было? — растерянно думала она, сидя в троллейбусе и глядя в окно на плывущие мимо дома и деревья. — Магази́нщик полез на Ура с кулаками и... и взлетел, будто подкинутый волной... или воздушной подушкой... Что это было? Не может же человек поднять другого человека, не прикасаясь к нему»...

Тут вспомнились ей разговоры, ходившие по институту: мол, никакой Ур не румын, а — пришелец. Инопланетчик, принявший земной облик. В пришельцев Нонна тоже не верила — как и в телекинез, и в снежного человека, и в нуль-транспортировку. Мир реален и вполне доступен пяти органам чувств, и незачем подозревать в нем таинственные сокровенности, укрытые от трезвого взгляда. Троллейбус, дома, прохожие, магазины — все привычно в своей каждодневности, определенности, в ясных своих очертаниях. И вдруг — барахтающийся в воздухе продавец...

Глава восьмая

ДЖАНАВАР-ЧАЙ

*Placet experiri*¹.

Латинская поговорка

Автобус был украшен на диво. На перегородке, отделявшей салон от тесного гнезда водителя, были разбросаны переводные картинки с изображениями красавиц,—

¹ Приятно экспериментировать (лат.).

инные шоферы районных рейсов ничего не жалеют за такие картинки. Вперемежку с красавицами были наклеены цветные фотографии легковых автомобилей разных марок и групповой снимок любимой футбольной команды. По углам торчали пучки сухого крашеного ковыля и искусственные розы. Стойки и поручни у дверей, как и рулевое колесо, были аккуратно обмотаны синей и красной пластиковой лентой. Богатое убранство дополнялось лозунгом, намалеванным без трафарета:

СОВЕСТЬ — ЛУЧШИЙ КОНТРОЛЕР!

Нонна и Аня сидели впереди, Ур с Валерием — за ними. Было жарко, встречный ветер, врывающийся в открытые окна, не спасал от духоты. Аня и Валерий посмеивались, обсуждая автобусные украшения и подвергая острой критике вкус самодеятельного умельца-декоратора. Потом Аня и Нонна углубились в болгарский журнал «Эстетика быта».

Ур сидел молча, глядя в окно. Там не было ничего особо интересного. Тянулась вдоль шоссе трасса строящегося газопровода — траншеи, кучи вынутого грунта, экскаваторы, штабеля труб. Дальше простиралась всхолмленная серо-желтая земля с бурями кустиками тамариска и верблюжьей колючки, а над землей — бледно-голубое небо с редкими прочерками облаков.

Валерий облокотился на спинку переднего сиденья и заглянул в раскрытый у Ани на коленях журнал. Там были яркие картинки — нарядные женщины на фоне полированных интерьеров. Скусающий взор скользнул по строчкам: «К линиям одежды этого сезона идут крупные украшения из чеканной меди и керамики. Для рабочего платья надо выбрать украшение поскромнее, например — кулон из дерева...»

Валерий хмыкнул и сказал:

— Буль-ра.

— Чего? — обернулась Аня. — Ты что-то сказал?

— Просто я вспомнил Миклухо-Маклая. Он писал, что папуасы нацепляют на себя ожерелья из клыков диких свиней. Это очень ценное украшение, и называется оно «буль-ра». Ничем не хуже ваших кулонов.

— Не остроумно. — Аня пожала плечиком. — При чем тут папуасы? Каждый украшает себя как может.

— Верно, верно. Чего ж ты смеялась над водителем? Он тоже украсил свой автобус как сумел.

— Кто смеялся? — Аня посмотрела на него незамутненно-голубым глазом. — Это ты смеялся, а я вовсе не смеялась.

— Ты права, смеялся я. — Валерий откинулся на спинку сиденья. Верно сказано где-то, что с женщинами не следует спорить, подумал он.

Перевалило за полдень, когда они вышли из автобуса на перекрестке и, взвалив на спины рюкзаки, двинулись по пыльному проселку между необозримыми виноградниками. Стрекотали в густой листве кузнечики. Раз или два прошмыгнули через дорогу серые ящерицы. — Ур провожал их любопытным взглядом. Впереди на возвышенности белели строения главной усадьбы колхоза имени Калинина — того самого, где жили теперь и работали родители Ура. Навестить их по просьбе Ура, собирался маленький отряд по дороге к цели экспедиции — речке Джанавар-чай.

— Долго еще идти, Валера? — хныкала Аня. — Я сварюсь на таком солнцепеке. Это бесчеловечно, в конце концов!

Справа на голубом фоне неба тонко рисовались ажурные мачты ветродвигателей с неподвижными крыльчатками. А слева из виноградников вдруг вышел на дорогу рослый чернобородый колхозник в синих бумажных брюках и рубаше, расстегнутой и связанной спереди лапами на гавайский манер. В одной руке он нес оцинкованное, сверкающее на солнце ведро, в другой — мотыгу. Голова у него была повязана белым платком.

Ур бросился к нему. Колхозник, открыв в улыбке крупные зубы, поставил ведро, бросил мотыгу и обнял сына, — ибо это был Шам. Валерию он теперь показался куда менее величественным, чем тогда, в памятный день знакомства.

Отец и сын гладили друг друга по плечу и говорили на непонятном языке. Потом Шам, прижав ладонь к сердцу, поздоровался со спутниками Ура:

— Салам алейкум.

Ур прихватил ведро с медным купоросом и мотыгу и пошел рядом с отцом дальше по дороге. Остальные двинулись за ними.

Не по душе был Валерию этот визит, но Ур твердо

настоял на своем желании навестить родителей. Пришлось Валерию перед отъездом кое-что объяснить Нонне и Ане. Дескать, никакой Ур не румын, а откуда-то с Ближнего Востока. Приехал он с семьей — может быть, потому, что бежали они от каких-то преследований, это знают только те, кому надлежит знать, а он, Валерий, точно не знает. Поскольку родители были у себя на родине крестьянами, им и здесь разрешили заниматься привычным трудом. И будет лучше всего, если Нонна и Аня не станут задавать лишние вопросы. Когда он им выложил все это, Нонна сухо заметила, что не нуждается в советах и сама знает, как себя вести. Аня же ограничилась восклицанием: «Ой, как интересно!»

Родители Ура жили на краю села, в беленом домике с верандой, выложенной каменными плитами. На стене под навесом висели связки золотистого лука, брезентовый плащ и ватник. Тут же стояла обувь, в том числе и грубые, странного вида сандалии.

В единственной комнате домика не было мебели — ни стола, ни стульев, ни кровати. Пол был застелен безворсовым ковром-паласом, в глубокой нише лежали свернутые тюфяки и одеяла, что-то из одежды, стояла посуда. Но в углу на самодельной подставке красовался новенький телевизор марки «Электрон».

Каа, мать Ура, в длинном, до пят, платье из набивного ситца — яркие бутоны рез по всему платью — и в алом платке на голове, захолопотала по хозяйству. Непонятно было, когда она успела замесить тесто, но по двору уже разнесся вкусный запах лепешек — Каа пекла их на круглом железном листе, под которым рдели угли от прогоревшего хвороста.

Рассевшись на ковре в прохладной комнате, пили чай с лепешками и белым острым сыром. Каа подливала чаю из пузатого фарфорового чайника, расписанного зелеными листьями и опять же яркими розами. Ее черные глаза перебегали с Ани на Нонну, и она говорила по-азербайджански, что очень рада гостям и особенно тому, что у ее мальчика такие хорошие и красивые друзья. И еще рассказывала, замолкая и подыскивая слова, а то и вставляя вовсе непонятные, — рассказывала, как она первое время никак не могла привыкнуть к тому, что из ящика

вдруг раздаются голоса и музыка и на стекле появляются люди, которых на самом деле в комнате нет. Но теперь ничего, привыкла. А Шам — тут Каа засмеялась и понизила голос, — Шам никак не привыкнет и боится горящего ящика.

Шам услышал ее слова и прикрикнул на жену — довольно, мол, размахивать языком, надо дать и гостям поговорить. Каа замолчала, поджав губы. Но вскоре опять оживилась, повела с Аней разговор (с помощью Валерия, который лучше, чем Аня, понимал азербайджанский) о товарах, которые есть в городе, — о чулках, платьях и головных платках, и Аня обещала в следующий раз непременно привезти ей в подарок красные чулки.

А Нонна наблюдала. Все это казалось ей странным, непонятно для чего устроенным маскарадом. Родители Ура, впрочем, были натуральными ближневосточниками, тут сомнений не было у Нонны никаких. Не нужно было мысленно переодевать Шама, примерять ему другие костюмы — он был самим собой. Каа казалась Нонне излишне бойкой и слишком ярко одетой, но, пожалуй, тоже выявляла свою сущность — достаточно убрать с ее головы алое полотнище и надеть обыкновенный темный платок-келагай. Откуда бы они ни приехали — с Ближнего ли Востока, из Южной ли Азии, — они были крестьянами.

Но как соотнести с ними Ура?

И что это за язык, на котором Ур говорит с отцом, — язык, изобилующий гласными звуками?

После чаепития начались приготовления к обеду. Мужчины затеяли шашлык. Валерий трудолюбиво помогал Шаму резать баранину и нанизывать куски мяса на шампуры, а Ур разжег костер. Нонну удивило выражение детского любопытства, с которым Ур смотрел на ленивые языки огня.

— Ты знаешь, который час? — спросила она.

— Знаю, — ответил Ур. — Примерно половина четвертого.

Часов у Ура не было, и Нонна обратила внимание на то, что на левой руке у него не видно незагорелой полоски кожи, какая бывает обычно под часовым ремешком. Но всегда Ур знал, который час, — словно часовой механизм сидел у него внутри.

— Без двадцати пяти четыре, — сказала Нонна. —

Еще часа полтора уйдет на обед. Столько же — на дорогу. Когда же мы придем на речку?

— А мы сегодня не пойдем.— Ур подбросил в костер сухих веток.— Здесь заночуем.

— У нас и так мало времени, нельзя терять целый день.

— Тебе здесь не нравится? — Ур посмотрел на нее.— Моя мама говорит, что ты очень красивая.

Нонна собралась уже напомнить, кто, собственно, начальник экспедиции, но, услышав последнее замечание Ура, вдруг вспыхнула и ощутила, как заколотилось сердце. Что еще за новости? Негодуя на себя, она отвернулась.

Шашлык был очень вкусен, все брали сочное, пахнущее дымом мясо руками, и Нонна впервые в жизни ела мясо без вилки. Как ни оберегалась она, а все же капнула жиром себе на брюки. Ее настроение, и без того неопределенно-беспокойное, совсем испортилось.

К концу обеда пришел пожилой дядька с мохнатыми седыми бровями. Сел, скрестив ноги и не снимая папахи, от еды отказался, но чай пил стакан за стаканом. Перебирая прозрачные четки, завел с Шамом долгий разговор.

После обеда Нонна, Аня и Валерий пошли к скалам, где, как утверждал Валерий, был родник с удивительно вкусной водой. На полпути, однако, Нонна, сославшись на жару и усталость, повернула обратно. Что-то она чувствовала себя одинокой, неприкаянной. Аня с Валерием явно хотели уединиться — потому и покинула их Нонна. Ур сидел в комнате с отцом и гостем — какой-то шел у них нескончаемый скучный разговор. Нонна поднялась на веранду и села на ее краю, прислонившись к столбику.

Она злилась на себя за то, что «раскисла», что чуть не плачет от сознания собственной ненужности. Кому она нужна? Маме, которая обожала ее и побаивалась, не решалась лишнего вопроса задать строптивой дочке? Верه Федоровне? Науке?..

Рядом с ней опустилась Каа. Заглянув Нонне в глаза, заулыбалась, заговорила резковатым голосом. Лицо у Каа было загорелое, цвета темной меди, черты крупные, не оплывшие с возрастом,— Нонна подумала вдруг, что Каа, наверное, отличалась необузданным характером.

О чем она говорила? Нонна почти не понимала по-азербайджански, да и Каа плохо владела языком, но все же Нонна уловила, что речь идет об Уре.

Если она не ошиблась, Каа рассказывала о том, какой Ур хороший и любящий сын, только жаль, что у него до сих пор нет своего дома и имущества, чтобы обзавестись семьей. И она поняла еще, что Каа интересуется, есть ли все это у нее, Нонны. С трудом подбирая слова и плохо произнося их, она сообщила любопытной собеседнице, что квартира у нее есть и одежда и книги тоже. Телевизор? Да, есть и телевизор. Следующий вопрос Каа она не поняла. Похоже, мать Ура интересовало, кто ее родители и богаты ли они, но уверенности, что она правильно поняла вопрос, у Нонны не было.

Каа погладила ее по плечу и опять залопотала что-то про Ура. Нонна спросила, откуда они с Уром сюда приехали. Но из того, что произнесла Каа в ответ, не поняла ни слова.

Из комнаты донесся смех. Кто-то из мужчин даже захолопал в ладоши. Чего они там развеселились?

Стемнело. Каа зажгла на веранде лампочку без абажура. Опять пили чай с дошабом — вареньем из виноградного сока. Гость наконец ушел — он долго и вежливо прощался, всем пожимал руки, а Ура даже поцеловал.

Спать женщины легли в комнате, а мужчинам постелили на веранде. Шам вскоре захрапел. А Валерию не спалось. Непривычная стояла тишина, только изредка взлаивали в деревне собаки. Недружно прокричали петухи — их точность и синхронность в наш нервный век заметно снизились. Стрекотал где-то поблизости сверчок.

Блаженно растянувшись на тюфяке рядом с Уром, Валерий с удовольствием вспоминал прожитый день, прогулку с Аней. Она была нежна с ним. Без обычных своих «кололечек». Она любила его! Нечто новое вошло в их отношения после его признания... Права Аня, права: нечего стыдиться признания в любви, несколько оно не старомодно, какая тут может быть, черт дери, мода...

— Ты не спишь? — спросил Ур.

Валерий притих, притворился спящим, неохота было ему сейчас разговаривать. Но такими уловками Ура не провести.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал он. — У моего отца неприятности.

— А что случилось? — насторожился Валерий.

— Заведующий животноводческой фермой, — тщательно выговорил Ур, — нехороший человек. Он продает баранов, которые ему не принадлежат.

— Толкает налево?

— Что значит — толкает налево?

— Ну, незаконно продает на сторону...

— Да, продает и присваивает себе деньги. Когда отец в первый раз увидел, как Даи-заде угнал из отары двух овец, он подумал, что это можно, и вечером, пригнав отару с пастбища, повел к себе домой овцу. Это вызвало неприятности. Даи-заде хотел отдать отца под суд. Но председатель колхоза заступился. Ограничились предупреждением и перевели отца с фермы на виноградники. Отец очень недоволен. Он любит овец.

Валерий живо вспомнил сцену: Шам стоит на коленях в пыли среди стада и целует овечьи морды...

— А чем тут можно помочь? — спросил он вяло.

— Надо доказать, что Даи-заде вор. Но он очень хитер. Курбанали говорит, что он окружил себя такими же дружками.

— Какой Курбанали?

— Который приходил сегодня в гости. Он говорит, что пропажу овец Даи-заде часто списывает на волков. И поэтому его прозвали «Джанавар-заде». Это значит — «волчий сын».

— Верно, — усмехнулся Валерий. — Очень нехорошее прозвище. У азербайджанцев нет фамилий, происходящих от названий животных. Они даже удивляются, какие у русских бывают «звериные» фамилии: Волков, Медведев, Лисицын... Ты что же, решил вывести этого Джанавар-заде на чистую воду?

— Вывести на чистую воду, — повторил Ур. — Да, понимаю. Может быть, я что-нибудь придумаю.

Среди ночи Валерий проснулся с ощущением тревоги. Ура рядом не было, его подушка в пестрой ситцевой наволочке хранила еще примятость от его головы.

Приподнявшись на локтях, Валерий увидел Ура. Тот стоял во дворе, неподвижный, как изваяние, запрокинув голову к мерцающему в черном, не городском небе звездному рою. Валерий уже не первый раз видел эти приступы странной болезни у Ура. Вначале он думал, что это лунатизм, но потом убедился, что приступы случались не

только ночью и не только при полной луне, но и днем. Иногда Ур замирал в каменной неподвижности, в другой раз мотал головой и бормотал что-то неразборчивое. Молился? Вряд ли. Валерий уже знал, что Ур не религиозен — во всяком случае, не имел отношения ни к одной из известных Валерию религий. Было нечто жутковатое в припадках Ура, особенно в болезненной реакции, наступавшей потом.

Вот и сейчас Ур сник, жав ладонями виски. Валерий не видел его лица, но знал, что оно сейчас мучительно искажено болью. Он встал было, чтобы помочь Уру добраться до веранды и уложить на тюфяк, но тот, пошатываясь, направился к очагу, возле которого стояло ведро с водой, и принялся пить кружку за кружкой. Потом сел на чурбачок, уронил голову на колени...

Нонна проснулась рано — еще только брезжил рассвет. Но оказалось, что Каа уже на ногах. От очага тянуло дымком, и раздавался равномерный быстрый стук — это Каа сбивала в небольшой деревянной кадлушке масло.

Нонна разбудила свой отряд. Валерию, никак не желавшему просыпаться, ей пришлось пригрозить выговором в приказе.

— Креста на тебе нет! — проворчал Валерий, продрал глаза. — Чего ты в такую рань поднялась? Шести еще нет. Спать бы да спать еще... И что за манера — выговорами раскидываться...

— Хватит ворчать, — засмеялась Аня. — Вставай, лежебока.

Она кинула в Валерия камешком и попала прямо в лоб.

— Это злостный выпад! — вскричал Валерий. — Ну погоди же!

Выскочив из-под одеяла, он погнался за хохочущей Аней. Глядя на них, Шам вдруг оживился — захлопал в ладоши, закричал непонятное, замахал руками. Валерий застеснялся чего-то, прекратил погоню, а Аня несколько не смутилась.

— Тоже мне, как дети! — сказала Нонна.

На завтрак Каа подала пирожки с мясом в форме полумесяца, кислое молоко, зеленый лук, масло и белый

сыр пендир. Напились крепкого чаю и стали собираться в поход. Қаа погладила каждого по плечу, а Ане напонила насчет красных чулок.

Между тем Ур, присев на каменную ступеньку, что-то писал в своем блокноте. Валерий давно уже заметил, что с этим странным роликовым блокнотом Ур никогда не расстается и никому не дает его в руки, хотя многие просили посмотреть, удивляясь необычности его формы и тонкости непрозрачной пленки. Пленка и верно была до того тонка, что казалось, будто ее намотано на ролики нескончаемо много. В основании блокнота помещались, наверное, миниатюрные механизмы. Не раз видел Валерий, как Ур мгновенно находил давно сделанную запись—стоило ему нажать там на что-то, как пленка начинала быстро перематываться и сама останавливалась на нужном месте.

И стержни, которыми писал Ур, были необычные, они словно выжигали на пленке текст. Теперь Ур старательно, неторопливо писал таким стержнем по краю пленки, и она сама перематывалась по мере записи. Кончив писать, Ур тронул что-то в блокноте, и от пленки начала отделяться узенькая исписанная полоска — в механизме было, должно быть, что-то вроде ножа. Намотав срезанную полоску на палец, Ур сунул блокнот в карман и пошел в комнату к отцу. Было слышно, как он разговаривал с Шамом на непонятном языке.

— Ур, ты скоро? — крикнула Нонна.— Сколько можно ждать?

— Совсем скоро,— ответил Ур, выходя на веранду.

За ним, ухмыляясь и почесывая под бородой, появился Шам.

По утреннему холодку маленький отряд вышел из колхозного поселка и зашагал по проселочной дороге напрямик к речке Джанавар-чай. Вокруг расстилались виноградники, хранившие в зеленой листве ночную свежесть.

— Какие у нас длинные те-ени! — говорила Аня нараспев.— А какой воздух — чистый озон!

— Как бы не так,— сказал Валерий.— Если бы чистый озон, ты и одного вдоха не успела бы сделать.

— Это почему?

— Потому что озон — мощный окислитель. Легкие сожжет.

— Вот еще! Озон — это очень хороший кислород. О-три. Мы в прошлом году были в Кисловодске, так я сама слышала, как один профессор сказал — хватайте воздух, это чистый озон.

— Профессор кислых щей он, если нес такой вздор. Озон полезен, если на две тысячи кубометров воздуха приходится один грамм озона, не больше...

— Вечно хочет показать, что больше всех знает! — воскликнула Аня. — А сам еще даже не кандидат.

Ур, прислушивавшийся к разговору, сказал:

— Озон действительно нужен для жизни. Если бы не озоносфера, задерживающая космические лучи на высоте двадцать — двадцать пять километров над Землей, то, может, и жизни бы не было.

— Одно дело — нужен, другое — полезен, — сказал Валерий. — И я не уверен, что для жизни непременно нужна озоносфера.

— Я не говорил, что непременно. Населенная планета может обойтись без озоносферы, но тогда нужны особые условия.

— Какие именно? — Валерий посмотрел на него.

— Особые, — повторил Ур, присматриваясь к ящерице, выскочившей из виноградников на дорогу.

— А правду говорят, что ты прилетел с Марса? — впервые за эту поездку обратилась Аня к Уру.

— Это неправда, — ответил тот спокойно.

— Ну, не с Марса, а с какой-то другой планеты. Правда?

Нонна замедлила шаг, чтобы расслышать ответ Ура.

— А разве я похож на жителя другой планеты?

— Откуда я знаю? Мне никогда не приходилось их видеть. В книжках и фильмах инопланетники всегда такие чудища, что даже противно.

Виноградники кончились. Теперь отряд шел по голой равнине, по растрескавшейся, сухой земле. Дорога превратилась в еле заметную тропинку, петлявшую меж кустиков тамариска. Солнце поднялось, заметно укоротив их тени. Начинало припекать.

— Долго еще идти? — заныла Аня. — Неужели нельзя еще попросить в колхозе машину или хотя бы осла?

— Давай твой рюкзак,— сказал Валерий.

— Не надо, Валера. У тебя же свой тяжелый...

— Давай, давай. За неимением осла...

Он взвалил на себя Анин рюкзак.

«Ну и лаборанты пошли! — сердито подумала Нонна.— Жаль, Швачкин заболел, вот лаборант безотказный». Тут она почувствовала, что кто-то ухватился за ее рюкзак.

— Нет,— сказала она Уру,— мне помощь не нужна.

— Я сильнее тебя.

У него было обычное благодушно-доброжелательное выражение, но почему-то Нонна вспомнила, как окаменело и сделалось неузнаваемым его лицо, когда он уставился на продавца. Вдруг он и сейчас повторит свой трюк...

И Нонна отдала рюкзак. В конце концов, Ур действительно сильнее, чем она. Вон какие могучие плечи. Все загадочно в этом человеке — кто он и откуда и почему приехал с родителями, ведь обычно иностранцы-практиканты с родителями не приезжают, это даже смешно...

Ох, да хватит думать о нем!..

Около двух часов шел отряд по жаркой степи, и вот впереди возникла полоска зелени. Кусты дикого орешника обозначали русло Джанавар-чая.

Подожли к обрыву. Речка, будто ножом, прорезала в степи узкую и глубокую щель, на дне которой желтела вода, казавшаяся неподвижной. Вскоре они вышли к небольшой плотине, перегородившей русло Джанавар-чая. За плотиной поблескивал на солнце пруд, выполнявший обязанности водохранилища для овощного хозяйства того же колхоза. От пруда шли к бахчам канавы-арыки.

Лениво, нехотя, тончайшей пленкой стекала вода по замшелому, позеленевшему бетону водослива. Неподалеку от плотины росли десятка два карагачей, посаженных, должно быть, для укрепления глинистого берега. Тут же был удобный спуск к речке.

Прежде всего поставили палатку в негустой полуденной тени карагача, листья которого, пыльчатые по краям, были изъедены тлей. Потом Ур и Валерий спустились к речке — воды им оказалось по пояс — и перебросили на тот берег трос. С троса опустили в желтоватую воду Джанавар-чая гидрографическую вертушку и трубку-на-

садку — тонкие кабели потянулись от них к самописцам, установленным в палатке. Теперь оставалось погрузить в воду прибор, сделанный по схеме Ура, — довольно увесистый датчик, снабженный спиралями из ниобиевой проволоки.

Перед тем как опустить датчик в воду, Ур открыл его герметичную крышку.

— Мы же все проверили, — сказал Валерий, довольный затянувшейся возней на солнцепеке. — Чего ты еще затеял?

Ур, не ответив, достал свой блокнот. Пощелкал рычажками, и от пленки отделилось несколько квадратных кусков. Ур повертел их, сложил в плотную пачку и сунул под крышку датчика.

— Зачем это? — спросил Валерий. — У тебя в схеме ничего такого не было.

— В схеме не было, в голове было.

Быстро орудуя отверткой, Ур привинтил крышку. С помощью Валерия он подвесил датчик, погруженный в воду, к тому же тросу, с которого свисали вертушка и трубка-насадка. Теперь сочетание трех приборов давало возможность сравнить скорость течения, полученную магнитным методом, с записями, которые дадут методы гидродинамический и механический.

От датчика тоже протянулся кабель в палатку. Аня и Нонна занялись самописцами.

— На таком течении и вертушка плохо покажет, — сказала Аня, привычно и быстро налаживая лентопротяжный механизм. — А уж магнитный датчик тем более.

— Посмотрим, — сказала Нонна.

Умаявшись, пошли на пруд купаться. Одно тут и было спасение при такой жаре — пруд. Вода в нем была тепловатая и нечистая, но все же — вода. И отряд плескался в пруду до обеда.

Над разожженным костром сварили суповой концентрат, разогрели мясные консервы, вскипятили чай. Ели вяло. После обеда Валерий принялся кидать камни в пустую консервную банку, им же заброшенную на другой берег речки. Банка ясным блеском горела на солнце и была хорошей мишенью, но что-то камни Валерия ложились неважно.

— Дисквалифицировался, — ворчал он. — В детстве я знаешь как метал камни...

Ур тоже подобрал камень, прикинул расстояние до банки.

— Хочешь состязаться? — ухмыльнулся Валерий. — Прямо так, без самоучителя, без теоретической подготовки?

— Дай на минутку твой платок, — сказал Ур.

Валерий протянул ему красную выцветшую косынку, которой при купании повязывал голову. Ур вложил в косынку камень и, раскрутив над головой, отпустил один конец — камень, коротко свистнув, полетел и со звоном ударил в банку.

— Здорово! — восхитился Валерий. — Где ты так выучился?

— Отец научил.

Снова пошли купаться. Ур плавал уже изрядно. Неупомимо, бессчетно переплывал он пруд вдоль и поперек.

— Дорвался, — сказала Аня, сидевшая на берегу после купания. — Он прямо какой-то помешанный на воде.

— Он вырос в безводных местах, — счел нужным пояснить Валерий, растянувшийся на травке.

— В каких местах? — спросила Нонна.

— Не знаю. — Валерий лениво ворочал языком, ему хотелось спать. — В безводных и безлюдных. И его с детства мучила жажда. Духовной жаждою томим...

— Болтаешь, — вздохнула Аня. — Где ты достала такой купальник? — повернулась она к Нонне. — Очень миленький.

И они заговорили о купальниках, легко и плавно перейдя затем на кримпленовые костюмы, сапоги-чулки и пончо.

— Пончо выходит из моды, — вставил Валерий, почти засыпая. — В моду входит епанча.

Но девушки не обратили на этот выпад никакого внимания.

— Пока не стемнело, — сказала Нонна, — сними запись с приборов.

Аня ушла в палатку. Вскоре она вернулась, неся ленты, снятые с самописцев.

— Вставай, лентяй, работать надо. — Она пощекотала веточкой голую пятку Валерия.

Тот дернул ногой и проворчал нечто об отсутствии покая, однако поднялся, зевая, и подсел к Нонне. Они при-

нялись анализировать дрожащие линии, нанесенные перьями самописцев на графленные ленты. Работа была не очень сложной, привычной, но кропотливой. Показания вертушки и трубки-насадки дали скорость течения реки, пересекавшей меридиан. Теперь, зная магнитные характеристики местности, можно было теоретически определить величину электродвижущей силы, наведенной в водном потоке, но для получения конечного результата пришлось ввести множество поправок. Аккуратная Нонна не упустила ни одной.

— Великая река,— сказал Валерий, подчеркнув в блокноте полученную ничтожную величину.— Я всегда говорил, что надо ее переименовать в Ориноко-чай. Эй, Ур!— заорал он.— Вылезай, ты уже весь посинел!

Ур вышел из воды, озабоченно осмотрел свою мокрую грудь, оглядел руки и ноги.

— Посмотрим теперь, что дала ниобиевая проволочка.— Валерий развернул ленту с записью показаний нового прибора, чтобы сравнить ее с вычисленной величиной электродвижущей силы.— Чепуха какая-то,— поднял он взгляд на Ура.— Твой приборчик показывает, верно, вчерашнюю цену на пшеницу в Афганистане.

— Цену на пшеницу? — Ур уставился на него, потом понимающе кивнул: — Ты шутишь.

— Действительно,— сказала Нонна, разглядывая ленту.— Не может быть такой ЭДС при этой скорости течения. Смотри, Ур, твой прибор показывает ЭДС больше теоретической, а должно быть меньше — за счет потерь в приборах. Понимаешь?

— Прибор показывает правильно,— сказал Ур, сравнив вычисленную величину с несколько более высокой, зарегистрированной прибором.

— Ну как же правильно? — возразил Валерий.— Не может же неведомо откуда взяться дополнительная энергия, это противоречило бы основному закону.

В карих, в ободках черных ресниц глазах Ура появилось задумчивое выражение.

— Вот ты сказал, что я посинел,— проговорил он, помолчав,— а я этого не замечаю. Точно так же не замечаешь и ты «дополнительной» энергии.

— Да откуда ей взяться? Из воздуха, что ли?

— Немного подальше,— сказал Ур.— Из центра Галактики.

— Что? — вскричал Валерий. — Космическое излучение в форме простой электроэнергии? Иди, иди, Ур, поплавай еще в пруду, а то, как видно, перегрелся малость на солнце...

— Я перегрелся не больше, чем ты, поскольку солнце над нами одно. Излучение из центра Галактики доходит до Земли настолько ослабленным, что никакие приборы и ни в какой форме его не улавливают.

— Ты хочешь сказать — никакие приборы, кроме твоего?

— Да. Этот прибор — высокочувствительный.

— Значит, трехгранная проволока из ниобия...

— Ниобий хороший материал, но и он недостаточно чист для регистрации галактических частиц. Но в сочетании с пачкой вот этой пленки...

— А, твой таинственный блокнот! Я видел, ты засадил пленку из блокнота в прибор, но подумал, что это для пущей изоляции. Дай посмотреть, Ур. — Валерий взглянул в еле различимый, тончайший узор на молочно-белой поверхности пленки. — Микроструктура какая-то. Да, такую пленочку даже Ованес Арсентьевич не достанет. Из чего она сделана?

— Ближе всего это к ниобию. — Ур протянул руку и забрал у Валерия блокнот.

— И ты знал заранее, что мы получим здесь такой эффект? — спросила Нонна после паузы.

— Я не был уверен. Все-таки здесь очень слабое течение. Хорошо бы испытать прибор в океанском течении. Там мы получили бы более показательную магнитную аномалию.

— Аномалию? — переспросил Валерий. — Твой прибор показывает дополнительную величину ЭДС за счет улавливания космического излучения — трудно поверить, но допустим, что это так. Но при чем тут аномалия? Ты слышишь, Ур?

— Я слышу, — ответил тот, глядя в темнеющую на востоке степную даль. — «Дополнительная» энергия, которую мы обнаружили в течении Джанавар-чая, искажает здесь магнитное поле.

— Что именно искажает? Склонение?

— Да.

— Странно, — сказал Валерий. — Где-то я читал, что есть два места на Земле, одно в Атлантике, другое в Ти-

хом океане, их называют дьявольскими треугольниками. Там внезапно начинаются страшные бури и стрелки компасов показывают на географический север вместо магнитного. Знаешь ты об этом?

Ур поднял взор на Валерия и тотчас отвел в сторону, опять установился на восточный горизонт.

— Искусственная аномалия, значит,— задумчиво сказал Валерий.— Джанаварская аномалия... Джаномалия,— сократил он.— Космическая составляющая речных токов...

— Речные токи нам мало что дадут,— сказал Ур.— Океанские — другое дело.

— Пора ужинать,— сказала Аня.— Разожгли бы костер, ребята.

Костер догорал. Языки огня как бы нехотя долизывали красные, в черных трещинах головешки. Быстро сгущалась, напознала на степь темнота.

Аня вылила из чайника остатки кипятка в кастрюлю и сполоснула миски и кружки.

— Смотрите, луна какая,— сказала она тихо.— Одна половина яркая, а другая — темная и кажется меньше...

— Пепельный свет,— вставил Валерий.

— В городе я такой луны никогда не видела. Здесь она другая. Не привычный фонарик в небе, а космическое тело. Подумать только — там побывали люди... Страшно даже представить себе — вечно черное небо, ни воды, ни ветра, ни дерева...

— У нас тоже сейчас черное небо и безветренно, ну и что? А вместо воды у нас Джанавар-чай, так, одно название, что река.

— Ну что ты вечно споришь? — сказала Аня, но в вопросе ее не слышалось ноток раздражения, а была необычная мягкость.— Споришь и споришь, как пятиклассник.

— Кто спорит? — Валерий бросил в костер сигарету.— Я просто поддерживаю разговор. Не хочешь пройтись, Анечка?

Он обнял ее за плечи, и они ушли.

Ур подкинул в гаснущий костер сухую ветку карагача. Она занялась не сразу. Ответ огня пробежал по лицу Ура.

Нонна сидела рядом, обхватив руками согнутые колени.

— О чем ты думаешь, когда вот так смотришь на огонь? — спросила она после долгой паузы.

— Думаю о том, как красив огонь.

— Мне казалось, больше всего ты любишь воду.

— Воду я тоже люблю.

— Добавь к ним еще два элемента — землю и воздух, — и ты станешь последователем одного древнегреческого философа...

— Эмпедокла, — кивнул Ур. — Как раз недавно я читал о нем в «Истории философии». Четыре первоэлемента природы, и их приводят в действие две противоборствующие силы — любовь и ненависть. Наивный материализм. Почему ты сказала, что я могу стать его последователем?

— Не знаю... Но я бы не очень удивилась, если бы это было так. В тебе есть что-то первобытное...

Ур посмотрел на нее.

— Во мне что-то происходит, — сказал он. — Я сам не могу понять, потому что раньше никогда такого не испытывал.

— Могу тебе объяснить. — Нонна потрянула головой и поднялась. — Просто ты приревновал Аню к Валерии.

— Ты уходишь?

— Да. Лягу спать.

— Не уходи, Нонна. Я хочу с тобой поговорить.

Она снова села на поролоновую подстилку, сама удивляясь своему послушанию.

— Ну, говори.

— Не знаю, с чего начать. Меня что-то томит. Вот там, — он указал в сторону, куда ушли Валерий с Аней, — как будто кто-то притаился и подстерегает в засаде...

— Чепуха, — сказала Нонна.

Ур посмотрел на ее четкий, как бы обведенный красным контуром профиль.

— Так по-твоему — я ревную?

— Это не мое дело, — ответила она. — Разберись сам. — И помолчал: — Я все думаю о том, что произошло сегодня. О джаномалии этой... Ты сказал, что речные токи ничего не дадут, другое дело — океанские. Что ты имел в виду?

— Да ничего особенного... Ревновать Аню — это зна-

чит желать сейчас быть на месте Валерия? Обнять ее и целовать, да?

— Ох... Отвяжись, Ур...

— Никто не хочет мне толком объяснить,— сказал он с печалью.— В отношениях мужчин и женщин я наблюдаю какие-то странные сложности. Меня привлекает Аня, но общаться с ней — значит... как это говорится... испортить отношения с Валерием. Меня привлекаешь ты, но я уже опасаясь, не вызовет ли мое общение с тобой неведомых осложнений...

— Кто еще тебя привлекает? — спросила Нонна, надменно вскинув голову.

— Такие вопросы называются ироническими? — Ур вздохнул.

Нонна искоса посмотрела на него. Для чего ему понадобилось разыгрывать ее? Не полагает ли Ур, что она, Нонна, поверит в его неопытность? Как бы не так!

Но что-то в грустном выражении лица Ура, в его поникших плечах невольно вызывало в ней чувство сострадания. Что-то было в нем от обиженного, не понятого товарищами мальчишки...

— Могу тебя успокоить,— сказала она мягче,— общение со мной не грозит осложнениями. Все-таки я хотела бы получить ответ на свой вопрос... Ты слышишь?

— Слышу.— Ур отмахнулся от роя искр, выстреленных костром.— Я говорил об электрических токах в океанских течениях. Ты ведь знаешь, как проявляют себя в океане магнитные аномалии. Даже небольшие аномалии могут на сотни километров спустить вниз границу радиационного пояса. Представь себе, как воздействует на магнитное поле обнаруженный сегодня эффект...

— Джаномалия,— вставила Нонна.

— Да. Космическая составляющая океанских токов, будучи преобразована, может дать полезный выход электроэнергии.

— Каким образом ее брать? Уж не из воздуха ли?

— Из окружающей среды,— кивнул Ур.— Но это, конечно, не так просто. Придется упорядочить магнитное поле Земли, чтобы планета превратилась в стабильный, надежный генератор.

— Упорядочить магнитное поле? Что это значит?

— Это значит — совместить магнитную ось Земли с осью вращения.

Нонна ошеломленно воззрилась на Ура.

— Ты собираешься изменить наклон земной оси? — Она хмыкнула. — Лучше не утруждай себя. Этим уже безуспешно занимались герои Жюль Верна.

— Земная ось пусть останется на месте, зачем нам смещать климатические пояса? Я говорю о смещении магнитной оси. Чтобы магнитные полюса совпали с географическими.

— Легко сказать, Ур... Мы даже не знаем точно, почему они не совпадают, — как же ты совместишь их?

— Почему полюса не совпадают — вопрос особый. Повернуть же магнитную ось, насколько я понимаю, задача выполнимая. Сам Мировой океан предлагает для этого свои услуги. Есть уникальное кольцевое течение, опоясывающее планету...

— Течение Западных Ветров?

— Да. Нужно использовать этот поразительный феномен природы.

— Течение Западных Ветров, — медленно повторила Нонна. — Слушай, я вспомнила... Однажды в кабинете Веры Федоровны ты выразил удивление, что за электроэнергию платят. Эта идея — загребать сколько угодно электричества из воздуха — уже тогда возникла у тебя?

— Не помню, — рассеянно ответил Ур. — Наверно, раньше.

Засада притаилась за деревьями — там, где они ближе всего подступают к караванной тропе. Младший сын хозяина воды шурит свирепые рыжие глазки. Вот он медленно натягивает тетиву лука. Ах, упредить, упредить — прежде чем сорвалась с тетивы стрела, раскрутить над головой пращу, послать камень в негодая, прямо в висок...

В висок — самое верное. Так говорил отец, когда учил обращаться с пращой. Но это никогда не пригодится, ведь все это — только странный, тревожный сон, навеянный рассказами отца...

Потом наступает утро, гася в светлом небе бесчисленные скопища звезд, — восходит желто-зеленое солнце, сгоняя с рассудка ночную муть, и приходит Учитель. Мир снова обретает обычную ясность и завершенность, и с каждым днем, с каждым долгим и ясным днем ты все

Более ошущаешь причастность к общему разуму, и, сливаясь с ним, твоя мысль усиливается стократ, становится могучей, всепроникающей.

Вот только сны... Никогда ты не видел ни хозяина воды, ни младшего его сына со свирепыми рыжими глазками — отчего же они тревожат тебя, когда рассудок дремлет? И, смущенный иррациональностью ночи, ты отсылаешь вопрос Учителю: отчего это? Из какой глубины возникают образы, не виданные наяву? И есть ли в действительности колодец из рассказов отца, есть ли долина и караванная тропа, ведущая к большой реке?

На следующее утро, выйдя из машины и отослав ее на стоянку, Учитель говорит тебе: «В-корабле-рожденный, я разыскал карты той экспедиции. Вот они. Твой колодец есть. Во всяком случае, был. Он отстоит к северу от экватора на одну двенадцатую часть круга. К сожалению, не отмечена долгота его места. Впрочем, жалегь не о чем. Что до ночных видений, то они означают лишь одно: ты еще не полностью причастен. Но это придет».

Конечно, придет, думаешь ты. Еще бы! Но после ухода Учителя берешь карту, оставленную по твоей просьбе, и отсчитываешь к северу от экватора одну двенадцатую и начинаешь водить пальцем по параллели. Это должна быть жаркая долина, прилегающая к реке. Палец медленно скользит вдоль параллели. Не эта ли низменность?.. Или здесь? Большая река, стекающая в море... А вот местность между четырьмя морями... Где-то здесь?..

Ах, все было бы так просто, так покойно, если б не эти странные сны... если б не душевные прикосновения ночи...

Ур проснулся от духоты. Сбросил с себя одеяло и некоторое время лежал, прислушиваясь к журчанию воды в речке. Было раннее утро. Не видать ни луны, ни звезд — небо плотно заволокло тучами. Там, в вышине, ветер, как видно, всю гнал тучи к морю, а здесь, у земли, — ни малейшего дуновения.

Рядом на своем надувном матраце посапывал Валерий. Из палатки, где спали девушки, донеслось сонное бормотание.

Ур поднялся с матраца и пошел к берегу. Днем речка текла по дну каньона тоненьким ручейком среди белых

камней. А теперь, похоже, заполнила всю ширину щели между глинистыми обрывами. Ур направился вверх по течению, к пруду. Шум воды нарастал, и он увидел в слабом предутреннем свете, что прорез водослива уже не пропускает всей воды — вода переливалась во всю ширину гребня плотины белопенным клокочущим потоком, ее уровень быстро повышался.

«Надо поднять повыше датчики», — подумал Ур и пошел обратно.

У входа в палатку стояла Нонна в своем бело-синем купальнике, — должно быть, и ее разбудила духота. Она причесывалась, и при каждом взмахе гребешка из ее темных волос с треском сыпались стайки голубых искр.

— Что ты уставился? — сказала Нонна. — Не видел никогда статического электричества?

— Вода в реке прибывает. Надо поднять датчики.

— В горах, наверно, прошли дожди. — Нонна кинула гребешок в глубь палатки и пошла к берегу. — Скоро и здесь разразится гроза. Ох, и парит!

Пользуясь блочными подвесками, они принялись поднимать датчики, свисающие с перекинутого через каньон троса, чтобы они оказались в верхнем слое прибывающей воды.

Откуда ни возьмись, сорвался с затянутого тучами неба порыв ветра. Дохнуло прохладой, упали первые капли дождя.

— Сейчас припустит, — сказала Нонна. — Пойдем в палатку.

И она двинулась своей легкой походкой — будто шла по подмосткам сцены, а не по серой, прибитой зноем земле. Она растолкала Валерия, который отбрыкивался и выкрикивал дерзкие антиначальственные слова. Но дождь и верно припустил, и пришлось Валерию встать и втащить в палатку матрацы.

— Ур! — позвала Нонна из палатки. — Чудак, зачем мокнуть? Ур! — закричала она в один голос с Аней.

Но Ур не откликнулся на благоразумный призыв. Он стоял, раскинув руки, под дождем, набиравшим силу. Жадно впитывал ноздрями разливающуюся по степи свежесть, с наслаждением принимал учащающиеся удары капель по разгоряченному телу.

И уже лило как из ведра. Земля, еще несколько минут назад сухая и скучная, стала черной, размокшей, за-

блестела, запузырилась просторными лужами. А по небу будто прокатили железные громыхающие бочки. Вдруг вспыхнуло слепящим белым светом — длинная разветвленная молния вонзилась в противоположный берег. Грянул пушечный удар грома.

— У-ур! — испуганно завопила Аня.

— Ничего,— сказала Нонна.— Речка служит громоотводом... Какая гроза! — добавила она, не сводя глаз с Ура.

Еще молния.

— Ух ты! — крикнул Валерий, высунув голову из палатки.— «Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит...»

— Как ты сказал? — Голос Ура сквозь шум ливня.— Море ловит молнии?..

— Стрелы молний! И в своей пучине гасит!

Сверкнуло. Раскатисто, грозно прорычал гром.

Ур, весь в струящихся потоках воды, стоял, запрокинув голову и выбросив руки кверху, и лицо его выражало такую первобытную радость, что Нонна подумала: варвар, наивный дикарь, одушевляющий силы природы... Вот она, его сущность, и не нужно придумывать ему других одежд — он именно такой, в плавках, омываемый ливнем, дитя тропических лесов... или великих просторов саванны... Вот только, может, вложить ему в кулак массайское копье или что там еще... зулусский ассегай...

— Море ловит стрелы молний! — Удар грома покрыл восторженный выкрик Ура.— И в своей пучине гасит!..

— Во дает! — усмехнулся Валерий.— Анечка, а ты чуеть, как пахнет? Это твой любимый озон!

Молния сверкнула совсем близко, громыхнуло жутко, оглушительно. Не умолк еще Анин визг, как донесся голос Ура:

— Трос! Датчики уносит!

Валерий выскочил из палатки, Нонна устремила за ним. Ноги скользили в размокшей глине, ливень хлестал по голым спинам. Ур, стоя на самом берегу каньона, пытался вытянуть стальной трос: молния ударила в него у противоположного берега, и перебитый трос с подвешенными датчиками мотало теперь в ревущем потоке. Как бы датчики не сорвало...

Валерий и Нонна тоже ухватились за трос. Втроем они вытянули его, за тросом потянулись кабели, путани-

ца блочных подвесок. Один из датчиков зацепился за что-то под водой.

— Не дергай, оборвешь! — крикнула, задыхаясь, Нонна.

Она выхватила кабель из рук Ура и стала раскачивать из стороны в сторону, пока датчик не освободился. Это был тот самый прибор с ниобиевой проволокой.

— Отнеси!

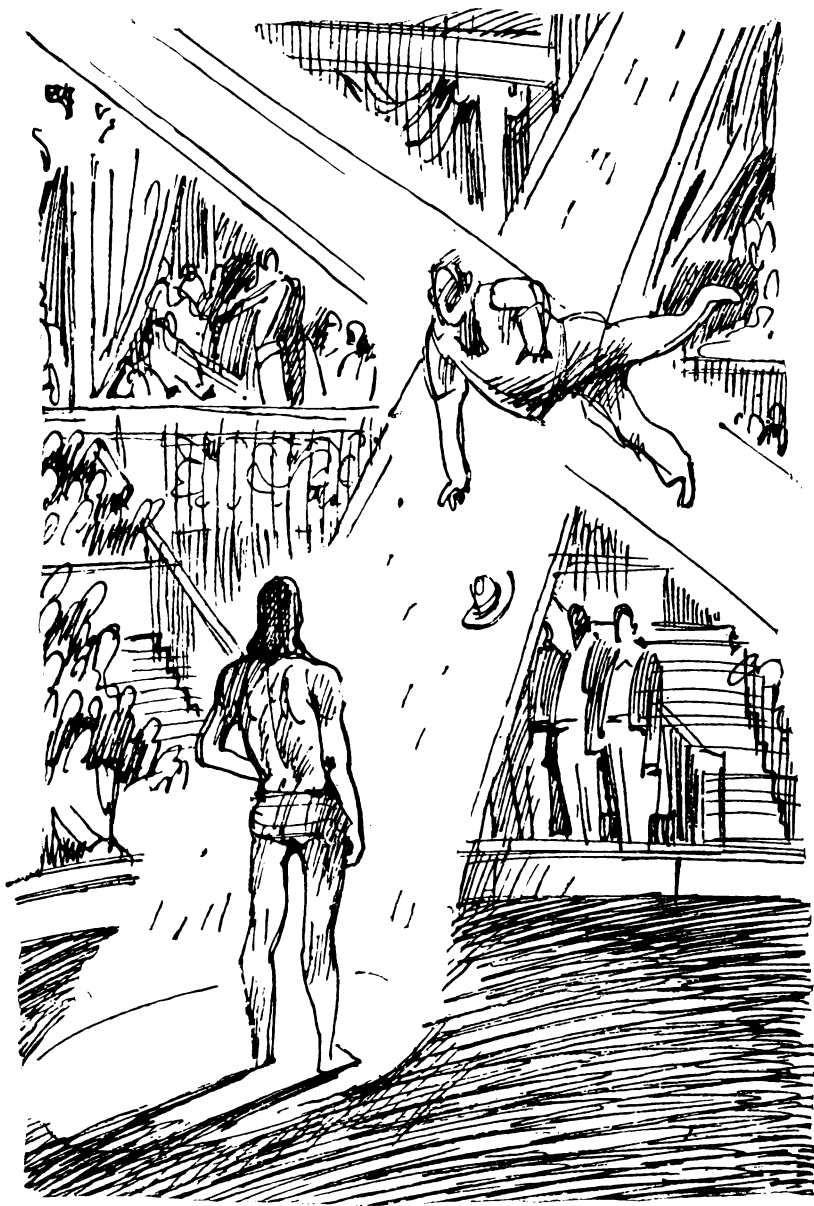
Ур, прижимая к груди скользкий корпус прибора, понес его к палатке, где Валерий с помощью Ани уже укладывал другие спасенные датчики. Нонна осталась на берегу, сматывая кабель.

И вдруг огромный водяной вал взметнулся над расселиной Джанавар-чая. Это, не выдержав напора, рухнул гребень плотины. Поток, доверху заполнив каньон, понесся вниз, к морю. Край глинистого обрыва, на котором стояла Нонна, отделился от берега. Взметнулся и оборвался ее крик...

Ур, резко обернувшись, увидел, как девушка вместе с пластом глины исчезла в клокочущей воде. В два-три гигантских прыжка он достиг берега и с ходу прыгнул в ревущий поток.

Часть вторая

БЕГЛЕЦ

Глава первая

«НЕ ПРИНОСИТЕ В ХРАМ ЦЕНЫ ПЕСЬЕЙ...»

Оказывается, что ему необходимо разделить тридцать один и три восьмых дюйма пополам. Он пробует сделать это в уме и приходит в неистовство.

Джером К. Джером, Трое в одной лодке

Скрыть от общественности свой день рождения можно где угодно, но только не в Институте физики моря. Здесь в каждом отделе есть хранитель традиций, и он держит у себя список сотрудников с датами, выписанными из картотеки отдела кадров.

В отделе Леонида Петровича Грушина таким хранителем был Рустам, и у него, будьте уверены, был такой порядок, что и мышь бы не проскочила. Рустам отдавал много рвения внеслужбным формам работы.

Подготовку к дню рождения Нонны он начал загодя. Именно этим и следует объяснить то, что утром 13 июня, придя на работу, Нонна увидела над своим столом большую картину, писанную маслом на картоне в несколько условной, но тем не менее впечатляющей манере. Основой сюжета послужила известная картина Серова «Похищение Европы». Только бык плыл не по синему морю, а по бурной, кофейного цвета реке, и морда у быка была человечья — такая добродушная толстогубая физиономия, обрамленная черной бородкой. На широкой золотистой спине быка сидела, поджав ноги, девушка в синем белом купальнике, лицо у нее надменное, в руке зажата логарифмическая линейка. Ниже прекрасным чертежным шрифтом была выведена подпись:

Старинного сюжета суть
Рождает сладостные звуки:
Вовек, вовек прославлен будь
Ур, спасший Нонну для науки.

Из деликатности сотрудники дали возможность Нонне созерцать картину в одиночестве. Поэтому никто не видел, как покраснела Нонна, смущенная и рассерженная некоторой фривольностью изображения. Однако она вполне овладела собой к тому моменту, когда распахнулась дверь и вошли Рустам и остальные сотрудники. Рустам, сияя белыми зубами, торжественно преподнес Нонне букет сирени, и все при этом пропели туш.

— С днем рождения, Нонна!

Аня и другие сотрудницы отдела расцеловались с нею, а мужчины пожимали руку, только нахальный Марк набрался храбрости и чмокнул Нонну в щеку. Она тут же вытерла щеку платочком и осуждающе сказала:

— Без этого не можешь обойтись?

— Не сердись на него, Нонночка,— сказал Рустам, ухмыляясь.— Он два дня корпел, стихи сочинял.

— Большое вам спасибо, ребята,— сказала Нонна, смягчаясь.— Мне очень приятно, что вы помните... В перерыв прошу всех сюда. Рустам, возьми вот, пожалуйста, распорядись.— Она протянула ему десятку.

Это тоже было традицией — именинник в перерыв угощает сотрудников тортом и шампанским.

— Где Ур? — спросила Нонна, взглянув на Валерия.— Он что, не приехал на работу?

— Прошел прямо в библиотеку,— ответил тот.

Сама же она, Нонна, надоумила Ура просмотреть литературу об океанских течениях. Теперь, когда диссертация для Пиреева готова, можно было вернуться к своей тематике, начать основательную подготовку к экспедиции. Идея Ура о совмещении магнитной оси с географической казалась Нонне невероятной, несбыточной. Но было очень заманчиво проверить эффект джаномалии — космической составляющей океанских токов — в кольцевом Течении Западных Ветров. Ур, как видно, увлечен своей идеей — целыми днями не вылезает из библиотеки. Ну и прекрасно. Идею надо как следует обосновать.

И все же Нонне хотелось, чтобы сегодня Ур не спешил в библиотеку, чтобы он тоже пришел ее поздравить...

— Прошу зафиксировать великий момент,— сказал Валерий, чей стол был завален лентами с записями подводного магнитографа,— я возвращаюсь к своим кривым...

— Остановись, безумец! — прервал его Рустам.— Накликаешь еще какую-нибудь беду.

И тут у Нонны на столе зазвонил телефон. Валерий, округлив глаза, схватился за сердце.

— Действительно, Валера, неосторожный ты какой-то,— сказала Нонна и сняла трубку.— Слушаю... Да, Вера Федоровна, все готово... Хорошо... Хорошо... Иду.— Она поднялась из-за стола.— Пиреев приехал. Просит, как выразилась Вера Федоровна, принести материалы.

— Не терпится ему,— сказал Валерий.— Сама донесешь или помочь?

— Сама.— Нонна приняла от него две толстые папки, а от Рустама — сверток с графиками и чертежами.— Пойду. Надо еще Ура извлечь из библиотеки, его тоже зовут.

И она направилась к двери, и второй раз за это утро в комнате был пропет туш — теперь по поводу избавления от малопривлекательной работы.

Ур сидел в библиотеке, обложившись атласами и книгами. Он вскинул взгляд на вошедшую Нонну и широко улынулся ей. Потом вытащил из кармана коричневую коробочку.

— Это тебе,— сказал он.— Подарок в день рождения.

— Ну что ты, Ур...— Нонна порозовела.— Спасибо, конечно, но это вовсе не обязательно...

В коробочке оказалась большая брошка — зеленоватый жук-скарабей в бронзовой оправе.

— Очень красивый жук, правда? — сказал Ур.

— Да,— кивнула Нонна, которой давно уж не пришлось видеть такой вопиюще безвкусной вещи.— Спасибо, Ур. Я пришла за тобой — Вера Федоровна вызывает.

— На совещание? — Ур нахмурился.— Не пойду.

— Это не совещание. Там Пиреев приехал, он хочет с тобой поговорить.

— А я не хочу.

Пришлось Нонне, чтобы сломить его упрямство, прибегнуть к недозволенному приему: мол, нельзя огорчать именинницу в день ее рождения...

Вид у Ура был сумрачный, когда он вслед за Нонной вошел в директорский кабинет. Вера Федоровна, сильно прищурившись, посмотрела на вошедших и сделала знак садиться. Грушин, сидевший тут же, воскликнул, патетически взмахнув рукой:

— Вот он, наш герой!

Пиреев с приветливой улыбкой уставил на Ура выпуклые голубоватые линзы своих очков.

— Здравствуйте, молодежь,— заговорил он, чуть шепелявя.— Леонид Петрович нам рассказал о ваших подвигах на... как вы называли эту речку?.. Ага, на Джанавар-чае. Это приток Каспия? Очень, очень приятно было услышать.

Ур молча положил перед ним на стол две толстые папки и сверток с графиками.

— Вы хотели со мной поговорить?— сказал он.— Так давайте побыстрее, а то некогда мне.

— Наш иностранный коллега излишне прямолинеен,— поспешил вмешаться Грушин.— Право, Ур, вы могли бы быть полюбезнее.

— Ничего, ничего.— Пиреев с отеческой всепонимающей улыбкой поднял руку.— Могу вас заверить, товарищ... э... Ур, что у меня тоже вполне достаточно дел, не менее важных, чем ваши, и я отнюдь не собираюсь посягать на ваше время.

Ур сел у края стола.

— Нонна,— сказал Грушин, вертя на столе пепельницу,— Максиму Исидоровичу было бы интересно послушать о вашем эксперименте на Джанавар-чае. Что за аномалию вы там обнаружили?

— Говорить об этом пока рано,— ответила Нонна с обычным замкнуто-холодным выражением лица.— Частный результат, который мы получили, носит случайный характер.

— Я тоже так думаю. Запись излишка электроэнергии в речном течении, скорее всего, следует отнести за счет недостаточной чистоты опыта. Но в чем принцип устройства прибора, который вы окунали в джанаварскую водичку?

— Я бы с удовольствием вам рассказала о принципе, но должна признаться: сама его не понимаю. Это Ур придумал.

Все взглянули на Ура. Тот сидел, подперев щеку ку-

лаком, и смотрел в раскрытое окно. Нонна заметила, что на его клетчатой тенниске недостает верхней пуговицы.

— Ну что ж,— прервал Пиреев затянувшуюся паузу.— Надеюсь, мы как-нибудь в другой раз встретимся с товарищем Уром — в минуту хорошего расположения духа, не так ли? — Он кинул взгляд на часы.— Пойду, дорогая Вера Федоровна. Спасибо вам и вашим товарищам за помощь в моей работе. В свою очередь, всегда готов помочь вам чем смогу.

— Максим Исидорович,— сказала Нонна,— несколько последних разделов мы не успели перепечатать...

— Что вы, что вы, Нонна, это все я сам сделаю, когда диссертация сложится окончательно. Всего хорошего, товарищи.

Он поднялся — курчавый, благожелательный, в превосходно сшитом сером костюме.

— Я провожу вас,— сказал Грушин,— и заодно дам вам футляр для чертежей. А то что же — так нести...

Он вышел вслед за Пиреевым.

— Уф! — вздохнула Вера Федоровна и закурила новую сигарету.— Скажу вам по правде, Ур: я не любительница светских разговорчиков и всяких там дипломатических церемоний, но мне не нравится и когда ведут себя невежливо.

— Я вел себя невежливо? — удивился Ур.— Я всего лишь сказал, что мне некогда, и это истинная правда.

— Выпейте газировки, это улучшит ваше настроение.— Директриса наполнила стакан и протянула Уру.— Пейте, пейте, ну, живо!

Ур, ухмыляясь, взял стакан, осушил залпом и налил еще.

— Вряд ли Пиреев осчастливит науку, но администратор он хороший,— сказала Вера Федоровна.— Ну, дело сделано — Пиреев сыт, и овцы целы...

— Какие овцы? — спросил Ур, отставляя стакан.

— Нудный вы типчик, извините за откровенность. Все вам надо объяснять.

— Вера Федоровна, насколько я понимаю, хочет сказать, что теперь уж нам наверняка обеспечено участие в океанской экспедиции,— сказала Нонна.

— В жизни не встречала лучшего интерпретатора моих мыслей.— Контральто директрисы достигло едва ли не басовых нот.— А теперь вот что, друзья мои. Забудь-

те, что я начальница, и объясните мне, как студенту-второгоднику, что, собственно, произошло с земным магнетизмом на этой вашей вшивой речке.

И они втроем уселись за приставным столиком, и пошел горячий разговор. Листки бумаги покрывались схемами и формулами. В самый разгар спора сунулся в кабинет бухгалтер. Вера Федоровна глянула на него близко и сказала:

— Михаил Антоныч, попрошу через час. Я занята.

У бухгалтера брови взлетели почти к основанию лысины. Такого ему еще не приходилось слышать. Бочком, неловко топчась, он покинул кабинет. Вслед ему неслось:

— Форма океанов, юноша, их очертания — вот что определяет аномалии вертикальной составляющей. Очертания океанов, а не течения!

— Я знаю ваши труды, Вера Федоровна, и высоко ценю...

— Так какого дьявола вы вкручиваете мне это кольцевое течение с его смехотворной силой тока? Думаете, что вы первый обнаружили кольцевой характер Течения Западных Ветров? Как бы не так! Жюль-Сигисбер Русто, мой заклятый друг из Санта-Моники, давно уже подбивал меня провести кругосветную магнитографию Бравых Вестов, но и он, слышите, он сам, великий фантазер Русто, не имел ни малейшего представления о практической пользе этого предприятия! Ну? Что же вы молчите?

— Я молчу, потому что вы совсем не делаете пауз, — сказал Ур. — Вы упорно не хотите принять во внимание космическую составляющую, о которой я вам толкую. Вы как будто забываете, что Земля — космическое тело. Она несется в пространстве, пронизанном излучениями. Земля со своим магнитным полем купается, буквально купается в океане энергии. Разве это плохо — черпать электроэнергию прямо из космоса?

— Я занимаюсь океанологией, Ур, а не фантастикой. — Вера Федоровна встала и медленно направилась к своему креслу. У столика с глобусом она остановилась и провела ладонью по тускло сияющей меди океанов. Запылилась моя терелла, — сказала она с какой-то затаенной печалью. — Что вы мне предлагали добавить к модели? Какое-то кольцо, что ли?

— Да,— сказал Ур.— На вашей модели там, где все океаны сливаются воедино,— неподвижная медь. Сделайте в этом месте вращающееся кольцо. Смоделируйте Течение Западных Ветров. Бравые Весты, как вы говорите...

— Тихо мне! — крикнул Рустам, привычно входя в многотрудную роль тамады.— Аркаша, заткнись, будь любезен. Валерка, пересядь на подоконник и уступи стул дамам. Анечка, нарежь торт. Ну, тихо! Марк, тебе говорю!

— В самом деле, сколько можно молоть про футбол? — обратилась Нонна к Аркаше и Марку.— Так и перерыв весь пройдет, а переносить мероприятие на другой час я не намерена.

— Я молчу.— Аркаша, блеснув очками, отвесил Нонне поклон.

Рустам выпалил пробкой из бутылки шампанского.

— Мне не надо,— сказал Ур, когда Рустам протянул ему стакан.

— Да ты что, дорогой, не хочешь выпить за Нонну?

— Не приставай к нему, Рустам,— сказала Нонна, сидевшая рядом с Уром.— Он непьющий, и нечего его совращать.

Но от Рустама, если он предлагал кому-то выпить, еще никому не удавалось отделаться. И Ур принял стакан из его твердой руки.

— Дорогие друзья! — провозгласил Рустам.— Сегодня у нас замечательный день...

— Несмотря на тринадцатое число,— вставил Валерий.

— Несмотря на число и несмотря на то, что мы сидим за канцелярскими, а не ресторанными столиками, день сегодня замечательный,— вдохновенно продолжал Рустам.— Сегодня Нонне исполнилось столько лет, на сколько она выглядит, а выглядит она ровно на двадцать один...

— ...с половиной,— добавил Марк.

— Что сказать тебе, дорогая Нонна? — Рустам ввиду недостатка времени решил несколько сократить великую формулу застолья.— Мы желаем тебе всегда быть такой же красивой...

— Точно! — тоненько выкрикнула Аня.
— Такой же умной и безупречной в работе...
— Подтверждаю от имени дирекции,— скороговоркой сказала Нина Арефьева.

— И мы хотим, дорогая Нонна, в этот день...
— Замечательный,— подсказал Валерий.
— ...в этот замечательный день пожелать тебе большого, солнечного счастья, которого ты заслуживаешь. Ура!

— Ура-а! — крикнули все и принялись чокаться с Нонной.

Ур, ухмыляясь, тоже чокнулся, чуть не разбив стакан. Затем он осторожно отпил и скривился, вызвав жизнерадостный смех. Подумав, он отпил еще, и кривизна его гримасы заметно уменьшилась. Дух и вкус неведомого напитка приятно стрельнул в ноздри. И под громкий туш, в третий раз прозвучавший сегодня в этой комнате, Ур вытянул шампанское до дна.

— Молодец, дорогой! — одобрил Рустам.— Ты красиво пьешь, как настоящий джигит. На, скорее закуси.— Он протянул закашлявшемуся Уру ломоть арахисового торта.

Ур откусил, но кашлять не перестал, глаза его наполнились слезами, и непрожеванный кусок выскочил из рта в подставленную ладонь. Нонна заколотила его по спине.

— Теперь вы квиты,— сказал Марк, когда Ур отдышался.— Он спас ее, когда она тонула, она ж его от удавления спасла.

Аня залилась тонким колокольчиком. Валерий подмигнул ей и отправил в рот изрядный кусок.

— Частица торта в нас,— сказал он с набитым ртом,— заключена подчас.

Ур обвел сотрудников взглядом, полным благожелательства.

— Ребята,— сказал он,— какие вы все хорошие...
— Замечательные,— подсказал Валерий.
— Я хочу сказать, ребята, что мне хорошо у вас...

— Так оставайся, дорогой! — пылко воскликнул Рустам.— Мы тут женим тебя, квартиру тебе пробьем, защитишься — живи себе на здоровье! Скажи?

— Остаться у вас... — Ур поник головой.

Тут вошел Грушин, поправляя аккуратный реденький пробор.

— Извините, Нонна, дела задержали,— сказал он, садясь на уступленный Рустамом стул.— Только немножко, Рустам, совсем немножко... Спасибо.— Он поднял стакан.— Будьте здоровы, Нонна, за ваши успехи.— Грушин быстро выпил и взял протянутый Аней кусок торта.— Это арахисовый? Благодарю. Могу вас порадовать, Нонна: Максим Исидорович очень вами доволен. Он расспрашивал меня о вас, и можете не сомневаться, что я не пожалел, как говорится, красок.

— Спасибо, Леонид Петрович, я тронута.

— Не думаю, чтобы вы были тронуты, вы ведь у нас известная недотрога.— Грушин засмеялся собственной остроте.— Шучу, шучу, не обижайтесь. Аня, еще кусочек торта, пожалуйста...— Грушин искоса взглянул на Ура.— Что это вы разулыбались так широко, друг мой? Должен сказать вам следующее. Максим Исидорович хотел познакомиться с вами поближе, поблагодарить за помощь... м-м... за математическую, так сказать, оснастку... Вы же надерзили ему. Не собираюсь читать вам нотацию...

— Еще тарту, Леонид Петрович? — прозвенел Анин голосок.

— Что? Нет-нет, достаточно... Словом, не хочу вам портить улыбку. Ур, она вам очень идет, но разрешите все же посоветовать: будьте осторожнее на поворотах.

— Осторожнее на поворотах,— повторил Ур.— Да, я понял.

— Вот и прекрасно. Ладно, Аня, дайте еще кусочек, только совсем маленький... Спасибо.

— Леонид Петрович,— обратился к Грушину Ур,— я прочитал все ваши труды по Каспийскому морю. Вы много сделали для изучения Кап... Каспия...

— Благодарю вас, Ур,— с чувством сказал Грушин.— Это очень лестная оценка. Не считите за обиду то, что я вам тут говорил. Это был только дружеский совет по праву старшего...

Звонок возвестил окончание перерыва.

— А теперь — за работу, товарищи.— Грушин, дожевывая торт, направился к двери.

— Но вы, Ле... Леонид Петрович, все еще не доктор наук,— повысил Ур голос.

Грушин остановился, посмотрел на него озадаченно.

Ур неловко, придерживаясь за стену, вылез из-за стола и ухватил Грушина за рукав безупречно белой сорочки.

— Вы не доктор,— повторил он с необычайной настойчивостью.— Вам защиту пе... переносят с года на год...

— Это не ваше дело.— Грушин попробовал высвободить руку.— Перестаньте за меня цепляться...

— А Ма.... Максим Сидорович... Нет, И-си-дорович...— Тут Ур качнулся и почти обнял Грушина, чтобы не упасть.— Максим получит доктора раньше, чем в-вы!..— Ура качнуло в другую сторону.— Хотя с-сам он выполнить научную работу н-не...

— Он пьян! — в ужасе закричал Грушин.— Уберите его от меня!

Из института Нонна и Ур вышли вместе.

— Я все помню,— сказал Ур, виновато опустив голову,— кроме одного: как я очутился в саду?

— Рустам с Валеркой отвели тебя туда и усадили в холодке.

— В холодке... Да, да, я проснулся от холодка — у Джимки нос холодный, он тыкался мне в руку... Понимаешь, я все соображал, а вот ноги вдруг перестали слушаться...

— Будешь теперь знать, как лакать шампанское.

— Целый день потерял, черт дери...

— Валеркин лексикон не очень тебе подходит, Ур. У тебя ноги еще не отошли? Ты еле тащишься.

— Нет, ноги отошли. Просто мне некуда торопиться.

— Разве тетя Соня не ждет тебя с обедом?

— Тетя Соня улетела в Ленинград, у нее там тяжело заболела сестра.

— Где же ты теперь обедаешь?

— Где придется... Ты не знаешь,— спросил он, помолчав,— если снять номер в гостинице, это дорого будет стоить?

— Что случилось, Ур? — Нонна удивленно посмотрела на него.— Вы поссорились с Валерием?

— Нет. — Опять он помолчал. — Мы не ссорились. К Валерию по вечерам теперь довольно часто приходит Аня, и мне кажется, что я им мешаю.

Некоторое время они шли молча. Нонна поймала себя на мысли: что сегодня мама приготовила на обед? Может, пригласить Ура? Почему бы и нет? Вон он какой неприкаянный бродит... Позвать на обед, потом, когда стемнеет, попить чаю на балконе... Он занятный собеседник, наивный, как мальчишка, и в то же время... в то же время какая-то в нем тайна... Пуговицу ему на рубашке пришить... Мама удивится. А сам Ур? Не подумает ли он бог знает что? Будто она, Нонна, навязывается...

— Я, кажется, наговорил Грушину лишнего? — спросил Ур.

— Ты задел его за живое. Докторская степень — самое большое его место.

— Но это действительно несправедливо: ученый годами не может защититься, а Пиреев, который ничего в науке...

— Ясно, ясно, — поморщилась Нонна. — Сколько можно об одном и том же? И, между прочим, ты за Грушина не беспокойся: он свое возьмет.

— Для Грушина большое место — докторская степень, а для тебя — пиреевская диссертация. Ты сердись-ся, когда я о ней говорю.

— Ты стал на редкость проницателен.

— А ты прибегаешь к иронии, если тебе говорят неприятное.

Нонна опять вскинула на Ура удивленный взгляд.

— Повторяю без иронии, — сказала она, — ты проявляешь проницательность, которой раньше я не замечала.

— Просто я начал немного разбираться. Помнишь, ты сказала однажды: «Не приносите в храм цены песьей»...

— Помню. Ну и что?

— Это правильно сказано. Храм нельзя осквернять.

— Совершенно с тобой согласна. В храмы надо входить в незапятнанных белых ризах. Но, к сожалению, жизнь бесконечно сложнее любых изречений, как бы прекрасны они ни были.

Она видела по глазам Ура, что он размышляет над ее словами. Ах, плюнуть на условности, пригласить его пообедать, пусть он думает что хочет, не все ли равно...

И она уже решила пригласить, как вдруг Ур оставался.

— До свиданья, Нонна,— сказал он.— Я пойду.

— Куда?

— Туда.— Он указал на белое здание цирка на другой стороне улицы, на огромный красочный щит, извещавший о последнем месяце гастролей.

— Позволь, но еще рано. Представление начнется в восемь...

— Знаю. Я к Ивану Сергеевичу зайду, к приятелю моему.

— Кто это? Фокусник? Акробат?

— Лилипут. Ну, пока.

И Ур устремился в просвет в автомобильном потоке, оставив Нонну на краю тротуара, как на опустевшем причале.

К ответственным выступлениям Максим Исидорович обычно готовился у себя дома на кухне. Естественно, в его квартире был кабинет, обставленный весьма современно и со вкусом, но почему-то Максим Исидорович отдавал предпочтение тесноватой кухне. Быть может, вкрадчивое жужжание холодильника заменяло ему сдержанный шепот аудитории, создавая обстановку максимального приближения к рабочим условиям?

Вот и сегодня: Максим Исидорович в легком пижамном костюме уютно пристроился за кухонным столом. Перед ним лежал отпечатанный текст сообщения по диссертации, справа дымился крепкий чай в грушевидном стаканчике «армуды», помещенном в резной серебряный подстаканник соответствующей формы, а слева под рукой глянцево поблескивала пачка сигарет «Уинстон». Эти сигареты Максим Исидорович предпочитал другим сортам.

Он положил в рот кусочек сахара и отпил чаю. Он был доволен собой. Конечно, в сорок восемь лет иные люди ходят в академиках. Он, Максим Исидорович, в академики не лезет. Но ходить в его возрасте кандидатом наук? Неловко как-то. Двадцать с лишним лет назад он проявил себя способным геодезистом, защитил кандидатскую — тогда-то и началось его восхождение по ступеням административных должностей. К чему ложная

скромность? Он многого достиг. И, строго говоря, докторская степень не очень-то ему и нужна. Но быть кандидатом в сорок восемь лет... Это мешает строить правильные отношения. Взять, к примеру, эту грубоватую даму, директрису Института физики моря. Будем справедливы, она океанолог с именем, прислана из Москвы руководить Каспийским филиалом. Но не раз и не два он, Максим Исидорович, разговаривая с нею, читал на лице этого мужлана в юбке такое, знаете ли... не то чтобы пренебрежение, а вынужденное, что ли, терпение... ну, что-то такое, напоминающее о том, что она доктор наук, а он всего лишь кандидат.

Опять же взять иных однокашников по институту — поразъехались по разным городам, кое-кто осел в столице, сделались докторами, а один даже избран о прошлом годе в членкоры. С каким лицом встретится с ними он, Максим Исидорович, скажем, на всесоюзном симпозиуме? То-то и оно...

С теми однокашниками, которые остались и работают здесь, конечно, проще. Не обязательно, к примеру, Лёне Грушину становиться доктором прежде, чем таковым станет он, Максим Исидорович. Грушин свой человек, подождет, торопиться ему некуда. На днях он, Максим Исидорович, в телефонном разговоре сказал ему: «Готовься, Лёня, на осень назначим твою защиту». Было слышно, как Грушин там, на другом конце провода, подпрыгнул.

Он-то, Максим Исидорович, до осени ждать не намерен. Всего месяц прошел с того дня, когда он забрал свою диссертацию из Института физики моря. Никто бы не сумел за какой-то месяц проделать громоздкую подготовительную работу — никто, кроме него, Пиреева. Недаром он был превосходным организатором. Диссертация тщательно выправлена, перепечатана, переплетена. Она прореферирована в обязательных инстанциях и имеет положительные отзывы оппонентов. В академической типографии срочно отпечатан автореферат. И вот — послезавтра защита.

Максим Исидорович щелкнул японской газовой зажигалкой с электрозапалом и закурил сигарету «Уинстон». Затем он склонился над текстом своего устного сообщения.

Он хорошо знал, что в любой аудитории найдутся люди, которые не любят, чтобы докладчик читал по бумажке. Он и сам недолюбливал тех, кого метко называют «куриными» лекторами. Такой лектор опускает глаза к бумаге и запоминает некоторое количество слов, допускаемое возможностями памяти, а затем возводит очи горё и произносит запомненную порцию. Мерное чередование опускания и поднятия головы и впрямь наводит на мысль о курице, то склоняющейся для поднятия зерна, то возносящей клюв к небесам для облегчения пропуска склюнутого корма в горло.

Нет, Максим Исидорович был не из «куриных» докладчиков. Он добросовестно готовился к докладам. Можно сказать, выучивал текст наизусть, благо память у него была прекрасная.

Вот только сложная получилась диссертация. Чего стоят одни математические расчеты! Конечно, в высшей геодезии без математики не обойтись, но не слишком ли много ее напихано? Формулы, формулы, уравнения — аж в глазах рябит...

Неторопливо, с выражением, слегка шепелявя, Максим Исидорович читал устное сообщение финскому комлекту кухонной мебели, и в гуле холодильника чудился ему одобрителный рокот аудитории.

В элегантном костюме благородного темно-оливкового цвета, с неторопливым и спокойным достоинством приблизился Максим Исидорович к трибуне. Доброжелательно посмотрел сквозь голубоватые свои очки на председателя ученого совета, обвел взглядом членов совета, публику в конференц-зале. Затем, медленно повертывая голову, он оглядел тесный фронт схем и графиков — так полководец былых времен, начиная решающий бой, кидал последний требовательный взгляд на верных grenадеров.

Откашлявшись, Максим Исидорович начал негромко: — Товарищи члены ученого совета. Представленная мною к защите диссертация охватывает ряд сложных вопросов высшей геодезии...

Плавнo текла его речь. Время от времени он перебрасывал страницы текста, лежащего перед ним, но ни разу не заглянул в них — в этом не было нужды.

В зале среди публики сидели Вера Федоровна и Грушин. Ну, им-то по должности следовало присутствовать при защите. А Нонне Селезневой было вовсе не обязательно сидеть тут. Но Ур настоял, чтобы они пошли на защиту. Ох уж этот странный Ур! Всегда его тяготили совещания, и вдруг на тебе — идем на пиреевскую защиту! Любопытно ему, видите ли, посмотреть, как проходит эта процедура...

Сидя рядом с Уром, Нонна клевала носом. Что-то она стала плохо спать по ночам, впервые в жизни познала вкус снотворного...

Журчала пиреевская речь, усыпляя Нонну. Вдруг она спохватилась, усилием воли стряхнула сонное оцепенение. Куда как красиво было бы всенародно заснуть тут! И, по давней своей привычке, Нонна стала присматриваться к окружающим. Вон сидит в первом ряду супруга Пиреева, очень нарядная, очень дородная, с профилем Екатерины Второй. Да нет, какая там Екатерина — скорее Анна Андреевна из «Ревизора». А рядом с ней кто? Никак, Марья Антоновна? Нет, конечно. Она хорошенькая, пиреевская дочка, и одета с большим вкусом. А эти два подростка — сыновья Пиреева? Очень дисциплинированные юнцы, сидят — не шелохнутся, глаз не спускают с папы.

Сам папа весьма представительен. Смотри-ка, дошел уже до гиперболоидов вращения, тычет указкой в схемы. Ловко это у него получается — непосвященному и в голову не придет, что не сам Пиреев рассчитал эти гиперболоиды. Какой он кругленький, довольный собой... Ага, вот как надо: очки долой, костюм тоже, наденем белую курточку, на курчавую голову — пышный белый колпак, теперь попрошу улыбку, готово: преуспевающий кондитер, благоухающий ванилью и корицей. Над головой дать затейливую, в завитушках, вывеску: «Заведение Пиреева — крендели и пышки»...

Представив себе все это, Нонна чуть улыбнулась.

Тут она заметила, что происходит нечто неладное. Пиреев вдруг запнулся на полуслове. Неуверенным движением он поднял руку и потер висок. Возникла томительная пауза.

Нонна повернулась к Уру, шепнула:

— Первый раз вижу, чтобы он...

И осеклась, увидев каменно-неподвижное, как бы за-

твёрдшее лицо своего соседа, напряженный взгляд, направленный в одну точку. Однажды Нонна уже видела Ура таким. Почему-то ей стало страшно, она отодвинулась, насколько позволяли подлокотники кресла.

Между тем Максим Исидорович, похоже, справился с неожиданной помехой. Что это — будто провал в памяти... Никогда с ним такого не случалось... «Нервы», — подумал он и сделал паузу. Медленно подошел к столу, налил в стакан минеральной воды, медленно выпил в полной тишине.

Затем он — впервые за многие, многие годы — склонился над текстом доклада. Чертовы формулы, в глазах рябит... На чем он остановился?.. Кажется, вот на этой формуле.

Так, еще раз прочесть... Ведь он ее прекрасно помнил, затверживал вчера, а тут почему-то она ускользает, не дается... «Подставляя, имеем...» «Отсюда видно, что...» Взять листки с собой к доске и переписать уравнения? Нет, несолидно это...

Ну, нельзя больше тянуть. В зале покашливают, шепчутся — разве это дело? Еще раз вчитавшись в формулу и следующий за ней текст, Пиреев пошел к доске и взял мел.

Проклятье! Все выскочило из головы — и буквы и цифры.

И вдруг пришла полная ясность. Максим Исидорович покивал головой: да что ж это, он прекрасно все помнит, да и как можно забыть то, о чем так много, так приятно думано...

С маху он вычертил на доске округлую кривую и обернулся к публике, к ученому совету. Сказал с добродушной улыбкой:

— Я продолжаю, товарищи. Как видите, такая форма избрана отнюдь не случайно. — Он ткнул мелом в свой чертежник. — В верхней части мы видим широкий раструб, в котором чай, слишком горячий для немедленного употребления, быстро охлаждается. Ниже стаканчик как бы перетянут узкой талией, отделяющей зону интенсивного охлаждения от нижней, сферической части, в которой хорошо сохраняется тепло...

Зал встревоженно загудел. Увлеченный своими мыслями, Максим Исидорович не заметил этого.

— Таким образом, — говорил он, — обеспечивается

постоянство температуры. «Армуды» в сущности — идеальный термостат. Термодинамика процесса, как видим, выражается уравнением...

Он живо повернулся к доске и вывел:

$$T = \text{const.}$$

Затем, вспомнив, что заглавное «Т» принято для обозначения абсолютной температуры по шкале Кельвина, которая тут не подходит, он стер уравнение ребром ладони и написал заново:

$$t = \text{const.}$$

— Максим Исидорович! — услышал он голос председателя совета.

— Сейчас, одну минутку...

Все же шкала Кельвина манила Пиреева — она была как-то научнее, докторальнее... Ах, вот как надо — выразить ее логарифмически! И, ощущая в голове прекрасную ясность, Максим Исидорович зачеркнул второй вариант и решительно вывел:

$$\lg T = \text{const.}$$

Он стукнул мелом, поставив точку, и обернулся к залу.

— Максим Исидорович, — сказал с печалью в голосе председатель ученого совета, — по-видимому, нам придется остановить защиту. Вы переутомились, вам надо отдохнуть,...

Пиреев посмотрел на взволнованное лицо председателя — своего давнишнего друга, посмотрел на членов совета, повскакавших с мест, потом встретился взглядом с отчаянным взглядом жены — и тут только понял, что случилось нечто ужасное.

Он схватил свой доклад и, теряя на ходу листки, по-нуро пошел к выходу.

Глава вторая

ГНЕВ ПИРЕЕВА

— Я забыл, какой у вас герб?

— Большая человеческая нога, золотая на лазоревом поле. Она попирает извивающуюся змею, которая жалит ее в пятку.

— А ваш девиз?

— *Nemo me impune lacessit* ¹.

Эдгар По, Бочонок амонтильядо

Очень живучее это чувство — гнев человеческий. Гремящая боевой медью «Илиада» начинается с обращения к Афине Палладе, которая в античные времена представляла на Олимпе науку по совместительству с вопросами обороны: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

Гнев издавна вызывал желание отомстить — чаще всего путем нанесения обидчику телесных повреждений. Вы помните, конечно: «Невзвидел я света, булат загремел...», «Возьму я шпагу длинную и выйду из ворот...»

«Мы недаром зар-рядили пистолеты, ведь честь задета, ведь честь задета!» — вопило средневековое.

И только в Древнем Китае, как говорят, месть проявлялась в несколько своеобразной форме: мститель вешался на воротах врага, дабы причинить тем самым ему неприятность.

Месть — в качестве пережитка прошлых времен — встречается и теперь, даром что уголовные кодексы относят ее проявления к преступным деяниям.

Если сам Гомер отказался лично воспеть гнев Ахиллеса, Пелеева сына, и предложил сделать это копыеносной богине Афине, то как же нам описать гнев, охвативший Максима, Пиреева сына? Ведь мифический герой разозлился на одного человека, царя Агамемнона, по поводу неправильного, по мнению Ахиллеса, дележа награбленной добычи. И, как ни ужасен был его гнев, выразился он лишь в отказе от совместных военных действий.

А Максим Исидорович был зол на весь свет...

Сразу после неудачной защиты он приехал домой и

¹ Никто не оскорбит меня безнаказанно (лат.).

заперся у себя в кабинете. Некоторое время он лежал на диване и пытался понять, что же произошло с его памятью, никогда прежде его не подводившей. Однако ничем, кроме переутомления, он не сумел объяснить себе причину странного помрачения.

Да, нервное переутомление. Завтра же надо назначить медицинскую комиссию и зафиксировать этот факт. Потом — подготовить объяснительную записку...

Осторожный стук в дверь прервал ход его мыслей. Максим Исидорович встал, отворил дверь и принял из сочувственных рук жены стакан чая и сахар на лакированном подносе. Умница, принесла именно стакан, а не злополучный «армуды»...

— Ничего, ничего, Эмма, — вяло сказал он в ответ на невысказанный вопрос в глазах супруги. — Переутомился немножко.

— Может, поедем на дачу? — осведомилась жена. — Тебе надо отдохнуть после такой нервотрепки...

— Непременно поедем. Только вот закончу кое-какие дела.

Горьковатый вкус чая произвел на Максима Исидоровича обычное взбадривающее действие. Он придвинул к себе телефон. Спокойно, деловито распорядился отменить банкет, к которому все уже было готово в ресторане «Дружба».

Кроме банкета на шестьдесят персон, Максим Исидорович намеревался пригласить в субботу к себе на дачу, на шашлык, десяток избранных лиц. Хорошо, что он не успел сообщить им о своем намерении. Жаль только, что баран уже закуплен.

Он позвонил в медицинское ведомство и договорился о созыве комиссии. Так, и это сделано. Теперь оставалось главное — найти виновников его поражения.

Максим Исидорович, укрепив себя еще одним стаканом чая, раскрыл папку с опозоренным докладом. Чем больше он листал его, тем более убеждался, что эта хитрая змея, директриса «Физики моря», нарочно подсунула ему такой сложный материал. Разве нельзя было сделать так, чтобы и диссертательно получилось, и в то же время доходчиво? Кому нужно столько математики? В приличной диссертации все должно быть в меру...

Нарочно, нарочно она решила запутать его в бесчисленных уравнениях! И этого подозрительного молодчика

специально привлекла... Где, позвольте вас спросить, обучали математике этого юного нахала? Не пора ли разобраться, кто он, собственно, такой и с какой целью приехал сюда?

Максим Исидорович закурил сигарету и положил перед собой плотный лист бумаги.

Зазвонил телефон. Не хотелось Максиму Исидоровичу ни с кем сейчас разговаривать. Все же он взял трубку.

— Слушаю вас.

— Максим, как ты себя чувствуешь? — раздался голос председателя ученого совета. — Лучше? Ну, слава богу. Я очень переволновался... Все шло так хорошо, даже блестяще... Что?.. Я так и подумал, что нервное переутомление тебя прихватило. Ну, ничего страшного. Отдохни, Максим, подлечись, а в сентябре соберемся снова...

Верно, верно, подумал Максим Исидорович, положив трубку: все шло блестяще. Даже Карпов, старый брюзга и критикан, выдал из себя похвальное замечание — это что-нибудь да значило. А эта змея директорша сидела и насмешливо шурилась, и этот нахальный Ур сидел там и смотрел на него, Пиреева, недоброжелательным взглядом. Он видел, он все видел с трибуны!

И, снова испытыв горячий прилив гнева, Максим Исидорович выдвинул из многоцветной шариковой ручки зеленый стержень — и побежали по белому листу быстрые тесные строчки.

— Прочтите. — Вера Федоровна протянула Грушину бумагу с цветным штампом в углу, с номером и датой.

Бумага была убийственная. Нет, нет, она не содержала угроз и проклятий, ее не пропитывали ядом. Напротив, она была исполнена благожелательности и имела целью «достижение экономии фондов исследовательских работ». Именно поэтому исследование электромагнитных явлений в океанских течениях исключалось из тематики института как неподготовленное.

— Поразительно! — воскликнул Грушин, прочитав бумагу и передавая ее Нонне.

— Вас это поражает, Леонид Петрович? — Вера Федоровна включила настольный вентилятор и подставила воздушной струе разгоряченное лицо. — А ведь в про-

шлом году вы примерно в таких же выражениях возражали против океанской темы.

В кабинете, выходящем окнами на запад, было жарко в этот послеполуденный час. Задернутые шторы не спасали от обилия солнца. Грушин вытянул из кармана платок и вытер мокрое от пота лицо. Сказал, беспокожно заерзав на стуле:

— Я действительно возражал, потому что... потому что у нас и на Каспии дел полно... Помилуйте, Вера Федоровна, вы ведь не думаете, надеюсь, что я...

— Не думаю, конечно. Это было бы просто непорядочно. По-видимому, Пиреев вспомнил вашу прошлогоднюю аргументацию. Он что же, вздумал мстить нам за провал своей защиты?

— Почему вы у меня спрашиваете?

— Это риторический вопрос. Дайте сюда бумагу, Нонна. Наизусть вы ее, что ли, заучиваете? — Вера Федоровна сунула бумагу в ящик стола. — Ничего себе дружок у вас, Леонид Петрович, — продолжала она, щурясь. — Мы делаем для него диссертацию, он вдруг начинает нести на защите чушь — и после этого на нас же хочет отыграться.

— Да я-то здесь при чем? — Грушин вскочил и взмахнул руками. — Что это за слова вы употребляете — «дружок у вас»?.. Никакой он мне не дружок, — ну, учились когда-то вместе в институте, ну и что из этого?

— Надо же и мне на ком-то отыграться...

— Только по-прошу не на мне!

— Ладно, ладно, не нервничайте, я не в укор вам говорю. А вы, Нонна, что скажете?

— Надо звонить в Москву. Надо отстоять temu.

— Это я и без вас знаю. — Вера Федоровна устало закрыла глаза ладонью. — Думала, вы мне что-нибудь путное посоветуете... Ладно. Не задерживаю вас больше. Остановите пока океанскую тему. Займитесь восточным берегом. Готов у вас, товарищ Грушин, план магнитографических работ?

— Давно готов.

— Отправьте туда «Севрюгу». Горбачевского пошли-те. Сами, если хотите... — Вера Федоровна нажала кнопку звонка и сказала вошедшей Нине Арефьевой: — Вызови ко мне начальника планового отдела. И закажи Москву — разговор с Мирошниковым.

...Бывший фармацевт, а ныне тишайший пенсионер Фарбер сидел, как всегда, у окна галереи, выходившего на открытую площадку дворовой лестницы. Худой и сутулый, с ввалившимися щеками, покрытыми седой щетиной, в старой парусиновой блузе, он сидел целыми днями у окна — закрытого зимой, широко распахнутого летом — и читал, читал. Время от времени он задремывал, уткнув в книгу бледный нос, но ненадолго. Проснувшись, сразу находил нужную строчку и читал дальше. Сын-инженер снабжал его историческими романами, книгами о древних цивилизациях — других жанров Фарбер не признавал.

Валерий, избежав на площадку второго этажа, кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, и спросил:

— Ной Соломонович, Ур не приходил?

Фарбер чуть повернул к нему голову, взглянул косящими глазами, сказал слабым голосом:

— А, это ты? — В горле у него будто клокотало. — Нет, не приходил.

— Где его носит? — пробормотал Валерий. — Дайте ключ, пожалуйста.

С тех пор как уехала тетя Соня, жизнь у них совсем разладилась. Валерий обедал в столовке или наскоро стряпан дома. Потом спешил к Ане — почти все вечера они проводили вместе. А последнее время, когда Аня взяла отпуск для подготовки к экзаменам, она чаще приходила к Валерию — он помогал ей готовиться по математике и химии. В этом году Аня, провалившаяся два года подряд, решила обязательно поступить на биологический факультет.

А Ур после работы исчезал. То уезжал с Рустамом и другими ребятами на пляж, то провожал Нонну, а несколько раз Валерий видел, как он шел в цирк. Иногда Ур забегал после работы домой — для этих-то случаев и стал Валерий оставлять ключ у соседа. А обычно Ур приходил поздно, сразу валился в постель, на вопросы отвечал неохотно...

Фарбер взял с подоконника ключ и протянул Валерию.

— Когда приедет тетя Соня? — спросил он. Просто так спросил, для порядка, потому что, кроме древних цивилизаций, ничто его особенно не интересовало.

— Приедет, — неопределенно сказал Валерий.

Из тетушкиной последней открытки он знал, что сестра ее поправляется после инфаркта очень медленно и ей, тете Соне, возможно, придется задержаться в Ленинграде еще на месяц. Она умоляла Валечку писать чаще и подробней и не питаться всухомятку, чтобы не нажить себе желудочного заболевания.

В квартире было пыльно, не прибрано. Хрипел транзистор, который он, Валерий, забыл выключить, уходя утром на работу.

Валерий, насвистывая модную песенку «А нам все равно», поставил на газ кастрюльку с водой и кинул в нее штук пять морщинистых сосисок. Жаль, кончилась гигантская ведерная кастрюля супа, сваренного тетей Соней перед отъездом. Ладно, проживем и без супа. А нам все равно...

Он застелил свою тахту, убрал с дивана Ура кучу газет и книг — сборники зарубежной фантастики, два-три тома Толстого, учебник английского языка. Потом повалился в кресло возле телефона, закурил и набрал Анин номер.

— Привет, — сказал он. — Ну как, зубришь? Добралась до альдегидов?.. Ах, удивила! А кто их любит? Их сам Бутлеров не любил — видеть их просто не мог... Ты придешь?.. А кто знает? Давай-давай, бери свою химию и приходи... Новости? Да никаких новостей... Нет, есть одна: бумага пришла, закрыли нам океанские течения... Ну, тему океанских... Да, представь себе. Так ты придешь?.. Известно кто — Пиреев. Я ж тебе говорил, что он провалил защиту, понес там всякий вздор... Ну вот. А теперь он чего-то на наш институт остервенился... Анечка, ну откуда я знаю? Спроси Ура, он был на защите. Так придешь ты или нет?.. Ничего не грозный тон, просто хочу, чтоб ты пришла. А то на днях уйду — в море меня выталкивают на родной «Севрюге»... Да, представь себе... Если б не хотел, так не стал бы тебя уговаривать... Ну, собирайся быстренько. Жду!

Сосиски в кастрюле разбухли, полопались — еще немного, и, чего доброго, взлетят на воздух. Валерий, обжигаясь, вывалил их на тарелку. Черт дери, хлеб забыл купить! Ладно, нам все равно... Он быстро съел три штуки с завалившимся в шкафчике хрустящим хлебцем, залил газировкой из сифона. Так. Теперь надо сбегать в магазин, чего-нибудь к чаю купить — Анька сладкое обо-

жает. Или прибраться вначале? Вечно жизнь ставит перед выбором...

Тут раздался телефонный звонок. Анька, наверно. Валерий схватил трубку. Голос был женский, но не Анина.

— Говорит секретарь профессора Рыбакова. Лев Семенович просит вас срочно приехать.

Вот же не ко времени! Валерий стал, запинаясь, ссылаться на неотложные дела. Вежливо, но настойчиво секретарша повторила вызов. Что тут оставалось делать?

Валерий опять позвонил Ане — предупредить, чтоб пока не выходила из дому, а ждала его звонка. Но Ани дома уже не оказалось. Когда ее ждешь, она полтора часа собирается, а когда не надо, чтоб она торопилась, так уж будьте уверены — выскочит из дому за пять минут.

Пришлось снова отрывать Фарбера от древних цивилизаций.

— Ной Соломонович, я уйду, а тут Аня должна прийти...

— Кто? — спросил старик нетвердым голосом.

— Ну, девушка, белокурая такая, она же всегда с вами здороваются. Вы ей ключ дайте и скажите, чтоб ждала меня. Ладно?

— Ага... ключ... Когда приедет тетя Соня?

— Приедет! — крикнул Валерий, сбегая по лестнице.

Спустя полчаса он вошел в кабинет Рыбакова. Усадив Валерию в кресло, Рыбаков сел напротив, вздернул черную бровь, как бы заранее удивляясь тому, что предстоит ему услышать.

— Ну-с, Валерий Сергеевич, как поживает наш пришелец?

Валерий, хоть и ожидал этого вопроса, ответил не сразу.

— Не знаю даже, что вам сказать, Лев Семенович... Ходит на работу, как все. Работает, зарплату получает... Я даже, по правде, забыл, что он пришелец.

— Значит, ничем не выделяется? — Рыбаков сделал быструю пометку в блокноте. — А эти его приступы повторяются? Да? Ничего вам не удалось выяснить нового? Жаль, жаль...

Валерий устыдился своей малой информированности. И, чтобы заполнить пустоту, стал рассказывать об экспедиции на Джанавар-чай. О приборе, придуманном Уром, и о «джаномалии», и о том, какие приготовления шли у

них к зимней океанской экспедиции, а теперь вот все приостановлено, потому что...

— Знаю, знаю,— покивал Рыбаков, продолжая не то писать, не то рисовать в блокноте.— А вот скажите, пожалуйста: утвердились ли вы во мнении, что знания Ура в каких-то областях превосходят сегодняшний уровень, достигнутый наукой?

Валерий призадумался. Ур своих знаний напоказ никогда не выставлял, но в области физики и математики он наверняка подготовлен выше нормы, доступной его, Валерия, пониманию. Конечно, это не доказательство. Удивительная способность к языкам — необычайно быстро выучился русскому, а теперь и английский освоил и уже за французский взялся. Тоже не доказательство... Но вот — блокнот Ура. Пленка с загадочными свойствами... Прибор, показавший «излишек» электричества... Идея Ура об использовании Течения Западных Ветров...

Рыбаков еще выше вздернул бровь.

— Получение электроэнергии непосредственно из окружающего планету пространства — так, кажется, вы сформулировали? Расскажите подробнее, Горбачевский.

— Собственно, я уже все рассказал. Деталей его проекта я не знаю. Знаю только, что он получил часы для работы в вычислительном центре и готовит расчеты для обоснования проекта.

Рыбаков ухватил себя двумя пальцами за костистый подбородок и принялся раскачиваться на стуле. Валерий невольно напрягся, готовый подскочить к профессору, если стул, раскачиваемый все больше, опрокинется. «Это что же — интенсифицирует таким образом умственный процесс?» — подумал он.

В тот момент, когда амплитуда колебаний достигла, казалось, критической величины, Рыбаков перестал раскачиваться и устремил на Валерия пронизательный взгляд.

— Еще несколько вопросов, Валерий Сергеевич, если разрешите. Замечали ли вы в деятельности Ура черты, которые... ну, скажем так: можно ли какие-то его действия истолковать негативно, как приносящие или способные принести вред?

— Я такого не замечал.

— Может быть, вред отдельным лицам, которые ему почему-либо неприятны?

— Нет. У нас его все любят и отношения хорошие.
— Он располагает к себе людей, не так ли?
— Пожалуй...
— А способность к гипнозу — есть у него такая?
— Н-не замечал...— Валерий снова задумался.—
Слухи какие-то ходили в институте...

— Какие именно?

— Да вздор все это...— Валерий вдруг как бы услышал со стороны свои вялые, неуверенные ответы и сказал решительно: — Лев Семеныч, прошу меня освободить. Не хочу больше... как это... соглядатаем. Я уж говорил вам: он хороший парень, я не держу его ни за какого пришельца.

— Вы отнюдь не соглядатай, с чего вы взяли? Личность Ура представляет собою научный интерес...

— Знаю, знаю, Лев Семеныч. Но у меня не получается... И вообще... Я женюсь скоро, мне не до Ура сейчас...

Он нагнулся и поднял блокнот, соскользнувший с колена Рыбакова.

— Спасибо.— Рыбаков кинул блокнот на стол и поднялся.— Что ж, очень жаль, очень жаль, Валерий Сергеевич. Но раз вы настаиваете... Н-да, экстраординарный случай... Я свяжусь с московскими товарищами, мы посоветуемся, как нам быть дальше. И об этом его проекте нужно особо поговорить... Уру, разумеется, о нашей встрече ни слова.

— Конечно, конечно! — Валерий облегченно вздохнул.

В гастрономе, шумном по-вечернему, он купил торт «Кармен», российского сыру, лимон и несколько городских булок.

Дверь квартиры была открыта, когда он добрался наконец до дому. В кухне свистел чайник, сигнализируя о готовности, а в комнате тети Сони сидели Аня и Ур.

Перед Аней на столе была раскрыта органическая химия, тут же лежали тетрадки, испещренные формулами реакций, но, вместо того чтобы вникать в альдегиды, Аня спорила с Уром.

— Приветик! — взглянула она на вошедшего Валерия.— Зовешь в гости, а сам куда-то исчезаешь, прямо безобразие. Где ты был? В магазине! В магазин так долго не ходят. Ой, там чай кипит! Ты выключил? Ну ладно, сейчас будем заниматься.— Она снова обратилась к

Уру: — Я ему ни капли не симпатизирую да и видела один только раз. Так что не воображай, что я пристрастна. Я совершенно беспристрастна. Просто я понимаю, что человек может быть очень занят и ничего страшного, если ему кто-то поможет сделать работу. Вот Валерка помогает мне готовить химию — это ведь не значит, что он сдает за меня экзамен.

— Одно дело — помогать, совсем другое — работать за человека, который сам не умеет, — сказал Ур.

Он сидел в любимом тети Сонином кресле и просматривал газеты. Его густая черная шевелюра была мокрая — от недавно принятого душа, должно быть.

— Он очень даже хорошо умеет работать, — возразила Аня.

— Организовывать и координировать! — крикнул Валерий из кухни. Он там заваривал чай, нарезал лимон.

— Вот именно, — сказал Ур. — Пирееву надо было написать статью о своем опыте администратора. Или даже — об этих стаканчиках. Он очень воодушевился, когда вдруг о них заговорил. Вот это была бы самостоятельная и, наверное, нужная работа.

— Согласна, но ведь за такую работу не дадут докторскую степень.

— Так и не надо! — Валерий принес поднос со стаканами и чайник. — Анечка, пойдй нарежь эту самую «Кармен».

— Как это не надо? Сейчас все защищаются. А уж если ты кандидат, то разве это не логично — стремиться к докторской степени? Принеси торт сюда.

— Я человек не гордый, не защищенный, — сказал Валерий, — могу и сюда принести.

— Все должны защищаться. — Аня принялась резать торт. — Что, ты знаешь свою специальность хуже, чем Рустам? Не хуже. А Рустам кандидат. Значит, и тебе надо защититься.

— Надо, надо, — вздохнул Валерий, садясь рядом с Аней. —хлопотно только вот...

— Просто ты лодырь, Валера. Ждешь, наверно, чтобы и тебе помогли написать диссертацию.

— Сам как-нибудь управлюсь. Ур, специального приглашения ждешь? Что-то ты, братец, смурной ходишь последнее время, — сказал Валерий, взглянув на Ура. — Головные боли опять?

— Смурной — это когда головная боль?
— Скорее — когда настроение паршивое.
— Тогда я действительно смурной.— Ур, не любитель горячего чая, налил в блюдце и осторожно попробовал, вытянув губы.— Сегодня у меня отняли часы в вычислительном центре,— сказал он.— Тема закрыта, значит, и считать нечего.

Максим Исидорович, облачившись в пижаму, сидел на просторной веранде своей дачи. Наслаждался тишиной и покоем, столь необходимым и мозгу, переутомленному городскими заботами.

В углу двора, за кустами граната, мекал баран. Садовник Эльхан специально ездил куда-то покупать это глупое, но вкусное животное, которому предназначалось украсить собою пиршественный стол. Увы, защита не состоялась, шашлык для избранных друзей был, естественно, тоже отменен.

Но самым видом своим, нетерпеливым меканием баран взывал к действию. Не везти же его обратно на родные пастбища.

И Максим Исидорович отдал распоряжение. Отсюда, с веранды, ему хорошо было видно, как садовник Эльхан приступил к жертвоприношению требовательному божеству науки.

Эльхан, местный житель, числился рабочим изыскательской партии одного подведомственного института, но все свои беспечальные дни проводил на пиреевской даче. Он хорошо знал дело. Связав барану ноги, он повалил его наземь так, чтобы шея пришлась над небольшой ямкой, выкопанной для того, чтобы кровь жертвенного животного не разлилась по двору. Потом он занес остро отточенный нож...

Наблюдая за процессом декапитации, Максим Исидорович думал о завистниках и недоброжелателях, которыми всегда окружен человек, если он на виду. Таков непреложный закон. И ничего не остается, кроме как указывать завистникам их место. А что еще можно сделать? Вот если бы они были на месте барана...

Максим Исидорович вздохнул.

И припомнился ему позавчерашний разговор со старым товарищем по институту Леней Грушиным, Грушин

позвонил ему и попросил о встрече. Что ж, это было как раз кстати: он, Максим Исидорович, сам собирался поговорить с ним доверительно.

Разговор Грушин начал несколько странно. Дескать, директриса института подозревает его, Грушина, в том, что он содействовал появлению бумаги. Официальной бумаги, которая закрывала тему океанских течений и прекращала ее финансирование. Грушину это крайне неприятно. Он действительно в свое время возражал против этой темы, но теперь-то он ни сном ни духом...

— И чего же ты хочешь? — спросил Максим Исидорович. — Чтобы я сообщил твоей директорше, что ты к бумаге не имел отношения?

— Именно, Максим, именно! Дай ей понять это — ну, не прямо, конечно, а как-нибудь в косвенной форме... А то ведь мне житья в институте не будет!

Грушин выглядел взволнованным, глаза его бегали, в руках он крутил взятую с пиреевского стола японскую зажигалку. Максим Исидорович вспомнил, что Грушин многодетный, что он заядлый преферансист и, кажется, филателист, а все это занятия, требующие немалых расходов... а докторская степень ему не светит, пока не защитится он, Пиреев... И Максиму Исидоровичу захотелось утешить старого сотоварища.

— Будет, — сказал он решительно. — Все тебе будет, Ленечка. И довольно скоро. Дай-ка зажигалку. — Он закурил и окутался дымом. — Но сперва придется пересмотреть в твоём институте кое-какие вопросы.

— Что ты имеешь в виду?

Голубоватые линзы Пиреева в упор смотрели на Грушина.

— Давай, Леня, говорить начистоту.

— Давай, — сказал Грушин, часто моргая.

— Начистоту и строго конфиденциально. Так вот. Приходилось ли тебе слышать у себя в отделе или вообще в институте неприязненные отзывы обо мне... ну, ты понимаешь, в связи с помощью в подготовке диссертации?

— Нет, не слышал. По крайней мере, в моем присутствии...

— Послушай, Леня, я не настаиваю, чтобы ты непременно назвал кого-то. Но мы с тобой старые товарищи, и поэтому скажу без околичностей: в институте не все

в порядке. От твоей искренности много зависит. В частности, и твое собственное будущее.

Грушин искал, что бы ухватить. Не найдя ничего на пустой столешнице, он принялся поправлять и дергать галстук.

— Припоминаю,— сказал он тихо.— У меня в отделе работает иностранец-практикант, его зовут Ур. Впрочем, ты видел его в кабинете директрисы...

— Это тот, который на Джанавар-чае...

— Да, да! Однажды он при мне высказал... ну вот, неприязненный отзыв...

— Что именно?

— Ну... сомнения высказал относительно самостоятельности твоей...

— Ясно.— Пиреев побарабанил пальцами по столу.

— Он был не совсем трезв, когда говорил это, так что...

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке,— усмехнулся Максим Исидорович.— Значит, выпивает он?

— Нет, я не замечал. У Селезневой был день рождения, распили всем отделом бутылку шампанского, и Ура немного развело. Максим, я очень тебя прошу, чтобы наш разговор...

— Ясно, ясно, можешь не беспокоиться. Скажу и я тебе вполне откровенно: мне этот Ур кажется подозрительным. Откуда он прибыл, с какой целью?

— То есть как? — удивился Грушин.— Он приехал на практику из Румынии.

— Чепуха! Никто не знает, откуда он приехал... Ладно, оставим это.

— Максим, я просто поражен. Ведь Ур официально допущен ко всем нашим материалам...

— Придется вмешаться, дорогой мой. Придется вмешаться... Какие-нибудь странности в его поведении ты замечал?

Грушин наморщил лоб, добросовестно собираясь с мыслями.

— Особенного ничего не замечал... Но вообще-то говорят о нем всякое. Будто пьет он по-лошадиному. Воду, воду хлещет, ты не думай... О способностях его выдающихся говорят — он действительно превосходный физмастик. Ну, что еще? Ходили слухи совсем уже дурацкие...

— Какие слухи?

— Даже рассказывать неприятно. До тебя не дошла байка о продавце из промтоварного магазинчика, который будто бы вдруг взлетел на воздух?

— Что-то такое слышал. Кажется, жена говорила. А что?

— Глупости, конечно, Максим, но пошел слух, будто продавца подвесил Ур.

— Как это подвесил?

— Да не стоит даже вникать в несусветности эти.

Помолчали. Потом Максим Исидорович закурил еще сигарету и сказал как бы про себя:

— Может, глупости. А может, не глупости. Массовый гипноз наукой признается...

Грушин стал прощаться. И опять пообещал ему Максим Исидорович, что все будет хорошо. Даже такую фразу бросил: «Осенью защитимся с тобой». Грушин ушел довольный, хотя глаза все еще были растерянные...

Между тем садовник Эльхан с большим знанием дела освежевал барана и приступил к разделке. Тут Максим Исидорович опять замечтался. Он чувствовал, что ухватил самое важное звено. Все более отчетливо вспоминал неприятное ощущение чьего-то неподвижного, тяжелого взгляда на себе во время защиты — и теперь уверился в том, что взгляд этот принадлежал Уру. Он сидел рядом с Селезневой, с этой ходячей статуей, и не сводил своих глаз с него, Пиреева. А что, если он и впрямь гипнотизер? А?..

Пришедши к этой мысли, Максим Исидорович уже не дал ей угаснуть. И так и этак ее поворачивал и довел-таки до полной зрелости. Верно, верно было ухвачено вредоносное звено. За ним вся цепочка потянется. И гордячка Селезнева, и эта змея директриса. Все, все у него, у Пиреева, на крючке окажутся!

Он дождался, пока садовник Эльхан не покончил с практической бараньей анатомией. Жаль, не соберутся гости по вечерней прохладе, зазря такой богатый баран пропадет! Впрочем, пропадать ему нет резона. И Максим Исидорович распорядился заднюю ляжку и немного ребрышек оставить на шашлык. Остальное мясо Эльхан вынес за ворота и за каких-нибудь полтора часа распродал в розницу на соседних дачах.

А Максим Исидорович поехал в город. Побывал он в учреждении у Андрея Ивановича, потом посетил про-

фессора Рыбакова. Уж день клонился к вечеру, когда Максим Исидорович заехал домой, захватил жену и сыновей (дочка замужняя отказалась от приглашения) и — пряником, с ветерком на дачу.

И — вот он, шашлык. Максим Исидорович сам помог Эльхану нанизывать куски мяса на острые шампуры, сам ворочал их на мангале, надышался вдоволь терпким дымком, нагулял себе аппетиту. С соседних дач тоже тянуло шашлычным духом.

В это воскресное утро Нонна затеяла стирку. Бодрым голосом гудела в ванной стиральная машина. Только Нонна выключила ее и принялась полоскать дымящееся белье, как мать заглянула в ванную, позвала к телефону.

— Да, я... Здравствуй, Ур.— Нонна невольно потянулась свободной рукой к волосам, поправила прическу.— Да так, домашние дела. А что?.. Очень приятно, что ты хочешь меня видеть, но знаешь, давай попозже... Вечером не можешь? Ну, тогда не знаю прямо... Знаешь что? Приходи ко мне, пообедаем...— На миг у Нонны перехватило дыхание при мысли, что Ур откажется от приглашения, но Ур сразу согласился.— Вот и хорошо,— сказала Нонна.— Значит, приходи часам к четырем.

Она побежала в кухню.

— Мама, у нас сегодня обедает один сослуживец... Что у тебя на обед? Нет, вчерашние котлеты не пойдут.

— У меня есть коробка пельменей,— робко сказала мама, посмотрев на дочку сквозь очки.

— И пельмени не пойдут.— Нонна рванула с себя фартук.— Я сбегу на базар, куплю чего-нибудь...

Александра Борисовна только плечами пожала. Она была в доме не главным распорядителем, голос у нее был, как говорится, совещательный, и поднимать его против своенравных Ноннинных решений она не осмеливалась. Так уж получилось, что после смерти мужа Александры Борисовны, никогда и прежде определенностью характера не отличавшаяся, безропотно приняла Ноннино командование в доме. Первое время еще ходили к ней ученики, коих она, опытный педагог, обучала игре на пианино. Потом Нонна заявила, что ежевечернее брэнчание ей надоело. И пенсионерская деятельность Александры Борисовны сосредоточилась в основном на кухне. Прав-

да, в те часы, когда Нонна отсутствовала, мать иногда присаживалась к пианино, вспоминала любимого Шуберта, роняла на пожелтевшие нотные листы нечаянную слезу.

Она подумала: что это за важный такой сослуживец, которого нельзя кормить вчерашними котлетами — кстати, очень хорошими котлетами, нисколько не увядшими в холодильнике? Может быть, ее начальник Грушин? Наверяд ли, решила Александра Борисовна: судя по Нонным отзывам о Грушине, он был не тем человеком, кому нельзя подавать вчерашние... А может быть, Горбачевский? Довольно симпатичный молодой человек, он раза два или три заходил к Нонночке по каким-то делам. Но, конечно, ему котлеты подошли бы даже позавчерашние.

Кто же тогда? Александра Борисовна поистине сгорала от любопытства.

Нонна пришла с базара нагруженная, как дромадер. И тут началось...

Не будем описывать всего, что варилось и жарилось на плите, томилось в духовке, остывало на балконе. Обе они — и мать и дочь — умаялись так, будто бегали в кроссе на приз местной молодежной газеты. Но к четырем часам Нонна, приняв душ, была свежа, тщательно одета, и на лице ее появилось обычное замкнутое выражение. Александра Борисовна пошла в свою комнату полежать немного.

Ур пришел ровно в четыре. Нонна, отворив дверь, не сразу узнала его:

— Господи, это ты?!

— Это я, господи,— засмеялся Ур и протянул ей коробку зефира в шоколаде.

— Правильно сделал, что сбрил бороду,— одобрила она.— Проходи сюда.

Что-то было в нем новое. Гладко выбритое лицо со светлой, незагорелой полосой на месте бороды как бы утратило прежнее наивное выражение. Глаза смотрели невесело. На Уре были серые брюки и белая дырчатая тенниска.

Он удивленно взглянул на уставленный закусками стол — на заливную рыбу и паштет.

— Ты каждый день так обедаешь?

— Нет, не каждый. Садись, Ур. Как настроение?

— Смурное.

— Смурное? Это что-то из лексикона Валерия... Надо набраться немножко терпения, Ур. Вера Федоровна говорила с Мирошниковым и все ему объяснила. Теперь она пишет официальное письмо с обоснованием нашей темы.

Ур молчал. Его загорелые руки покойно лежали на подлокотниках кресла.

— Так или иначе, Вера Федоровна это дело пробыет,— продолжала Нонна.— Учти, что океанская тема — ее, можно сказать, детище. А мы пока будем урывать время для разработки твоего проекта. Ой, Ур, я просто не могу видеть, как ты сидишь с убитым видом!

Тут вошла Александра Борисовна, принарядившаяся, улыбающаяся, с черной бархатной ленточкой в седых волосах. Ур вскочил, неумело поклонился, назвал себя.

— Ур,— повторила Александра Борисовна, пожав ему руку.— Это фамилия или имя?

— Имя.

— В древности был такой город, кажется, в Месопотамии... или... ну да, кажется, там...

— К столу, к столу,— поспешно сказала Нонна.— Садись сюда, Ур. Сейчас принесу тебе питье. Шампанского не хочешь?

— Нет уж,— усмехнулся он.

Нонна принесла запотевший графин с газированной водой, бутылку с лимонадом. И начался обед. Ур говорил мало, только коротко отвечал на вопросы, но ел хорошо, добросовестно отдавая дань всем закускам.

— Очень вкусный обед. Спасибо.— Ур откинулся на спинку стула, вытер салфеткой полные губы.

— Что ты? Обед только начинается,— сказала Нонна.— Сейчас будет бульон с пирожками, потом — отбивная.

— Да я же лопну!

— Не лопнешь. Хочешь, я поставлю пластинку? Ты какую музыку любишь — классическую или джазовую?

— Все равно... На днях по радио песни передавали, там была одна — я запомнил: «Как хорошо, закончив путь, в глаза любимой снова заглянуть...» У тебя ее нет?

— Такой нет,— засмеялась Нонна.— И вообще из песен у нас есть только «Песни без слов» Мендельсона. Поставить?

— Поставь,— неуверенно сказал Ур.— Я музыки совсем не знаю. Времени на нее не хватает...

Александра Борисовна заговорила о недостатках эстетического воспитания молодежи. Ур кивал, ел пирожки, запивая бульоном, а сам прислушивался к нежной мелодии, рождавшейся под иглой проигрывателя.

— Нонночка в детстве чудно играла, — сказала Александра Борисовна. — Ей прочили большую будущность пианистки. Для нас было полнейшей неожиданностью...

— Перестань, мама, — поморщилась Нонна.

— ...когда она вдруг решила идти не в консерваторию, а в технический вуз, — шепотом закончила Александра Борисовна и пригорюнилась. Бледные ее глаза наполнились слезами.

Обед завершился мороженым. Пока Нонна с мамой убрали со стола посуду, Ур переместился в кресло у журнального столика, взял свежий номер «Природы», но не успел его перелистать: веки вдруг стали слипаться неудержимо — он заснул.

Нонна не стала его тревожить. Уселась, поджав ноги, в уголке дивана, раскрыла книгу — но чтение не пошло. Она смотрела на спящего Ура и думала: «Кто ты? Какую тайну в себе носишь? И знаешь ли, что, судя по всему, затевается целое расследование твоей личности?» Позавчера, в пятницу, в самом конце рабочего дня ей, Нонне, позвонили из отдела кадров, попросили зайти. Начальница отдела была сама вежливость. Расспрашивала об Уре — как работает практикант, справляется ли, не злоупотребляет ли выпивкой. И — между прочим: «Не проговаривался ли он, откуда в действительности прибыл?». Нонна на это ответила: «Простите, но такой вопрос должна бы задать вам я, если бы меня это хоть в малейшей степени интересовало».

Беседа в кадрах и некоторые другие признаки (в частности, пошедшие по институту слухи о том, что Ур владеет новейшими методами гипноза) насторожили Нонну. Вроде бы никто из институтских работников, кроме нее, не видел дикой истории с продавцом, взлетевшим в воздух, а вот же, не умолкают разговоры, связывающие это с именем Ура. Не сам ли магазинщик, отъявленный плут, развонил по городу сплетню о гипнотизере из соседнего института? Сам-то он, продавец, исчез из магазина-шкафа, переехал, должно быть, в другую торговую точку — подальше от места своего позора.

Свесив голову на грудь, Ур спал после сытного обеда. И Нонна смотрела на него, исполненная сострадания и решимости защитить этого большого ребенка от неведомых опасностей. Но более всего на свете ей хотелось понять его.

Ур проснулся вмиг: вскинул голову, распахнул глаза, напрягся. Нонна подумала мимолетно, что так просыпается в лесу задремавший ненароком дикий зверь.

— Извини,— улыбнулся ей Ур.— Первый раз в жизни заснул после обеда. Наверно, потому, что никогда еще не ел так много. И так вкусно,— добавил он.

— Ур,— сказала Нонна,— ты помнишь, как в первый раз пришел в институт?

— Еще бы! Ты меня встретила не очень приветливо...

— Я подумала тогда: прислали на мою голову лоботреса-иностранца, у которого на уме, конечно, одни развлечения.

— Развлечения я действительно люблю.

— Я рада, что ошиблась, Ур. Ты оказался совсем другим. И все же я знаю тебя не больше, чем в первую минуту, когда ты появился в отделе. Ты просто пугаешь меня своей непонятностью... своими странностями... Я видела, как ты заставил продавца барахтаться в воздухе. Видела, как Пиреев вдвоем забыл заученный текст и понес чепуху — ведь это твоя проделка?

— Чепуху про стаканчики я ему не внушал,— помедлив, ответил Ур.

— Но текст заставил забыть, так? О тебе ходят всякие слухи. Будто ты гипнотизер, факир, не знаю, кто еще... Мне это неприятно, Ур. Не только потому, что я к тебе... дружески расположена, но и потому, что считаю тебя оригинальным ученым. Я не все понимаю в твоём проекте, но чувствую, что это огромно... глобально...

Она вдруг осеклась. Что с ней происходит? Разволновалась, как школьница. Щеки горят, голос прерывается...

— Извини мою вспышку,— сказала она, взяв себя в руки.— Ты вправе не отвечать, если не хочешь.

Ур посмотрел на нее долгим взглядом.

— Единственный человек, которому мне хочется рассказать о себе,— это ты, Нонна,— проговорил он так тихо, что она подалась вперед, чтобы расслышать.— Очень, очень жаль, что я не могу... И вообще... кажется, я натворил много глупостей...

Он умолк. Балконная занавеска под порывом ветра метнулась в комнату, задела его по лицу. Нонна не прерывала молчания. Что ж, ясно... Что-то мешает ему быть откровенным. Но довольно и того, что он сказал: «Единственный человек — это ты...» Эти слова теперь всегда будут с ней...

— Валерий однажды назвал меня Каспаром Хаузером, — сказал Ур. — Потом я прочел эту книгу. Ты читала?

— Да.

— Каспар Хаузер ничего о себе не знал — кто он, откуда взялся... Я тоже кое-чего не знаю о своем происхождении, но... в общем, я не Каспар Хаузер.

— Неважно, Ур. Происхождение не имеет никакого значения.

— Нет, Нонна, имеет. Каждый человек ведь — не просто сам по себе. Он куда-то уходит корнями, в какую-то глубину. Его разум связан с окружающими проявлениями разума гораздо прочнее, чем ты думаешь... чем мы думаем...

— Окружающие проявления разума? Что ты имеешь в виду? Разум всех других людей?

— Да. Где бы они ни жили.

— Не совсем понимаю, к чему ты клонишь. Разум взаимосвязан, поскольку мы живем в обществе, это так. Но при чем тут происхождение каждого отдельного человека? Мой прадед был полковым капельмейстером, твой — ну, допустим, пастухом. Ну и что? Имеет значение не то, откуда, из какой среды ты вышел, а то, кто ты таков сейчас.

— Ладно, — сказал Ур. — Возможно, ты права. Надо мне идти, Нонна.

Они вышли в переднюю.

— Завтра меня попросили прийти после работы к профессору Рыбакову, — сказал он.

— К Рыбакову? Это который занимается социальной психологией? А зачем?

— Для беседы. — Опять он посмотрел на нее пристально и долго. — Спасибо тебе, Нонна.

— Перестань рассypyпаться в благодарностях. Мне хотелось как следует тебя накормить, вот и все. Ты позвони мне завтра после беседы с Рыбаковым, хорошо? Ну, до завтра, Ур.

Он вдруг погладил ее по плечу. Резко отдернув руку, повернулся и выбежал на лестничную площадку.

С балкона Нонна смотрела на него, пока он не свернул за угол.

Глава третья

УРИЭЛЬ

Я накалил легонько самоварные щипцы и приложил их к ладони. Запахло горящим мясом... Номер отложили.

В. с. Иванов, Похождения факира

Пляж был хорош тем, что, собственно, еще не был пляжем: узкая полоса гальки, по бокам ограниченная бетонными блоками волнорезов, выступавших далеко в море. Блоки еще не успели обрасти зелеными бородами водорослей. Здесь строили не то новую гостиницу, не то пансионат, — лязгал экскаваторный ковш, громыхала бетономешалка. Здесь еще не было лежаков и тентов, автоматов с водой и пивом, ни мороженщиц, ни продавцов вареной кукурузы, ни — страшно вымолвить — сувенирных киосков.

И поэтому здесь пока было мало купающихся. Во всяком случае, между расprostертыми на пляже телами оставались просветы.

Еще то было хорошо, что катера спасательной службы редко наведывались к этому необорудованному пляжу. И, пользуясь этим, Ур выплывал далеко за линию буйков.

Выплыл и сегодня. Долго лежал на спине, вольно раскинув руки и глядя в синее небо с реденькими, чистенькими, как гигиеническая вата, облачками.

Затарахтел, приближаясь, мотор. Ур закрыл глаза, приготовляясь к неприятностям.

— Штраф захотел?! — гаркнул усиленный мегафонным голос. — Середина моря заплыл!

Мотор, фыркнув, заглох. Открыв глаза, Ур увидел борт катера и два сердитых коричневых лица под беловоyleчными абхазскими шляпами с растрепанными полями.

— Забирайся катер, гражданин! Отвезем на берег, штраф будем вынимать!

— Не надо, я сам доплыву,— сказал Ур, переворачиваясь на живот.— Не бойтесь, я не утону.

— Как не бойтесь, как не бойтесь! — вспыхнул спасатель.

Тут его напарник, флегматичный моторист, сказал:

— Пускай плывет, Гиви. Это циркач тот самый.

Гиви перегнулся через борт, всматриваясь в Ура. Потом на узком его лице возникла доброжелательная улыбка.

— Прости, дорогой! — крикнул он.— Не узнал! Плыви себе на здоровье! — И напарнику: — Заводи мотор, Сандро. Если он утонет — сам себя поднимет!

Сказав это, он захохотал на все Черное море.

Не спеша Ур доплыл до пляжа. Сел, переводя дыхание, возле свертка с одеждой на горячую от солнца гальку.

На всем длинном, усыпанном курортниками черноморском берегу Ур был, наверное, единственным человеком, обходившимся без лежака или подстилки. Покойно возлежал он на здешних булыжниках, давая пищу для толков и острог. Один московский филолог, остановив на Уре рассеянный взгляд, вспомнил четверостишие Тредиаковского, как нельзя лучше выразившее суть дела:

На острых камнях возлегает,
Но оных твердость презирает, —
По крепости могучих сил,
Считая их за мягкой ил.

— Ви далеко плаваль,— сказал Уру сосед, подтянутый крепкий мужчина средних лет. На нем были чернобелые, в шашечку, плавки, огромные защитные очки, закрывавшие пол-лица, и белая войлочная шляпа.— Я смотрель бинокль,— добавил он с улыбкой.

— А вы почему сегодня не ныряете? — спросил Ур.

Сосед наморщил лоб, подыскивая слова для ответа, но запаса русских слов ему не хватило, и он сказал по-английски:

— Перед тем как нырять, всегда надо собраться с духом.— И он засмеялся, показав превосходные ровные зубы.

С этим симпатичным иностранцем Ур познакомился

здесь, на пляже, несколько дней назад, заинтересовавшись его снаряжением необычного вида. Иностранец подтвердил, что ласты, трубка, ружье для подводной охоты у него действительно первоклассные, их выпускает известная французская фирма, лучше нет во всем мире. Они разговорились. Иностранец был здесь с группой любителей подводного спорта, для которой «Интурист» организовал поездку на черноморские курорты. Русского языка он почти не знал, и разговаривать было трудно, пока оба не выяснили, что одинаково плохо знают английский. И тогда беседа пошла оживленной. Оказалось, что иностранец нырял во всех морях земного шара, за исключением северных и морей Дальнего Востока. Он был интересным рассказчиком, и Ур обрадовался, увидев его сегодня здесь, на пляже.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Извините, — сказал иностранец, — прошлый раз я забыл представиться. Гуго Себастиан из Базеля. О, вам нет нужды представляться — кто же здесь не знает Уриэля! Я видел вас в цирке, господин Уриэль, и хочу сказать, что был потрясен...

— Благодарю вас, — прервал его Ур. — Я бы охотно послушал ваши рассказы о морях.

— О да, моря!

И он заговорил о том, что природа обидела его родную Швейцарию, расположив ее вдали от моря. У него, Себастиана, есть в Базеле небольшое дело — рекламное издательство. Ах, ничего особенного: альбомы, путеводители, пестрые картинки. Доход невелик, но, слава богу, пока хватает на путешествия. Делами в основном занимается его старший брат, совладелец, он же, Гуго Себастиан, предпочитает нырять...

Тут он опять засмеялся:

— Удастся ли вынырнуть — вот вопрос, который я каждый раз себе задаю. Уж очень быстро меняется конъюнктура, все труднее поспевать. Похоже, что альбомы с обычными фото выходят из моды, пошел спрос на объемные изображения, а это дорого, нашему издательству такое переоборудование не по карману... Да что это я! — воскликнул Себастиан. — Оглушил вас своими заботами, как будто у вас нет своих... Господин Уриэль, вы поразительный человек. То, что вы делаете в цирке, просто чудо. Самое настоящее первоклассное чудо. Простите за

нескромный вопрос: ведь это, надо полагать, не все, что вы умеете? Я имею в виду — не весь ваш набор чудес?

— Цирк сам по себе чудо, так что ж говорить о моем «наборе», господин Себастиан? Прошлый раз вы упоминали Большой Барьерный риф — вы были там?

— Это самое незабываемое событие в моей жизни, — несколько торжественно ответил Себастиан. — У меня не хватает слов, чтобы описать Большую стену. Башни, господин Уриэль, огромные коралловые башни и коралловые сады, прекраснее которых я ничего не видел. Мы с друзьями ныряли у рифа Индевр, — вы, наверно, о нем слышали...

Он стал рассказывать, как у этого рифа когда-то сел на мель барк «Индевр» капитана Кука — нет, тогда еще лейтенанта! — и Кук приказал выбросить за борт шесть пушек. Многие ныряльщики искали их потом. И не нашли. Не нашел и он, Себастиан...

— А, вот он где загорает, наш несравненный Уриэль! — раздался вдруг сочный женский голос.

Ур из-под ладони взглянул на статную белокурую женщину в пестром сарафане. Это была Марина Морская, дрессировщица собак. За ней стояли два парня, партнерные акробаты Бизоновы, постоянные ее спутники.

— А я все думаю: куда он смывается после репетиций? — продолжала Марина Морская, придав красивому своему лицу смешливо-недоуменное выражение. — Оруженосцы! — обратилась она к акробатам. — Раскинем здесь шатер. Не помешаем, Уриэль?

— Нет... Пожалуйста...

Вмиг те трое сбросили одежду, оставшись в пляжном минимуме, и «оруженосцы» принялись сооружать навес из палок и цветастого покрывала. Уру тоже нашлась работа.

— Помогите, пожалуйста. — Марина протянула ему надувной матрас. — Я потеряла насосик.

Ур приложил штуцер матраса к губам, набрал побольше воздуха в легкие. Под мощным его выдохом сморщенный матрасик развернулся, явив взорам изображение дельфина.

— Смотрите, Бизоновы: с одного вдоха! — пропела Марина. — Вот это я понимаю!

Она улеглась рядом с Уром. Тот повернулся к Себастиану в надежде дослушать прерванный рассказ о по-

иске пушек капитана Кука. Но Себастиан уже приладил к ногам ласты и натягивал маску. Кивнув с улыбкой Уру, он пошел к воде — невысокий, тонконогий, хорошо сложенный.

У Марины Морской был номер, без которого не обходятся цирковые программы. С десятка мелкокалиберных собак ходили на задних лапках, на передних лапках, ездили друг на друге верхом. В конце номера собачек облачали в футбольные трусы, и они гоняли по манежу мяч — гоняли с неподдельным азартом, ибо по натуре своей собаки очень спортивные. Самая махонькая собачка вцеплялась зубами в трусы пса покрупнее — тот в пылу игры как бы не замечал этого. Под раскаты смеха собачка стаскивала с незадачливого «футболиста» трусы и со своим трофеем убегала с арены.

— Жарища адская, — вздохнул один из Бизоновых. — Я Кольку еле удержал на репетиции — скользкий, как угорь.

— Вам-то что, — сказала Марина, переворачиваясь со спины на бок. — Вот собаки плохо переносят жару. Прямо беда... Помойте виноград, Бизоновы.

Те послушно взяли целлофановый мешок с виноградом и пошли искать водяной фонтанчик.

— Зачем ты их гоняешь по солнцепеку? — сказал Ур.

Марина посмотрела на него сквозь зеленые очки.

— Солнцепек, — медленно сказала она, — только на тебя не действует. Холодный ты какой-то, Уриэль.

— Температура кожи у меня наверняка не ниже, чем у тебя.

— А может, ты просто притворяешься дурачком? — еще медленнее произнесла дрессировщица. И, не получив ответа, продолжала: — Странный ты человек, Уриэль. И номер у тебя странный, и сам ты... Говорят, у тебя даже паспорта нет. Это правда?

— Да.

— Говорят, ты бежал откуда-то. Не то из Омана, не то из Судана...

— Зачем ты повторяешь этот вздор? — сказал Ур, погрузнев.

— Про тебя ходит много разговоров, ты возбуждаешь любопытство. Не будь ты так скрытен, Уриэль, я бы могла стать для тебя настоящим другом. Я ведь тоже одинока...

— А Бизоновы?

Марина пристально поглядела на него. Вдохнула:

— Нет, ты, кажется, непритворный... этот самый...

И перевернулась на живот.

Вернулись Бизоновы с виноградом. Поели. Потом Бизоновы пошли на руках к воде, вызвав восторженный детский галдеж.

— Первое время ты мне казался таким жизнерадостным варваром,— сказала Марина.— Ты излучал веселье и силу. А теперь...— Она сделала гримаску и поднялась.— Пойдешь купаться?

— Нет.— Ур тоже встал.— Я уйду.

— К своему Иван Сергеичу? В детское кафе?

— Да.

— Иван Сергеич прекрасный человек, но только не пойму, что у тебя с ним общего. Давай пообедаем в «Жемчужине юга», Уриэль. Там джаз хороший. Потанцуем. Ну, я прошу.

— Спасибо, Марина. Может быть, в другой раз. Не сегодня...

— Ну и иди! Кушай свой протертый супчик. Очень ты мне нужен!

У выхода с пляжа Ура остановила шумная группка молодых людей, вооруженных кинокамерами, транзисторами и магнитофоном.

— Ребята, это Уриэль!

— Точненько! — пискнул девичий голос.

Рыжебородый юноша протянул Уру блокнотик и шариковую ручку, украшенную миниатюрным портретом Муслима Магомаева. Посмеиваясь, Ур широко расчеркнулся в блокноте.

Потом он пошел по плитчатому тротуару вдоль шоссе, по которому неслись переполненные автобусы и легковушки с номерами всех городов страны. Над его головой сухо шелестели растрепанной листвой курортные пальмы в железобетонных вазах древнегреческих форм. Ему навстречу плыл пестрый людской поток. Вздвигался к синим небесам смех, звенели женские голоса, трудились неутомимые магнитофоны, словно ликуя оттого, что изобретательская мысль перенесла их из малоподвижных сундуков в изящные портативные коробки.

С круглой афишной тумбы огромными буквами зывала цирковая программа:

Дойдя до этой тумбы, Ур пересек шоссе, купил в киоске газету и поднялся на пологий холмик, где стоял белый домик с верандой. Он был увит диким виноградом и украшен вывеской, извещавшей прохожих, что именно здесь находится детское кафе Курортторга № 182.

В углу тенистой веранды за маленьким столиком на маленьком стульчике сидел лилипут. Он был пожилой, со строгим личиком в тонкой сеточке морщин, черные волосы аккуратно, волосок к волоску, зачесаны на косой пробор. На нем были белые брюки и белая сорочка с галстуком бабочкой. На столике перед ним стояла запотевшая кружка пива и лежала толстая общая тетрадь.

— Добрый день, Иван Сергеевич,— сказал Ур, осторожно присаживаясь на детский стульчик.

— Здравствуй, человек-гора. Проголодался?

— Пить хочется.

— Попроси Галю принести пива. Оно лучше всего утоляет жажду.

— Иван Сергеевич, вы же знаете, что я...

— Ах да: этиловый спирт влияет на психику. Извини, забыл.

На веранду вышла молоденькая официантка. Глянула на Ура прозрачными глазами, спешно поправила на голове кружевной кокошник и скрылась. Вскоре она вернулась с подносом, поставила перед Уром графин с газированной водой, бутылочку с болгарским клубничным сиропом и высокий стакан.

— Здравствуйте,— сказала она. — Жарко сегодня. Обед подавать или погодить?

Ур посмотрел на ее чистое, не тронутое загаром лицо, на зеленые сережки в маленьких ушах.

— Немного погода, Галочка. Спасибо за воду.

Он с удовольствием выпил стакан газировки с сиропом.

— Как сегодня писалось, Иван Сергеевич?

— Плохо, всего полстранички написал. Но материал подбирается интересный. Сейчас занимаюсь Якимом Вол-

ковым — был такой лилипут, заведовал в походах гардеробом Петра Первого. Яким большим авторитетом пользовался. В 1710 году в Петербург на его свадьбу свезли всех лилипутов, что в Москве насобирали, — больше тридцати человек. Хорошо бы раздобыть о них данные, да очень уж мало писали о лилипутах... А вот знаешь, Ур, «плодомасовские карлики», о которых Лесков писал, — реальные люди, не выдумка. Карлик Иван Афанасьевич оставил очень любопытные мемуары, ими-то и пользовался, верно, Лесков.

— Я не читал Лескова. — Ур развернул газету. — Вы говорите, Иван Сергеевич, я слушаю.

— Да что ж говорить? Трудное дело я затеял, дружок. История лилипутии, так сказать... Начиналось хорошо, весело — с мифических гномов, хранителей подземных сокровищ... С Плиниевых пигмеев... В средних веках тоже основательные разыскания произвел. А вот добрался до нового времени — и замедлилось дело. Мало, мало сведений. Да и однообразны они: ну, циркачи, ну, ассистенты иллюзионистов... Спокон века мы, лилипуты, людей развлекаем... нормальных... — Иван Сергеевич отпил пива из кружки, пожевал тонкими губами. — Были, между прочим, исключения. У одного средневекового герцога был генерал — карлик ростом тридцать два дюйма, Митте его звали, стратегом считался.

— Ну, вот видите, — сказал Ур.

Галя принесла картофельный салат, Уру — большую тарелку, Ивану Сергеевичу — детскую. Потом отошла, встала у перил, поправляя передничек. И все поглядывала на странных двух посетителей. Вот уж неделю ходят сюда, в детское кафе. Выбирают время, когда народу мало, — ну, это она, Галя, понимала. На лилипута всегда глазуют, а ему это, ясное дело, неприятно.

А этот, второй, — про него в городе говорят, что он в цирке без помощи рук что хочешь поднимет, хоть человека, хоть слона. Такому, при цирковой-то зарплате, по лучшим ресторанам кормиться, с самыми красивыми девушками гулять — кому такой не понравится? А он, видать, ни с кем не водится, только с лилипутом, с Иван Сергеевичем. Какой-то он одинокий...

Между тем Иван Сергеевич ел салат, запивая мелкими глоточками пива, и говорил:

— Вот ты спросил — почему не в другой области.

Не привыкнут ко мне люди, чтоб на равных,— вот в чем штука... А не на равных я не хочу. Понял?

Ур кивнул.

— На нас белый свет не рассчитан,— продолжал лилипут.— Вот поместили меня в гостинице на четырнадцатом этаже. Еле допросился, чтоб на десятый перевели. А то приходилось ехать до десятого, а там еще четыре этажа пешочком.

— Верно, вы на десятый перешли. А почему нельзя выше?

— Потому что, если в лифте я оказывался один, то выше десятой кнопки дотянуться не мог. Прыгать — неловко как-то... Все в жизни, дружок, рассчитано на стопроцентно нормальных людей. Так-то.

— Что нести на первое? — подошла опять официантка.— Суп рисовый есть, суп-пюре гороховый протертый...

— Рисовый,— сказал Иван Сергеевич.

— Я что попросить хотела...— Галя смущенно потупилась.— Нельзя ли мне билетик на представление? А то ведь не достать...

— Можно, Галочка. Приходи сегодня за полчаса до начала, у администратора возьмешь два билета на мое имя.

— Ой, спасибо, Иван Сергеевич! — Она убежала с вранды.

— Еще одно доброе дело сделали,— усмехнулся Ур.— Значит, все — для нормальных, вы говорите. А если у человека отклонение от нормы? Что ему делать, а, Иван Сергеевич?

Лилипут снизу вверх посмотрел с остреньким прищуром.

— Что-то, Ур, не нравишься ты мне сегодня.

Ур не ответил. Вяло ковырял вилкой салат, согнувшись над маленьким, не по росту, столиком.

— По институту своему затосковал? Я тебя, Ур, силком не тянул. Я предупреждал, когда ты замыслил к нам проситься...

— Да нет же, Иван Сергеевич...

— Предложил я, не отказываюсь,— горячо продолжал лилипут,— потому что видел, как ты к цирку душой тянулся. Я и псевдоним тебе придумал. Но ведь и предупреждал, чтоб взвесил все хорошенько! Предупреждал, а?

— Предупреждали, я помню. Да что вы всполошились? Я не жалею ни о чем. Цирк мне нравится.

— «Нравится»!—ворчливо передразнил Иван Сергеевич тонким своим голоском.— А как может не нравиться цирк? В нем нет этих... знаешь ли...— он помахал рукой над тарелкой,—неопределенностей всяких. В цирке зритель видит что? Красоту видит, силу, ловкость, изобретательность. Цирк людям глаза раскрывает на их собственные возможности. Так-то.

Расплатившись, они вышли из кафе, и Галя, стоя на веранде, помахала им на прощанье.

Когда впервые готовился номер Ура, цирковой художник по костюмам оказался в некотором затруднении. Он помнил гипнотизеров тридцатых годов — великолепного Орнальдо, То-Раму, красавца Семена Дуброва, избравшего себе «наоборотный» псевдоним Сен-Ворбуд,— помнил их элегантные фраки, свидетельствующие о принадлежности к европейской науке, помнил расшитые звездами халаты и тюрбаны с бриллиантовыми эгретами, намекающие на жгучие тайны Востока.

Тюрбан, пожалуй, подходил Уру больше, чем фрак, но все равно — не нравились художнику старые доспехи. Он рылся в альбомах с фотографиями, ворошил ветхие афиши, горестно вздыхал.

— Не знаю, что с вами делать, Уриэль. Мне говорили, вы инженер? Это для цирка не новость, есть у нас артисты из инженеров — всякие иллюзии на технической основе... Так они работают в обычных пиджаках, иначе стесняются... Может, и вы тоже?.. Хотя — вы же не иллюзионист, а этот... вроде гипнотизера... А гипнотизеру в пиджаке нельзя — не адекватно...

— Я не гипнотизер,— сказал Ур, с интересом разглядывая старые афиши.

— Само собой. Вы никак не можете быть гипнотизером, потому что гипноз в цирке давно запрещен...— Художник ожесточенно почесал мизинцем обширную лысину.— Никан не пойму, кто вы, собственно. Как называется ваш жанр?

— Телекинез.

— Телекинез... Напридумывают на мою голову!.. Слушайте, а вам самому какой костюм нравится?

— Мне все равно.

— Все равно — так не бывает! — рассердился художник. — У каждого человека есть что-то любимое — пиджак, кепка, ватные штаны, наконец... Есть у вас что-нибудь любимое из одежды, я спрашиваю?

— Есть, — сказал Ур, — плавки.

— Плавки! Вы еще скажите — сатиновые трусы до колен! — Художник критически оглядел новоявленного артиста. — А ну, скиньте рубашку! — приказал он тоном работаровца в день большой распродажи. — Так... Для гладиаторского номера вы не подойдете, но для пластического этюда... при золотистой люминесцентной пудре и подсветочке... Н-ну что ж, пожалуй, такая мускулатура сгодится для гуманитарного номера...

— Почему гуманитарного? — удивился Ур.

— Не силовое — значит, гуманитарное. — Художник, прищурив глаз, разглядывал телосложение Ура. — Черные с блестками плавки... Может, будет адекватно... Ладно, попробуем! Но от золотистой пудры и подсветки вам не отвертеться, молодой человек...

Медленно гас свет, и волны музыки, гонимые мощными усилителями, затопили цирк. Музыка была необычной звучности — не простая музыка, а оркестрованная для электронных инструментов. Вдруг она смолкла. В напряженной тишине белели пятна человеческих лиц, уходящие в смутную мглу задних рядов.

Громкий голос произнес со сдержанным пафосом:

— Сейчас вы увидите уникальный номер — опыты телекинеза...

И после значительной паузы голос дал краткую справку об этом загадочном явлении — строго нейтральную справку, ничего не признавая, но и не отрицая на чистом.

— Итак, перед вами — артист Уриэль!

На арену пал узкий конус нежно-фиолетового света, высветив неподвижную фигуру. Золотисто поблескивал обнаженный торс, посверкивали блестки на черном трико. Ур стоял на островке, омываемом морем рукоплесканий. Блестели его глаза, полные губы приоткрылись в улыбке, и ноздри, раздуваясь, вдыхали волшебный запах манежа. И ему хотелось не обмануть ожидание, которое

он читал в устремленных на него взглядах, и было немножко жаль, что вот сейчас кончится прекрасное мгновение и надо будет приниматься за работу...

Вспыхнул полный свет. Тот же голос предложил желающим положить на стол любые предметы для опытов. Ассистент Иван Сергеевич, чей строгий костюм хорошо контрастировал с костюмом Ура, пошел вдоль барьера. Вот он принял из первого ряда часы и засеменил к столу. С часов обычно и начинались опыты.

Лицо Ура как бы затвердело, сосредоточенно-неподвижный взгляд уставился на ярко освещенную поверхность стола... Тихо, приглушенно накатывалась электронная музыка... Вдруг часы скользнули по столу. Еще толчок. Часы медленно, покачиваясь, поднялись над столом. Края коричневого ремешка обвисли. Потом так же медленно часы опустились на стол...

Грянули аплодисменты.

Возвратив часы владельцу, лилипут опять пошел вдоль барьера. Кто-то протянул ему авторучку, но Иван Сергеевич пренебрег ею: увидел, как из задних рядов передавали из рук в руки фотоаппарат.

— Осторожно только, не разбейте! — крикнул сверху обеспокоенный голос.

Артист Уриэль был осторожен. Фотоаппарат, поплавав в воздухе и очертив замысловатую петлю, тихонечко, без стука опустился на стол. Потом взмыла вверх дамская сумочка. Неловким увальнем подпрыгнул и завис над столом пузатый портфель, да вот беда: его владелец забыл защелкнуть замочек, и из портфеля вывалилось содержимое — книга, мохнатое полотенце, коробка крекера «Здоровье». По цирку прокатился смех.

Опять умолкла музыка, приугас свет. Нарастала злобущая барабанная дробь — цирковой сигнал, возвещающий, что сейчас будет нечто опасное, необычайное, самое-самое главное...

Отчетливый голос из динамиков объявил:

— Кто желает подвергнуться непосредственному телекинезу — просим на манеж!

Тишина. Тут всегда возникала заминка: уж очень рискованно... Ур стоял в конусе света, терпеливо ждал.

— Просим желающих, — повторил голос. — Опыт совершенно безопасен.

В одном из секторов произошло движение — кто-то

спускался по ступеням. Метнулся прожекторный луч, и все увидели: через барьер перелезала тоненькая девушка в бело-розовом брючном костюме. Лилипут поспешил к ней, подвел к Уру.

Теперь они стояли на расстоянии трех шагов друг против друга. Девушка слабо улыбалась, в ее прозрачных глазах была растерянность. Поблескивали в маленьких ушах зеленые сережки. Эти сережки мешали Уру сосредоточиться. Прибывал свет, оборвалась барабанная дробь, а Ур все стоял неподвижно, не начиная опыта. «Зачем она вылезла со своими сережками?» — с досадой подумал он, узнав девушку.

В рядах зашептались, задвигались. Иван Сергеевич беспокойно взглянул на Ура.

Девушка вдруг испугалась: уж очень тяжелым, давящим стал взгляд артиста Уриэля, уж очень изменилось его лицо. Неживым, каменным оно стало каким-то...

В следующий миг она, тихонько ойкнув, оторвалась от мягкого ковра. Беспомощно взмахнув руками, она медленно-медленно поплыла по воздуху метрах в двух от манежа. Вправо... влево...

— Не бойся,— услышала она тихий шепот.— Держись свободней.

Может, ей почудился этот шепот? Но стало немножко легче. Даже приятен был полет. Склонив голову, она посмотрела на артиста Уриэля. Сейчас он казался ей сверхъестественным существом, этот человек со сверкающей кожей и тяжелыми, налитыми силой буграми мышц, и ей не верилось, что всего несколько часов назад он неловко сидел за маленьким детским столиком и ел картофельный салат...

Сколько продолжался ее полет? Минуту, две? Вдруг она ощутила под ногами ковер, лежавший на мягких опилках манежа. Теперь она стояла, беспомощно улыбаясь, а вокруг бушевал прибой аплодисментов, восторженных выкриков. К ней подошел лилипут, чтобы отвести на место, и она благодарно улыбнулась Ивану Сергеевичу за его ободряющий шепот.

Рукоплескания не ослабевали. Ур стоял, еле заметно кивая то в одну сторону, то в другую. Никак не мог он выучиться делать зрителям положенный цирковой «комплимент» — не получалось у него с поклонами. И он уже повернулся было, чтобы уйти с манежа, как вдруг раз-

дался из рядов громкий, излишне громкий голос с нехо-рошей хрипотцой:

— Одну минуточку, гражданин артист!

Стихли аплодисменты, все взоры обратились к вставшему в шестом или седьмом ряду дядечке в соломенной шляпе и желто-зеленой рубашке навывпуск.

— Одну минуточку,— провозгласила соломенная шляпа.— Тут ясность внести надо. Она — ихняя знакомая. Она официантка с детского кафе, где гражданин артист с лилипутом с этим обедают. Я сам видел.

— Ну и что? — крикнул кто-то.

— Минуточку, я не кончил! — строго сказала шляпа.— Она подговоренная. Заранее у них условлено. Жульничество это!

Цирк загудел.

— Ну, обедает там — что из этого?

— Знакомых поднимать нельзя, что ли?

— Точно, фокус все это! Зеркала у них спрятаны! А она тоже циркачка!

— Обман, обман!..

Иван Сергеевич сорвался с места, побежал к микрофону, но тут увидел, что форганг забит артистами, вышедшими на шум. Сияли золотые кудри дрессировщицы Марины Морской. Величественный шпехшталмейстер протолкался вперед и уже поднес к устам микрофон, чтобы успокоить, унять разыгравшиеся страсти, но тут произошла неожиданность.

Будто реактивной тягой выбросило гражданина в соломенной шляпе из амфитеатра. Он взвился над головами соседей, закричал дурным голосом, замахал руками и ногами.

Ур резко повернулся и, пошатываясь, пошел к форгангу. В тот же миг скандальный гражданин упал ничком на ковер. Быстро оглядевшись, он под громовые раскаты хохота пополз на четвереньках к упавшей во время полета шляпе и обеими руками натянул ее на голову.

После представления Иван Сергеевич поспешил в гостиницу и, не заходя к себе, постучался в номер Ура. Ответа не последовало. Иван Сергеевич толкнул дверь, она поддалась.

В номере было темно, лишь сквозь окно и раскрытую

балконную дверь сочился пепельный свет ущербного месяца. Иван Сергеевич разглядел темную фигуру на кровати.

— Ур!

Тот не шевельнулся, не ответил. Иван Сергеевич испугался. Кинулся к тумбочке, нашарил кнопку настольной лампы.

Ур поморщился от вспыхнувшего света. Он лежал навзничь на кровати, одетый, только туфли скинул.

— Живой,— сказал Иван Сергеевич. У него отлегло от сердца, он сел на стул. Коротенькие ножки не доставали до пола.— Эх ты, человек-гора. Чем тебе помочь?

— Ничего не надо,— тихо проговорил Ур.— Свет потушите.

Лилипут выключил свет. Он знал, что у Ура бывают приступы слабости, головной боли. Знал и то, что помощи в такие минуты Ур не принимал никакой. Просто должен был отлежаться.

— Как же это ты — на таком расстоянии, а? Метров двадцать было до того дядечки, не меньше... Ну, лежи, отдыхай.

— Не уходите, Иван Сергеевич.

— Как хочешь... Помолчим или рассказать тебе чего?

— Сколько людей на свете... и все разные,— прошептал Ур.— Почему так?

— А иначе и быть не может. У собак и то разные характеры, спроси вот у Машки, она понарасскажет тебе. Так что уж о людях-то?

— Такая пестрота...— Ур словно с самим собой говорил.— Скрещиваются, сталкиваются... расшибаются друг о друга...

— Не пойму, чего ты бормочешь. Кто расшибается?

— Огромный пестрый цирк... и у каждого свой номер...

— Вот это точно,— уловил ниточку мысли Иван Сергеевич.— У каждого человека свой номер, а вернее — утверждает он себя по-своему в жизни. Я-то не показателен, неудачная особь, а и то делаю свой номер. Даже хобби себе заимел — роюсь в старых книгах, строчу в толстых тетрадях — радуюсь. Ну, а нормальные люди-то? У них у каждого по несколько номеров бывает.

Ур с видимым усилием повернул голову. В полутьме комнаты нельзя было разглядеть лица маленького чело-

вечка. Чуть возвышался над спинкой стула силуэт его головы.

— Но ведь есть коренная, глубинная связь,— сказал Ур.— Разум — это ведь не просто детерминированный продукт деятельности развитого головного мозга... это ведь и система...

— Больно мудрено для меня, Ур. Но если ты о связях человеческих, то странно тебя слушать. Будто сам не знаешь, какие были и есть крупные общественные движения, объединяющие миллионы единомышленников.

— Да, Иван Сергеевич, вы правы... Я что-то не то говорю. Вы меня не слушайте, я устал очень... Глупостей много наделал...

Некоторое время молчали. Потом лилипут сказал:

— Вот что, друг ситный. Возвращайся-ка в свой институт. Вижу ведь, как ты маешься. Ну, побаловался цирком, душу отвел — и будя. Возвращайся, дело тебе говорю.

— Нет, Иван Сергеевич, не вернусь...

Утром к десяти, как всегда, Ур пришел на репетицию. Номер его в репетициях не нуждался, но цирковая традиция требовала общего присутствия. Мало ли что потребуется — одному помочь натянуть канат, другому — собрать на болтах «шар смелости», третьему — лошадь оседлать. Ур все это охотно делал.

Сегодня он был героем дня.

— Уриэль, здорово ты вчера подвесил болвана,— пробасил старший из группы Бизоновых, когда Ур взялся помогать ему устанавливать трамплин.

— Красиво было, клянусь твоей головой! — пылко воскликнул один из джигитов.

Очаровательная воздушная акробатка Зиночка Астахова послала ему воздушный поцелуй. А коверный Фима Ножкин подкатился мелким бесом, заорал тонким голосом в ухо: «Жюльничество это!», после чего высоко подпрыгнул, ухватился за перекладину турника и смешно засучил ногами.

Марина Морская тоже была тут со своими вертлявыми собачками. Как раз она готовила новый номер: поднимала на блоках дощечку, на которой мелко тряслась от страха белая собачонка.

— Давай помогу,— подошел к ней Ур.

Марина искося выстрелила в него высокомерный взгляд.

— Официантке своей помогай,— процедила она сквозь зубы и повернулась к Уру широкой напудренной спиной.

После полудня Ур выпил у автомата три стакана воды с лимонным сиропом и напрямик отправился на свой любимый пляж.

Он опять далеко заплыл и лег на спину и следил задумчивым взглядом медлительное движение облаков.

Сейчас там перерыв. Ребята в буфете, и Рустам, который всегда впереди в очереди к прилавку, уже набрал для всех кефиру, булочек и пирожных, и вот они рассаживаются, и Нонна, сделав первый глоток, морщит носик и говорит: «Опять кефир несвежий». Валерка сидит рядом с Аней и острит. У него блаженные дни: Петечке Ломейко с его «Запорожцем» дана прочная отставка. Ах нет, Аня же в отпуске. Наверное, начала уже экзамены сдавать. Успеха тебе, Анечка...

А Марк с Аркашей орут про футбол, и Нина Арефьева напускается на них: интеллигентные с виду парни, а ведут себя как печенег.

Потом — «на высадку» в настольный теннис. Сухонький стук ракетки о шарик. Шум, смех, подначка... Да ну их, пусть играют сами. Выскочить в сад, дать Джимке слизнуть с ладони кусочек сахара, поискать взглядом Нонну. В каком она сегодня платье? В светло-сером, песочном, сиреневом? Руки открыты до плеч, голова с заколотой гривой темных волос гордо вскинута... да нет, вовсе не гордо, просто вид такой... Нонна, погоди, обернись — я здесь... Что же ты глядишь так сердито?.. Пойми, нельзя мне было иначе, я влез в ваши дела и только испортил все — ведь только из-за меня, из-за выходки этой на пиреевской защите закрыли океанскую тему... Дело твоей жизни, Нонна... Да и вообще... нельзя, нельзя мне было приклеиваться так прочно...

Знаю, ты удивляешься, что я и весточки тебе не шлю. Не знаешь только, сколько раз начинал я письмо. Даже конверт давно надписан. Строгий такой конверт, с портретом Чебышева...

Нонна, пойми, пойми, пойми! И не презирай меня за бегство. Я не мог иначе...

Когда Ур выходил из воды, он увидел своего пляжного знакомого, Гуго Себастиана. Симпатичный швейцарец с улыбкой поднялся навстречу Уру, поздоровался.

— Я вторично был вчера в цирке,— сказал он.— Вы были великолепны, господин Уриэль, когда посрамили неверящего. Я увезу незабываемое впечатление о встрече с вами.

Ур растянулся на горячей гальке. Себастиан сел рядом и продолжал:

— Мне понятен теперь, господин Уриэль, ваш интерес к моим морским путешествиям. Я случайно узнал, что вы занимались научной работой в области физики моря. Полагаю, что цирк для вас — нечто вроде хобби? Приятное занятие на время отпуска?

— Откуда вы узнали?

— Гид нашей группы, очень милая, кстати, девушка, сказала нам об этом вчера, после представления. А откуда узнала она, право, не знаю... Мне кажется, вам жестко лежать — не хотите ли воспользоваться моей подстилкой?.. Нет? Как угодно...— Себастиан лег на живот, прикрыв голову абхазской войлочной шляпой.— А вы не бывали, господин Уриэль, в Санта-Монике? — спросил он немного погодя.— О, вот где следует побывать человеку, интересующемуся морем. Там работают замечательные океанологи. От причалов Океанариума уходят в кругосветные плаванья превосходно оснащенные суда. Уникальная библиотека, музей, международные связи...

— Знаю я о Санта-Монике,— сказал Ур.— И читал труды Русто.

— О да, Русто! Он, можно сказать, создал Океанариум. Превосходный ученый! Мне рассказали, что Ватикан дал им крупную сумму на исследование... чего бы вы думали? Морского пути пророка Ионы на корабле и далее — во чреве китовом.

— Что за пророк Иона?

— Как, вы не знаете библейского сказания об Ионе?

— Не знаю. Я не читал Библию.

— Вы читали труды господина Русто, но не читали Библии! С каждым разом вы поражаете меня все больше, господин Уриэль...

— А вы, господин Себастиан, не проповедник ли, случайно? Вы говорите с таким пафосом...

— Я не проповедник. Увы, я немало грешил в жизни и не достоин высокой проповеднической миссии. Но я разделяю взгляды и учение неoadвентистов.

— А кто это такие?

Себастиан ответил не сразу. Видимо, колебался — стоит ли продолжать разговор с этим атеистом...

— Ну хорошо,— сказал он негромко.— Если вас интересует... Итак, мы, неoadвентисты, верим во второе пришествие Христа. При этом наши взгляды далеки от средневековых. Мы не представляем себе бога в виде бородатого джентльмена, сидящего босиком на облаке. О нет! Высшую силу, управляющую мирозданием, мы видим в различных проявлениях, в свободной воле электрона. Это и есть бог, высшее существо, которое мы почитаем. С другой стороны, дьявол проявляет себя в форме свободной воли элементарной частицы с обратным потенциалом и массой покоя в шестьсот шестьдесят шесть раз меньшей... Но я вижу, что вы улыбаетесь...

— Простите,— сказал Ур.— Я подумал, слушая вас: если бог проявляет себя в свободной воле электрона, то в каком же виде должен явиться божий сын Христос? Уж не в виде ли нейтрино?

Себастиан снял огромные свои очки и пристально посмотрел на Ура. У него были черные треугольнички бровей и желтые глаза, исполненные кроткой печали.

— Понимаю, что вы шутите, господин Уриэль,— сказал он.— Высшая сила, управляющая мирозданием, не нуждается в какой-то постоянной оболочке. Но, разумеется, спаситель явится в образе человека. В образе Человека, господин Уриэль,— медленно повторил он, выделив слово «человек» ударением.

— Вы вполне серьезно верите во второе пришествие?

— Почему вас это удивляет?

— Мне трудно объяснить... Вы человек очень современный, господин Себастиан. Сведущи, по-видимому, в науке, путешествуете по всему миру... И как-то не вяжется это с... ну, вот с древними мифами, что ли...

— Именно потому, что я много путешествую, я много вижу и много размышляю. Мир опасно болен, Уриэль. Каждый готов утопить ближнего в ложке воды, лишь бы сделать еще шажок наверх, лишь бы урвать побольше денег, побольше благ, обильно предлагаемых ныне, побольше удовольствий. Согласитесь, сэр, что долго так

продолжаться не может. Мы либо сами истребим себя, род человеческий, в войнах, либо превратимся в бездумных скотов. Такой исход не может не противоречить основной программе мироздания — я имею в виду разум как венец творения. Не логично ли сделать из всего этого вывод о необходимости спасения? Как бы ни выглядел спаситель, он непременно явится.

— В том, что вы говорите, есть резон,— сказал Ур, помолчав.— Разум несомненно возник для целей высоких. Но почему надо ждать какого-то спасителя? А если Христос не явится? В мире, по-моему, достаточно людей, понимающих опасность...

— Верно! Но им нужно зная, Уриэль! И таким знаменем, в силу сложившейся исторической традиции, может стать только Христос. Второе пришествие укладывается в рамки тысячелетних, привычных для миллионов людей представлений. Мы, повторяю, не средневековые схоласты. Мы не настаиваем на том, что в один прекрасный день в долине Иосафата или в каком-нибудь другом месте протрубят трубы Страшного суда. Но, так или иначе, явится спаситель, под знаменем которого сплотятся миллионы.

— И что же будет дальше? Уж не новая ли война?

— Слово божье несовместимо с кровопролитием,— грустно сказал Себастиан.— Боюсь, что вы неправильно меня поняли. Мир на земле под эгидой Христа — вот что будет дальше.

— Вы не простой человек, Себастиан,— сказал после недолгого молчания Ур.

— Тем более это относится к вам, дорогой господин Уриэль. Я был бы счастлив, если б мои слова оставили след в вашей душе. Во всяком случае, если я вам когда-нибудь понадоблюсь, то вот моя визитная карточка.

— Спасибо.— Ур потянулся к своей одежде, небрежно кинутой на гальку, и сунул карточку в карман.— Вы что, уезжаете?

— К сожалению.— Себастиан поднялся.— Сегодня нашу группу увозят в Крым. Я очень рад знакомству с вами, господин Уриэль. Не откажите в автографе на память...

Ур широко расписался на блокнотном листке и сказал:

— Я тоже был рад познакомиться с вами.

...Стояла середина августа. Теплые синие волны лениво накатывались на раскаленные солнцем пляжи. На вечерних представлениях в цирке распаренно блестели лица зрителей, и амфитеатр словно шевелился от сплошного мелькания вееров. Что уж говорить об артистах — они обливались потом.

Но цирк неизменно был полон.

Однажды незадолго до представления Ура вызвал директор. Это был добродушный толстяк, начинавший когда-то жонглером, а потом пошедший по административной части. Он сидел в своем кабинете в просторной сетке и лавсановых брюках с подтяжками. Перед ним на столе лежало вафельное полотенце, которым директор то и дело утирал потное лицо.

— Садитесь, Уриэль.— Директор повел на него набрякшими веками.— Вот какое дело, голубчик. Указание есть одно. Э-э-э... Если ваш номер имитационный, то есть вы приводите материальные тела в движение не телепатически — так?.. то вы обязываетесь раскрыть секрет своей аппаратуры. Разумеется, цирк гарантирует сохранение вашей тайны,— поспешно добавил он.— Если же нет, то есть если секретной аппаратуры нет и вы работаете... э-э... натурально — так?.. то вам придется предстать перед комиссией специалистов. Я вам все оформлю, голубчик, слетаете на три дня в Москву, покажетесь там в цирковом управлении. Завтра и вылетайте, чтоб не тянуть это дело...

— Нет, Владимир Федорович,— тихо сказал Ур,— никуда я не полечу и никакой комиссии ничего показывать не стану.

Директор шумно вздохнул и вытер полотенцем лицо.

— Так и знал, что вы заупрямитесь...

— Я показывал номер полковнику, когда вы меня принимали, и считаю это вполне достаточным.

— Да и я так считаю, голубчик! Не думайте, что мне было просто вас оформить — вы же иностранный практикант, к тому же, смешно сказать, без документов. Но нам понравился номер, и я решил расшибиться в лепешку... Впрочем, и расшибся бы, если б одна весьма солидная организация не пошла мне вдруг навстречу. Так вот... Номер пользуется успехом, сборы хорошие, чего еще надо директору? А? Ничего не надо, терпи жару и радуйся. Так нет. Какой-то...

Тут директор прикусил язык. Вовсе было не обязательно этому Уриэлю знать, что нашелся какой-то мерзавец, написавший в управление анонимное письмо.

— В общем, сейчас позвонили из Москвы,— продолжал он, крутя головой и вытирая полотенцем шею.— Почему я не согласовываю с ними номера, да что это за телекинез, который... э-э-э... не утвержден, так сказать, наукой... и не массовый ли это гипноз... Голубчик, я с вами очень доверительно говорю и надеюсь, что и вы мне доверяете...

— Конечно,— сказал Ур.

— Ну так вот. Не торопитесь отказываться наотрез. Не убудет же от вас, если вы покажетесь комиссии.

— Если это так уж надо, Владимир Федорович, то пусть комиссия приезжает сюда и смотрит. А объяснять ничего не буду.

— Я уж думал об этом — пригласить комиссию сюда. Попробую. Может, согласятся — командировка-то приятная, к морю... Да ведь это формальность, голубчик: они там, в управлении, тоже сборами нашими довольны... Сейчас позвоню. А вы, очень прошу, полюбезнее с ними будьте, когда приедут.

— Я пойду.— Ур поднялся.

— Жаль,— вздохнул директор.— Такие сборы, такие сборы... Конечнo, дирекция имеет право на замену номеров, но терять несколько представлений...

— То есть как? Вы хотите сказать, что я...

— Голубчик, неужели не ясно: до утверждения вашего номера комиссией придется поскучать немного. Да вы, я слышал, купаться в море обожаете... Я потороплю комиссию. Ну, дня три-четыре придется подождать. Жаль, очень жаль... Такие сборы...

Я тревожу тебя в неурочное время, Учитель. Прости.

Мне очень плохо. С тех пор как я стал полностью причастен, никогда не было мне так трудно, так плохо. Это огромный пестрый цирк, в котором беспрерывно сталкиваются, скрещиваются, расшибаются друг о друга страсти, желания, мысли.

Учитель, я сознаю свой долг. Но мне трудно. Я уже натворил много глупостей.

У меня раскалывается голова... Меня душат ночи...

Тревожит ощущение какой-то засады... Меня подстерегают!

Учитель, мне плохо!! Заберите, заберите отсюда...

Он вышел из гостиницы поздно, когда затихли улицы. Горели среди деревьев редкие фонари, освещая неподвижную листву. Несколько человек стояли у раскрытой двери междугородной телефонной станции. Они курили и переговаривались голосами, звучащими неестественно громко в ночной тишине.

Ур свернул влево. Вот афишная тумба, газетный киоск. Каменные ступени, ведущие к детскому кафе. Ур остановился и некоторое время смотрел на эти ступени, на вывеску, слабо освещенную фонарем. Потом двинулся дальше.

Впереди шла компания — двое парней и три девушки. Один парень пел, перебирая гитарные струны, и девушки втирали ему:

По дороге шел я, парень молодой,
Вижу — девушка собралась за водой.
Ах, я вижу — в ведрах нет воды,
Значит, мне не миновать беды...

Ур замедлил шаг, чтобы не перегнать компанию. Потом он продрался сквозь пахучие остро, по-ночному, кусты и стал спускаться узким переулочком к морю. Уныло опустив ковш, желтел у деревянного забора экскаватор — заснувший диковинный зверь, наработавшийся за день.

Пустой пляж был печален и неузнаваем. Призрачно белели обрывки бумаги, тут и там поблескивали плоские галечники, отражая — в меру скромных возможностей — лунный свет. Море с тихим шорохом играло с мелкими камешками.

Как был — в джинсах, белой рубашке и босоножках — Ур вошел в воду. Вода была теплая, но от одежды холодило. Он поплыл спокойным брассом навстречу луне и звездам.

Лунная дорожка серебрилась левее, а дальше виднелась освещенная полоска причала. Потом она осталась позади.

Черная вода и черное небо. И он — один меж ними...
Дальше, дальше!

Иногда он оборачивался, чтобы взглянуть на береговые огни. Они удалялись. Вот совсем исчезли — видны только портовые цветные мигалки да слабое зарево над растаявшим в ночи городом. Один, совсем один в черной воде, в открытом море, под крупными звездами.

Вдруг звездный рисунок перечеркнула тень. Узкая, веретенообразная, она нависла над Уром, потом медленно стала снижаться. Закачалась на воде.

В тускло отсвечивающем борту возник черный овал — это беззвучно отворилась дверь. Ур взялся за порог, подтянулся на руках и очутился в шлюзовой камере. Разделся, не торопясь отжал одежду и развесил для просушки. Закрыв внешнюю дверь, Ур включил свет. Потом, мягко шлепая мокрыми босыми ступнями, прошел к пульту и опустился в кресло.

Он долго лежал в кресле, расслабившись и закрыв глаза.

Не приспела пора возвращаться. Надо продолжать. Они воззвали к его терпению и мужеству. Что ж, он наберется и того и другого. Он будет продолжать исполнять свой долг.

Только надо все хорошенько обдумать.

Не вмешиваться! Ни во что не вмешиваться — это прежде всего. Он вел себя неразумно. В высшей степени неразумно и легкомысленно. Ладно, теперь он будет осторожней.

Вдруг он испугался: не выключена ли противолокационная защита? Лодку сразу засекут радары, пожалуют катера пограничников...

Нет, защита включена. Что это за необоснованные страхи?..

Ур сверился с картой, задал автопилоту программу. Вертикальный взлет вжал его в амортизатор кресла. Это продолжалось недолго — лодка перешла на горизонтальный полет.

Хотелось есть, хотелось пить. С обеда он ничего в рот не брал. С самого обеда в детском кафе. Иван Сергеевич сидел напротив, и рядом с его крохотным кулачком на столике лежала общая тетрадь. А Галя принесла картофельный салат...

Хватит, хватит об этом. Все кончено.

Ур потянулся к стенному шкафчику, достал тюбик и выжал себе в рот колбаску зеленой пасты.

Ни о чем не думать. В ведрах нет воды... А, глупости!..

Неприятный какой-то вкус у пасты. Поморщившись, Ур отбросил тубик.

Глава четвертая

САНТА-МОНИКА

Из владений какого царя ты явился сюда? И каким искусством владеешь в совершенстве? Как ты будешь жить у нас все время? И скажи, какую плату нужно положить для тебя?

«Махабхарата»

Между оградами частных владений, обвитых вьюнками, отчаянно бился открытый голубой «крайслер», пытаясь свернуть в боковой проезд.

— Проклятье! — воскликнула Аннабел Ли. — На ослах здесь только ездить...

Она дала задний ход, но «крайслер» опять ткнулся беспомощно в каменную ограду. Аннабел Ли нажала на педаль тормоза. «Вот так, — со злостью подумала она. — Решила проехать кратчайшей дорогой, но разве проедешь в здешней тесноте?» Она оглянулась, чтобы измерить взглядом ширину улочки, и увидела черноволосого молодого человека, который спускался по этой кривой улочке к шоссе и замедлил шаг, явно наблюдая за ней, Аннабел Ли.

Она отвернулась, снова попробовала развернуть машину, и снова пришлось остановиться.

— Будь оно проклято! — пробормотала она.

Черноволосый подошел к машине и сказал по-английски:

— Разрешите помочь.

Голос у него был гулкий, а произношение скверное.

— С удовольствием, — сказала Аннабел Ли и передвинулась, освобождая водительское сиденье.

Незнакомец, однако, не сел за руль. Он нагнулся, взялся обеими руками за передний бампер и, резко выдохнув, приподнял передок машины. Аннабел Ли восхищенно охнула. Черноволосый, пятясь, затащил «крайслер» в боковой проезд.

— Это было здорово! — Аннабел Ли посмотрела с улыбкой на незнакомца. — А на вид не скажешь, что вы такой силач.

— Да что вы, машина легкая.

Молодой человек утер тыльной стороной ладони потный лоб, кивнул и пошел было дальше, но тут Аннабел Ли окликнула его:

— Вы в Санта-Монику? Садитесь, подвезу. И потом — должна же я как-то отблагодарить вас? За мной выпивка.

Незнакомец сел рядом, и Аннабел Ли с места рванула, без остановки выехала на шоссе и прибавила газу. «Крайслер» понесся, как гоночная машина. Справа бесконечные виллы и сады слились в бело-зеленые полосы. Слева в опасной близости мелькали нагромождения скал, уступами спускающиеся к желтой полосе пляжей, к морской синеве.

— Вы француз? Монегаск? ¹ — спросила Аннабел Ли.

— Нет, мисс...

— Фрезер. Аннабел Ли Фрезер. Но вы так меня не называйте. Меня все называют Энн. Ну и имечко мне дали предки — подохнуть!

— По-моему, красивое имя. Где-то я уже слышал...

— Дэдди рассказывал, что это бабка настояла на дурацком имени, какое теперь никто никому не дает.

— Дэдди?

— Ну, мой отец. Мы живем в Валентайне, штат Небраска. Не слышали? Ну, еще бы! Хуже дыры не сыщешь. Паршивый городишко, поганая речка. Найобрэра — не слышали? Само собой. Но дэдди там делает деньги, так что никуда не денешься...

Она сделала такой вираж, объезжая набитый зеленью велофургон, что ее спутника прижало к дверце.

— Меня зовут Ур, — представился он в свою очередь.

— Ур? — Аннабел Ли засмеялась. — Подобрались мы с вами, мистер Ур, — людей пугать своими именами. Значит, вы швейцарец?

— Нет, мисс Фрезер...

— Ну, все равно. Я первый раз в Европе, и тут намешано разных национальностей столько, что за всю жизнь не запомнишь. Зажгите-ка сигарету и суньте мне в рот.

¹ Монегаски — уроженцы княжества Монако.

— Я не курю, к сожалению.

— Где вы учились говорить по-английски, мистер Ур? На пуэрториканской маслобойне? — Она захохотала.

Ур, улыбаясь, посмотрел на нее.

А смотреть на мисс Фрезер — гибкую, коротко стриженную блондинку в кружевной белой кофточке и голубых, в тон машине, брюках — было приятно. На шее у нее висел на толстой золотой цепочке крупный деревянный диск с барельефом — головой индейца в боевом уборе из орлиных перьев. Оправа дымчатых очков была обсыпана сверкающими стекляшками, а может, мелкими бриллиантами — этого Ур определить не мог. На розовых пальчиках мисс Фрезер тоже все сверкало и искрилось.

От этого сверкания, от ярких красок дня, от свиста встречного ветра у Ура кружилась голова. К тому же позади была бессонная ночь и утомительный заплыв. Беспокоила его немного и рыбацья шхуна, некстати оказавшаяся в месте посадки.

Аннабел Ли вытащила из ящика для перчаток пеструю пачку сигарет и закурила, придерживая рулевое колесо локтями. Как ей удалось избежать при этом столкновения с громоздким авторефрижератором, Ур так и не понял.

— Безобразные дороги в вашей Европе, — сказала Аннабел Ли. — Раззява! — крикнула она толстяку за рулем «пежо», которому едва не срезала фару при обгоне.

У въезда в город автомобилей прибавилось, и ей пришлось сбросить скорость. Ур с любопытством поглядывал вокруг.

Было много общего с черноморским городом-курортом. То же оживление на улицах, такие же растрепанные пальмы, и белые балюстрады вдоль аллей, и поросшие зеленью холмы, по которым город стекал к морю. Но были, конечно, и различия. Нигде не продают газированную воду стаканами, не видно лотков с пирожками, продавцов вареных кукурузных початков, кремовых цистерн с квасом. Зато — множество кафе и цветочных магазинов, сувенирных магазинов и огромное количество пестрых реклам. Вообще городок был необычайно яркий, будто лакированный.

У террасы кафе под полосатым тентом Аннабел Ли остановила машину, одновременно нажав на педали тор-

моза и сцепления. Ур чуть не клюнул носом ветровое стекло. Выйдя, он засмотрелся на витрину, в которой загадочно улыбалась из-за стекла пластмассовая цыганка с огромными серьгами.

— Ну, что там? — услышал он резковатый голос Аннабел Ли. — Гадальных автоматов не видели?

Они сели на табуреты у высокой стойки, и бармен, увидев девушку, взялся за шейкер.

— Как обычно, мисс? — спросил он.

— Разумеется. А вы что будете пить, мистер Ур?

Ур obeжал взглядом полки, уставленные бутылками, и рекламные плакаты. Один из плакатов, на котором был изображен апельсин величиной с футбольный мяч, он как будто понял.

— Оранжад.

Бармен кивнул. Быстро он сбил для мисс Фрезер коктейль, а потом взял несколько апельсинов, сунул в никелированную машинку, подставил высокий стакан. Попился желтый сок. Ур хотел было протянуть руку, но увидел, что еще не все кончено. Стеклойной лопаточкой бармен бросил в стакан щепотку белого порошка, крутанул — и жидкость мигом забурлила. Потом он опустил в стакан три ледяные фигурки-рыбки, сунул пластмассовую соломку — теперь было все.

С удовольствием потянул Ур через соломку освежающий, приятно пощипывающий оранжад. «Сода,— подумал он.— Ну конечно, двууглекислая сода нейтрализует лимонную кислоту...»

— Теперь я поняла,— сказала Аннабел Ли, потягивая свой коктейль.— Вы итальянский учитель плавания, и вам нельзя с утра пить спиртное.

— Вы правы, мисс,— со вздохом сказал Ур.

Бармен подал им фруктовый салат, сметану с кукурузными хлопьями, которые здесь называли «на американский манер» — «корнфлекс», а потом бифштекс, утопленный в виноградном джеме. Здесь все было рассчитано на американский вкус.

— В Валентайне я ничего, кроме телевизора, не вижу,— успевала болтать за едой Аннабел Ли.— Дэдди держит нас с сестрой в ужасной строгости. Будто индейцы до сих пор рыщут по прерии и похищают белых девушек. А сам дэдди ничего не боится. Кроме, конечно, «Мид-уэст агрикалчерл корпорейшн».

— А что это такое? — спросил Ур.

— Неужели не слышали? — Аннабел Ли стрельнула в него быстрым взглядом. Глаза у нее, когда она сняла очки, оказались зеленоватыми и неожиданно мечтательными, не вполне гармонизировавшими с бойким выражением лица. — Это большая компания, которая чуть не сожрала дэдди. Но дэдди устоял. У него своя фирма. «Фрезер кубик-эггс лимитед». Не слышали?

— Нет...

— Какие-то вы все в Европе невежественные... Дайте нам кока-колу, — кинула Аннабел Ли бармену. — Две бутылки. Можно четыре. Да, так вот. Если вы думаете, мистер Ур, что дэдди приехал сюда лежать кверху пузом на пляже, то вы ошибаетесь. Я-то здесь загораю и кручусь в свое удовольствие, а дэдди делает здесь дела. Почему бы, мистер Ур, вашей ленивой Европе не покупать его продукцию? — Вдруг она вскинула на Ура подозрительный взгляд: — Эй, а почему вы все это спрашиваете? Кто вы такой, собственно?

— Я не спрашиваю, мисс Фрезер. Вы сами рассказываете...

— Похоже, что так. — Аннабел Ли быстренько подобрала с тарелки джем и поднялась. — Если вы когда-нибудь кончите еду, мистер Ур, то помогите отнести кока-колу в машину.

Ур взял бутылки с коричневой жидкостью и вопросительно взглянул на прилавок.

— О, не беспокойтесь, — сказала Аннабел Ли. — Дэдди открыл здесь для меня счет. Ну, теперь я вам отплатила за... за что, собственно? Ах, да! — Она засмеялась. — Надо же, чуть не забыла. Вы куда теперь пойдете?

— В Океанариум.

— Тогда садитесь, подвезу, мне в ту сторону. Давайте, давайте, некогда мне ждать. Какие-то вы, французы, неподвижные.

Она рванула машину с места.

— А где ваш автомобиль? — спросила она, съезжая с горки на опасно большой скорости. — Экономите, верно, на бензине?

— У меня нет автомобиля.

— Как это? — недоуменно посмотрела Аннабел Ли. — Нет, у вас тут все ненормально. Неужели вы настолько бедны, что не можете купить хотя бы «симку»?

— Мне не очень нужен автомобиль, мисс Фрезер.

— Называйте меня Энн. А то заладили «мисс Фрезер, мисс Фрезер»! — Она скорчила гримаску. — Мы, кажется, не на воскресном богослужении... Да, о чем я? Мы с дэдди летели в Европу на самолете, а машины отправили через океан на теплоходе. Папин «олди» и мой «крайслер». Была жуткая неделя, пока мы ждали прибытия машин, и приходилось разъезжать в такси... Вот ваш Океанариум. Ну и рыбищи там! Вытряхивайтесь, мистер Ур.

Ур, придя в себя после резкого торможения, поспешно простился и вылез из автомобиля у подъезда невысокого белого здания. Вниз, к скалам, к бетонному причалу, уходили ступени, и там, у причала, стояло несколько мужчин. Один из них всмотрелся из-под руки и вдруг, заорав что-то непонятное, побежал наверх, указывая на Ура пальцем.

В эту ночь Доминик Леду, как всегда, вышел в море. Мимо мыса Серра он прошел близко, чуть ли не впритирку, чтоб избежать встречного течения и не жечь зря бензин. Потом принялся утюжить море, волоча невод и неторопливо сообщая, где сегодня ходит стая анчоусов, на которую напал еще прошлой ночью. Мостик «Кабры» мелко дрожал у него под ногами.

Всю жизнь не везло Доминику, не повезло и с «Каброй», купленной лет восемь назад у разбитного испанца с Мальорки. Сама по себе эта тартана в тридцать пять тонн, с двумя короткими мачтами была неплоха. Но с самого начала она привлекла чрезмерное внимание береговой охраны и таможенников: как видно, испанец занимался не совсем невинными делишками, если судно его намозолило глаза полиции по всему побережью. Хуже, однако, было другое — странный нрав тартаны. Вдруг она начинала дрожать и чуть ли не прыгать, высоко задирая нос и повергая Доминика в смятение. Должно быть, ей, тартане, рожденной ходить под парусами, пришлось не по нраву двести сорок лошадиных сил паккардовского мотора, вот она и прыгала. Подлец испанец — не в насмешку ли дал он тартане это название «Кабра», что по-испански означало «коза»?

Еще и другое тревожило Доминика: младший сын,

двадцатичетырехлетний Марсель, с каждым разом все неохотнее выходит с ним в море. Бунта, само собой, не поднимает — знает, что у папаши рука тяжелая, — но... Он же не какой-нибудь олух тупой, Доминик, — понимает, что парня не удержишь. Старшие сыновья поразъехались, и этот уйдет. Ему бы только на велосипеде гонять, Марселю. Нет чтобы жениться, купить лодку и рыбачить, как рыбачили все в семье Леду еще со времен Третьей республики. Задумал гонщиком стать. Уже его звали куда-то в Тулон. Все они помешались, нынешние, дома не сидится...

Вон он, Марсель. Высунулся из люка, сигарета в зубах, берет натянут на левый глаз. На отца и не взглянет, поганец.

— Прибавь немного обороты, — сказал Доминик. — От этой проклятой тряски желудок из горла выскочит.

Луна поднялась высоко, осияла светом морё, мрачно-ватые скалы мыса Серра и гору, похожую на собачью голову. Самое время анчоусной стае пойти наверх, на лунный свет. Но когда Доминик с сыном вытащили на палубу старый кошелечковый невод, полный шевелящегося рыбного серебра, он сразу увидел, что улов небогатый — бонита, дорада, мелочь всякая. Где же анчоусы? Эх, не везет, не везет...

К утру уже шло. По морю пошла рябь — предвестница утреннего бриза. Доминик крикнул стопорить мотор. И тут они увидели, что с неба на них бесшумно опускается огромное веретено, тускло отливающее свинцом...

В то утро у директора Океанариума доктора Жюль-Сигисбера Русто был важный посетитель. С виду мистера Джефферсону Д. Б. Симпсону было лет тридцать пять, но при такой ранней молодости ворочал он, можно сказать, целой империей. Что именно делали заводы мистера Симпсона, доктор Русто не знал да и не хотел знать. Важным было то, что американец, набитый миллионами, проявлял интерес к Океанариуму.

В окна директорского кабинета, обращенные к морю, задувал бриз, не несущий, впрочем, особой прохлады. Американец попивал martini, благодушно посмеивался, слушая Русто, хотя, видит бог, ничего смешного директор не рассказывал.

Жюль-Сигисбер Русто, пожилой горбоносый француз, был не просто директором Океанариума, но и прославленным исследователем. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что больше времени в своей жизни он провел под водой, чем на суше. В водолазных костюмах всех типов, с аквалангом, в батисферах, батискафах, «ныряющих блюдцах» Русто погружался в воды всех океанов. Подолгу жил в подводных домиках, избородил на исследовательских судах все моря. Почти все редкостные обитатели подводного мира, собранные в богатейшей коллекции Океанариума, были доставлены сюда неугомонным доктором Русто.

Разговор шел по-английски.

— Итак, мистер Симпсон, сделаю короткое резюме. Тайфуны, конечно, нужны планете, они выносят излишки тепла, накопленного тропическими водами. Но мы с вами знаем, как дорого они обходятся, какой страшный ущерб наносят. Страны Тихого и Индийского океанов ежегодно теряют от тайфунов столько людей и материальных ценностей, словно идет хор-рошенькая война с атомными бомбами. Кстати, и ваши прибрежные штаты подвержены их бешеному дыханию, да простится мне высокий слог.

— Уж не собираетесь ли вы, Русто, сделать для тайфунов громоотвод? — спросил, посмеиваясь, Симпсон.

Русто поглядел на безоблачное лицо американца, на его породистый короткий нос и хорошо подстриженные уски. Никогда бы не стал он, Русто, тратить время на разговор с таким вот теннисистом. Но речь шла о слишком серьезных вещах...

— Прежде всего, мистер Симпсон, надо как следует изучить места, где рождаются тайфуны. Туда-то и собираюсь я отправиться на «Дидоне». Но не просто затеять такую экспедицию. Не просто! Снаряжение, продовольствие, набор команды...

— Говорят, в ваших аквариумах полно рыбы. Зажарьте ее и возьмите с собой, вот вам и продовольствие.— Симпсон откинулся в кресле и захохотал, показывая прекрасные зубы и десны.

«Господи,— подумал Русто,— почему ты не торопишься прибирать к себе таких остряков?»

Симпсон оборвал смех. Уловил все же, наверное, что производит впечатление кретина.

— Ладно, Русто,— сказал он, чиркнув зажигалкой и закурив.— Сколько вам надо на экспедицию?

Наконец-то! Русто схватил карандаш и бумагу...

Спустя минут сорок они вышли из кабинета — рослый и стройный Симпсон и маленький, узкоплечий Русто.

— Не взглянете ли на наши сокровища, мистер Симпсон?

— Ну, пожалуй. Раз уж я тут...

Русто вывел американца из дома, и они спустились по каменным ступеням к причалу. Дом только с площади казался небольшим. Отсюда, со стороны моря, было видно, что стоит он на высокой скале, укрепленной контрфорсами, и к скале этой пристроены помещения, уходящие вниз, в воду. Там-то и был вход в знаменитый Океанариум.

У причала покачивалась шхуна, несколько загорелых мужчин выгружали из ее трюма ящики с рыбой.

— Ага, корм привезли! — раздался веселый голос.— Поторопитесь, парни, а то ваша барракуда помирает там с голоду!

Голос принадлежал молодому человеку с узким лицом, обрамленным рыжеватой бородкой. Вместе с длинногривым приятелем и двумя девушками он только что вышел из Океанариума.

— Мосье Русто! — окликнул директора здоровенный малый в тельняшке без рукавов и мятых шортах.— Послушайте, что тут рассказывает Доминик!

— Некогда, Арман,— сказал Русто, пытаясь пройти и жестом приглашая за собой американца.

Но тут Доминик Леду шагнул к нему, уставился немигающим тревожным взглядом, сипло сказал:

— Вот я и говорю, мосье, куда это годится, если с неба тебе на голову этакая штука сваливается?

— Какая штука? — нахмурился Русто.— Ты хватил сегодня лишнего, Доминик.

Но рыбак заступил ему дорогу и быстро заговорил:

— Марсель не даст соврать, мосье, ни капли во рту не держал. Еле я успел увернуться от этой штуки. Только мы с Марселем потащили невод, мосье, как видим — она опускается прямо нам на голову. Да что же это, господи твоя воля! У меня в животе похолодело, еле мы успели дать ход и положить руль вправо... Глядим — эта штука села на воду, а потом у нее на боку раскрывается дверь...

— Да говори же толком, Доминик! Что опустилось тебе на голову? Гидросамолет?

— Как бы не так! Самолетов, что ли, я не видел? Эта посудаина, мосье, смахивала на веретено. Покойная матушка, помню, на таком веретене шерсть пряла. Только это веретено метров на двадцать длиной потянет, а то и побольше.

— «Веретено» упало с неба? — заинтересовался проходивший мимо рыжебородый молодой человек. — Летающее «веретено»?

— Идите, сударь, своей дорогой, — сухо брссил ему Русто. — Доминик, ты уже много лет возишь мне рыбу, и ни разу я не слыхал от тебя небылиц...

— Клянусь всеми святыми, мосье, что это истинная правда! — Доминик выглядел взволнованным как никогда. — Своими глазами видел, как в этой штуке раскрылась боковая дверь и в воду плюхнулся человек. Прямо как был — в белой рубашке и штанах. Так и плюхнулся, мосье, ногами вниз. Болтается в воде, а сам смотрит на свою посудину, будто раздумывает, забираться обратно или нет... И тут дверь закрывается, и эта штука снимается с воды, как чибис с болота, и поднимается обратно в небо...

— Летающее «веретено», — повторил рыжебородый, часто моргая. — Где-то я читал об этом... или слышал...

— Извините, мистер Симпсон, за задержку, — сказал Русто американцу. — Это все, Доминик? Ты подобрал парня и сдал в полицию?

— Да нет, мосье... Что-то мне не по себе стало. По правде, я малость остолбенел...

— Ну, а парень?

— Посмотрел он из воды прямо на меня, — а видно было хорошо, луна светила, — и поплыл к берегу. Марсель мне говорит: давай, мол, подберем, а я, по правде... Ведь они, я так думаю, вооружены, шпионы...

— А до берега было близко?

— Не сказал бы. Миль пять было до мыса Серра... Я, мосье, подумал: надо сообщить в полицию, но решил вначале вам рассказать... Расскажу-ка, думаю, сперва доктору Русто...

Доминик напрягся, глядя из-под ладони наверх. Там, на площадке у подъезда, остановился голубой открытый автомобиль, и из него вышел черноволосый человек в бе-

лой рубашке и джинсах. Доминик взгляделся и вдруг заорал:

— Это он! Он самый! Держи шпиона!

И, прыгая через ступени, побежал наверх.

За ним понесся здоровяк Арман, бросился и рыжебородый со своими спутниками. Русто поднимался, торопливо объясняя Симпсону, не понимавшему по-французски, что произошло.

Доминик остановился шагах в трех от Ура, продолжая вопить во всю глотку: «Держи! Держи шпиона!» Белокурая мисс Фрезер с любопытством смотрела на эту сцену из машины.

Подоспел и Марсель. Он зашел сзади, отрезая «шпиону» путь к бегству. Арман не спеша направился к Уру.

— Ну что, приятель, в гости пришел? — спросил он.

— Эй, осторожно, — крикнул Марсель, — у него револьвер в заднем кармане!

Тут здоровяк Арман метнулся к Уру, обхватил медвежьей хваткой, прижав его руки к бокам, крикнул Марселю, чтоб вытащил револьвер. В следующий миг Арман отлетел от Ура, как собачка от пинка ногой. Но юркий Марсель успел все же вытащить из заднего кармана незнакомца плоский кожаный футляр.

Рыжебородый молодой человек щелкнул затвором фотоаппарата. Арман, поглаживая ушибленное плечо снова шагнул к Уру.

— Стоп, Арман! — крикнул доктор Русто, выступив вперед. — Дай сюда револьвер, Марсель. Да это не револьвер, — сказал он, отстегнув «молнию» на футляре. — Заводная бритва. Возьмите, — протянул он футляр Уру. — Кто вы такой?

— Не понимаю, — сказал Ур по-английски. — Я океанолог, — тихо проговорил он, когда Русто повторил вопрос по-английски. — Я приехал, чтобы посмотреть здешний Океанариум.

— Это действительно так? — обратился Русто к Аннабел Ли, не торопившейся уезжать. — Вы его спутница?

— Впервые увидела его этим утром. Мистер Ур попросил подвести до города.

— Ур? — переспросил Русто. — Никогда не слышал о таком океанологе. Откуда вы прилетели, мистер Ур? И на чем?

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы, — сказал

Ур, сбывчившись.—Я приехал осмотреть Океанариум доктора Русто.

— Я доктор Русто.

— О! — Ур заулыбался.— Очень рад видеть вас, доктор. Я читал ваши труды и высоко их ценю.

Мистер Симпсон посмотрел на часы и сказал:

— Боюсь, Русто, что не дойду сегодня до ваших рыбок. Нет, нет, не извиняйтесь, я несколько не обижен. Ловля шпионов — прежде всего.— Он жизнерадостно хохотнул.— Завтра утром позвоните мне, скажете, что вы надумали. Мое почтение, господа!

Он направился к своему автомобилю.

— Арман,— сказал Русто, дернув щекой,— попроси этих господ с фотоаппаратом немедленно проваливать отсюда к дьяволу.— Он повернулся к Уру: — Мне не раз приходилось участвовать в ловле альбимаргинатус, если вы знаете, что это такое...

— Это белая акула. Я читал ваши очерки, доктор.

— Очень приятно, сэр. Так вот, я участвовал в их ловле, но в ловле шпионов сроду не принимал участия. Поэтому не стану требовать документов, которые у вас бесспорно в порядке...

— Я вспомнил! — завопил вдруг рыжебородый с фотоаппаратом, пятясь под напором Армана.— Про это «веретено» зимой все газеты писали! За ним в космосе охотились!

— Заткни глотку! — рявкнул Арман, замахиваясь на него.

— Но-но! Потихе ты, мешок с опилками! — Рыжебородый быстро зашагал прочь.— Вы обо мне еще услышите!

— Как интересно! — сказала Аннабел Ли с дымящейся сигаретой во рту.— Вы действительно шпион, мистер Ур?

— Вам нельзя слишком долго стоять на солнце, мисс,— прервал ее Русто.— Ваш автомобиль выцветает прямо на глазах.— И, пока озадаченная Аннабел Ли осматривала свой «крайслер», он отдал дальнейшие распоряжения: — Продолжайте разгрузку, ребята. Не волнуйся, Доминик, государственные секреты все останутся на месте. Я побеседую с этим мистером, и, если понадобится, он не откажет мне в любезности подождать, пока я вызову полицию. Пройдемте, мистер Ур.

Просторная комната, в которую Русто привел Ура, была и музеем и библиотекой одновременно. Ур с любопытством озибался на карты с маршрутами экспедиций и огромные цветные фотографии, на полки с атласами и разноязычными книгами, на редкостные морские раковины и другие дары Мирового океана.

— Сядьте.— Русто указал на кожаное кресло и сам уселся напротив.— Вы нам не помешаете, Жан-Мари,— кинул он круглолицему седоватому библиотекарю, поднявшемуся из-за своей конторки. Потом он взглянул на Ура не по возрасту зоркими карими глазами.— Коньяк, виски? Понимаю, по роду своих занятий вы должны быть непьющим. Сигары, сигареты? Тоже нет? Итак: что вы окончили и где работаете, если вы и впрямь океанолог?

— Доктор Русто, я бы хотел, чтобы вы мне поверили,— сказал Ур медленно, обдумывая каждое слово.— Судьба у меня сложилась необычно, и я надеюсь, что вы не станете настаивать на полной откровенности.

— Вы можете рассказывать ровно столько, сколько захотите. Ну, давайте побыстрее, у меня сегодня много дел.

— Я получил образование в закрытом учебном заведении, о котором вы вряд ли слышали. Некоторое время я занимался практической океанографией.

Ур назвал прикаспийский город и тамошний Институт физики моря.

— Вы работали у Андреевой? — Русто удивленно вскинул мохнатые черные брови.— У Веры Те-о-до-ров-ны? — старательно выговорил он.— Вот женщина, с которой можно говорить по-мужски, но тем не менее остающаяся женщиной. Мы встречались на конгрессах. Чем сейчас занимается мадам Андреева?

— Главным образом административной деятельностью. Но тема ее все та же — искажения магнитных склонений очертаниями океанов.

— Верно, верно, тут ей удалось проделать блистательную работу. Она мне рассказывала о своей модели Земли с наклепанными медными океанами...

— Терелла стоит у нее в кабинете. Недавно я посоветовал Вере Федоровне добавить к терелле вращающееся кольцо по линии Течения Западных Ветров.

— Имитация Бравых Вестов? А для чего?

Ур начал неохотно, но потом увлекся, стал излагать

идеи об электрических токах в океанских течениях. О своем проекте — о совмещении земной и магнитной осей и получении электроэнергии «из воздуха» — он распространяться не стал.

— Вы правы, мистер Ур, токи в океанах изучены плохо, — сказал Русто. — Итак, вы приехали, чтобы осмотреть Океанариум? Разумеется, я покажу вам все, что у нас есть. Но прежде разрешите задать несколько вопросов. Вы русский?

— Нет...

— Можете не продолжать. Я спросил только потому, что знаю некоторых русских океанологов — Базиля Шулейкина, Андрееву, Мирошникову... Ваша национальность меня не интересует. Далее: что за вздор тут плели, будто вы прилетели на веретене? Впрочем, и до этого мне нет дела. Каждый вправе летать на том, на чем хочет, хоть на помеле. Вот что, мистер Ур: если у вас есть время, то было бы мило с вашей стороны остаться тут, скажем, на неделю. Я всегда придерживался мнения, что океанологам нужно больше общаться друг с другом.

— Я бы охотно остался, доктор Русто... — Ур колебался. — Признаться, я не располагаю...

— Деньгами, понятно. Смею вас заверить, что мы тоже не очень располагаем. Океанариум существует главным образом за счет платного осмотра. Ну, еще мы как следует общипываем состоятельных диссертантов, желающих работать с нашими материалами. Вы не собираетесь, кстати, писать диссертацию?

— Нет, — улыбнулся Ур. — Хватит с меня диссертаций...

— Так вот: мы не богаты, но и не настолько нищи, чтобы не прокормить заезжего океанолога. Предлагаю вам стол и кров. Плату потребую лишь одну — ежедневные профессиональные беседы. Ну? Даю вам на раздумье полминуты.

— Вы очень напористы, — сказал Ур. — Я согласен.

— Превосходно. — Русто выскочил из кресла, будто подброшенный катапультой. — Попрошу вас сюда, к этой карте. Жан-Мари, выложите на стол все, что у нас есть о Западных Ветрах. — Он энергично провел по карте ладонью. — Итак, вот они, Бравые Весты. Меня тоже давно занимает это великое течение. Я собираюсь в скором времени плыть туда...

...Уру была отведена рабочая комната во втором этаже. Там, если высунуться из окна, можно было дотянуться рукой до каменной буквы *Г*. Поверху вдоль всего фасада здания шли высеченные из камня названия знаменитых океанографических судов: «Челленджер», «Фрам», «Инвестигейтор», «Вега», «Витязь»...

В комнату, меблировку которой составляли стулья и длинный стол, заваленный морскими картами, таблицами, навигационным инструментом, Русто распорядился внести койку. Больше Уру ничего не требовалось. За завтраком и обедал Ур за табльдотом вместе с другими сотрудниками и быстро со всеми перезнакомился. Только Арман, смотритель Океанариума, держался отчужденно. Все казалось ему подозрительным в госте — появление, бритва в заднем кармане и то, что он не пил вина...

Вечера же Ур проводил у доктора Русто — в маленькой вилле на скале, нависшей над морем, в тени пиний. В комнатах здесь всегда гуляли сквозняки, стены были увешаны диковинными сувенирами подводного мира, осколками разноцветных кораллов, полинезийскими копьями. Тихая, приветливая мадам Русто приносила на подносе кофе и печенье, для Ура — сок манго или оранжад, для мужа — коньяк. И мужчины вели долгий разговор о морских течениях и магнитных аномалиях, о дрейфующих вихрях Булларда и о терелле Андреевой, о подводных хребтах и тайфунах и о предстоящей экспедиции.

— Каждая моя экспедиция, — говорил Русто, попивая мелкими глоточками коньяк, — это новая радость и новое расстройство. Я вижу, как океаны все более превращаются в мировую помойку. Вы не представляете, Ур, сколько времени и сил я трачу на нескончаемую войну с этими проклятыми химическими концернами, с судоходными компаниями...

Увлечшись, он развивал перед Уром сюжет повести-предостережения, которую, будь он писателем, непременно бы написал. Моря и океаны загажены вконец, заражены радиоактивными отходами. Приморские города заброшены, судоходство прекратилось. Высыхают отравленные реки, гибнут леса. Люди живут в подземных горах, окруженных горами отбросов. Пайки искусственной протейновой пищи. Выдача воды строго нормирована, размер водяного пайка определяется весом потребителя. Водой давно перестали мыться, для мытья

пользуются губками с синтетическими растворителями. Людям запрещено смеяться, чтобы не вызывать повышенного расхода воздуха...

— Дальше я еще не придумал,— усмехнулся Русто, глядя в раскрытое окно на сгущающуюся вечернюю синь.— По правилам игры должны быть бандиты, которые организуют крупные хищения воды. Ну конечно, молодой химик вступает с ними в борьбу — не так ли? Дальше совсем неясно. Опять-таки по правилам хорошего тона нужно, чтобы химик с помощью очаровательной возлюбленной захватил космический корабль и отправился... ну, не знаю... отправился за помощью к какой-нибудь внеземной высокоразвитой цивилизации. Существуют же такие, как вы думаете, Ур?

— Да... Возможно...— Ур несколько оторопело посмотрел на сухой горбоносый профиль Русто.

— Но я, увы, на такое не способен. Здесь нужен знаток? Жюль-Габриель Верн — вот кто здесь нужен!

— Не слишком ли вы сгущаете краски, метр? — спросил Ур.

— Нет! Нельзя допустить, чтобы наши потомки захлебнулись в зловонных отбросах, в пене неразлагающихся стиральных порошков! Спасать надо планету, сударь, спасать! Пока не поздно — договориться о разоружении и всю гигантскую машину военного производства переключить на чистку планеты. Чтоб ни один паршивый заводик не дымил и не испражнялся без фильтров!

— В Советском Союзе, насколько я знаю, это установлено законодательно. Без очистных сооружений не может быть пущено ни одно промышленное предприятие.

— Законодательство есть и на Западе, да толку мало. Попробуйте заставить химический завод не сбрасывать свои отходы в реку! — Что-то Русто распалился сегодня сверх меры. Он жестикулировал, и глаза его грозно посверкивали.— Ловкачи и сутяги с куриными мозгами! Мешки денег расходуют на колониальные войны, на оружие, на исследования военного значения! А тут — крутишься волчком вокруг какого-нибудь теннисиста, набитого долларами, чтобы урвать жалкие гроши на снаряжение экспедиции... Самому себе отвратителен!.. У-у, спесивые верблюды!

Русто погрозил невидимым противникам сухоньким кулаком.

— Нельзя ли договориться о совместной экспедиции с советскими океанологами? — сказал Ур. — Это по крайней мере наполовину сократит ваши расходы...

— Подите к дьяволу со своей совместной экспедицией! — гаркнул Русто. — Чего вы ко мне привязались с советами?

В кабинет заглянула мадам Русто.

— Жюль, что с тобой? — сказала она тихо. — От твоих криков сотрясается дом.

— Да... Сорвался немножко... — Русто перевел дыхание. — Простите, Ур. У меня не было намерения ссориться с вами... Несколько лет назад на парижском симпозиуме я предложил Андреевой провести совместное комплексное исследование Течения Западных Ветров. Увы, мое предложение не вызвало энтузиазма.

— А если подкрепить предложение конкретной программой? Насколько я знаю, Андреева сейчас заинтересована в исследовании этого течения. Когда я там работал, я предложил новую методику измерений...

Русто посмотрел на Ура.

— Новую методику? Ну-ка, выкладывайте. Вот карандаши и бумага.

Шел пятый день пребывания Ура в Океанариуме.

Утром он поплавал в теплой прозрачной воде, понырял среди подводных скал, вспугивая мелкую рыбешку. И, глядя сквозь стекло маски на бесшумное колыхание водорослей, умиротворенно думал о прекрасном обыкновении людей селиться около воды.

Но прекрасным было и видение яичницы с ветчиной, и оно повлекло Ура из воды на сушу. Завтрак уже начался, когда он, бодрый, с непросохшими волосами, явился к табльдоту.

— Доброе утро, джентльмены! — возгласил он.

Арман, в этот момент вливавший себе в глотку стакан красного вина, вдруг закашлялся и поспешил к выходу.

Улыбка погасла на лице Ура. Он сел на свое место рядом с Монтэгью, тощим англичанином-ихтиологом, работавшим в Океанариуме над магистерской диссертацией. Монтэгью и глазом на него не повел. Он отправил себе в рот кусок ветчины и зажевал с равномерностью машины.

Один только бородатый Шамон, специалист по подводной съемке, как всегда, подмигнул Уру и проворчал: — Бонжур.

Розовощекая Клотильда внесла поднос с кофе. Обычно она приветливо — и более того: кокетливо — здоровалась с Уром. Сейчас, однако, на лице Клотильды отражались такой ужас, будто на месте Ура сидел, шевеля щупальцами, осьминог.

— Что-нибудь случилось? — спросил Ур.

Никто не ответил.

Ур наскоро позавтракал и с неприятным ощущением притаившейся засады отправился в библиотеку. Как и в предыдущие дни, Жан-Мари, библиотекарь, встретил его добродушной воркотней. Положил перед Уром кипу заказанных книг, пачку утренних газет.

Ур развернул газету, лежавшую сверху. Бросилось в глаза:

ШПИОН ИЛИ ПРИШЕЛЕЦ?

Ниже шло помельче:

«Таинственное «веретено», за которым охотились в марте американские космонавты, приводнилось близ Санта-Моники».

Далее — несколько фотоснимков: Ур крупным планом, на лице выражение недоумения, толстые губы приоткрыты; здоровяк в шортах и тельняшке обхватил Ура; тот же здоровяк падает наземь, а Ур стоит, сбычившись и держа согнутую правую руку перед грудью; доктор Русто протягивает Уру какой-то предмет; блондинка с сигаретой в зубах глядит из открытого автомобиля.

Ур быстро пробежал текст. Автор репортажа, некий Анри Пиньоль, весьма бойко описывал ужас рыбака Доминика Седу, на голову которого опускалось с ночного неба летающее «веретено», и то, как человек, выпрыгнувший из «веретена» в море, пригвоздил рыбака к палубе леденящим душу взглядом, а сам поплыл к берегу, и схватку, разыгравшуюся у Океанариума...

— Вы читали это? — спросил Ур библиотекаря.

— Да, мосье, — кротко ответил тот, покачав круглой головой в знак сочувствия. — Уж эти журналисты! Не могут обойтись без вранья: у нашего Доминика фамилия не Седу, а Леду.

— В остальном, по-вашему, журналист не врет?

— Не берусь, мосье, судить о таких вещах. Я всего лишь скромный служитель у доктора Русто и добрый христианин. Ваше появление действительно... хм... не совсем обычно...

— Что же теперь будет, как вы думаете?

— Трудно сказать, мосье. Как будет угодно господу нашему, так и будет.

— При чем тут господь? Это же всего лишь отвлеченная идея. Как может она руководить конкретными поступками людей?

Жан-Мари грустно посмотрел на него сквозь очки.

— Когда я сказал, что ваше появление... хм... не совсем обычно, я имел в виду не только ваше прибытие в Санта-Монику.

— Что же еще?

— Видите ли, мосье... Мир преисполнен грехов. Однажды было уже так в истории человечества, и явился сын божий, чтобы искупить грехи, наставить и просветить людей, обратив их помыслы и поступки к добру. Ныне, когда Христовы заповеди снова забыты, неизбежно новое пришествие спасителя...

— Знакомые слова! — воскликнул Ур. — Жан-Мари, не знаете ли вы человека по имени Себастиан? Гуго Себастиан из Базеля.

— Мосье Себастиан бывает здесь. Своеобразный человек, в котором страстный ныряльщик и суетный делец уживаются с просвещенным христианином... Боюсь, что чрезмерно отвлекаю вас от работы, мосье...

Жан-Мари пошел к своей конторке. Ур еще раз взглядел на фотоснимки и отбросил газету. Раскрыл английское издание последней книги Русто. Но внимание рассеивалось, не было обычной ясности, позволяющей ему мгновенно схватывать целые абзацы. Он захолопнул книгу и направился к конторке библиотекаря.

— Вот что, — сказал Ур, — есть у вас священное писание или как там это называется?

— О да, мосье Ур. А что именно — Ветхий завет, Евангелие, письма, Апокалипсис?

— Давайте все.

— Вот прекрасное издание с рисунками Доре.

Ур раскрыл толстый том с крестом на кожаном переплете и прочел: «В начале сотворил бог небо и землю...» Он принялся быстро перелистывать Библию.

В книге пророка Иезекииля он с изумлением прочел, как некий «огненный человек» дал автору «книжный свиток» и велел съесть его. И пророк, съевши, наполнился знанием и пошел проповедовать... излагать, стало быть, информацию, полученную в съедобной форме. «Свиток,— подумал он.— Да такой свиток должен быть как круг телеграфной ленты, чтобы вся информация вытянулась в одну строчку...»

Какая странная книга! Грозные пророчества, описания массовых убийств — и яркие образы, сильные характеры. Совершенно фантастическая мистика — животные, в состав тела которых входят колеса... Такая форма жизни невозможна... И тут же — трезвые рекомендации относительно строительства городов, деловые, педантичные расчеты, сколько хлеба и масла следует приносить в храм... Деловая переписка. Вот апостол Павел обращается с посланием к каким-то ефесянам: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу...» Ничего не скажешь, откровенно выражено: повинуйтесь господам... Как согласовать это с проповедью самого Христа о братстве, об имущественном равенстве?.. Должна же быть хоть какая-то логика!

Апокалипсис... Откуда взялись безумные видения Иоанна Патмосского? Опять съедание свитка с некой информацией — откуда, откуда это?.. Описания землетрясений, космических ужасов, придуманных явно невежественным автором... Кони со страшными всадниками... Вдруг среди жуткой мистики — будто забубнил кладовщик: «И слышал я голос, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий, еля же и вина не отпускаю».

И — опять космическая катастрофа. Звезды гибнут, падают на землю. Семь чаш гнева божия... И символ бесконечности, замкнутый в кольцо, — «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний...».

Странная, путаная книга. А рисунки! С кого рисовал художник этого длиннобородого человека в складчатом одеянии до пят, с полгой, перекинутой через плечо? Ведь это вылитый отец...

Ур не слышал, как зазвонил телефон. И когда Жан-Мари окликнул его, уставился на библиотекаря отсутствующим взглядом.

— Вы слышите, мосье Ур? Вас ожидает внизу мисс Фрезер.

Ур захлопнул Библию и поднялся. Мисс Фрезер? Ах, эта юная американка в голубом автомобиле... Чего ей надо? Он направился к двери, и в этот момент в библиотеку вошел Русто.

— Вы здесь, Ур? Доброе утро. Хотел бы, чтобы оно было добрым, дьявол их всех поberi! — Он забежал по комнате, выкрикивая: — Шакалы с интеллектом трясогузки! Двуногие бурдюки с вином! Макаки-бумагома-раки!

— Остановитесь, метр,— сказал Ур.— Что случилось?

— Что случилось? — Русто подбежал к нему.— Вы что же, не читали сегодняшней одеронской газеты?

— Читал.

— Ага, спасибо, что снизошли! Что вы намерены предпринять, я вас спрашиваю!

— Не знаю... А что, собственно, делают в таких случаях?

— Ну, на вашем месте я бы поехал в Одерон, в эту гнусную редакцию, и разрисовал бы морду бесстыжему репортеру. Только не вздумайте сделать это! Я не говорил, вы не слышали! — Русто присел на стол и продолжал уже спокойнее: — Только что мне звонили из полиции. Комиссар Бурже жаждет познакомиться с вами. Я уже заявил ему, что вы ученый, а не шпион.— Тут Русто вскинул на Ура пытливый взгляд.— Но, может быть, вы пришелец, сударь?

— Я земной человек,— угрюмо ответил Ур.

— Очаровательно! Итак, вы тотчас отправитесь в комиссариат и официально заявите господину Бурже, что вы не красный агент и не обитатель Альдебарана. Суньте ему под толстый нос свои документы или что там у вас вместо них. Поняли? А когда вернетесь, мы напишем протест и разошлем во все газеты. Да, да, во все, потому что сегодня же все вечерние газеты непременно подхватят эту свинячью чушь. Ну, живо, Ур! Улица Фрежюс, четырнадцать... Или шестнадцать? Ну, найдете. Имейте в виду, что я поручился за вас... Эй, что с вами?

Он устоялся на Ура, на его окаменевшее лицо.

Ур ничего не видел теперь и не слышал — все утонуло в тяжелом, давящем ощущении вызова. Он напрягся, вы-

тянул шею, по щекам у него побежали капельки пота. Он тянулся навстречу зову и, когда ощутил его проникающую силу, сосредоточил мысль на одном, только на одном — на сигнале отказа.

Впервые он ответил Учителю отказом. Учитель сам поймет: не время сейчас. Потом, в другой раз...

Придя в себя, он обнаружил, что сидит в глубоком кресле, перед ним стоит испуганный Русто с графином в руке, а на лбу у себя Ур нашупал платок, смоченный холодной водой.

Он снял мокрый платок и сказал со слабой улыбкой:

— Ничего... Все прошло...

— Ну и ну! — воскликнул Русто, ставя графин на стол. — Думал, вы закатите мне эпилептический припадок.

— Я пойду. — Ур поднялся. — Спасибо вам, доктор Русто.

— За что, странный вы человек? Сделайте Бурже заявление — и мигом обратно. Я жду вас, Ур.

Он вышел из здания Океанариума на маленькую круглую площадь, ярко и весело освещенную утренним солнцем. Ему было все равно, куда идти, и он направился к кафе напротив, чтобы выпить оранжаду. Но тут раздался звонкий голос:

— Хэлло, мистер Ур!

Белокурая Аннабел Ли, сидевшая за рулем своего «крайслера», ослепительно улыбнулась ему. На ней был очень открытый голубой сарафан. В уголке рта дымилась сигарета. Ур подошел к ней, не совсем понимая, как она здесь оказалась. Ах да, вспомнил он, мне же сказал Жан-Мари, что мисс Фрезер ждет...

— Решила навестить вас, пока вы не улетели на своем «веретене», — пошла болтать Аннабел Ли. — Дэдди сегодня раскрыл газету и вылупил глаза на лоб. А уж ругал меня! Такая, говорит, сякая, с подозрительным типом фотографируешься, подругой шпиона заделалась... ну, и все такое. Швырнул мне газету в лицо.

— Сожалею, мисс Фрезер...

— Называйте меня просто Энн. О чем вы сожалеете? О том, что этот рыжий дурак журналист назвал меня вашей подругой? Ну и пусть, я вовсе не жалею. Вот только

дэдди разъярился. Не окажете ли, мистер Ур, любезность? Я бы вас мигом подбросила к нам на виллу, пока дэдди не уехал по делам.

— А зачем?

— Как — зачем? Скажете дэдди, что я никакая вам не подруга, что между нами ничего не было. Мне-то все равно, но дэдди сердится. Ну, садитесь, поехали.

Ур сел рядом с Аннабел Ли, и та рванула с места. На углу тенистой улочки она едва не врезалась в стеклянное ателье художественной татуировки. Оттуда выскочил с проклятиями владелец заведения. Аннабел Ли с хохотом погнала машину дальше.

От ее смеха, от сверкания дня, от сумасшедшей скорости у Ура отлегло от сердца. Он с интересом посмотрел на лихую водительницу, на ее тонкие загорелые руки.

— Мне попался в библиотеке томик Эдгара По,— сказал он,— и теперь я знаю, откуда у вас такое имя. «И сиянье луны навевает мне сны о прекрасной Аннабел Ли. Если всходит звезда, в ней мерцает всегда взор прекрасной Аннабел Ли».

Девушка бросила на него быстрый взгляд.

— Не знаю такой пластинки. А вы и вправду шпион, мистер Ур?

— Я не шпион.

— Какая жалость! Значит, вы пришелец? Что-то не похоже. У пришельцев жабы головы и щупальца вместо рук.

— Послушайте, Энн, не хочу я ехать к дэдди. Поедем куда-нибудь в другое место.

— Куда?

— В Одерон,— пришло вдруг Уру в голову.

— В Одерон? Я была там неделю назад. Тоска смертная, только в университетском городке можно провести время, у них приличные бары. Но студентов еще мало, только начинают съезжаться после каникул. У вас там дела?

— Я бы хотел разрисовать морду тому рыжему репортеру.

— А! Другое дело! Ладно, давайте в Одерон.

Дорога сначала петляла среди скал и холмов, а потом вырвалась на зеленую равнину и понеслась белой стрелой. Проплывали квадраты полей, виноградники, каналы. Аннабел Ли болтала почти без умолку. Ур слушал

и не слушал. Рассеянно смотрел по сторонам. Солнце, свист ветра, зеленое и голубое мелькание...

Спустя час без малого запыленный «крайслер» въехал в предместье Одерона. Промчавшись мимо аккуратных белых домиков, крытых красной черепицей, мимо садов, машина выскочила на широкий, как аэродром, проезд, в конце которого высились светлые современные здания.

— Заедем сперва в университетский городок, — сказала Аннабел Ли. — Выпьем чего-нибудь в баре.

Вскоре ей пришлось замедлить езду: вокруг одного из корпусов, ближнего к дороге, густела толпа — пестрая, шумливая и растекающаяся. Тут и там над головами прыгали плакаты.

— Эй, дорогу! — крикнула Аннабел Ли.

— Нет дороги! — завопили из толпы.

Чьи-то руки потянулись к машине, тут же она оказалась в плотном кольце. Длинноволосый парень — а может, девушка? — заорал дурашливо:

— Вылезай, приехали!

Глава пятая

СЧЕТ ВЫПАВШИХ ОЧКОВ

Если что выдаешь, выдавай сче-
том и весом и делай всякую выдачу
и прием по записи.

«Книга Иисуса, сына Сирахова»

О лабораторная белизна кефира!

О соблазнительная желтизна сдобных булочек!

Еще не прозвенел звонок на перерыв, еще только ощущалась его волнующая близость, а в институтском коридоре второго этажа уже появилась дева-кефироно-сица. И только брызнул звонок, как вокруг ее корзины образовалось кольцо из нетерпеливых проголодавшихся младших научных сотрудников.

— Ой, девочки! — сказала брюнетка с мальчишеской стрижкой, наливая себе в стакан кефир. — Слыхали новость? Говорят, поймали Ура!

— Я хоть и не девочка, но тоже слышал, что его за-

секи,—сказал обладатель прекрасной белосетчатой маечки с синим воротничком и отпил свой кефир прямо из бутылки.— Где-то в Сочи или Одессе он показывал опасные фокусы, и его задержали.

— А что это значит — опасные фокусы? — спросила девушка баскетбольного роста, с распущенными по спине волосами.

— Точно не знаю, но говорят, что он усыплял людей и ездил по ним на велосипеде.

— Может, на тракторе? — усмехнулась баскетболистка.— Несешь всякую чушь...

— Я за что купил, за то продал,— обиженно возразил обладатель маечки.— И не такая уж это чушь. Он гипнотизер. Не слыхала разве, как он внушил толпе, будто магазинщик этот... ну, в кепке... взлетел на воздух?

— Надо спросить у Нонны Селезневой,— сказала брюнетка.— Она с ним ходила.

— Ты хочешь сказать — работала?

— Это все знают, что Ур у нее в группе работал. Они ходили. Из института — всегда вместе...

Нонна вошла в кабинет Веры Федоровны, и как раз в этот момент на столике справа от директорского кресла один из телефонов испустил трель. Директриса кивнула Нонне на стул и взяла трубку.

— Слушаю,— сказала она.— Здравствуйте, Василий Андреич... Спасибо, ничего хорошего... Жара зверская, а у вас в Москве как?.. Дождичек? Завидую черной завистью... Кто будет говорить — Мирошников? Ну, давайте.— Она многозначительно взглянула на Нонну и придвинула к себе раскрытый бювар.— Да. Здравствуйте, Павел Самсонович... Да, я вся — внимание...— Некоторое время директриса слушала, постукивая карандашом по настольному стеклу.— Так, теперь позвольте мне. Прежде всего прошу отделить одно от другого. Исчезновение практиканта-иностранца не имеет никакого отношения к вопросу о теме океанских течений, и я удивляюсь, что вы... Практиканта этого я на работу не приглашала, его ко мне прислали с указанием оформить без документов... Ни я, ни начальник отдела кадров об этом не знаем. Пришло указание, вот и все... Да, Пиреева... Павел Самсонович, я вам об истории с его диссертацией на-

писала в частном письме... Не сомневаюсь, что он сделал все, чтобы очернить меня в ваших глазах, но... Знаете, я тоже умею говорить повышенным тоном... Хорошо, коротко: за практиканта ответственности за собой не признаю. Это первое. Считаю ошибкой то, что велела своим сотрудникам написать для Пиреева диссертацию... Нет уж, давайте называть вещи своими именами: не помочь в расчетах, а написание диссертации от начала до конца. Готова принять за это кару. Это второе. И наконец третье: прошу прислать официальный ответ на мое официальное письмо с обоснованием темы океанских течений... Не беспокоюсь, потому что знаю, что вы обязаны ответить, но — прошу не тянуть... Павел Самсонович, разрешите заметить, что вы не последняя инстанция... Да, все. До свиданья.

Вера Федоровна кинула трубку и потянулась за сигаретами, но раздумала. Включила настольный вентилятор, наклонила к нему покрытое испариной лицо.

— Нажила себе еще одного врага,— негромко сказала она.— Ну, да ладно, не впервой воевать... О том, что вы слышали сейчас, прошу помалкивать.

— Не сомневайтесь, Вера Федоровна.

Директриса вздохнула, пошарила рукой по столу и, опять не взяв сигарет, уронила руку на бумаги. Нонна невольно взглянула на эту руку, грубоватую, в голубых венах, с облезшим на ногтях красным лаком. И — с трудом удержалась от внезапного желания погладить ее.

— Все же я надеюсь, Вера Федоровна, что все наладится...

Директриса горько усмехнулась:

— Милая моя Нонна, вы, кажется, хотите меня утешить? Бросьте... Вы мало меня знаете... Конечно, я уже старая баба, но еще сумею постоять за себя...

Она нашарила наконец сигареты и закурила. Прищурившись, посмотрела на Нонну. «Ах, хороша! — подумала она.— Будто вся из мрамора, чертовка. Вот с таких женщин и лепили, наверно, своих Афродит Фидий и этот... Пракситель... и кто там еще...»

— Что за несусветную брошку вы нацепили? — спросила она.— Кто же носит такие безвкусовые скарабен?

— А мне нравится,— сказала Нонна, вскользя приоткрытыми глазами к зеленоватому жуку в бронзовой оправе, приколотому к плечу серо-голубого открытого платья.

— Ну, разве что нравится...— Вера Федоровна выпрямилась в кресле.— Вот зачем я вас вызвала. Напиши-те-ка, Нонна, подробную записку об этой вашей «джаномалии» и о проекте использования Течения Западных Ветров... о всей этой затее нашего дорогого Ура, чтоб его лягнула цирковая лошадь...

Нонна вскинула на нее беспокойный взгляд:

— Я слышала эти басни, будто он с цирком уехал, но не думала, Вера Федоровна, что вы...

— И не надо думать. Все точно: выступает в цирке в городе Сочи. Чепуха какая-то — опыты телекинеза. Как будто можно поверить в его существование... Ну так вот. Изложите все, что знаете. Можете вставить даже то, что Ур тут плел о совмещении магнитной и географической осей... Вы слушаете меня?

— Да...

— А по-моему, ни черта вы не слышите.

— Вставить о совмещении осей.

— Да. В общем, напишите обо всем. Ясно? Мне, наверно, придется вылететь в Москву, и я захвачу эту записку. Воевать так воевать.

— Хорошо, я напишу.

— Теперь второе. Меня вызывает начальство. Мало мне московского, так еще и местное теребит. Предчувствую бурный разговор о нашем дорогом Уре. Поскольку он работал у вас в группе, попрошу дать развернутую характеристику. Расскажите все, что знаете о нем.

— Вера Федоровна... Ура лучше всех знает Горбачевский, спросите у него...

— Но Горбачевский-то в море. Или вернулся?

— Приедет в понедельник.

— А мне в понедельник с утра быть на ковре у начальства. Давайте выкладывайте. Только по-человечески, без этих «пользуется авторитетом» и «морально устойчив». Ну?

— Я плохо его знаю, хотя и работала вместе с ним,— помедлив, начала Нонна.— Он... он очень хороший...

И она рассказала все, что знала об Уре, утаив лишь то, что касалось их личных отношений. Вера Федоровна слушала не перебивая, ничем не выдавая своего удивления. Думала: «А ты, матушка, не такая уж мраморная, как кажешься... держишь себя в руках, а вот поди ж ты, прорывается... голосок то падает, то взвывается... Ах ты,

бедная моя. Знаю, знаю, каково это — держаться на людях гордой, невозмутимой...»

— Вы сами видели, как торгаш этот взлетел вверх? — спросила она. — Слышать-то я слышала, моя Ниночка не дает мне коснеть в неведении, но — не верила.

— Я видела своими глазами, Вера Федоровна.

— Странно... Он и в цирке такие номера показывает... Что это — гипноз?.. Откуда он приехал, как вы думаете?

— Не знаю.

— Может, он и впрямь пришел, как болтают? Да нет, чепуха. Пришельцы бывают только в фантастических романах, которыми мои внуки-школьники зачитываются... Ну, спасибо, Нонна, будет с вас. И вот что еще. У вас отпуск когда по графику?

— В сентябре.

— Давайте перенесем на пятнадцатое августа. Поезжайте в прохладные края, в Прибалтику, на Кижи, на Валдай. Отдохнуть вам надо, моя милая, развлечься, голову проветрить.

— Спасибо, Вера Федоровна, — сказала Нонна мягко. — Вряд ли смогу сейчас... Придут с моря Керимов с Горбачевским, надо браться за обработку материалов по восточному берегу. Да и график в группе ломать не хочется...

— Ну, дело ваше. Я бы из этого чертова пекла сбежала куда глаза глядят...

— Разрешите? — В кабинет вошел главный бухгалтер.

— Слушаю, Михал Антоныч, — утомленно сказала директриса.

— Надо, Вера Федоровна, как-то решать с этим... сбежавшим сотрудником. — Главбух сел, вытер лысину. — Если его возвращение не ожидается, то надо оформить увольнение, произвести с ним расчет за проработанные дни, с первого по одиннадцатое...

— Я, Михал Антоныч, за беглыми сотрудниками гоняться не стану, чтобы за ручку привести в бухгалтерию.

— Само собой, — развел руками главбух. — Но вы же прекрасно знаете, что невыплаченная зарплата — неприятный факт, требующий специального оформления. Необходимо депонировать эти сорок три рубля и двенадцать копеек...

— Депонируйте.— Директриса поднялась, провела рукой по влажному лбу.— Депонируйте, денонсируйте... дезинтегрируйте... только оставьте меня в покое. С утра до ночи! С утра до ночи нет покоя! Дыхнуть некогда! А я, между прочим, женщина, я в парикмахерскую второй месяц мечтаю попасть...

Давно ли уэллсовская Анна-Вероника в знак протеста против неравенства женщин разбила медной кочергой собственность его величества короля Георга — стекло почтового отделения? Давно ли появились первые телефонистки, акушерки и кассирши? Давно ли воспитанные люди говорили о великой Мари Кюри: «приятное исключение»?

И вот — по крайней мере в нашей стране — утвердилось полное и прочное равенство женщин. Женщины наравне с мужчинами ткут, учат, лечат, штукатурят, копают, делают хирургические операции и земляные формы для литья. Эмансипация, за которую так долго боролись лучшие умы человечества, восторжествовала.

Знаете что? Давайте произведем мысленный эксперимент по перемещению во времени.

Итак, представьте себе мужчину средних лет, полного сил инженера путей сообщения, облаченного в вицмундир со знаками, свидетельствующими о достижении чина статского советника. У него ухоженная борода и толстые «путейские» усы. Теперь перенесем его ровно на сто лет вперед — из 1872 года в 1972-й. Вот он приехал поути в свой департамент, не подозревая о подвохе. А в здании департамента теперь располагается некий проектный институт. По неизменившемуся коридору со старинным паркетом наш путеец прошествовал к знакомой двери, плавно открыл ее и...

Силы небесные, куда он попал?! Где дубовые столы с основательными чертежными досками из мягкой липы? Где неторопливые коллеги-инженеры в таких же, как у него, вицмундирах?

Стоят по углам тонконогие столики, готовые развалиться под тяжестью толстых справочников. Тут и там — странные металлические сооружения с шарнирами, в которые заключены грубые еловые доски. Единственный знакомый предмет — огромный, переживший столетие,

чудовищной прочности стол для пантографирования. И вокруг этого стола над чертежом сгрудилось — о боже! — несколько девиц... Что они здесь делают? И почему так странно одеты? Может, здесь костюмированный бал?..

Вокруг стола — несколько пар женских ног, закованных в высокие разноцветные сапоги. Только одна пара — в брюках, но и она принадлежит девице... И что за странные на них фуфайки крупной и грубой вязки, какие носят грузчики, а с шей свисают на цепях медные бляхи диаметром с блюдце... А волосы! Вот этой даме, судя по лицу и фигуре, никак не больше двадцати семи, а она совершенно седая!

Да, костюмированный бал. И где?! В самом присутствии!

В стороне сидела за столом жгучая брюнетка. Одной рукой она быстро писала карандашом необычного вида, а в другой держала ломоть хлеба, выложенный дисками колбасы. Она откусывала и жевала, не переставая писать. Путеец осторожно заглянул ей через плечо и прочел: «Во избежание динамических перегрузок фундамента решено применить поглощающую балластировку. Значение принятых коэффициентов...»

Он отшатнулся. Ведь это очень серьезный вопрос, не женского ума дело. И как можно брать такие высокие значения коэффициентов?..

Тут в комнату вошла еще одна дама — полная блондинка с яркими карминными губами, в золотых сапогах. За ней шел мужчина солидной внешности, и, хотя он был не в мундире, не даже в сюртуке, а в кургузом каком-то костюмчике, наш путеец обрадовался: вот мужчина, который наведет здесь порядок и прогонит этих вертихвосток...

Женщины вокруг стола посторонились, давая блондинке место.

— Долго вы еще будете чикаться? — произнесла она, щурясь на чертеж. — Что, не найдешь места для силового кабеля, Татьяна? Отойди от трубы на четыре метра и клади. Ясно? Беги.

Одной парой ног у стола стало меньше.

— А как с канавой? — спросила седая молодича.

— К чертовой бабушке лишние земляные работы, — произнесла блондинка, вызвав у нашего путейца жела-

ние сотворить крестное знамение.— Перебирайся, матушка, на эту сторону, тут тебе пониже будет.

— А-а... Да, так лучше, пожалуй...

— Ну, то-то. Пойди пересчитай уклоны — и с богом. Эльвира,— обратилась она к брюнетке с бутербродом,— ты объемы на сметы не передала? Лапочка, нас же живьем сожрут, объект премиальный. Чтоб сегодня же, ясно?

Блондинка уселась за свой стол и закурила длинную сигарету. Вошедший с нею мужчина присел на кончик стула напротив.

— Вот что, друг мой,— сказала блондинка,— вы за подрядчиками приглядывайте, а не то я вам такой скандал закачу — век будете помнить.

— А что такое? — забеспокоился мужчина.— Хорошо работают, Анна Александровна. По вашим чертежам...

— В проект заложено послойное трамбование кулачковыми катками. Через каждые двадцать сантиметров. А ваши подрядчики валят насыпь кучей. Это, по-вашему, хорошая работа?

— У них катка нет, Анна Александровна. Они «МАЗами» проезжают, получается трамбовка...

— «МАЗами» они укатывают! «МАЗ» дает удельное давление, как кошачья лапка. К чертовой бабушке такую работу! Пусть достают каток где хотят — украдут, родят, все равно. Понятно? Они вас обманывают, а вы им «форму два» подписываете. Вам бы только поскорее рапортовать о победно-досрочном окончании. Говорю вам как главный инженер проекта: или вы заставите их переделывать, или я напускаю на вас Госстрой, министерство, народный контроль, вашу парторганизацию. Вы меня поняли?

Наш путеец из всех кар, которыми грозила мужчине властная блондинка, понял только «министерство». Но было ясно, что где-то делают слабую насыпь и что эта дама, по виду созданная для салонной беседы и улыбок на балу у губернатора, не позволяет делать насыпь без настоящей трамбовки.

— Я приму меры, Анна Александровна,— сказал мужчина покорно.— Теперь — имею просьбу к вам. Строители просят, и я...

— Не выйдет, Аскольд Степанович, не просите.

— Но я же еще...

— И так ясно. Вас уговорили пасть мне в ноги, чтобы

я написала на чертеже — дескать, я такая дура, что решаю бетон марки триста заменить на сто.

— Точно.

— Что — точно? Что я такая дура? Как бы не так! Вам, Аскольд Степанович, шкуру надо со строителей снять, а вы им только потакаете. Послал господь заказчика — всю жизнь мечтала!

После ухода незадачливого заказчика Анна Александровна развернула толстый сверток кáлек и, насвистывая, начала их просматривать. Некоторое время в комнате было сравнительно тихо. Только в углу красивая, скудно одетая девушка вполголоса говорила в телефонную трубку:

— Мамочка, ты ему свари манную кашку, а потом дай слабый-слабый чай, только не горячий. Пеленки переменила? Что? Ой, как я рада!

Путеец обалдело смотрел на нее. Да что тут происходит? И что за телефонный аппарат — почему не висит на стене, не заключен в ящик из полированного дуба, почему нет сбоку ручки индуктора? Как странно: все эти необычного вида женщины — инженеры! Невозможно поверить: не солидные статские советники, а женщины, легкомысленно одетые, разговаривающие как бы на грубоватом жаргоне, имеющие детей, — женщины решают серьезную строительную задачу. И, похоже, толково решают...

Блондинка, перелистывая таблицы, негромко запела:

Я слухам нелепым не верю,
Мужчины теперь, говорят,
В присутствии сильных немеют
В присутствии женщин сидят...

И тут включились остальные сотрудницы, негромко, но ладно:

И сердце щемит без причины,
И сила ушла из плеча,
Мужчины, мужчины, мужчины,
Вы помните тяжесть меча?

Дверь вдруг распахнулась с таким стуком, что путеец вздрогнул. В комнату ворвалась хрупкая женщина с шалыми глазами, в брюках и длинном кафтанчике из лакированной кожи.

— Эй, девки! — крикнула она. — В угловом детские

колготки дают, с начесом, чешские! Я отпросилась, очередь у меня — давайте быстро, кому, какие, сколько!..

С минуту в комнате творилось нечто напоминавшее нашему статскому советнику «Вальпургиеву ночь» в хорошей постановке. Ему даже показалось, что в комнате запахло серой.

— Четыре пары! — выделился из нестройного хора властный голос блондинки. — А то внук у меня голодранцем ходит...

Костя Федотов любил красиво швартоваться. На среднем ходу — вместо малого — «Севрюга» подошла к причалу, звякнул машинный телеграф, моторист Ткачук проворно отработал назад, забурлила вода у винтов, и судно, будто конь, схваченный под уздцы, остановилось у стенки причала. Радист Арташес, по совместительству исполнявший обязанности палубного матроса, прыгнул на причал, набросил петли швартовых концов на причальные тумбы.

— Капитан! — завопил он, пренебрегая приличиями. — Пароход привязан!

Усмехаясь, сошли на причал научные сотрудники. Оба были загорелые, как таитяне, коричневая грудь нараспашку, оба — в белых картузах с крупной синей надписью «Tallin», купленных на той, восточной стороне Каспийского моря. Только бороды у них были разного цвета: у Рустама — иссиня-черная, у Валерия — темно-русая. За плечами они несли рюкзаки, набитые датчиками приборов, лентами с записями магнитных и иных параметров. В руках — чемоданчики, спиннинг, транзистор.

— Милости прошу в любой момент на борт «Севрюги», — галантно сказал на прощанье Федотов.

Воскресный день клонился к вечеру. Приморский бульвар оцепенело дремал на погибельном солнце.

— Пошли такси поймем, — сказал Рустам. — Так и быть, заброшу тебя домой. Скажи?

— Сейчас, позвоню только.

Валерий направился было к телефонной будке, но Рустам схватил его за руку:

— А если через десять минут позвонишь? Аппендицит разыграется?

Урезонив таким образом своего напарника, Рустам

смело шагнул на мостовую, заставив шарахнуться в сторону проезжавший автомобиль. Водитель заругался было, но Рустам лаской и обхождением взял свое. «Положись на меня», — проворковал он в заключение коротких переговоров. В следующую минуту друзья уже катили по улицам.

Во дворе родного дома Валерия приветствовал сухим шелестом порыжевших листьев старый айлант. Как всегда, мальчишки гоняли в футбол и орали, как все мальчишки, играющие в футбол. Из раскрытых дверей Барсуковых неслись залихватские синкопы. На скамейке сидели старушки и тихо осуждали ближних.

Валерий бегом поднялся по лестнице, громким приветствием заставил вздрогнуть пенсионера-фармацевта Фарбера, дремавшего над древними цивилизациями, и принял в снисходительные объятия тетю Соню, выбежавшую из раскрытой двери квартиры.

— Ну-ну, — сказал он, с улыбкой глядя сверху на седую голову тетушки, прильнувшую к его груди. — Полно тебе, полно. Зальешь слезами смокинг.

— «Смокинг»... — Тетя Соня и плакала и смеялась. — Три ме... почти три месяца... Приехала из Ленинграда — тебя нет, Ура нет...

— Не вернулся Ур? — Валерий высвободился из объятий.

— Нет. Анечка звонила, спрашивала, когда ты приедешь...

— Когда звонила?

— Вчера. И до этого несколько раз. Я у нее спросила про Ура, она говорит, будто он где-то в цирке выступает...

— В цирке?!

— Да. Валечка, радость какая: из кооператива на днях звонили, говорят, через месяц можно будет все-ляться!

— Это здорово...

— Мыться будешь, Валечка? Или дать сперва поесть?

— Помоюсь сперва. Да ты не суетись, тетя Соня!

Валерий сбросил с плеч рюкзак, скинул рубашку, майку и быстро закрутил телефонный диск.

— Привет, Анюта... Ага, только что. Ну, что у тебя? Сколько баллов набрала?.. Ну и порядок... Хватит, хва-

тит! Последний какой — биология? Когда?.. Ну, до среды подучишь еще, не паникуй... Четверки вполне хватит, там проходной балл выше семнадцати не бывает. Опять же — стаж двухлетний... Анька, соскучился я — ух! Выходи вечером... Да ты что — до среды! Я умру от нервного истощения... Про ДНК? Выговорить эту кислоту не могу, но читал про нее. Ладно, расскажу все, что знаю, скрывать не стану... Значит, в семь у аптеки, так?

Ровно в семь Валерий, умытый, накормленный, довольный жизнью, стоял у аптечной витрины и любовался плакатом, призывавшим мыть руки перед едой и остерегаться мух. Аня пришла минут через десять, и у Валерия сердце едва не выпрыгнуло из загорелой груди, когда он увидел ее легкую фигурку, увенчанную золотым облаком волос. На ней было коротенькое зеленоватое платье с узорами на больших карманах.

Валерий шагнул к ней и поцеловал.

— Ой, Валера, ты что! На улице! — Она засмеялась и пошла рядом, держа его под руку. — А тебе идет борода. Интересно как — волосы русые, а борода рыжая! Ой, Валера, знаешь, что на сочинении было?..

Валерий улыбался, слушая ее болтовню и поглядывая на ее беленькие босоножки, такие занятные, быстро переступающие...

Они шли Бондарным переулком, которого пока не коснулась перестройка. Валерий сам не заметил, как ноги сюда повернули. С волнением он смотрел на старенький двухэтажный дом с аркой, ведущей во двор. Когда-то здесь жил один из его наставников, молодой инженер, светлая голова... В его квартире, в застекленной галерее, был поставлен опыт, в котором и он, Валерий, тогда мальчишка-лаборант, принял заметное участие...

— Здесь жил один хороший человек, — сказал Валерий.

— Это тот, кто тебя наставил на путь истинный? Ты мне рассказывал о своих благодетелях. Пойдем обратно!

— Погоди...

У знакомых ворот на узеньком тротуаре, под старой акацией сидели на табуретках два старика в бараньих шапках. Положив на колени большую раскладную доску, они играли в древнюю игру трик-трак, некогда завезенную крестоносцами на Восток и пустившую там корни под названием «нарды».

Растроганно глядя на стариков, Валерий приблизился к ним.

— Дядя Зульгедар, дядя Патвакан, здравствуйте,— сказал он.

Бараньи шапки враз кивнули.

— Парлуйс¹, молодой,— сказал дядя Патвакан.

— Ахшам хейр²,— сказал дядя Зульгедар.— Бегаешь? Бегай.

Аня дернула Валерия за руку, но тот стоял как зачарованный.

— Бросай, армянин,— сказал дядя Зульгедар.

— Считай, мусульманин.— Дядя Патвакан бросил на доску кости.— Пяндж-у-чар — столько мне надо.

Он со стуком переставил шашки соответственно выпавшему числу очков.

Валерий с Аней двинулись дальше. «Они играют,— думал Валерий.— Играли десять лет назад, играют и сейчас. Может, они бессмертны?.. Что бы ни случилось, они сидят и играют в нарды... испытывают судьбу счетом выпавших очков... Вечная игра случайности...»

— Что ты знаешь об Уре? — спросил он.

Аня поморщила носик. Ничего она толком не знает. Ходят слухи, что он выступает в цирке не то в Николаеве, не то во Владивостоке и что его даже арестовали...

— Да ты что? — Валерий похолодел.— Откуда ты взяла?

— Ну, не знаю. Я ведь в институт не хожу, иногда только с девчонками перезваниваюсь. Спроси у Нонны.

— Тебе Нонна сказала, что он арестован?

— Нет. Не помню, кто говорил.

— А почему ты сказала, чтоб я спросил у Нонны?

— Господи, привязался! Потому что Нонна влюблена в твоего Ура. Значит, и знать должна больше всех.

— Нонна влюблена в Ура?

Аня остановилась и топнула ножкой:

— Валера, я сейчас же уйду домой, если ты будешь приставать с глупостями! Все знают, что влюблена, только ты не знаешь. Ненормальный какой-то!

— Ладно, ладно, молчу.

По многолюдной улице, на которой зажглись ранние фонари, они спустились к Приморскому бульвару. Сла-

¹ Свет вам (армянск.).

² Вечер счастья (азербайдж.).

бый южный ветер нес с моря, вместо свежести, липкую влажность. Пахло мазутом, гниющими водорослями. По бухте бежал прогулочный катер, выше мачты наполненный детскими голосами и музыкой. Музыка лилась и из репродуктора возле кафе-мороженого.

Выстояв в очереди, Валерий и Аня сели на веранде кафе и погрузили ложечки в тугую розовую мякоть мороженого.

— Валера, как твоя диссертация? — спросила Аня. — Двигается?

— Не-а. — Валерий с удовольствием облизнул ложку.

— Почему? Ты говорил перед уходом в море, что наберешь дополнительного свежего материала...

— Материал-то есть...

— Так в чем же дело?

— Да видишь ли... не такой это материал, чтобы подарить человечеству новое знание.

— Ах-ах-ах! О человечестве он заботится! Утверждена твоя тема? Утверждена. Значит, нужная.

— Да я не спорю — тема нужная. Но не такая, чтобы разводить вокруг нее это... наукообразие всякое... В сущности, сугубо практический отчет о годовом изменении магнитного склонения в восточной части Каспия, и нужен он только картографам и морякам. Наука, строго говоря, тут ни при чем.

— Раньше ты так не думал. — Аня отпила лимонаду и принялась за второй шарик мороженого. — Я знаю, откуда у тебя эти веяния: от Ура.

— Почему от Ура? Я и до Ура думал об этом, просто не додумывал до конца.

— А теперь додумал?

— Да.

Минуты две или три они молча ели. Потом Аня облизнула розовым язычком губы, утерлась платочком. Валерий расплатился, и они спустились по белым ступеням на главную аллею, влились в неспешный поток гуляющих.

Валерий взял Аню под руку и почувствовал, что рука напряженная, неласковая.

— Ты говорил о практической стороне своей работы, — сказала Аня. — Разреши и мне задать практический вопрос: ты что же, так и собираешься сидеть на ста пятидесяти?

Не сразу ответил Валерий. Трудный был вопрос.

— Давай свернем в ту аллею,— сказал он после паузы.— Конечно, я бы не отказался от прибавки. Но, даже если я защищусь и останусь при этом младшим, прибавка будет небольшая. Рустам кандидат, а получает всего на тридцатку больше, чем я.

— Но если освободится должность старшего научного сотрудника, так назначат не тебя, а Рустама. Надо защититься, Валера! Каждый специалист должен стремиться повышать квалификацию.

— Я и повышаю...

— Ничего ты не повышаешь! Я сколько раз слышала, как про тебя говорят, что ты способный, только легкомысленный...— В голосе Ани послышались слезы.

— Анька, да что ты? — встревожился Валерий.— Я ведь не отказываюсь от защиты, просто душа не лежит к дешевке... Защищаться ради защиты. Будет еще настоящая тема, будет и диссертация... Вспомни опыт, который мы с Уром на Джанаваре поставили,— вот настоящее...

— Ненавижу твоего Ура! Все из-за него... — Она всхлипнула.

— Анечка, родная ты моя! — Валерий взял ее за плечи, встряхнул легонько.— Ну что ты расстроилась? Все у нас будет хорошо! Через месяц мы с теткой переедем в кооперативную квартиру, там у меня хорошая будет комната... Мы поженимся, проживем счастливо... Ты не беспокойся, нам хватит, я в Оргтехстрое наберу работы, им проектировщики нужны позарез... Слышишь? Ну не обязательно же всем надо становиться учеными!.. Вон Аркашка, Котик женились, и пацаны у них есть, а незащищенные. И ничего, живут не хуже людей... Анечка!

Они стояли в скудно освещенной аллее, где только парочки сидели тут и там на скамейках. Валерий говорил и говорил, пугаясь ее слез и еще чего-то непонятного, холодного, как осенний дождь.

— Давай сядем. Слышишь, Анька?

— Нет, мне пора домой. Заниматься надо.

— Да! — вспомнил он.— Рассказать тебе про ДНК?

— Не надо, сама прочту. Проводи меня до троллейбуса.

...Под потолком большой вентилятор загребал воздух пропеллерными лопастями, однако от него прохладнее не становилось. Начальник сидел очень прямо в кресле, худощавый, с седыми-усами и седой лысеющей головой. Несмотря на духоту, на нем был темный костюм с галстуком. Вера Федоровна избегала смотреть на этот костюм, вызывавший у нее ощущение удушья. Коренная ленинградка, она плохо переносила южную жару.

За дальним концом приставного столика сидел Пирев. Он тоже был при галстукe, в белой льняной сорочке, но без пиджака. При температуре, превышающей тридцать градусов, он позволял себе такую вольность.

Разговор, как и предвидела Вера Федоровна, получился неприятный, хотя начальник был безупречно вежлив.

— Не горячитесь, уважаемая Вера Федоровна, никто вас не обвиняет,— говорил начальник.— Я просто хочу разобраться. Прием этого лица на работу был согласован с нами, вот Максим Исидорович подтверждает, и по этому пункту никаких претензий к вам мы не имеем.

— И на том спасибо...— Вера Федоровна достала из сумочки веер и принялась обмахиваться.

— Однако согласитесь, что, приняв сотрудника, вы тем самым, как директор института, приняли на себя и ответственность за него. Так или не так? Так. Следовательно, уважаемая Вера Федоровна, мы имеем основание спросить вас. Вот, например, поступил сигнал, что это лицо выпивало в рабочее время...

— Первый раз слышу. Оно пило чуть ли не ведрами газированную воду, но не думаю, чтобы оно пьянствовало.

— Речь не о пьянстве, а о выпивке в рабочее время,— уточнил начальник.— Отсюда позволительно сделать вывод, что дисциплина в институте не на должном уровне. Так или не так? Так.

— Не так, Алескер Гамидович. Прошу не делать поспешных выводов из сомнительных слухов. Откуда у вас сигнал?

— Далее,— продолжал начальник, словно бы не услышав вопроса.— Никого не поставив в известность, не оформив надлежащим образом отпуск или увольнение, это лицо неожиданно исчезает. Я спрашиваю вас как директора института: где ваш сотрудник? Должны вы это знать? Должны.

— Я, как вы верно заметили, директор института, а не нянька. У меня работает несколько сотен сотрудников, и уследить за каждым...

— Знаете вы, где это лицо? — Алескер Гамидович строго взглянул на Веру Федоровну из-под полуопущенных век.

— Где-то на Черном море. Не то в Туапсе, не то в Сочи.

— Запоздалые у вас сведения, уважаемая Вера Федоровна. Есть данные, что это лицо за границей.

— Вот как? — Веер Веры Федоровны приостановил свои размашистые движения. — И что же оно... он там делает?

— В этом-то и суть вопроса.

— Что вы, собственно, хотите сказать, Алескер Гамидович?

— Ничего, кроме того, что сказано.

— Нет. — Вера Федоровна постучала веером по столу. — Сказано весьма многозначительно. Суть вопроса, как я погляжу, не в том, что Ур сбежал за границу, а в том, что вы хотите пришить мне нечто. Нет уж, позвольте договорить! Итак: твердо установлено, что иностранец Ур был принят по звонку вашего заместителя Пиреева. Откуда он прибыл, мне не удосужились сообщить. Иностранцы-практиканты бывали в институте и раньше, и никогда директор не нес ответственности за их поведение. У них есть свои консульства, свои посольства. Хочет практикант работать — пожалуйста. Не хочет — пусть проваливает к чертовой... Извините. Я хотела сказать, что практика иностранных специалистов — их собственное дело, я за это не отвечаю. Если у нашего практиканта не было, насколько я знаю, официального статуса, то ответственность за его поведение несет лицо, распорядившееся о его приеме на работу, то есть товарищ Пиреев.

Раздалось легкое пофыркивание. Максим Исидорович, сидевший в некотором отдалении и как бы подчеркивавший этим свою непричастность к разговору, смеялся почти беззвучно, пофыркивая носом. Вера Федоровна мельком взглянула на него. «Что за синие пятна у него на лбу?» — подумала она и снова устремила напряженный взгляд на бесстрастное лицо начальника.

— Должна добавить, — сказала она, — что практи-

кант работал хорошо, мы были им довольны. Он обнаружил серьезные физико-математические знания, о чем, кстати, прекрасно осведомлен Максим Исидорович. В диссертацию, которую для него писали мои сотрудники, практикантом вложен большой труд.

Максим Исидорович, вообще-то говоря, уже второй день был в отпуску. На завтра у него был взят билет на самолет в Москву, а оттуда начиналась приятная дорога, в конце которой плескался ласковой голубой волной Балатон. Но Максим Исидорович считал своим долгом присутствовать при сегодняшнем разговоре начальника с этой змеей, директрисой,— и, как видно, правильно сделал, что приехал: змея начинала выпускать жалящий язык. «Для него писали!» И он впервые подал голос:

— Попрошу вас выбирать выражения.

— Уважаемая Вера Федоровна,— сказал начальник,— мы отвлекаемся в сторону.

— Нисколько.— Вера Федоровна с треском раскрыла и закрыла веер.— Сейчас я сделаю официальное заявление: считаю своей ошибкой согласие на написание докторской диссертации для товарища Пиреева. Несколько месяцев целая группа сотрудников была оторвана от основных занятий...

— Вы пожалеете о своем лживом заявлении! — прервал ее Максим Исидорович.

— Не надо кричать,— поморщился начальник.— Если вы ставите вопрос официально, Вера Федоровна, то прошу в письменном виде. Оставим вопрос о диссертации...

— Нет, не оставим! — Вера Федоровна уже закусила удила.— Потому что именно с этой диссертации все и началось. Пиреев, как видно, взбеленился и решил за свою неудачу отыграться на мне. Первым актом мести было закрытие темы океанских течений. Он знал, что направляет удар против меня, потому что...

— Вы, товарищ Андреева, не разводите демагогию! — Максим Исидорович с несвойственной ему поспешностью вскочил со стула.— И не думайте, что раз вы московского подчинения, то мы не найдем на вас управу!...

— Не надо кричать,— несколько повысил голос Алескер Гамидович.— Что за взаимные угрозы? По-

сколько возник конфликт, придется разобраться, но только в спокойной...

Вдруг он осекся. Глаза его, обычно полуприкрытые веками, широко раскрылись, будто им предстало нечто в высшей степени удивительное. Вера Федоровна невольно обернулась, чтобы проследить его взгляд, и увидела, что у Пиреева, стоявшего у приставного столика, вроде бы что-то написано на лбу. Она сильно прищурилась и прочла надпись, сделанную четкими синими буквами:

СЪЕДЕННЫЙ МНОЮ БАРАН
УКРАДЕН В КОЛХОЗЕ
им. КАЛИНИНА

Что-то как бы лопнуло у Веры Федоровны внутри. И она засмеялась. Она тряслась от смеха, не имея сил взять себя в руки. Вынула из сумочки зеркалаще и протянула Пирееву:

— Посмотрите на себя, Максим Исидорович...

Спустя несколько минут холеная секретарша Алескера Гамидовича стала свидетелем странного зрелища. Из кабинета шефа вышла полная дама, директриса института, чей громкий голос, доносившийся из-за двери, был секретарше неприятен. Директриса сделала несколько шагов к выходу и вдруг, содрогнувшись и присев почти до полу, исторгла такой взрыв смеха, что секретарше чуть не стало дурно. Шатаясь и хохоча, неприятная директриса покинула приемную. Затем выскочил из кабинета человек, в котором секретарша почему-то не сразу узнала Пиреева. Обычно Максим Исидорович ласково ей улыбался, спрашивал, как она поживает, и походка у него была хорошая, неспешная, а тут... Съежившись, прижав обе руки ко лбу, Пиреев метнулся в одну сторону, потом в другую; наконец разглядев, где дверь, вылетел пулей.

В дверях своего кабинета появился сам шеф. Он проводил Пиреева взглядом, и секретарша вдруг услышала незнакомый булькающий звук. Она посмотрела — и обомлела: шеф смеялся! Ни разу она не видела на его строгом лице даже подобия улыбки. И вот... Шеф извергал смех как бы медленными толчками. Это продолжалось совсем недолго. Лицо шефа приняло обычное выражение, и он велел принести чай.

...Чернее грозовой тучи, надвинув на брови капроновую шляпу, приехал Максим Исидорович к себе на дачу. Сразу же он вызвал садовника Эльхана и, не снимая шляпы, потребовал подробного отчета: где и у кого именно был куплен злополучный баран. Эльхан был очень испуган, потому что и у него на лбу была такая же надпись.

Было похоже, что она несмываемая. Близкая к обмороку жена Максима Исидоровича, у которой тоже появилась надпись, перепробовала на лбу супруга все моющие средства и растворители, срочно закупленные садовником. Надпись не сходила.

Пришлось сдать билет на самолет и отослать балатонскую путевку — голубая волна схлынула, обнажив не по-хорошему серый песчаный берег.

Неприятнее же всего был визит двух граждан, один из которых, тот, что помолоче, еле удерживался от неприличных улыбок. Максим Исидорович вообще-то в эти трагические дни не принимал никого, жил затворником на даче, купаться к морю ходил в пять часов утра, когда пляж безлюден. Но этих граждан пришлось принять, потому что они вели расследование.

Дело в том, что пострадал не один Максим Исидорович. У всех окрестных дачников, коим расторопный Эльхан сплавил лишние бараньи части, тоже выступила на лбу такая же надпись, сделанная точно таким же прекрасным чертежным шрифтом — будто писанная одной рукой. Соседи были разные, среди них оказались торопливцы, кинувшиеся к дерматологу в поликлинику, и, естественно, такая опрометчивость не могла не вызвать у общественности интереса к надписям. Визит к дерматологу, кстати, тоже оказался бесполезным. Неблагодарные соседи и указали негодующими пальцами на дачу Пиреева.

С повязкой на лбу вышел Максим Исидорович к двум гражданам, прибывшим для расследования. Спокойно, с достоинством указал им на то, что лично он барана не покупал и не имеет никакого понятия о его, барана, происхождении. Более того, этот вопрос не занимал и не занимает его. Что касается продажи лишнего мяса соседям, то...

Старший из расследователей поспешил успокоить Максима Исидоровича: ничего предосудительного в его поведении не усмотрено, и он, Максим Исидорович, ква-

лифицируется не как нарушитель закона, а как пострадавший.

Садовник Эльхан без утайки описал расследователям внешность лиц, у которых купил барана, а также место возле базара, на котором состоялась сделка. Лоб у садовника не был повязан, что и послужило причиной сдавленных смехов у младшего из расследователей.

Максиму Исидоровичу было неприятно слушать эти смехи. Он попросил посетителей поскорее закончить расследование, выявить настоящих виновников и примерно их наказать, так же как и непотребных шутников, пустивших в ход некие научные средства типа меченых атомов с целью опорочить невинных людей.

После этого Максим Исидорович удалился в свою комнату, лег на тахту и впал в тихое отчаяние.

Расследование установило, что количество потерпевших значительно превосходило круг, очерченный вокруг пиреевской дачи.

Поскольку источник неприятностей, постигших всех этих людей, был налицо (или, вернее, на лице), то на животноводческой ферме колхоза имени М. И. Калинина произошли значительные перемены. Было возбуждено уголовное дело против заведующего фермой и двух его сподвижников, которые за короткий срок пустили по вне-рыночным каналам не менее одиннадцати баранов из колхозного стада. Заведующий Даи-заде, более известный под прозвищем Джанавар-заде, на следствии клятво-венно ссыался на волков. Под давлением неоспоримых фактов, однако, он был вынужден признаться в лихоимстве.

Странное событие на все лады обсуждалось на центральном колхозном рынке и прочих рынках города и, как это обычно бывает, обрастало живописными подробностями. Стал строже контроль, осторожнее — покупатели.

Что же до надписей, то спустя две недели они начали бледнеть и вскоре совсем исчезли со лбов потерпевших.

В понедельник, выйдя на работу, Валерий с Рустамом занялись классификацией материалов, привезенных с моря. В перерыв Рустам немедленно умчался в буфет. Валерий же придержал Нонну, собравшуюся пойти туда же.

— Что тебе известно об Уре? — спросил он.

Известно Нонне было немного: какой-то из черноморских курортов, цирк...

— И больше ничего? А что за слух, будто он арестован?

Тут же он пожалел, что сказал это. Нонна вдруг сделала белой, как лабораторный халат. В темных расширившихся глазах мелькнуло выражение ужаса.

— Нонна, да ты... погоди, не переживай... — Валерий растерялся. — Ну, подумаешь, слух... вздор какой-то...

В следующую минуту Нонна овладела собой.

— Откуда этот слух?

— Ну... откуда слухи берутся? Никто не знает, черт дери...

И тут Валерию пришла в голову мысль.

— Подожди-ка, я позвоню в одно место, — сказал он.

Полистав записную книжку, он нашел нужный номер и закрутил телефонный диск. Секретарша профессора Рыбакова ответила сразу. Валерий попросил соединить его с профессором.

— К сожалению, невозможно. Лев Семенович вылетел в Москву по срочному вызову. Позвоните через неделю.

Валерий положил трубку, но не убрал с нее руки, задумался.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Нонна. — Что ты узнал?

Не ответив, Валерий набрал другой номер и попросил позвать Андрея Ивановича. Спросили, кто говорит. Валерий назвал себя. Наконец знакомый медлительный голос сказал:

— Слушаю.

— Андрей Иванович, это Горбачевский, извините, что беспокою...

— Да ничего. Что у тебя стряслось?

— Я хотел насчет Ура, Андрей Иванович... Мы очень беспокоимся тут, ничего толком не знаем... Вы не в курсе случайно?

— Почему же это я не в курсе? — В голосе Андрея Ивановича послышалась усмешечка. — Твой Ур сейчас довольно далеко отсюда. Прозевал ты своего приятеля.

— Я был в отъезде, Андрей Иванович. А где он, если не секрет?

— Да секрета особого нет. За границей о нем газеты шумят.

— Так он... он за границей?

— Да. Между прочим, лодочка у него, ты был праз, очень занятная. Ну, что еще у тебя?

— Даже не знаю, что сказать... Уж очень неожиданно... А он вернется?

Андрей Иванович хмыкнул.

— Чего не знаю, того не знаю. Вообще — морока с твоим приятелем. Я-то по-прежнему считаю, что им ученые должны заниматься, а не мы... Да, вот еще что: отец его заболел там, в колхозе.

— Что-нибудь серьезное?

— Пока знаю только, что заболел. Ну ладно, Горбачевский, давай кончать. Будь здоров.

Валерий пересказал Нонне содержание разговора. Нонна опустила на стул, потерянно уронив руки на колени.

— Если ты дашь мне слово,— тихо сказал Валерий,— понимаешь — честное слово, что никому никогда не передашь услышанного, то я тебе кое-что расскажу.

Нонна подняла на него покрасневшие, больные какие-то глаза. Кивнула. Валерий не был формалистом и счел ее кивок достаточной гарантией. И он рассказал Нонне о появлении Ура, и о его летающей и плавающей лодке, и о том, как Ур жил у него и с необычайной быстротой учился языку и географии, и обо всем прочем, что не было известно Нонне.

И она слушала Валерия со жгучим вниманием, но глаза у нее были такие же — больные и тоскливые.

Она знала, что Ур не вернется. Кем бы он ни был, пришельцем из другого мира или иностранцем, изобретшим новый способ передвижения,— он оставался для нее человеком, придавшим новый смысл ее существованию. И еще у нее остались его слова, сказанные в день последней их встречи: «Ты единственный человек, которому мне хочется рассказать о себе». Эти слова останутся с нею на всю жизнь.

Так, по крайней мере, она думала, слушая рассказ Валерия.

Глава шестая

АЛЬФА И ОМЕГА

— Куда же вы нас ведете? —
спросил Кандид.

— В яму, — сказал полицейский.

Вольтер, Кандид

Дождь был хороший, живительный. Не такой громахающий ливень, как тогда на реке, но несущий покой и облегчение. От него немного унялась боль, насквозь про-
сверлившая глаз.

Должно быть, его подстерег все-таки младший сын хозяина воды, эта рыжеглазая бестия. Влепил ему камень, выпущенный из пращи, прямо в глаз...

Постой, как же это было?..

Ур чуть приоткрыл левый глаз. Правый не раскрылся, заплыл.

Из плоской фляжки лилась тонкая струйка воды. Ах, не дождь это, не дождь... И пращи не было, это всего лишь сон, непонятный, идущий из глубин подсознания, привычный сон. Не было рыжеглазого, не было засады. Была гигантская драка на залитой ярким солнцем площади. Теперь он все вспомнил — кроме одного: где он и кто льет ему на лицо воду из фляжки...

Голоса вокруг, голоса. По-французски Ур понимал плохо, но все же какие-то обрывки доходили до сознания.

— Вот увидишь, его отпустят пораньше, чем нас.

— Я эту свинью убью.

— Эй, кто там грозитя убить Клермона? Руки коротки!

Шум, ругань, что-то с грохотом опрокинулось.

— Хватит, хватит. Мало вам сегодня досталось?

— Оставь хоть глоток, Рене. Кажется, он очухался. Кто это? С какого факультета?

— Если с философского, то лучше сразу его придушить. Всех философов, будь они прокляты...

Вода перестала литься. Сквозь щелку приоткрытого глаза Ур увидел чью-то узкую грудь, обтянутую тельняшкой в крупную синюю и желтую полоску, потом — мальчишеское лицо в темных очках, в темной оправе длинных спутанных волос.

— Живой? — спросил очкастый, наклонившись над ним. — Ну, живи. Ты здорово дрался. Но и вlepили тебе здорово.

— Спасибо, — сказал Ур. Он не узнал своего голоса — так тихо и сипло он прозвучал. — Спасибо за воду.

— Иностранец, что ли? — спросил тот. — С какого факультета?

Ур пошевелился на скамье, на которой лежал. Ему показалось, что ребра переломаны и болтаются внутри, будто палки в мешке. Да, вlepили, как видно, здорово.

Теперь он вспомнил все, что произошло этим утром.

Близ одного из университетских корпусов запыленный голубой «крайслер» Аннабел Ли врезался в толпу, запрудившую дорогу и широкую площадку перед корпусом. Толпа была беспоконная, крикливая, тут и там колыхались плакаты. «К дьяволу администрацию!» — прочел Ур на одном. «Мы живем в XX веке, а не в XVII. Довольно кормить нас тухлятиной!» — разобрал он на другом. И еще: «Перевернем вверх дном ваш ожиревший мир!»

— Эй, дороге! — крикнула Аннабел Ли.

— Нет дороги! — послышалось в ответ. Машина оказалась в плотном кольце, кто-то длинноволосый крикнул дурашливым голосом: — Вылезай, приехали!

Еще можно было, осторожно давая задний ход, выехать из толпы и, не ввязываясь в здешние дела, вернуться в тихие предместья Одерона. Но не такова была Аннабел Ли Фрезер из Валентайна, штат Небраска. Привстав в открытой машине с сиденья, она размахивала кулачками и требовала, чтобы немедленно освободили дорогу и дали проехать. Ей в ответ смеялись, кричали по-французски и по-английски, ругались.

— Брось своего кретина, идем с нами, красотка! — заорал плечистый малый, пытаясь дотянуться до Аннабел Ли.

Та завизжала, стала отбиваться, но парень был крепкий, напористый. Ухмыляясь, он принялся вытаскивать девушку из машины. В следующий миг, однако, Ур вскочил с места и с силой отодрал руку парня от талии Аннабел Ли. Парень дернулся, Ур оттолкнул его, и тут надвинулись отовсюду орущие рты, угрожающие кулаки. Кто-то вскочил на радиатор машины и ударил Ура по голове, кто-то рванул дверцу, и уже ничего нельзя было разо-

брать в сплошном вое, свисте, улюлюканье. Десятки рук вцепились в Ура и выволокли из автомобиля. Он слышал визг Аннабел Ли — ее тоже вытащили прямо через борт машины.

Вдруг толпа подалась назад. Впереди что-то кричали. Одно слово повторялось чаще других, это слово было «баррикада».

Ур, которого отбросили на десяток метров от автомобиля, увидел: тащили, передавали из рук в руки откуда-то взявшиеся скамейки и столы. Облепили «крайслер» Аннабел Ли и под пронзительный свист опрокинули машину на бок.

Мелькнул в той стороне голубой сарафан Аннабел Ли. Ур, работая кулаками и локтями, стал пробираться к ней сквозь откатывающуюся толпу. Поскользнулся на банановой корке и упал кому-то под ноги. Белели на асфальте разбросанные листовки, Ур зажал одну в кулаке. Вскочив на ноги, он увидел, что очутился, так сказать, на переднем крае.

От белых стен корпуса пятились поредевшие изломанные шеренги студентов. Дойдя до баррикады, они остановились, и один из них, лохматый, кричал что-то о сопротивлении. В наступавшие ряды полиции полетели камни, гнилые помидоры.

Ур не слышал, как в шуме сотен голосов щелкнул револьверный выстрел. Кто-то упал в синей цепи полицейских. Там произошло новое какое-то движение. Взыли сирены подъехавших машин, из них выскакивали вооруженные люди. Раздался нестройный винтовочный залп, свистнули пули над головами защитников баррикады. Ур, пригнувшись, побежал в ту сторону, где мелькнул сарафан Аннабел Ли. Но добежать до машины не успел. Хлынули густо гвардейцы, полицейские. Длинные дубинки обрушились на бунтующих студентов. Те отбивались как могли. Лохматый выстрелил из револьвера, но кто-то толкнул его под руку, выстрел пошел вверх, в следующий миг гвардейцы заломили лохматому руки за спину.

Где-то слева опять завизжала Аннабел Ли. Ур бросился к ней, и тут тяжелый удар по затылку заставил его остановиться. Обернувшись, он увидел красное, потное лицо с прищуренными свирепыми глазками, руку с длинной дубинкой, занесенной для нового удара. Ага, вот он, человек из засады... Прежде чем дубинка опустилась,

сильный удар в челюсть сбил ее владельца с ног. Сразу на Ура набросились двое, их дубинки со свистом рассекали воздух, и, как ни увертывался Ур, несколько ударов обрушилось на него. Он завопил от боли и ярости. Что-то темное как бы поднялось в нем со дна души, закрыло голубой свет дня. Дикой кошкой метнулся он к одному из полицейских, ударил головой в грудь и выхватил у него, падающего навзничь, дубинку из руки. Тут же он упал на колени от нового удара по голове, но вскочил, извернулся и, страшный, озверевший, отбивая удары своей дубинкой, пошел на преследователей.

Все силы, какие только еще оставались в нем, он вложил в удары дубинки. Бил наотмашь, направо и налево, со странным наслаждением слыша крики падающих от его ударов людей. На него накинудись сзади. Он вывернулся, оставив ключья своей рубашки в руках нападавших. Отступая, уперся спиной в теплое грязное брюхо автомобиля, лежавшего на боку. Наконец у него, обессиленного, вырвали дубинку. Удар по голове, еще и еще... Удар в глаз... Падая, он увидел крутящееся колесо автомобиля, услышал отчаянный визг Аннабел Ли: «Не бейте его!»

Еще удар. Больше он ничего не видел и не слышал.

И сейчас, очнувшись, он понял, что лежит на скамье в камере, набитой арестованными студентами. И едва не застонал — на этот раз не от боли, а от сознания чего-то непоправимого.

— Я видел, ты здорово дрался, — сказал Рене, парень в тельняшке, и отпил глоток из своей фляги. — Ты учишься у нас? Нет? А откуда ты взялся?

— Да он приехал на голубой машине с той американкой, которая выцарапала глаза комиссару, — произнес чей-то голос.

— Где она? — спросил Ур, медленно, с трудом садясь.

— Наверно, в тюрьме, как и мы. Если, конечно, президент Соединенных Штатов еще не звонил местному комиссару.

Своим зрячим глазом Ур с тоской оглядел серые шершавые стены с зарешеченным окошком под потолком. На скамьях вдоль стен и на цементном полу сидели и лежали парни, и было видно, что почти все избиты, как и он, Ур. Он видел исполосованную обнаженную спину одного

из парней, сидящего на полу. Другой хмуро разглядывал сломанные очки.

Ур сунул руку в карман за платком, чтобы вытереть мокрое лицо. Платка не было. Он нащупал скомканную бумажку, расправил ее перед глазом. Это была листовка. Скорбное лицо Христа, терновый венец. Сверху крупно написано: «Разыскивается преступник». Внизу — краткое описание примет, а еще ниже: «Агитировал за ликвидацию крупной собственности».

— Ну, как листовочка? — спросил Рене. — Это мы придумали.

Ур пожал плечами.

— Если бы Иисус явился сейчас, то его бы арестовали за красную пропаганду и подстрекательство, — продолжал Рене. — И сидел бы он с нами в тюрьме с подбитым глазом, вот как ты. А потом апостолы скинулись бы, собрали денег, и Христа выпустили бы под залог. И он бы плюнул на всю эту мерзость, вознесся бы к боженьке и сказал: «Пусть они там выпутываются сами, а я к ним больше не хочу». — Он захохотал, тряся волосами.

— Рене, перестань богохульствовать, — сказал парень с поломанными очками.

— Молчи, философ! — огрызнулся Рене. — Ты-то почему здесь, книжный червь? Сидел бы у своего толстопузого папочки-фабриканта и кушал бы куриную печенку.

— Я не живу с родителями, — серьезно ответил тот. — А здесь я потому же, почему и ты. Система образования нуждается в реформе.

— Придушить бы вас всех, философов, — сказал парень с исполосованной спиной. — Умники проклятые!

— Заткнись, Лябуш! — крикнул Рене. — Это тебя с твоим Клермоном надо придушить.

— Руки коротки!

— Дурака мы свалили, когда поддались вашему уговору и пошли выручать ублюдков, которые заперлись на факультете. Пусть бы их похватали там. Вам бы только шуму побольше, а до остального дела нет. Какого дьявола Клермон затеял стрельбу?

— Если б не такие слюнтяи, как ты, мы бы давно добились своего.

— Чего? Передушили бы администрацию и протянули бы через весь городок полотнище с цитатой? И, между прочим, придержи язык. Я тебе покажу «слюнтяя»!

Парень с исполованной спиной вскочил и, ругаясь, направился к Рене. Тот воинственно шагнул ему навстречу. Камера опять загалдела, и не миновать бы драки, если бы вдруг не распахнулась дверь. На пороге встал дождный полицейский.

— Тихо вы, боевые петухи! — гаркнул он. И, обведя взглядом камеру: — Кто здесь Ур?

Он дважды повторил вопрос, прежде чем Ур ответил. Полицейский посмотрел на него, прищулив глаз, как бы оценивая.

— Вы? В таком случае следуйте за мной.

В одиночной камере, куда привели Ура, была койка. Он сразу лег. Переход по коридору был не длинный, но Ур одолел его с трудом, каждый шаг вызывал боль в избитом теле.

Он облизнул языком сухие губы. Ныл глаз. Но Ур уже стал привыкать к боли. Другое тревожило его — смутное ощущение какого-то неблагополучия. Что это? Откуда оно шло? Усталый мозг как бы отказывался анализировать новое ощущение. Ур погрузился в тяжелую дремоту.

Вдруг он, раскрыв глаз, увидел человечка в белом халате, нацелившего шприцем на его руку. Ур отдернул руку.

— Не бойтесь, мосье, не бойтесь, это всего лишь обезболивающий укол, — скороговоркой произнес человечек и подмигнул ему. — Ну, смелее!

Он сделал укол. Потом достал из чемоданчика флаконы, бинты и, покачивая головой, стал осматривать лицо и торс Ура, с которого давно уже сползли клочья рубашки.

— Все бунтуете, все бунтуете, — ворчал он при этом. — Что это делается с вами, молодыми?.. Лежите, мосье, спокойно, я обработаю ваш глаз. (Ур почувствовал прикосновение холодного и влажного.) Будь удар чуть посильнее, глаз бы вытек... Сами лезете под удары, так и лезете, так и лезете...

— Пить, — прошептал Ур.

— Сейчас, потерпите немного... Повезло вам, мосье, глаз цел. — Врач осторожно поднял изодранную майку. — Кости, кажется, тоже целы. Здесь болит? Само со-

бой, не может не болеть после такой взбучки. Но если бы ребро было перебито, вы бы взвыли не своим голосом... И чего вам только надо? Все не по вам, все не так, лезете и лезете под удары...

Врач опять подмигнул Уру. Впрочем, это у него был, наверно, тик. Болтал он беспрерывно, но руки его между тем ловко и быстро делали свое дело. То ли от укола, то ли от примочек, а может, от воркотни доброго человечка, но Уру стало легче.

Надзиратель с постным неподвижным лицом принес поднос с едой и питьем. Не переводя дыхания, вытянул Ур до дна бутылку сидро. Обед был хороший: луковый суп, антрекот с жареным картофелем, сладкий пудинг.

Окна в камере не было, но откуда-то лился скрытый свет. Пожалуй, он был чересчур ярок. Ур забылся сном.

Наверное, он проспал часа четыре. Проснулся весь в поту. И опять кольнуло его неясное ощущение чего-то болезненного, случившегося не с ним, но с близким человеком. Уж не с матерью ли произошло что-то или с отцом?..

Глаз болел меньше, но опухоль еще не спала. Ур попробовал сесть на койке, и в этот момент повернулся в скважине ключ, в камеру вошел надзиратель с подносом, на котором стояли бутылка с желтой жидкостью, сифон, два стакана и пепельница.

«Солидные приготовления»,— подумал Ур.

Вошел человек в песочного цвета костюме и галстук, испещренном красными и синими кругами. Лицо у него было неприметное — неопределенного цвета волосы, нос ни прямой, ни горбатый, ни заостренный, подбородок скругленный, но взгляд глубоко посаженных глаз цепкий, колющий. Вошедший кивком услали надзирателя за дверь, сел за стол, аккуратно вздернув брюки на колени, и устремил на Ура проницательный взгляд.

— Вы должны отвечать на мои вопросы,— сказал он, выкладывая перед собой большой блокнот и шариковую ручку.— Честные ответы смягчат ваше положение. Вы меня поняли?

— Лучше по-английски,— сказал Ур.— Если вам не трудно.

— Ладно, попробуем.— По-английски комиссар говорил неважно, но, в общем, они с Уром понимали друг друга.

— Ваше имя и фамилия, мосье?

— Ур. Это и то и другое.
— Значит, фамилии нет? Допустим. Документы? Тоже нет? Допустим. Гражданином какой страны вы являетесь?

— Я еще не выбрал.

— Еще раз предупреждаю: вы должны отвечать честно, иначе навлечете на себя серьезные неприятности. Откуда и с какой целью вы приехали во Францию?

— А почему я должен отвечать на ваши вопросы?

— Потому что вы арестованы за участие в беспорядках.

— Я попал в эту драку случайно.

— Это я и намерен выяснить — каким образом вы сюда попали. Итак, мосье: откуда вы приехали и с какой целью?

— Я приехал из Советского Союза. Моя цель — осмотреть Океанариум в Санта-Монике.

— Вы советский подданный?

— Я уже сказал вам, что не имею никакого подданства.

— Допустим.— Комиссар быстро записывал ответы Ура.— Как вы попали в Советский Союз? Откуда?

— Это должно интересовать не вас, а советские власти.

— Хорошо. Каким образом вы перешли границу Франции? Уж такой вопрос, надеюсь, я вправе задать?

— Пожалуй. Я приплыл в Санта-Монику на своем корабле.

— Приплыли или прилетели?

— Вы слишком любопытны.

— Уж такая профессия. Итак?

— Пускай будет — прилетел.

— Куда девался ваш корабль после того, как вы выпрыгнули из него в море?

— Думаю, что он улетел.

— В нем были еще люди? Кто они?

— В нем никого больше нет.

— Изумительно интересно, мосье. Вы хотите сказать, что управляете кораблем сами, дистанционно? Как вы это делаете?

— Боюсь, что вы не поймете. У вас в сифоне не оранжад?

— Содовая. А это виски. Сейчас вам налью.

— Только содовой, пожалуйста.

Комиссар налил ему полный стакан. Себе он плеснул на дно стакана виски и, не разбавляя, выпил одним мощным глотком.

— Мосье Ур,— сказал он, закурив,— вам я не предлагаю сигареты, потому что знаю, что вы не курите. Нам вообще известно о вас больше, чем вы думаете. Согласитесь, что к человеку, путешествующему без паспорта, без виз, без гражданства, проявляется повышенное внимание. В наш беспокойный век, мосье, от журналистов, как и от людей моей профессии, ничто не может укрыться. Итак: мы знаем, что вы и в Россию прибыли таким же странным способом, как и во Францию. Вы работали в одном из прикаспийских городов в институте, занимающемся проблемами моря. Затем вы нанялись в цирк и выступали в одном из черноморских городов с опытами телекинеза. Вы прилетели в Санта-Монику и устроились работать за пансион в Океанариуме у доктора Русто, который высоко оценил ваши познания в океанологии, но, по свойственной ему безалаберности, не проявил интереса к вашему происхождению. Вы — извините, что касаюсь интимных вещей,— очаровали дочку американского яичного промышленника и поехали с ней в Одерон, не стану уточнять, с какой целью. Вам не повезло: вы влипли в студенческие беспорядки и ввязались в драку, и вам основательно перепало, о чем, поверьте, мы сожалеем. Драка есть драка, мосье, и остается только благодарить providение за то, что ваш глаз уцелел.

— Если вы так много знаете,— сказал Ур,— то зачем вы меня допрашиваете?

— Мы бы хотели узнать самое главное: кто вы такой, мосье Ур? Каковы ваши истинные цели?

Ур молчал.

— Не стану скрывать от вас,— продолжал комиссар, глядя на него испытующе,— есть предположение, что вы... как бы сказать... житель другой планеты... пришелец... Это правда?

Ур угрюмо молчал.

— Лично я не думаю, чтобы летающий корабль необычного вида и необычно управляемый дал веский повод подозревать в вас пришельца. Не очень верю и в то, что вы без физического контакта поднимаете людей в воздух...

«Наверно, ему кажется, что он ведет допрос чрезвычайно тонко», — подумал Ур.

— Вы не желаете отвечать? Жаль. Очень жаль, мосье. Вынужден заявить вам, что есть и другое предположение, которое лично мне кажется менее фантастическим: вы засланы с разведывательной целью. Итак? Я жду ответа.

— Ответа не будет, — сказал Ур, ложась на койку. Комиссар закрыл блокнот и поднялся.

— Что ж, торопиться нам некуда, продолжим разговор в другой раз.

— Вы собираетесь держать меня здесь долго? — спросил Ур.

— Пока не выясним все, что нас интересует. До свиданья.

— Постойте. Где мисс Фрезер? Девушка, с которой...

— Понятно, мосье, понятно. Думаю, что она уже дома. За ней приехал отец, и, выслушав то, что она пожелала сказать, мы ее отпустили. Было бы жестоко разлучать такую очаровательную мисс с любящим родителем, не правда ли? Кстати, она очень беспокоилась о вас. Хотите спросить еще о чем-нибудь?

— Нет, — сказал Ур и закрыл глаза.

Учитель, я опять вел себя неразумно. Я опять вмешался...

Я жестоко избит и сижу взаперти.

Я страдаю, Учитель. Все, что я делаю с лучшими намерениями, почему-то оборачивается против меня. Я сам не могу уследить, как оказываюсь втянутым в сложные события. Вся жизнь здесь соткана из внезапностей — от них нет спасения.

Каждый раз приходится самому, не опираясь на общий разум, принимать решения. И часто они оказываются ошибочными.

Я начинаю бояться самого себя... Во мне будто дремлет кто-то другой, не знакомый мне, и когда он вдруг просыпается... так было во время этой ужасной драки... когда он просыпается, мне делается страшно...

Еще не отпустило его напряжение, еще он был как бы в полусне, как вдруг сквозь уходящие, расступающиеся полотна тумана увидел его — человека из засады, млад-

шего сына хозяина воды. Вот он натягивает тетиву лука... шагнул вперед...

— А-а-а-а! — закричал Ур во всю мочь, забившись в угол и беспамятно шаря рукой по смятому одеялу в поисках пращи.

— Что с вами, Уриэль? — услышал он голос вошедшего. — Вы не узнаете меня?

Оцепенело смотрел Ур на его желтые глаза под черными треугольничками бровей. Сон уходил. Серыми стенами камеры проступила жестокая реальность.

— Я Себастиан. — Человек в легком кремовом костюме подступил, улыбаясь. — Ваш знакомый Гуго Себастиан из Базеля.

Ур отлепился мокрой спиной от стены, опустился на койку.

— Как вы меня напугали, Уриэль! — продолжал тот, участливо глядя на Ура желтыми своими глазами. — Боже, что они с вами сделали! Я вам искренне сочувствую, бедный мой друг...

— Откуда вы взялись? — чуть слышно спросил Ур.

— Это так просто, — улыбнулся Себастиан. — Я узнал из газет, что вы попали в беду, и помчался в Одерон. Помогать друг другу — разве не в этом состоит истинно человеческое назначение?

Услышав знакомый проповеднический тон, Ур окончательно успокоился. Только голова очень болела. Этот окаянный электрический свет, не гаснущий ни днем, ни ночью...

Себастиан сел на стул. Его загорелое красивое лицо выражало печаль и сочувствие.

— Я все еще полон впечатлений от наших встреч на Черном море, господин Уриэль, — сказал он мягко. — Поверьте, это незабываемо. В Базеле меня обступили дела, очень невеселые дела. Похоже, что наше издательство накануне краха...

— Если не трудно, налейте мне стакан воды, — сказал Ур.

— О, конечно! — Себастиан схватил со стола графин. Покачивая головой, поросшей как бы шерстью, коротко стриженной и седоватой, он смотрел, как Ур осушил два стакана кряду. — Когда я прочел о вас в газетах, — продолжал он, — я сразу понял, что должен ехать вам на помощь. Я здесь третий день. К счастью, Прувэ оказался

столь же покладистым, сколь и влиятельным человеком, он и устроил мне свидание с вами...

— Прувэ? — переспросил Ур, отставляя стакан.

— Ну да, комиссар Прувэ. Он согласился поужинать со мной. Я рассказал о своем знакомстве с вами, и можете поверить, что изобразил вас в наилучшем свете. Более того: думаю, что мне удалось уговорить Прувэ пренебречь газетной шумихой, склонить к милосердию к вам. Скажите, друг мой, достаточную ли медицинскую помощь вам здесь оказывают?

— Да, врач приходит.

— А питание?

— Вы сказали, что хотите мне помочь. Что это значит? Вы имели в виду заботу о моем лечении и питании?

Наклонившись вперед, Себастиан сказал, понизив голос:

— Вы правы, Уриэль: дело не в питании, хотя и оно, разумеется, не может меня не заботить. Я очень хотел бы, чтобы вы поверили в мое искреннее расположение к вам.

— Верю, — сказал Ур.

Этот швейцарец был ему симпатичен. Правда, остался какой-то неприятный осадок от испуга, испытанного Уром при его неожиданном появлении...

— Вот и прекрасно! — Себастиан придвинулся еще ближе. — Уриэль, вы помните наш разговор на черноморском пляже?

— Помню. Что-то такое о втором пришествии...

— Если можно, говорите потише — не нужно, чтобы нас слышали. Да, о втором пришествии... Цивилизация, создававшаяся тысячами, идет к гибели, Уриэль. То, что не смогли сделать чума и войны, теперь быстро делает потребление. Слишком много соблазнов. Всеобщая погоня за модными вещами, всепоглощающая жажда денег, успеха и наслаждений развратила мир. Душа забыта, торжествует тело...

— Я помню, Себастиан, вы говорили что-то в этом роде. Вы ждете спасителя, за которым пойдут миллионы, и все такое.

— Да, Уриэль, — торжественно сказал Себастиан, выпрямившись на стуле. — И мы дождались. Спаситель явился.

— Вот как? — спросил Ур. — И где же он?

— Он здесь. В этой жалкой камере, которая завтра раздвинется и вместит в себя весь мир.

Приподняв голову с подушки, Ур воззрился на швейцарца.

— Я понял это еще там,— горячо шептал Себастиан.— Ни одному смертному не доступно то, что делали вы. Необычайность ваших способностей...

— Вы с ума сошли, Себастиан! Что за чушь вы несете?

— Я понимаю ваше нежелание до поры открыто о себе заявить. Печальный опыт прошлого заставляет быть осторожным. О, как убедить вас, что мне вы можете смело довериться? Я ваш друг, ваш верный последователь до конца...

Себастиан вдруг сполз со стула. Стоя на коленях, молитвенно воздев руки, он смотрел на Ура глазами преданной собаки.

— Прекратите! — Ур сел на койке, больно кольнуло в ребрах.— Сейчас же встаньте, ну!

Себастиан легко поднялся, отряхнул колени.

— Простите мой невольный порыв, Уриэль...

— Что все это значит? Вы что же, всерьез считаете меня Иисусом Христом?

— Дело не в имени.— Себастиан опять сел на стул, лицо у него было строгим, печальным.— Я говорил уже вам, если помните, что неoadвентизм не имеет ничего общего со средневековой схоластикой. Мы понимаем, что высший разум, управляющий мирозданием, не нуждается в мифах. Но — массы, Уриэль! Для масс чрезвычайно важна традиция, имя для них имеет первостепенное значение. Второе пришествие Христа всколыхнет планету. Вы возглавите движение, равного которому не знала история человечества,— могучее очистительное движение, которое сметет всяческую скверну и утвердит в качестве единственного и непреложного закона христианскую мораль. Изменится само лицо мира. Завидная, великая миссия!.. Не вставайте, я налью вам...

Но Ур, тяжело поднявшись, проковылял к столу и налил себе еще воды из графина.

— Как вы представляете себе это движение? — спросил он, напившись.— Крестовый поход на танках? Заповеди Христовы, начертанные на корпусах водородных и атомных бомб?

— Понимаю, Уриэль... вы меня испытываете...— Себастиан встал, смиренно наклонив голову.— Разумеется, движение не осквернит себя насилием. Единственным оружием нашим будет ваше имя, ваше слово, ваши страдания... Я предвижу, как эта одеронская камера станет местом паломничества... Господствующие церкви склонятся перед вами! Веками отчаявшиеся бедняки в последней надежде несли им последние жалкие гроши, веками богачи, неправедно наживавшие огромные состояния, жертвовали церквям крупные суммы, надеясь этим загладить свои грехи... Орден иезуитов веками вел недостойную охоту за богатейшими семьями, всеми способами добиваясь завещаний в пользу церкви... Так искажалось учение божие во имя наживы! Теперь этому придет конец! Исчезнут злоучения, уступив место единственному правильному учению — учению неоадвентистов, и сам папа будет вынужден уступить святой престол достойному...

Ур засмеялся. Страшновато, гулко прозвучал в тюремной камере его отрывистый смех.

— Я готов выдержать любое испытание, Уриэль. Вы вольны сами назначить день и час, когда пожелаете объявиться. Но осмелюсь напомнить: нет смысла тянуть. Все-таки сейчас не библейские времена, ни к чему затяжное мученичество... Вас продержат тут долго. Прувэ, насколько я знаю, не намерен торопиться. Одно ваше слово — и я начинаю действовать, и в тот же день вы — на свободе, среди своих друзей и верных последователей, готовых идти за вами...

— Уходите, Себастиан.

— Ухожу, ухожу... Еще раз прошу все обдумать. Доверьтесь мне, Уриэль. Если разрешите, я приду снова завтра утром.

Он подошел к двери и постучал. Дверь отворилась. Себастиан с поклоном вышел.

Некоторое время Ур стоял неподвижно посреди камеры. Болела голова, хотелось пить. Графин был пуст. Ур шагнул к двери, чтобы попросить надзирателя принести воды, но остановился. Почему-то всплыло в памяти: «Ах, я вижу — в ведрах нет воды, значит, мне не миновать беды...» Опять, опять это ощущение беды. Что там могло случиться?..

Пока не поздно, надо уходить.

...Мистер Эзра Вернон Фрезер, основатель и владелец фирмы «Фрезер кубик-эггс лимитед» из города Валентайн, штат Небраска, встал, по своему обыкновению, рано. Кругленький, толстенький, с желтым хохолком, вышивавшимся над умело зачесанной плешью, он вышел из ванной в халате и домашних туфлях.

Лет десять назад Фрезера едва не сломила компания МУАК, «Мид-уэст агрикалчерл корпорейшн». Он выставил только потому, что понял: нельзя вести дело по старинке, нужны новшества. Уж такой стоит проклятый век, подавай потребителю что-то новенькое, завлекательное — иначе тебя без пощады сожрут и равнодушно выплюнут косточки. И он придумал. Он не скупился на рекламу. И кубические яйца его фирмы теперь известны всей Америке, включая Гавайские острова.

Шаркая туфлями, Фрезер вышел на веранду и опустилсь в шезлонг. Дорожка, сбегавшая от дома вниз, к пляжу, была исполосована длинными тенями акаций и пиний. Беседка стояла вся в густой тени, сквозь ее стеклянную стенку неясно виднелся какой-то куль, лежащий на полу. Наверно, старый Боб приготовил снаряжение для яхты и свалил в беседке.

Новенькая яхта — белое чудо из пластмассы — покачивалась у пирса на синей воде.

Глядя на яхту, Фрезер горестно вздохнул. Около десяти лет назад ему повезло с кредитом. Теперь ему крупно повезет, если он не свихнется от своих дочерей. Три года назад умерла миссис Фрезер — автомобильная катастрофа! — и с той поры девочки отбились от рук. Старшая, Сибилла, уехала учиться в Чикаго, поступила там в университет, но похоже, что денежки за ее учение пропадают зря: вместо того чтобы заниматься историей искусств, бегаёт Сибилла на какие-то митинги.

С младшей, Энн, ему пока удавалось ладить. А почему бы и нет? Захотелось Энн автомобиль — нá, пожалуйста. Туалеты — покупай какие хочешь, дэдди оплатит счета. Захотела Энн на Лазурный берег — и вот они здесь, дэдди снял эту виллу на все лето. Ни в чем ей нет отказа.

И вдруг девчонка выкидывает такое коленце! Втюрилась черт знает в кого — не то в шпиона, не то в пришельца, о котором трезвон стоит в газетах. Пришелец, ха! Как бы не так! Да ни один уважающий себя прише-

лец на нашу планету и не высадится, обойдет ее подальше. Просто жулик, ловкач, делающий себе паблисити,— вот он кто такой, Ур этот самый. И где только Энн с ним познакомилась? Поехала с ним в Одерон, влипла в студенческую драку с полицией, автомобиль помяли,— хорошо хоть, что сама жива осталась. Там ведь стреляли!

Пришлось ему, Фрезеру, мчаться в Одерон, вызывать из беды дочку. Ну и истерику закатила Энн в комиссариате! Ни за что не хотела уезжать без этого проходимца. Пришлось ему, Фрезеру, силой впихнуть ее в машину и увезти домой.

Не любил Фрезер такие штучки. И уж будьте уверены, он бы укротил строптивую дочь. Но было одно важное обстоятельство, побуждающее его терпеливо сносить выходки Энн...

Дело в том, что Фрезер собирался жениться. И видит бог, он не хотел, чтобы Энн приняла мачеху в штыки. Джуди должна войти не во враждебный стан, а в дом, полный мира и покоя. Вот почему ему, Фрезеру, приходится терпеть капризы дочери и делать все, чтобы умиловить ее. Вот и пластмассовую яхту — последний крик моды — он ей купил, не постоял перед расходами, твердой рукой выписал чек. Уже несколько недель Энн приставала к нему с этой яхтой, и вот вчера яхту доставили. И что же? Девочка даже не вышла из комнаты, чтобы взглянуть на свою вожаделенную яхту. Сидит у себя взаперти, никого не желает видеть — подавай ей этого темного молодчика, Ура... А у того, конечно, на уме только его, Фрезера, денежки...

Ах, будь оно все проклято!

Старый Боб принес утренние газеты, поставил перед Фрезером на столик бутылку «Джонни Уокера», стакан и сифон с содовой. Фрезер развернул газету — европейское издание «Нью-Йорк таймс». Так и ударил в глаза крупный заголовок:

ПРИШЕЛЕЦ БЕЖАЛ ИЗ ОДЕРОНСКОЙ ТЮРЬМЫ.

«Вот и хорошо,— подумал Фрезер.— Может, он уже на полпути к Юпитеру,— во всяком случае, на таком расстоянии от Санта-Моники, которого хватит для того, чтобы Энн образумилась».

Ну, что там дальше? «...Около девяти часов вечера комиссар Прувэ вывез человека, называющего себя Уром, из тюрьмы в своем автомобиле. До полуночи они не вернулись. Предполагают, что совершен побег, хотя не ясна роль Прувэ...»

«Чего там не ясна! — подумал Фрезер. — Два мошенника снюхались друг с другом, только и всего».

— Боб! — позвал он. — Разбудите мисс Энн, — сказал ему Фрезер в подставленное ухо. — Скажите, что есть для нее важное сообщение.

Боб с сомнением покачал седой головой.

В молодости Боб Мэрдок был известным гонщиком, пловцом, яхтсменом. Спорт приносил ему хороший заработок. С годами, однако, Боб оказался на мели. Имя его забылось, деньги растаяли, никому не был нужен оставшей спортивной. Тогда-то его, едва ли не подыхающего с голоду, и подобрал Эзра Фрезер. Как-никак Боб Мэрдок был тоже родом из Валентайна, и было время, когда Фрезер, увлекавшийся автогонками, крупно ставил на него и выигрывал. С тех пор, лет пятнадцать, а то и больше, Боб служил семье Фрезера преданно и молчаливо.

— Идите, Боб, идите и постучитесь к ней, — нетерпеливо сказал Фрезер. — Что вы там увидели?

Он обернулся, посмотрел в сад по направлению взгляда старого слуги — и обомлел. В дверях беседки стоял человек с копной всклокоченных черных волос, в майке и джинсах.

Накануне вечером был очередной допрос. На этот раз Прувэ счел, что Ур оправился настолько, что может передвигаться самостоятельно, и велел привести его к себе в кабинет.

— Выглядите вы сегодня лучше, — прищурился Прувэ на подследственного. — Садитесь. Налить содовой?

Ур не отказался, выпил стакан. Подбитый глаз сегодня болел меньше и даже немного раскрылся, опухший опухолью.

— Жалобы на питание есть?.. Нет? — деловито осведомился Прувэ. — Тогда начнем. Должен вас проинформировать, мосье, что все ваши соратники, за исключением нескольких зачинщиков, выпущены. Я имею в виду студентов, участвовавших...

— Я понял. Рад за них.

— Мы не задерживали бы вас дольше, чем студентов, если бы не необходимость выяснить вашу личность.

— Необходимость? — усмехнулся Ур.

— Да. Если хотите — служебный долг. — Прувэ, pokrтив головой, распустил немного свой щеголеватый галстук. — Я уже говорил, что интерес к вашей личности большой. Газеты — ладно, им бы только пошуметь. Но вот обрывает у меня телефон доктор Русто. Завтра придут из Парижа ученые, целая группа, — они жаждут познакомиться с вами. И потом этот Себастиан... — Прувэ опять хитро прищурился. — Приятно встретить тут старого знакомого, не так ли?

Он вел допрос со вкусом. В кои-то веки в сонном Одероне, ничем, кроме старинного дворца и университета, не примечательном, произошло нечто из ряда вон выходящее. Это ничего, что парень упирается. Было бы даже жаль, если бы он сразу «раскололся». Кем бы он ни был — пришельцем или разведчиком, — он вытащит имя Прувэ из провинциальной безвестности...

— Итак, мосье, повторяю все те же вопросы: кто вы и откуда? С какой целью прибыли в Санта-Монику?

— Запишите, — сказал Ур, помолчав немного, и Прувэ с готовностью схватил ручку. — Пишите: я прибыл для того, чтобы попить оранжад.

— Изволите шутить? — Прувэ бросил ручку.

— Я не шучу. Если бы я захотел шутить, Прувэ, разговор у нас был бы совсем другой. Я хочу оранжад.

— Мало ли чего вы хотите... — Комиссар посмотрел на Ура, и ему стало не по себе. Жесткий взгляд, каменное лицо... Прувэ хлебнул из стакана неразбавленного виски. — Содовый налить вам еще? — спросил он.

— Нет. Только оранжаду. Немедленно.

— Где я вам возьму оранжад? Здесь не бар...

— Так вы отказываете мне?

Еще жестче стал взгляд Ура. Прувэ вытер лоб платком и растерянно улыбнулся. Внутри у него что-то мелко тряслось.

— Я... не отказываю вам, мосье... Просто хочу сказать...

— Ну, тогда поехали. — Ур поднялся.

— Куда? — еле слышно спросил Прувэ.

— Пить оранжад. На худой конец, если поблизости

его не окажется, согласен на сидронад. Это почти одно и то же, только вместо апельсинового сока — лимонный. Вы меня поняли? Лимонный сок с двууглекислой содой. Повторите.

— С содой...— покорно повторил Прувэ.

— Не забудьте — с двууглекислой. Это очень важно. Это самое главное. Основа основ! Альфа и омега — оранжад и сидронад. Начало и конец. Поняли?

Прувэ кивнул.

— Так идемте же. Где ваш автомобиль?

Они вышли из кабинета, и пожилой надзиратель, стоявший у двери, проводил их недоуменным взглядом. Прошли мимо раскрытой двери дежурной комнаты. Из-за стойки, опрокинув настольный вентилятор, выскочил сержант в расстегнутом мундире, крикнул что-то, но Прувэ только махнул ему рукой.

Во дворе они сели в серый «ситроен», и Прувэ подкатил к воротам. Полицейский, отдав честь комиссару, наклонился посмотреть на человека в майке, сидящего на заднем сиденье.

— Отпирай поскорее! — крикнул Прувэ.— Мы едем пить оранжад.

— Слушаюсь,— пробормотал сбитый с толку полицейский.

Машина выехала на улицу с освещенными витринами и редкими прохожими. Было около девяти вечера.

— В Санта-Монику,— сказал Ур.— Там самый лучший оранжад.

— Самый лучший оранжад,— понимающе кивнул Прувэ.

Спустя час, когда замелькали среди темных садов фонари Санта-Моники, Ур велел остановиться.

— Вы привезли меня не туда, куда я просил,— сказал он, в упор глядя на Прувэ при слабом свете приборной доски.— Это не Санта-Моника. Это Экс-ле-Бен. Вы поняли?

— Экс-ле-Бен,— повторил Прувэ, отводя взгляд в сторону.

— Я пойду поищу, где тут есть оранжад. А вы поезжайте в Аннеси, поищите там. Поняли?

— В Аннеси...

— Там, говорят, тоже хороший оранжад. Или сидронад. Это почти одно и то же. С двууглекислой содой.

Оставив Прувэ одного в автомобиле на темном шоссе, Ур быстро зашагал прочь. Он ориентировался по силуэту горы, похожей на собачью голову, — эту гору он замечал еще с моря, когда подплывал к Санта-Монике. Довольно долго он блуждал по узким переулкам, избегая шоссе и освещенных улиц.

Наконец, уже поздней ночью, он разыскал виллу Фрезера, которую три дня назад — или уже четыре? — показала ему из машины Аннабел Ли. Осторожно перемахнул через кирпичную ограду.

Вилла сонно чернела окнами. Ур, держась в глубокой тени деревьев, неслышно пошел по саду. Заглянул в застекленную беседку. Тут был деревянный пол и длинная скамья, тянувшаяся по окружности беседки. Усталость взяла свое. Ур опустил на пол и заснул мгновенно.

— Эй, вы! — крикнул Фрезер черноволосому человеку, стоявшему в дверях беседки. — Что вам здесь надо?

Человек медленно пошел по дорожке к веранде. Теперь Фрезер разглядел его: это тот самый парень, фотографии которого пестрят в последние дни газеты, окаянный пришелец... Выходит, он и вправду сбежал из тюрьмы, — но только не к себе на Юпитер или куда там еще, а прямехонько в гости к нему, Фрезеру. Только этого еще не хватало!

— За мной, Боб, — сказал Фрезер и торопливо сбежал по ступенькам с веранды. Стопанная туфля свалилась с ноги, он остановился, чертыхаясь, и Боб подал ему туфлю.

За это время Ур успел подойти к веранде.

— Вы мистер Фрезер? — сказал он гулким голосом. — Извините за беспокойство. Мне нужно поговорить с вашей дочерью.

Он был небрит. Его английский был ужасен. И еще ужаснее был его правый глаз, окруженный большим черным пятном. Синяки красовались и на его мускулистых руках. На груди сквозь драную майку виднелся наклепленный пластырь.

— Немедленно убирайтесь отсюда, — сказал Фрезер. — Боб, покажите этому мистеру выход.

Он говорил тихо, чтобы, не дай бог, не разбудить Энн. Но уж если не везет, так не везет. Аннабел Ли, разбу-

женная его первым окриком, выглянула из окна своей комнаты.

— Ур! — воскликнула она. — Не смейте уходить! Я сейчас!..

И вот она уже бежит по веранде, прыгает со ступенек, босая, в голубой ночной рубашке, и — с разбегу Уру на шею.

— Что они с вами сделали! — завопила Аннабел Ли, чмокнув Ура в заросшую щеку. — Я буду жаловаться президенту Франции!

Она схватила Ура за руку и потащила на веранду.

— Вас выпустили только сегодня? Ах, мерзавцы!

— Энн, погодите... Меня не выпустили, я бежал...

— Бежал?! — Она на миг остановилась, уставилась на него. — Как здорово! Лучше, чем в кино!

Аннабел Ли усадила Ура в плетеное кресло на веранде и велела ждать, а сама умчалась переодеваться. Фрезер, тоже поднялся на веранду.

— Извините, что так получилось, — сказал Ур.

Фрезер хмыкнул. Повалился в кресло напротив, налил себе «Джонни Уокера», смешал с содовой.

— Ну что, мистер Ур? — спросил он, поигрывая кистью халата. — Надеюсь, вы не собираетесь утащить мою дочь на Юпитер?

— На Юпитер? — Ур посмотрел на толстяка. — Нет, не собираюсь.

— Вы что же, думаете, что полиция не заглянет сюда? Какие у вас, собственно, намерения?

— Я скоро уйду.

— Чем скорее, тем будет лучше для вас. Советую вообще убираться подальше и не соваться ни в Европу, ни в Штаты, потому что тут и там полиция будет начеку. Вы меня поняли?

— Спасибо за совет.

Фрезер выпил еще и закурил толстую сигару. «Не позвонить ли тайком в полицию? — подумал он. — Оно спокойнее, когда знаешь, что этот парень за решеткой... Впрочем, полиция сама придет. Не дураки же там».

— Можете считать, что пишу о вас, — сказал он. — Боб, подайте газеты мистеру Уру.

Зазвонил телефон. Фрезер пошел в гостиную, снял трубку, соображая, что же надо сказать, если это полиция.

Но это была не полиция.

— Мистер Фрезер? — услышал он резковатый голос. — Говорит доктор Русто из Океанариума. Простите, что звоню так рано.

— Ничего, ничего. Чем могу служить?

— Вы, конечно, знаете из газет, что вчера бежал из Одерона...

— Да, я читал.

— Поскольку в газетах промелькнуло имя вашей дочери, я позволил себе смелость позвонить вам, чтобы спросить: не известно ли вам или вашей дочери о беглеце?

— Нет, — сказал Фрезер. — У нас нет ничего общего с этим господином.

— Ничего общего, — повторил Русто. — Жаль. Я очень за него тревожусь, у него ни единого су в кармане, ни документов... Извините, мистер Фрезер.

— Минуточку, доктор Русто. — Фрезер приставил к трубке ладонь и спросил вполголоса: — Какого вы мнения об этом парне? Он действительно пришелец или красный агент?

— Он ученый! — рявкнул доктор Русто на том конце провода. — А вы, сэр, повторяете собачью чушь!

Звякнула брошенная трубка. Фрезер, жуя сигару, вернулся на веранду. Лицо у него после разговора с Русто было красное, воинственный хохолок поник. Будь они прокляты, эти ученые! Все беды идут от них. Это они так подстегнули жизнь, что крутишься, крутишься, как заведенный, без передышки...

Ур тем временем просматривал газеты.

«Пришелец он или нет, но кулаки у него здоровенные».

«С «летающих блюд» они пересели на «веретено».

«Человек, подбивавший одеронских студентов к бунту, не пришелец, а маоистский агент».

Ур отбросил газеты. Вид у него был удрученный.

— Как вам удалось бежать? — спросил Фрезер.

— Я воспользовался оплошностью охраны.

Фрезер недоверчиво хмыкнул. Тут прибежала Аннабел Ли, вся сверкающая, в тугих брючках и кружевной блузке. Прибежала, захлопотала, затараторила. Ура отравила в душевую, старому Бобу велела подавать завтрак, а Фрезеру сказала:

— Не надирайся с утра, дэдди. И не вздумай прогонять моего гостя.

Если бы не предстоящая женитьба, Фрезер, будьте уверены, сумел бы поставить скверную девчонку на место. Но предстоящая женитьба взывала к смирению.

И не прошло и получаса, как стол в гостиной был накрыт и Ур сидел за ним — умытый, причесанный, в поло-сатой рубашке с погончиками из гардероба самого Фрезера. Если бы не глаз, обведенный чернотой — можно было бы счесть этого молодого человека племянником, приехавшим погостить к богатому дядюшке.

А на столе, на беспорочно белой скатерти тихонечко посвистывал электрический кофейник, желтел брусок масла, сочилась розовой слезой ветчина. Были здесь поджаренные ломтики хлеба и апельсиновый джем в вазочках. Боб положил перед Уром два горячих беленьких кубика с изображением курицы и надписью «Fraser Cubic—Eggs Ltd». Ур недоуменно повертел кубик, увидел на одной из граней две разноцветные полосы с мелкими буквами: «soft boiled» и «hard boiled»¹.

— Ударьте по нему ложечкой,— сказала Аннабел Ли.— Вот здесь, где кружок выдавлен. Не бойтесь, не взорвется!

Ур ударил ложечкой, кружок отскочил. Аннабел Ли засмеялась, видя, как гость с опаской заглянул внутрь кубика.

— А теперь ешьте,— командовала она.— Что, никогда не видели? Это самые лучшие в мире яйца, самые вечные и... что там еще в твоих рекламах, дэдди?

Яйцо на вкус оказалось хорошим, свежим.

— Синтетическое? — спросил Ур.

— Как бы не так! Самое настоящее яйцо от живой курицы, и будь я проклят, если моя реклама врет,— сказал Фрезер.— Лучше этих яиц на свете не бывает.

— Вам удалось вывести породу кур, несущих кубические яйца?

— Ха, порода кур! — Фрезер заметно воодушевился.— На такую селекцию сто лет уйдет, а я так долго ждать не могу. У меня, если хотите знать, все проще. Пластмасса!

— Вы переливаете содержимое яйца в пластмассовый кубик?

¹ «Вмятку» и «вкрутую» (англ.).

— Именно так, сэр. Нравится?

— Очень.

— Это я сам придумал, если хотите знать. Пришлось всадить кучу денег в разработку пластика, в технологию, но зато я выжил и утер нос МУАК. Кубические яйца не боятся перевозки. В коробку, в которой помещается пять дюжин обычных яиц, свободно укладывается девять дюжин кубических. Они не бьются и не портятся, им не нужны рефрижераторы, они всегда свежие...

— Ну, дэдди, понесло тебя,— сказала Аннабел Ли.

— Да, сэр, всегда свежие! — закричал Фрезер, хотя Ур нисколько не оспаривал это утверждение.— Хотите знать почему? Потому что при переливании я отделяю зародышевый диск и добавляю капельку консерванта.

— Очень интересно,— сказал Ур.— А желток не смешивается при переливании с белком?

— Ага, вам интересно! Слыхала, Энн? Ему интересно! Он хочет увезти яйцо фирмы Фрезера к себе на Юпитер!

— Дедди, я же просила тебя...

— Не мешай! — отмахнулся Фрезер и налил еще виски.— Так я и сказал вам, почему не смешиваются желток с белком! Это секрет фирмы, мистер... как вас там... У меня тут выпытывали это и не такие хитрецы, как вы. Черта с два! Хотите покупать кубические яйца — пожалуйста. А выведать секрет — провалитесь в преисподнюю вместе с вашим «общим рынком»! Своих яиц, видите ли, полно! Да разве может быть сравнение? Ну ничего, Фрезер терпелив... Фрезер подождет, пока в вашей проклятой Европе...

Продолжительный звонок прервал его темпераментную речь. Старый Боб пошел открывать, а тем временем Аннабел Ли увела Ура к себе в комнату и велела сидеть тихо.

— Если это полиция, то мое молчание не поможет,— сказал Ур.

— Никакая полиция в мире не войдет в мою комнату,— твердо ответила Аннабел Ли.

Заперев дверь на ключ, она сбежала вниз, в гостиную, где Фрезер, стоя со стаканом в руке, разговаривал с двумя незваными гостями. Одного из них, в костюме песочного цвета, Аннабел Ли сразу узнала: это был коммиссар Прувэ.

...Когда Ур вышел из машины, оставив Прувэ одного на темном шоссе близ Санта-Моники, комиссар развернул свой «ситроен» и поехал обратно. Увидев на развилке указатель «Аннеси», он, не раздумывая, повернул туда. Одна только мысль была у него в голове: раздобыть оранжад. В крайнем случае — ситронад, потому что разница невелика, и тот и другой напиток делают на двууглекислой соде. На двууглекислой соде, будь она проклята. Это чрезвычайно важно. Альфа и омега, начало и конец.

Он ехал долго. Недалеко от Аннеси Прувэ пришлось остановиться: бензобак был пуст. Почти до самого рассвета он дремал за рулем на обочине пустынного шоссе. Встрепенулся от шума мотора: ехал грузовичок, набитый капустой. Комиссар остановил его и уговорил фермера продать немного бензина.

Марка была неподходящая, «ситроен» чихал и задыхался, и только в шестом часу утра комиссар Прувэ добрался до Одерона. Мрачнее тучи он проследовал в свой кабинет, не отвечая на вопросы встревоженных сотрудников. Подкрепил себя спиртным. Он мучительно старался вспомнить ночное происшествие, но помнил лишь одно: он повез этого Ура выпить оранжаду. В крайнем случае — ситронаду... Они ехали в Санта-Монику, но потом Ур сказал, что это не Санта-Моника, а Экс-ле-Бен. Ур вышел из машины и пошел искать ближайшее кафе, а он, Прувэ, поехал в Аннеси, потому что там тоже бывает хороший оранжад... Или ситронад. Это почти одно и то же. Будь он проклят, этот пришелец, забивший ему голову своим оранжадом! И еще эта неотвязная трижды проклятая двууглекислая сода! Альфа и омега, чтоб ему заткнула глотку рогатая жаба! Прувэ вскочил из-за стола и минуту или две метался по кабинету, выкрикивая ругательства — все, какие только знал. Потом он прошел в туалет, подставил голову под кран с холодной водой. И, окончательно придя в себя, начал действовать. По всему департаменту была поднята на ноги полиция. Внешние приметы Ура были сообщены по телефону и радио в морские и аэропорты. Помчались служебные машины в Экс-ле-Бен, Аннеси и другие соседние города. Сам Прувэ с группой сотрудников выехал в Санта-Монику. Два адреса интересовали его в первую очередь: Океанариум и вилла Фрезера...

Войдя в гостиную, Аннабел Ли услышала, как ее отец, стоя со стаканом в руке, говорил приезжим:

— Своих арестантов он сторожит крепко. У него ни один не сбежит. Так что, господа, приезжайте в Небраску. Никогда ведь не поздно поучиться, а? Я уверен, что наш шериф...

— Спасибо, мосье Фрезер, за приглашение,— холодно прервал его Прувэ.— Вы сказали, что беглеца в доме нет. Разрешите, однако, спросить: почему у вас на столе три прибора? Разве вы живете тут не вдвоем с дочерью?

— С нами завтракает наш слуга,— сказала Аннабел Ли.

— Слуга? — Прувэ пристально посмотрел на молчаливого спокойного Боба.

— Да,— подтвердил Фрезер.— Боб Мэрдок свой человек у нас в доме. Если хотите знать, мистер Прэйв...

— Прувэ, с вашего позволения.

— Пусть так, вам лучше знать. Так вот, Боб Мэрдок был знаменитым гонщиком, когда вы еще только затверживали таблицу умножения и...

— Думаю, что и вы в те времена делали то же самое.

— Да. И будь я проклят, если это были плохие времена. Ученые тихонечко сидели в своих лабораториях, и каждый мог спокойно делать свой бизнес, и никто не слыхивал о вашем проклятом «общем рынке», который...

— Мосье Фрезер, об «общем рынке» поговорим в другой раз. Я полагаюсь на ваше честное слово и не стану производить обыск. Но уверены ли вы, что беглец не укрылся тайком в саду?

Прувэ устремил пронизательный взгляд на Аннабел Ли. Та хладнокровно пожала плечами и сказала:

— Я была бы очень рада, если б он оказался у нас в саду.

Прувэ и сопровождавший его детектив прошли по дорожкам сада, заглянули в беседку, в пляжную кабинку. Затем, приподняв на прощанье шляпы, скрылись за воротами. Выждав, пока утих гул отъехавшего автомобиля, Аннабел Ли побежала наверх.

— Ну вот, все в порядке, Ур, мы отшили полицию.— Склонив набок белокурую головку, она разглядывала его.— Вам идет эта рубашка. Пожалуй, идет даже подбитый глаз... Все же чего-то не хватает. Надо подумать. А, поняла!

Она взяла голубую шелковую косынку и повязала Уру на шею.

— Вот теперь о'кэй! — Аннабел Ли, улыбаясь, положила руки Уру на плечи.

Перед ужином старый Боб еще раз обошел виллу, осторожно выглянул за ворота. Вернувшись в гостиную, он сказал:

— Все спокойно. Но ставлю сотню против рваного башмака, что они притаились и смотрят в оба.

— Задерните шторы на окнах, Боб, — сказал Фрезер. — И посидите на веранде. Мы тут управимся сами. Собери-ка ужинать, Энн.

Весь день он понемногу накачивался спиртным, но утреннее оживление с него слетело. Посасывая сигару, Фрезер сосредоточенно просматривал вечерние газеты. Потом отбросил их. Заткнул за воротничок салфетку, положил себе на тарелку салату.

— Комиссар Прувэ поклялся изловить пришельца, — сказал он и посмотрел на Ура. — Может, вы и впрямь оттуда? — Он поднял руку, как бы ввинчивая палец в воздух.

— Я такой же земной человек, как и вы, мистер Фрезер, — тихо сказал Ур.

Он чувствовал себя скверно. Избегал смотреть на Аннабел Ли, односложно отвечал на ее веселый шепет. И его все томило ощущение, будто с родителями что-то случилось...

— Вот что, — сказал Фрезер, не сводя с Ура задумчивого взгляда. — Меня не касается, откуда вы родом. Публике хочется, чтобы вы были пришельцем, а уж если публике так хочется, то надо продолжать игру. — Он отпил из стакана. — Итак, я предлагаю вам следующее. Я связываю вас с нашим консульством, вы подтверждаете, что прибыли с Юпитера или откуда хотите, и заявляете о желании вступить в американское подданство. Затем я принимаю вас к себе в дело...

— О дэдди! — Аннабел Ли бросилась к отцу и поцеловала в щеку. — Как хорошо ты придумал!

— Я знал, что тебе это понравится. От вас, мистер Ур, потребуется совсем немного. Ну, скажем, заявить журналистам или на телевидении, куда вас наверняка

поволокут,— заявить, например, что из земных напитков вам больше всего нравится оранжад, а из еды — кубические яйца фирмы Фрезера...

— Чудесно, дэдди! И он поедет с нами в Валентайн!

— Мы подпишем контракт, вы получите за рекламу крупный гонорар, и он будет возрастать с каждой моей новой выгодной сделкой.

— Ур! — Аннабел Ли обратила на него сияющий взгляд.— Дэдди не поскупится, это я точно знаю. Это же замечательно! Ты хорошо заработаешь на рекламе, а потом напишешь книгу и получишь за нее миллион долларов. Все будет о'кэй, милый!

Ему было жаль разочаровывать Аннабел Ли, но ничего не оставалось, как сказать:

— Большое спасибо, но я не могу принять ваше предложение, мистер Фрезер. Я должен сегодня ночью улететь отсюда.

Как они ни уговаривали его остаться, Ур был непоколебим. Ему нужно улететь. Какая-то беда произошла с его родителями. Да, у него есть родители, и он должен их срочно навестить...

— Мы будем тебя ждать, Ур! Ты проводишь стариков и вернешься, не правда ли?

— Не знаю, Энн,— ответил он мягко.— В жизни столько неожиданностей, что все может случиться.

А Фрезер сказал:

— Первый раз вижу человека, который отказывается от хорошей сделки.

Ур сел писать письмо. Заклеив конверт, попросил Аннабел Ли завтра же переслать письмо в Океанариум доктору Русто.

Около полуночи они вышли из дому. Было темно и ветренно, сад был полон шороха, теней и ночного благоухания. Фрезер остался на веранде. Попыхивая сигарой, он смотрел вслед трем фигурам, пока их не поглотила темень.

Аннабел Ли, Ур и старый Боб молча спустились к пляжу. Белым призраком покачивалась у маленькой пристани яхта. Ур первым прыгнул в нее и помог сойти Аннабел Ли. Потом прыгнул Боб. Он отвязал яхту, с силой оттолкнулся от сваи. Все трое сидели в углублении кокпита. Боб потянул фал, и дакроновый грот легко всплеснулся над ними и принял ветер.

— Как страшно ночью в море! — шепнула Аннабел Ли. — А ты еще хотел плыть! Почему твоя лодка не может подлететь к берегу?

— Она может. Просто я так привык...

Кренясь, яхта уходила в открытое море. Она шла без огней. Берег отдалялся, уплывал. Но что-то происходило на берегу — там заплясали огоньки фонариков, и порывом ветра донесло слабые голоса.

— Тревога, — разжал губы старый Боб, поглядев на берег. — Они следили. Я знал.

— А далеко еще до твоей лодки? — спросила Аннабел Ли, беспокойно крутя головой.

— Нет. Надо только подальше отойти от берега.

Яхта шла под свежеющим ветром, плавно покачиваясь на волнах. И тут блеснул огонь где-то у подножия черной громады мыса Серра. Это мигал прожектор. Потом он погас, и стали видны бортовые огни — красный и зеленый. Отчетливо донесся напряженный стук мотора.

— Велит остановиться, — сказал Боб.

— Это катер береговой охраны? — спросил Ур.

— Что ж еще? Он идет прямо на нас.

Луна была ущербная, то и дело наплывали на нее рваные облака, но света на море было все же достаточно для того, чтобы преследователи могли разглядеть идущую под парусом яхту. Теперь катер стал забирать немного вправо, мористее, чтобы перерезать яхте курс. Опять вспыхнул прожектор, угрожающе взвыла сирена.

— Ты будешь вспоминать меня? — спросила вдруг Аннабел Ли.

Ур не ответил. Он сидел, выпрямившись и вытянув шею, лицо его было неподвижно, глаза полуприкрыты. Аннабел Ли ощутила прилив жутковатого холода.

— Так. — Ур встрепенулся. — Слушайте внимательно, Боб. Как только я выпрыгну, тотчас поворачивайте оверштаг и ложитесь на обратный курс. Включите бортовые огни.

— Ур, ты что хочешь?..

Вопрос замер на устах Аннабел Ли. С ужасом она смотрела, как Ур медленно перевалился через борт яхты в темную воду.

— Прощай, Энн, будь счастлива! — крикнул он уже из воды. — Боб, прощайте!

Вода была холодная. Холоднее, чем в ту ночь, когда

он впервые подплывал к берегу Санта-Моники. А может, ему просто казалось так. Он поплыл навстречу спускающемуся, скупо освещенному луной веретенообразному телу своей летающей лодки.

Глава седьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ УРА

Отнесите меня на постель и, если можно, позовите мудрую Урганду, чтобы она осмотрела и залечила мои раны.

Сервантес, Дон Кихот

Благо тем, кто спокойно спит ночью и, до конца досмотрев все сны, просыпается засветло. Но если предрассветный час застает тебя одного в степи и если ты к тому же томим неясным предчувствием беды, то нет тебе покоя.

Ур понимал, что было бы разумнее дожидаться рассвета и только потом пуститься в дорогу. Но нетерпение погнало его вперед. Он быстро шел, почти бежал по темной степи, то и дело натываясь на камни, на жесткие кусты верблюжьей колючки.

Он приземлился точно в том же месте, где год назад впервые вышел из лодки на землю. Где-то поблизости должны быть нагромождение скал, и родник, и овечья тропа, ведущая к главной усадьбе колхоза имени Калинина.

Где же скалы, где родник? Ур остановился, прислушался — не журчит ли вода? Но ничего, кроме собственного учащенного дыхания, не услышал. Кажется, он слишком забрал влево. Уж очень заметно здесь повышается местность. Да, надо взять правее. Он снова побежал. Провалился в неглубокую яму, подвернул ногу, исцарапал руки колючим кустом, когда выбирался из ямы.

Да, ровно год назад ясным сентябрьским днем он ступил в первый раз на эту обожженную землю. И вот он снова здесь. Предрассветная степь простирается перед ним, как судьба...

На востоке немного просветлело. Оглянувшись, Ур разглядел неровный, холмистый силуэт. Вот они, скалы! А он кружит вокруг битый час... Теперь можно было раз-

личить легкий звон воды. Степной неожиданный родник! Можно искать тебя всю жизнь — лишь бы припасть наконец к твоей упругой холодной струе...

Вода как бы смыла с него бессонную усталость. Ур зашагал по овечьей тропе, отмеченной многочисленными орешками. Быстро светало. Где-то впереди перекликались петухи. И вот показались знакомые строения колхозного поселка.

Дом неприятно удивил его мертвой тишиной. Обычно мать на рассвете была уже на ногах, разводила огонь в очаге... Ур взлетел на веранду и увидел черный амбарный замок, наглухо замкнувший дверь. Возле двери чернели старые сандалии Шама.

Внезапная слабость в ногах заставила Ура сесть на ступеньку. Тупо смотрел он на закопченный очаг во дворе, на связки оранжевого лука, свисающие с балки веранды.

Послышался собачий лай, бляение овец. Облачко пыли поднялось над соседними садами. Ур поднялся и медленно пошел в ту сторону вдоль заборов, сложенных из нетесаного камня.

Слитной желтовато-кудрявой массой текла отара.

— Чо! Чо-о! — покрикивали пастухи, тыча длинными посохами в отбившихся овец.

Здоровенный пес «алабаш» зарычал на Ура, оскалив клыки. Один из пастухов прикрикнул на пса и подошел, протянул Уру коричневую жилистую руку.

— Приехал, молодой? — сказал он, раздвигая в улыбке черные усы. — Мамичка тебя ждала, очень сильно плакала...

— Курбанали! — узнал Ур приятеля Шама. — Что случилось, где мои родители?

Пастух печально покивал головой в мохнатой папахе.

— Папичка совсем заболел. Здесь болел. — Он хлопнул себя по заду. — Вчера... нет... перед вчера райцентр ехал.

Он добавил что-то по-азербайджански, чего Ур не понял. Но главное было понятно: отца увезли в больницу и мать уехала с ним. Ур спросил, как выйти на дорогу, ведущую в райцентр, попрощался с Курбанали и пошел было, но тот окликнул его:

— Молодой! Большой радость случился. Наш завфермой Даи-заде помнишь? Га, Джанавар-заде! Суд

пошел! Клянусь тобой! — Курбанали хлопнул себя по коленке и захохотал.

Ур зашагал по немощной улице и вскоре вышел на бетонку. Спустя часа полтора его нагнал попутный грузовик. Шофер, парень примерно одного с Уром возраста, притормозил, махнул рукой, приглашая садиться. Ехал он небрежно, на очень большой скорости.

В небольшом селении, через которое пролегла дорога, шофер посадил в кузов четверых колхозников с корзинами, наполненными инжиром и алычой. Потом подобрал на шоссе еще троих. Машина въехала в райцентр — одноэтажный городок, утопавший в садах. На базарной площади пассажиры высыпали из грузовика и расплатились с шофером. Ур растерянно развел руками. Водитель презрительно глянул на него:

— Такой молодой, а уже хитрый.

— Вы же сами предложили мне сесть в автомобиль, — сказал Ур.

— Денег нет — пешком ходи, — ответил шофер и повернулся к нему спиной.

Районная больница помещалась в нескольких белых домиках в глубине просторного, обсаженного тополями и акациями двора. В один из этих домиков — в хирургическое отделение — и направили Ура из приемного покоя, где он навел справки.

Здесь, в коридоре с белеными стенами, стоял меж двух кадок с фикусами старенький диван, и на диване сидела, сгорбившись, женщина в накинутом на плечи белом халате и выцветшем красном платке на голове. Она уставилась на вошедшего Ура, потом, вскрикнув, бросилась ему на шею. Она плакала навзрыд, подвывая и бормоча неразборчивое. Ур гладил ее по голове. В горле у него стоял комок, он не мог произнести ни слова. Каа потащила его к одной из белых дверей, распахнула ее. В маленькой палате лежали четверо, и Ур не сразу узнал среди них отца.

Шам лежал на животе, повернув голову набок. Глаза его были закрыты, лицо — влажное, морковно-красное, из черной путаницы бороды и усов вырывалось хриплое дыхание. Над ним стояла пожилая медсестра. Она набирала в шприц прозрачную жидкость из флакончика. Обернувшись на Ура и Каа, сестра сделала страшные глаза и велела немедленно закрыть дверь с той стороны.

Ур усадил мать на диван.

— Перестань плакать. Перестань и расскажи, что случилось.

Всхлипывая и вытирая глаза уголком платка, мать заговорила на своем языке, то и дело вставляя азербайджанские слова и часто повторяя слово «ремонт»:

— Еще весной на речке плотину прорвало. Джана-вар-чай называется речка. Ремонт надо. Председатель требовал, звонил телефон. Не знаю, кто ремонт тянул. Захотели ремонт сами делать. Все мужчины пошли. Твой отец сильный мужчина, много работал, ремонт делал. Один день очень долго в воде работал...

Тут Каа опять заплакала! Из ее сбивчивых слов узнал еще Ур, что после той длительной работы по пояс в воде Шам занемог. Подскочила от сильной простуды температура да еще образовался на правой ягодице огромный нарыв. Она, Каа, сначала прикладывала к нарыву капустный лист — он ведь хорошо жар вытягивает. Но не помог капустный лист. Колхозный фельдшер сделал Шаму укол и отвез сюда, в больницу. Только отцу лучше не становится, и она, Каа, очень боится, что он умрет.

Мать посмотрела на Ура — и залилась еще пуще:

— Где ты был, сыночек, почему к нам не приходил? — И, тронув пальцем черное пятно вокруг глаза: — Тебя били? Тебя злые люди обижали, камни бросали? А-а-а... А-а-а-а...

Она причитала, раскачиваясь, а Ур гладил ее по голове, пытался успокоить. Отворилась дверь, из палаты вышла давешняя сестра с блестящей никелированной корбочкой.

— Ты забыла, что доктор сказал? — обратилась она к Каа по-азербайджански. — Если будешь громко плакать, тебе не разрешат здесь быть.

— Как мне не плакать, сестрица, если муж умирает?

— Кто тебе сказал, что он умирает? Не умрет. Доктор говорил, надо операцию делать.

Каа повернула к сыну заплаканное, озабоченное лицо.

— Апераца, — повторила она. — Варели тоже говорил, надо апераца делать. Что это такое?

— Это... ну, разрезать надо нарыв... Ты сказала — Валерий? Он что, был здесь?

— Здесь, здесь,— закивала Каа.— Пошел телефон звонить.

Валерия Ур нашел в кабинете заведующего отделением. Он сидел за столом, застеленным простыней и накрытым стеклом, и кричал в телефонную трубку:

— Два-три-один! Вы слышите? Дайте два-три-один!

— Кому ты звонишь? — спросил Ур.

Валерий поднял на него взгляд. Выгоревшие брови взлетели на лоб. Не отнимая трубки от уха, Валерий вскочил, и ему пришлось подхватить телефонный аппарат, вздернутый шнуrom.

— Приехал?! — заорал он.— Где ты был?.. Нет, я не вам! — прокричал он в трубку.— Так дадите два-три-один наконец? Да, да, жду... Ур, где ты был? Что у тебя с глазом?

— Потом расскажу. Кому ты звонишь?

— Да понимаешь, я узнал, что твой отец заболел,— зачастил Валерий.— Приехал навестить вчера, дом заперт, ну, я — в правление, оттуда на попутной сюда. Пришлось заночевать здесь на диване... Слушай, у отца температура за сорок, сильнейший воспалительный процесс, пенициллин не помогает. Здешний хирург в отпуску, а тот, кто его заменяет... Да, да! — закричал он в трубку.— Давайте!.. Лев Семенович? Горбачевский говорит... Слышу, слышу!.. Есть разрешение?.. Ну, прекрасно! Значит, я его привезу прямо в республиканскую. Вы только позвоните главврачу насчет санитарной машины... Лев Семенович, еще одно: Ур появился... Еще не знаю, он только что вошел...— Валерий прикрыл трубку ладонью и сказал Уру:— Это профессор Рыбаков.

Ур протянул руку к трубке.

— Профессор Рыбаков? — сказал он.— Перед моим отъездом вы просили меня прийти, но я... не сумел прийти... извините... Теперь меня интересует только одно: разрешат ли мне пребывание в стране после того, как я... Не от вас? А от кого?.. Ну, хорошо, я буду ждать... Нет, пока никуда не собираюсь... Буду, наверно, у Валерия, если он не возражает...

— Не возражаю, не возражаю,— вставил Валерий.

...Все было белым в республиканской клинической больнице — стены и койки, чехлы на цветочных кадках и чехлы на лестничных перилах, носилки и кресла на колесах, стоящие вдоль стен.

Сюда, в белое царство медицины, и был помещен Шам. Перед операцией ему сделали рентгеновский снимок. Карбункул оказался глубоким, многокорневым, но еще глубже снимок показал некое инородное тело. Не оно ли и вызвало воспалительный процесс?

Операция была не из сложных. Хирург быстро вскрыл карбункул, а потом повел разрез глубже и извлек инородное тело. Было похоже, что оно сидело в живом теле давно.

Извлеченный предмет был отдан на всесторонний анализ. И вот что он показал:

«Инородное тело имеет цвет почти черный, форму, близкую к конической, с неопределенно выраженной граненостью. Удельный вес — 2,512, твердость по шкале Мооса — 7,0, каковая высокая твердость, совокупно с остроконечной формой, способствовала глубокому внедрению в мышечные ткани. Химический анализ: преобладание соединений SiO_2 , то есть кремнезема...»

Короче говоря, это был кремень. Тот самый кремень, который некогда сыграл исключительную роль в истории цивилизации.

Повторное лабораторное исследование выявило крупинки древесного угля, приставшие к кремневому наколечнику. Вероятно, деревянный стержень стрелы был для прочности обожжен огнем. Было и другое мнение: будто бы некий врачеватель применил древесный уголь в раскаленном виде для дезинфекции Шамовой раны — в соответствии с формулой античных врачей, которая гласит: «Что не излечивается железом, то излечивается огнем».

Как бы то ни было, в руках специалистов оказался древесный уголь. Теперь можно было радиоуглеродным способом определить его возраст, так как со временем радиоактивность угля равномерно убывает. И анализ показал, что наконечник стрелы, как и сопровождающие его частицы древесного угля, имеет возраст не менее шестидесяти веков.

— ...Рад вас видеть,— сказал профессор Рыбаков, выходя из-за стола навстречу Уру.— Садитесь. Вы очень изменились со времени нашей последней встречи. Сколько... уже, кажется, год прошел?

— Да, год.

— Не стану вас расспрашивать о заграничном вояже, Ур. Его достаточно широко освещала зарубежная пресса, и вам вряд ли будет приятно вспоминать...

— Отчего же,— пожал плечами Ур.— Были там и приятные встречи. Например, я рад, что познакомился с доктором Русто.

Разговор как-то не клеился. За окном посвистывал норд — господствующий в этих краях северный ветер. Сильный порыв со стуком распахнул плохо притворенную раму, прошелся по кабинету пыльным вихрем, смахнул с профессорского стола бумаги. Рыбаков кинулся закрывать окно, запутался в раскачиваемой ветром шторе, дернул ее и едва не сорвал вместе с карнизом. Ур тем временем подбирал разлетевшиеся бумаги. На одной из них бросился ему в глаза крупный гриф Академии наук. Невольно взгляд скользнул по густому машинописному тексту.

«...затянулось недопустимо долго. Прошу Вас принять энергичные меры для установления личности пришельца, либо, если это не удастся...»

Ур быстро отвел взгляд и положил бумагу вместе с другими подобранными листками на стол. Рыбаков наконец справился с взбесившейся шторой и, закрыв окно, вернулся на место.

— Сколько уже лет живу здесь, а никак не привыкну к норду,— сказал он.— Итак, на чем мы остановились? Да, у вас была приятная встреча с доктором Русто. Само собой, само собой, он достойный человек... Вот что, Ур. За минувший год многое переменялось. Вы, по-видимому, вполне акклиматизировались... или, точнее, адаптировались, и, хотя те или иные ваши поступки не совсем объяснимы с точки зрения логики, нынешняя ваша коммуникабельность неизмеримо выше первоначальной. Прошу меня понять правильно. Я не собираюсь вас допрашивать...

— Все ясно, профессор. Простите, что перебиваю. Вы хотите знать, кто я такой, откуда и каковы мои намерения.

— Совершенно верно.

— Понимаю, что должен многое объяснить. Я сделаю это, но, если разрешите, не сейчас. Наверное, скоро я уеду... улечу... и вот перед отъездом расскажу вам кое-что о себе.

— Вы опять собираетесь перелететь за границу?

— Нет. Улечу насовсем.

— Это значит — покинете Землю?

— Обещаю перед отъездом ответить и на этот вопрос.

Помолчали. Завывал за окном норд. Рыбаков pokrутил головой, расслабляя на шее узел галстука. Перед ним сидел вполне земной человек — с печальным выражением лица, с подбитым глазом, — но он хранил в себе тайну, не доступную никому.

— Очень жаль. — Рыбаков почесал мизинцем бровь. — Очень жаль, что вы упорно избегаете откровенного разговора. Но ответьте, по крайней мере, на загадку, которую нам задал ваш отец. Когда и при каких обстоятельствах он был ранен стрелой?

— Это произошло примерно за год до моего рождения. Со слов отца и матери я знаю только то, что на стадо овец напали какие-то плохие люди, отец оказал им сопротивление и был ранен в схватке. Где это было, я не знаю, потому что у родителей... у них довольно смутное представление о географии.

— Вам сколько лет, Ур, — двадцать пять?

— Двадцать шесть. Я точно высчитал.

— Значит, отец был ранен стрелой двадцать семь лет назад, верно? Такой срок показывает и патологоанатомическая экспертиза, судя по инкапсуляции¹ наконечника стрелы. Но тут-то и кроется загадка. Дело в том, что возраст наконечника, извлеченного из ягоды вашего отца, определен в шесть тысяч лет.

— Шесть тысяч лет? — переспросил Ур. — Вы уверены, что это так? Каким образом вы определили?

— Радиоуглеродным методом. Кусочек обломанного древка, на которое был насажен наконечник, сохранил частицы древесного угля, и поскольку период полураспада угля...

— Понятно.

¹ И н к а п с у л а ц и я — обрастание тканью.

Рыбаков подождал немного, думая, что Ур как-то попытается объяснить парадокс, но тот молчал. Было похоже, что Ур не очень удивлен. Скорее он выглядел озабоченным, удрученным. Да, совсем не похож на того жизнерадостного варвара, каким предстал Рыбакову год назад в колхозе имени Калинина.

— Что ж,— поднялся Рыбаков,— ничего не остается, как ожидать обещанных предотъездных объяснений. Когда вы, собственно, собираетесь улетать?

— Пока не знаю.

Уставившись куда-то в угол, Ур тоскливо думал о том, что деваться ему некуда. Назначить определенную дату отлета—это зависело не только от него. И не столько от него... Куда же ему пойти, где найти убежище? Не возвращаться же в Институт физики моря, на который он навлек неприятности и из которого тайком бежал... Жить у Валерия нахлебником тоже не годится. Правда, у матери, которую приютила у себя добрая тетя Соня, есть немного денег, но она совершенно не умеет считать и рассчитывать — в первом попавшемся на глаза галантерейном или промтоварном магазине может оставить все до последней копейки. Ее нельзя выпускать одну в город...

Единственное место, где можно пожить в тиши, пока не представится возможность отлета,— это дом родителей в колхозе...

Спохватившись, он встал, попрощался.

— Может быть, когда отец выйдет из больницы, я поеду в колхоз,— сказал он, уже взявшись за дверную ручку и исподлобья посмотрев на Рыбакова.— Поживу немного у родителей.

В субботу Шама выписали из больницы, и Валерий с Уром привезли его на такси домой, на улицу Тружеников Моря. Было решено отметить это событие семейным шашлыком.

Мясо нарезал на куски сам Шам. Тетя Соня гнала его из кухни, просила лечь отдохнуть, но доверить женщинам резание баранины Шам, естественно, не мог. Лишь покончив с этим делом, он погладил тетю Соню по плечу и покинул кухню. Женщины принялись резать лук, то лочь сумах, заливать мясо уксусом и нар-шарабом —

уваренным гранатовым соком. При этом Каа говорила без умолку — хвалила Шама и жаловалась на сына за то, что он никак не женится. Тетя Соня сочувствовала ей и в свою очередь жаловалась на Валерия.

Тем временем Валерий трудился на чердаке. От старого ящика, в котором некогда хранились Фарберовы книжки и журналы, а теперь лежала всякая рухлядь, он отодрал несколько толстых досок и снес их во двор. Возле дворовой арки, ведущей на улицу, был пятачок, не покрытый асфальтом, и тут лежали два параллельных ряда закопченных камней, — уже добрых сто лет это место служило всему двору шашлычным мангалом.

Потом Валерий поднялся к себе на второй этаж. Здесь на открытой площадке стоял Шам. Опершись о перила, он с интересом наблюдал за футбольной схваткой во дворе. В наиболее острые моменты игры, какие принято называть голевыми, Шам очень возбуждался: выкрикивал что-то и размахивал руками, подбадривая или осуждая игроков. Мальчишки поглядывали на бородатого болельщика, посмеивались.

А еще на Шама подслеповато и косенько посматривал пенсионер-фармацевт Фарбер из раскрытого окна своей галереи.

Валерий кивнул Фарберу и прошел в свою комнату. Здесь лежал на своем диване и читал газету Ур — в любимых плавках, босой, совсем как год назад, когда он только поселился у Валерия. И можно было подумать, что ничего не переменялось за этот год, если б не сбритая борода и подбитый глаз...

Закурив, Валерий повалился в кресло.

— В понедельник Вера Федоровна прилетит из Москвы, — сказал он, постукивая пальцами по подлокотникам.

— Это хорошо, — ответил Ур и, перевернув страницу «Известий», углубился в судебный очерк.

— Что с тобой стряслось, Ур? Будто подменили. Тебе даже не интересно, зачем она летала в Москву.

— Зачем? — коротко взглянул на него Ур.

— Пробывать тему океанских течений.

— Я так и подумал, потому и сказал, что это хорошо.

Валерий почесал под рыжевато-русой бородкой.

— А ты вернешься в институт, если снова разрешат океанскую тему?

— Нет. Я же говорил, что поживу немного у родителей.

— Странный ты все-таки...— Валерий подался вперед, упершись локтями в колени.— Сам заварил кашу с этой «джаномалией», сидел за расчетами, силовую установку для пролива Дрейка придумал — и все побоку? Ну ладно, когда тему прикрыли, ты сбежал, думал, что все из-за тебя,— это понять можно, хотя и с натяжкой. Но теперь-то! Обстановка меняется. Пиреев, говорят, уже не зампред по науке, куда-то уходит по собственному желанию. Океанскую тему Вера Федоровна пробьет наверняка. Никаких помех! А ты — к родителям в колхоз... Чудило ты гороховое, вот и все.

— Почему гороховое? — спросил Ур.

— «Почему, почему»!.. Не буду объяснять! — гаркнул Валерий.— Проходу мне в институте не стало: где Ур, почему на работу не выходит... Утром войдешь в отдел — Нонка вот такими глазами глядит.— Валерий сомкнул пальцы обеих рук, показав большую округлость.— Задает, так сказать, безмолвный вопрос. А я ей отвечаю так...— Он соорудил зверскую рожу.

Ур искоса смотрел на него. Потом отбросил газету, рывком поднялся с дивана, подошел к окну. Валерий вдруг подумал: уж не приступ ли у него начинается?

— Ур! — крикнул он.

— Ну, что тебе? — резко обернулся Ур, и лицо его изказила злая гримаса.— Чего ты душу выматываешь? Что вам всем нужно от меня?!

Он кинулся вон из комнаты. Валерий ткнул окурок в пепельницу и выскочил вслед за Уром.

Куда девался этот сумасшедший? У тети Сони в комнате его нет, в кухне тоже. Не побежал же он в одних плавках на улицу! Хотя с него станется...

Тут Валерий увидел, что дверь черного хода стоит открытая. По темной, пахнувшей кошками лестнице он поднялся на чердак. Здесь было душно. Пыльный брус света косо падал из окошка, сплошь затканного паутиной. Валерий огляделся. Ржавая ванна, источенный жучком колченогий комод, свалка отслуживших свой век примусов, глиняных горшков, самодельных газовых таганков... За свалкой сидел на полуразбитом ящике Ур.

Он молча смотрел на Валерия, и тому стало вдруг жутковато от этого немигающего и как бы затравленного взгляда.

— Можешь слезть с чердака,— сказал Валерий.— Больше я не стану тебе досажать разговорами. Живи как хочешь.

И он двинулся было к лестнице, но остановился, услышав голос Ура.

— «Живи как хочешь»,— повторил тот.— Наверно, это невозможно. Так же, как невозможно уйти от людей...

Ур словно бы с самим собой разговаривал.

— ...Все связывает людей друг с другом,— продолжал он,— производство, общие цели... Даже личные цели недостижимы без помощи других... Прочные взаимные связи и в то же время — разъединенность, случайность... странная неупорядоченность приема и передачи информации...

Валерий невольно затаил дыхание, чтобы не вспугнуть, не прервать монолог. Он приготовился услышать нечто очень важное. Но Ур умолк. Он сидел, опустив голову и будто прислушиваясь к доносившимся со двора мальчишеским голосам.

— Однажды ты уже говорил что-то в этом роде,— сказал Валерий.— А что, в тех местах, откуда ты прилетел, поступление информации организовано иначе?

— Иначе,— эхом откликнулся Ур.— Конечно, иначе... если рассеянная информация сконцентрирована и мозг настраивается на направленный прием... А для чего еще существует разум?..

— Ну, ну, дальше, Ур. Что это значит — настроить мозг?

Ур поднял на него взгляд, далекий, отчужденный.

— Здесь жарко. Пойдем отсюда.— И, уже спускаясь по лестнице, он добавил негромко: — Все равно ты не поймешь...

Шам священнодействовал. Он потребовал, чтобы мальчишки на время приготовления шашлыка прекратили футбол — не ровен час, угодит еще неловко пущенный мяч в мангал, раскидает угли, погубит все дело. Шам по-

махал над раскаленными углями фанеркой, побрызгал водой, чтобы прибить язычки пламени, потом принял у Валерия шампуры с нанизанными кусками мяса и положил их кончиками на два ряда камней. Валерий понимал толк в шашлыке и сам умел его жарить, но тут пришлось ему удовлетвориться ролью ассистента: принести, подать. Он попробовал было поворочать шампуры над углями, но Шам властно отстранил его, сказав что-то на непонятном своем языке.

С пылу, с жару шашлык был подан на стол и посредством куска хлеба снят с горячих шампуров на широкое блюдо.

— За ваше выздоровление, дядя Шам,— сказал Валерий по-азербайджански, поднимая бокал.

— Ай молодец! — ответил Шам.— Хорошо сказал!

Он сидел в своей клетчатой рубашке навывпуск, легко и быстро прожевывал кусок за куском. Валерий подумал, что с вилкой в руке Шам выглядел бы куда менее естественно.

— А все-таки, дядя Шам, кто всадил в вас стрелу? — спросил он.

— Плохие люди! — сердито потряс руками Шам.— Дети змеи, чтоб им рот забило глиной! Они увели овец!

Он принялся возбужденно выкрикивать что-то на своем языке. Каа тоже кричала о плохих людях и, насколько понял Валерий, о каких-то богах, которые не дали Шаму погибнуть. Ур, который ел вяло, сказал им что-то, непонятное для Валерия, и они успокоились. Но не сразу. Как вулкан, остывающий после извержения, они еще некоторое время тихонько клокотали.

Потом Шам и Валерий принесли новую порцию шашлыка.

— Ваше здоровье, тетя Каа,— поднял бокал Валерий.

— Хорошо сказал, молодец! — просияла Каа.

И, вытерев жирные губы тыльной стороной ладони, она быстро и не всегда понятно заговорила о том, что тетя Соня очень хороший человек и она, Каа, прекрасно понимает ее заботы: это очень плохо, когда мужчина не имеет жены и дома, таких мужчин никто не станет уважать, потому что мужчина, не имеющий жены...

Тут Валерий догадался включить телевизор, и тетуш-

ка Каа замолчала на полуслове и впилась в экран, где шла передача «А ну-ка, парни!».

Уже все были сыты, только Шам с достоинством доедал шашлык. Тетя Соня с помощью Валерия и Ура стала убирать со стола и накрывать чай.

Стемнело. Полная луна долго выжидала за четырехэтажным кубом универмага. Дождавшись своего времени, она выкатилась хорошо начищенным медным диском, взошла над световым призывом «Покупайте телевизоры по сниженным ценам» и полила поток таинственного света в окна дома № 16 на улице Тружеников Моря.

Шам кинул обглоданную косточку на тарелку, вытер руки полой рубахи и подался к двери. В следующий миг он очутился на площадке дворовой лестницы и, воздев руки, испустил восклицание, явно обращенное к луне.

Как раз в это время нижняя соседка, Ляля Барсукова, поднялась сюда, на второй этаж, чтобы посоветоваться с Фарбером относительно рецепта, выписанного врачом ее мужу, страдающему желудком. Фарбер на пенсии был уже давно, но весь двор по старинке ходил к нему за консультациями. Он был хорошим фармацевтом. Он даже — в далекие годы молодости — дал миру новую мазь от потливости ног. Но настоящей его страстью были древние цивилизации.

Через раскрытое окно Ляля протянула Фарберу рецепт:

— Почему он такой дорогой, Ной Соломонович? Нам такое еще не выписывали. Посмотрите, пожалуйста.

Фарбер поднес листок к носу, подслеповато всмотрелся.

— Три шестьдесят две,— забубнил он слабым голосом.— А почему?.. М-м-м... А потому, что выписана вот эта штука,— ткнул он коричневым от старости ногтем в латинское название.— Это штука не вредная... не вредная штука... но дорогая. Можно было и без нее... Тогда...— Он пожевал губами.— Тогда обойдется в девяносто семь копеек.

— Зачем же он так делает? — возмутилась Барсукова.— Такой важный, мы с Петькой с трудом к нему пробивались, а сам лишнее выписывает.

— Потому и выписывает, что важный...

— Что? Простите, не расслышала.

— Я говорю, сами вы, клиенты, виноваты. Норовите попасть... м-м-м... к светилу, светило выпишет рецепт, вы идете в аптеку, а там говорят — платите шестнадцать копеек... И что же? И вы очень недовольны. Такое светило — и шестнадцать копеек... Не верят у нас дешевым лекарствам...

— Да, но не три шестьдесят же! Вы сделайте, Ной Соломонович, чтобы осталось девяносто семь...

— Подождите, Ляля, минуточку...

Фарбер прислушался к бормотанию Шама. Тот стоял у перил и, слегка подпрыгивая, тянулся к луне и повторял все громче, громче одну и ту же фразу.

Но вот он сотворил свою молитву — или заклинание? — и отвернулся от луны, пошел к двери. И тут Фарбер несмело, мекая и экая, произнес фразу на каком-то языке, полным открытых гласных звуков. Шам посмотрел на него удивленно и ответил. Старый фармацевт понял и сказал еще что-то. Они заговорили!

Валерий, изгнанный на площадку за курение, не поверил своим ушам, когда застал их — Шама и Фарбера — беседующими на языке, которого не понимал никто, кроме пришельцев.

— Ной Соломонович, — заныла Ляля Барсукова, — так сделайте, чтобы девяносто семь копеек...

— Обожди, — прервал ее Валерий. — На каком языке вы с ним разговаривали, Ной Соломонович?

Тот смущенно улыбнулся, от чего его косенькие глаза совсем сбежались к переносице, и забыл:

— Я еще днем к нему прислушивался, когда он кричал мальчишкам. И мне не верилось, что я понимаю некоторые слова. А когда он прыгал... м-м... прыгал перед луной и произносил заклинание, я понял точно. Он обращался к луне со словами...

— Не хотите — не надо, — рассердилась Барсукова и стала спускаться по лестнице. — Трудно ему девяносто семь сделать...

— Да отвяжись ты! — метнул в нее взгляд Валерий. — Ну, ну, с какими словами, Ной Соломонович?

— Он говорил: «Как я не могу дотянуться до тебя, так пусть мои враги не дотянутся до меня, до моей женщины, до моего стада». И тогда я составил фразу и рискнул... м-м... рискнул пожелать ему, чтобы все это исполнилось.

Шам сказал ему что-то.

Фарбер с улыбочкой помотал головой и сказал Валерию:

— Он спрашивает, не знаю ли я какого-то человека по имени Издубар. А откуда я могу его знать, посудите сами, если я всю жизнь прожил здесь, а он — в Двуречье...

— В Двуречье? — изумленно воскликнул Валерий. — Да на каком языке вы разговаривали?

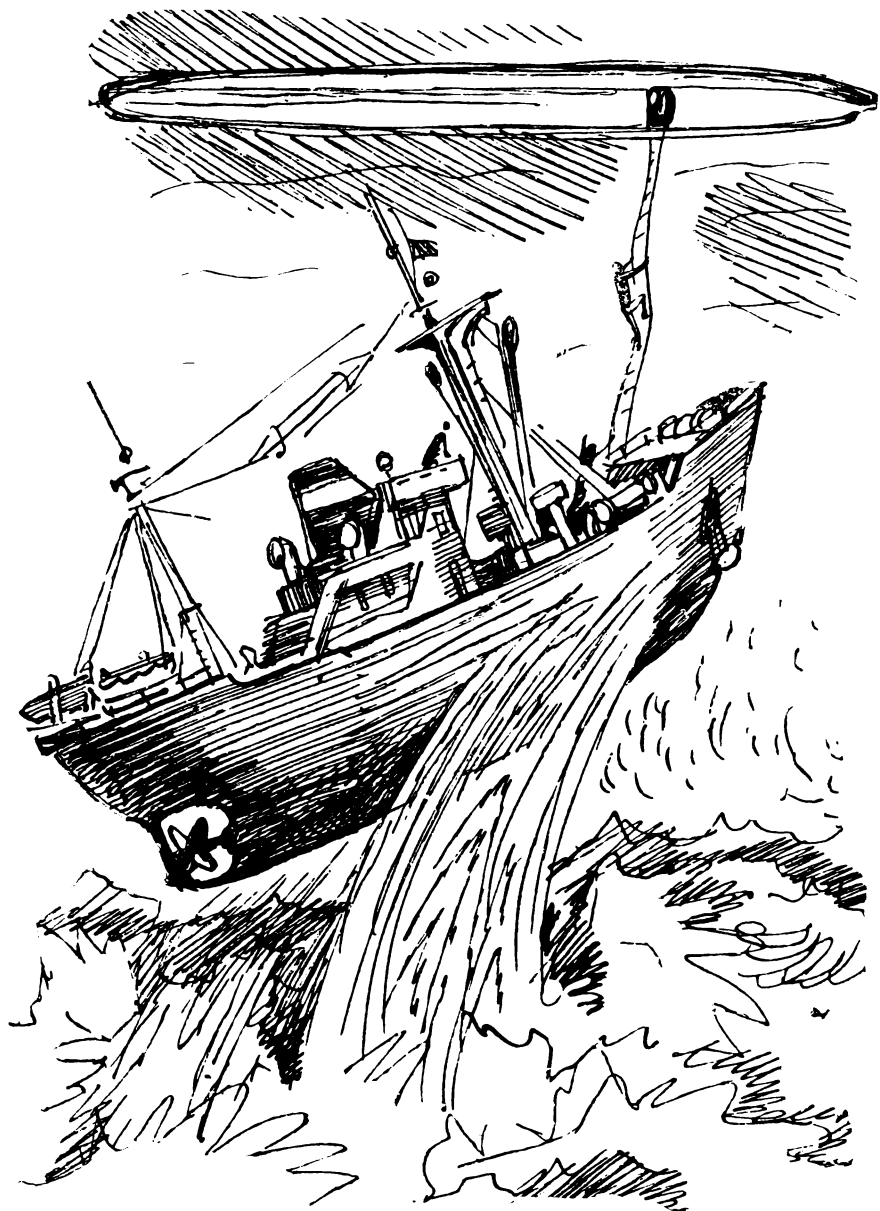
— Разговаривали! — Фарбер выглядел польщенным. — Я немножко знаю классический диалект, но одно дело немножко знать, а другое — м-м-м... разговаривать... Он, насколько я понимаю, говорит на старом диалекте, который существовал до двадцать третьего века до нашей...

— Ной Соломонович! Да не томите, скажите наконец, на каком языке вы с ним говорили?!

— Я же говорю тебе, — развел тот сухонькими ручками, — на шумерском.

Часть третья

БРАВЫЕ ВЕСТЫ

Глава первая

ЛЮДИ И БОГИ

Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану...

«Сказание о Гильгамеше»

Дождь перестал, медленные тучи сползли с солнца. Оно клонилось к закату, и люди и овцы отбросили тени далеко в сторону от караванной тропы. Долго тянулась с левой руки оливковая роща, потом пошли луга, пересеченные тут и там каналами с желтоватой водой. Трава была хорошая, густая, но пустить сюда стадо пастухи остерегались, потому что эти пастбища принадлежали чужим родам, схватываться с которыми не было никакого расчета. Хозяин воды велел пригнать стадо в Город — двенадцать овец отдать в храм, в жертву богу Нанна, а остальных обменять у тамошних богатых купцов на медь, серебро и ткани. Аданазир, старший сын Хозяина воды, не первый раз гонит караваны в Город и знает, как лучше совершить мену.

Поигрывая плеткой, ехал Аданазир во главе каравана на крепком молодом осле. Хоть и жарко стало, а ярко-красный шерстяной плащ Аданазир не сбрасывает. Не пристало ему ехать полуголым, не простой ведь он пастух.

Другое дело — Шамнилсин. Как и другие пастухи, он скинул с плеч свой плащ и идет в одной юбке. Юбка у Шамнилсина хорошая, красная с синим, полосатая. Новая совсем еще юбка. Не худо бы поберечь такую юбку, но уж очень не хочется появиться в Городе в старом тряпье. Про Город он много слышал — живет там столь-

ко людей, что никто не сосчитает, и там стоит храм богу луны высотой до неба, а базары такие многолюдные и шумные, что человеку ничего не стоит потеряться там, как малому ребенку в тростниковом лесу. Богат и могуч Город. Из многих стран — с высоких гор на востоке, из пустыни на западе — везут туда товары. А с юга плывут корабли, тоже с товарами, и по каналу достигают Города.

Первый раз идет он, Шамнилсин, с караваном в Город. Вот почему радостно у него на сердце. Может быть, в Городе ему удастся совершить мену: отец, искусный гончар, вылепил из глины шесть фигурок, хорошенько обжег, облил земляной смолой, — красивые получились фигурки, может, удастся выменять их на браслет для Кааданнатум. Очень она любит браслеты, один у нее уже есть — из раковин и бусин сердолика, и она носит его на руке.

При мысли о жене Шамнилсин улыбнулся во весь рот. Две луны назад Хозяин воды дал эту девушку ему в жены. Она уже совсем взрослая, ей двенадцать лет и четыре года, она быстронога и любит украшения, и у нее красивое имя — Кааданнатум. Она дочь Хозяина воды от рабыни. Шамнилсин получил ее, конечно, не задаром: он должен отработать Хозяину воды половину двенадцати и еще один год. Он должен заботиться о стаде Хозяина: чтобы оно умножалось и овцы были к нужному времени жирны, а к другому времени — шерстисты.

Хоть и молод он, Шамнилсин, — еще трех лет не достает, чтобы было дважды по двенадцать, — а пастух он хороший. Он знает все овечьи повадки, и какой нрав у каждого барана, и какая им нужна трава. И на осенних играх, когда юноши и мужи соревнуются, кто быстрее снимет шкуру с зарезанной овцы, он, Шамнилсин, был не из последних. Рука у него быстрая, ловкая. Потому, должно быть, и отличил его Хозяин воды, дающий жизнь Роду. Потому и дал ему в жены свою дочь от рабыни.

И уже завиднелась впереди пальмовая рощица. Погонщики, которые и раньше хаживали в Город, говорили, что за рошей дорога выйдет к Реке, к густым тростниковым зарослям. Там будет ночлег и водопой. Хорошо бы дойти засветло. В тростниковом лесу, всем известно, водятся дикие кабаны и змеи. А то и на льва, чего доброго, можно нарваться.

Старый Издубар, отец Хозяина воды, не боялся львов. Один на один выходил он на страшного зверя, вооруженный копьем и кинжалом. Ох и богатырь был! Он-то, Издубар, и привел когда-то свой Род в эту долину. Слыхал Шамнилсин от старых людей, что жили они раньше, в старину, где-то в горах, а когда истошились пастбища, пришли сюда, в долину. Старому Издубару не сиделось на месте. За долгую свою жизнь — два раза по шестьдесят лет — исходил он всю сушу с грозным своим копьем, а под конец жизни заперся в большом доме, окруженном крепкими стенами, и оттуда пошел Город. Так старые люди говорили.

Хозяин воды был его младшим сыном и поэтому не мог стать во главе Рода. Но вдруг поумирали его старшие братья. Говорили об этом всякое. Может, разгневали они богов и навлекли на свои непутевые головы гибель, ведь боги обид не прощают, а может, поубивал их Хозяин воды. В ту пору был он молод и звали его Уздубар. И после смерти братьев стал он Хозяином колодца и стада, и Род, покинутый старым Издубаром, великим охотником, подчинился молодому Хозяину.

Теперь-то и он уже стар. Он сильно преумножил стадо и вырыл для воды много каналов, и вода питала посевы ячменя и виноградники. И уже не Хозяином колодца, как встарь, а Хозяином воды называли Уздубара. Боги были милостивы к нему, и особенно Эа, бог воды, обитающий под землей. Но очень ему хотелось сравняться славой с отцом, и велел Хозяин воды приближенным людям, страже своей, говорить, что он великий охотник, убивший двенадцать львов и столько же кабанов. Но весь Род знал, что это только слова, на самом деле ничего не было. Но говорить об этом вслух никому не дозволялось под страхом наказания.

И еще Хозяин воды велел называть себя не Уздубаром, а Издубаром, как его отца, который давно уже лежит в глиняном гробу и исправно получает пищу и питье, чтобы его дух не вышел наружу и не потревожил сына за то, что принял имя отца своего.

У каждого свои заботы. У Хозяина — одни, а у него, Шамнилсина, — другие. Вот он уже взрослый мужчина, и у него есть своя хижина, сплетенная из тростника и обмазанная глиной. Есть женщина. Есть два кувшина, и два блюда из хорошей глины, и ступка для растирания

зерен, и два ножа — один из кремня, второй — из меди. И когда он отслужит Хозяину положенный срок, может быть, Хозяин даст ему участок, орошаемый водой и пригодный для ячменя или виноградника. Но это еще не скоро.

Другое тревожит Шамнилсина. Еще в первую ночь Кааданнатум, жена, поведала ему, что Шудурги, младший сын Хозяина воды, противился воле отца, требовал, чтобы тот отдал Кааданнатум в жены ему, Шудурги. А у самого уже есть три жены. Так нет, четвертую ему подавай. Конечно, Кааданнатум красивая, нос у нее не такой длинный, как у жен Шудурги, брови — черными полумесяцами, а глаза — каждый величиной с кулак. Что из того, что нет у нее серебряной ленты на голове и золотых серег и дорогих ожерелий? Она и без них красива. Но ему, Шамнилсину, не нравится, когда Шудурги пялит на нее свои рыжие глазки. И, по правде, он побаивается младшего сына Хозяина за его свирепый нрав.

Миновали пальмовую рошу. Теперь тропа углубилась в густые тростниковые заросли, и сразу стало и холодно и темновато. Пастухи надели плащи, Шамнилсин тоже накинул на загорелые плечи свой потертый войлочный плащ и заколол у правого плеча заколкой — крючком из обожженной глины.

Сумрачно было в лесу. Скорее, скорее бы выйти к Реке. Возгласы погонщиков, овечье меканье и рыдающие крики ослов разносились по лесу.

Стемнело, когда караван, обойдя пахучее болото, вышел наконец к берегу Реки. Стадо устремилось на водопой. Аданазир выбрал место для ночлега, приказал поставить себе шатер из черной козьей шерсти. Пастухи разожгли костер, сняли с ослов выюки с дорожными припасами — ячменными лепешками, кислым молоком, овечьим сыром. Двух овец Аданазир велел зарезать и зажарить. Не поздоровилось бы ему, если б узнал об этом Хозяин воды, не терпевший воровства. А разве не воровство это — своевольно уменьшать стадо Хозяина? Аданазир ведет себя так, будто стадо уже принадлежит ему.

Так думал Шамнилсин, а руки его между тем быстро делали при свете костра привычную работу — свежевали овечью тушку. Свежевал Шамнилсин, а сам все поглядывал на Реку, на красные отсветы костра на широкой воде. Вот она, значит, какая — Река, дающая жизнь доли-

не. До сих пор он видел бегущую воду только в узких ложах каналов. Могуч, могуч Эа, бог воды, если сумел исторгнуть из земли такой поток...

Луна была не полная, и поэтому Шамнилсин тянулся к ней и подпрыгивал недолго.

— Как я не могу дотянуться до тебя, так пусть мои враги не дотянутся до меня, до моего дома, до моей женщины.

Он произнес заклинание и опять вспомнил про Шу-дурги, чтоб змея его ужалила.

Спали, прижавшись друг к другу, овцы. А люди, накормив собак, сидели вокруг огня, ели жареное мясо, лепешки и сыр, запивали водой из кожаных бурдюков. Говорили пастухи о Городе, о тамошних базарах, о том, что рано в этом году начались дожди и Река сильно вздулась, о кочевниках с Севера, которые все чаще проникают в долину и нападают на людей и стада.

Потом разделили стражи, и те, кому выпало спать, тут же и улеглись на траве, завернувшись в плащи.

А Шамнилсину выпало сторожить до середины ночи. Кто моложе, тем всегда выпадает самая плохая стража, когда особенно хочется спать.

Он сидел, сонно моргая, подкидывал в огонь нарубленного с избытком тростнику, тарашил глаза в окружающую темень. Луна была красная, к дождю, и верно, заморосил мелкий дождь, а луна уплыла в тучи. Слипались глаза у Шамнилсина. Чудилось сквозь дремоту, будто на берег в том его месте, где отступили заросли, тихо опускается Зу — бог тьмы и бурь, покровитель разбойных людей. Шамнилсин встрепенулся. Что-то слабо светилося в той стороне. Да нет, это река отсвечивает. Если бы злой бог Зу махнул крылом, взвыл бы ветер, началась буря.

Нет, все спокойно.

— А-на-на-а-а! — донесся окрик пастуха, сторожащего у костра на другом конце лагеря.

— А-на-на-а! — откликнулся Шамнилсин.

Чтобы не заснуть, он развязал свой кожаный мешок, нашупал фигурки, вылепленные искусником-отцом, опять стал соображать, удастся ли выменять их на браслет. Там же в мешке, на дне, лежали камни, припасенные для пращи.

Дождь припустил и перестал. Выплыла из-за туч лу-

на. И уже недолго оставалось ждать до середины ночи, когда можно будет разбудить новую стражу, как вдруг из тростниковых зарослей донесся шум. Уж не кабаны ли идут, ломая твердые стебли, на водопой? Или, чего доброго, львы?

Шамнилсин проворно вскочил, прислушался. Тихо... Вот опять! Будто голос человеческий раздался... Залаяли собаки...

— Вставайте, лю-уди! — заорал Шамнилсин не своим голосом.

Ругаясь спросонок, вскакивали пастухи, хватались за луки и пращи. А уже из прибрежных зарослей бежали к лагерю люди с копьями, с луками... кто полуголый, кто в белой развевающейся одежде... бородатые все, головы повязаны до бровей...

Ну, надо отбиваться. Шамнилсин размотал тонкие ремешки с лоскутом мягкой овечьей кожи, выхватил из мешка камень. Приметил разбойника, бегущего с наставленным копьём прямо на него. Раскрутил над головой пращу, отпустил боевой конец...

Боги свидетели, он услышал, как стукнул камень о голову! Твердая у разбойника голова! Хрипло вскрикнул он, упал на бегу. Шамнильсина охватило боевое возбуждение. Он закричал, радуясь своей меткости, вложил в пращу новый камень. Просвистела совсем близко стрела. Верно говорят старые люди: если слышишь пение стрелы, значит, она пролетела мимо.

Тут он упал, сбитый с ног овцами. Испуганные ночным боем, они потекли слитной массой. На четвереньках, расталкивая овец, выбрался Шамнилсин из блеющего, бегущего стада. Наткнулся на мертвого разбойника. Мелькнула мысль: надо бы отрезать у него ухо или еще что, потом показать Хозяину — вот, мол, как бились мы за твоё стадо...

Но вокруг творилось такое, что некогда было резать. Разбойники теснили пастухов, забежали с боков, чтобы взять в кольцо. Крики, свист стрел, собачий лай. Вон кого-то подняли на копыя. Ах, проклятые! Шамнилсин увернулся от удара копьём, метнул камень прямо в лицо разбойнику. Отбежал, вложил камень в пращу, опять метнул. Сколько их, разбойников! Все бегут и бегут из лесу. Вон погнались за кем-то, скачущим на осле. Ах, это Аданазир скачет, колотя пятками по ослиным бокам.

Рядом упал пожилой пастух. Шамнилсин не давал разбойникам приблизиться к себе. Медленно отступал, посылая из пращи камень за камнем. Вдруг — удар сзади, резкая боль в бедре. Шамнилсин закричал от боли и ярости. Правая нога подвернулась, и он рухнул ничком на землю. Шамнилсин попробовал приподняться и не смог. Протянул руку назад, нащупал стрелу, торчащую из правой ягодицы. Слегка дернул — тотчас острая боль пронизала его. Рука стала мокрой, липкой. Мелькнуло в голове: пропала новая юбка...

Надо вырвать стрелу! Набрав полную грудь воздуха, Шамнилсин рванул изо всех сил древко. О-о-о!..

Наверно, от боли он умер и был мертв. А теперь — опять живой. Было тихо вокруг, и с неба падал холодный дождь. Что-то было зажато у Шамнилсина в руке. Он подтянул руку к глазам и увидел зажатое в кулаке древко стрелы. А-а, стрела сломалась, когда он дернул. Теперь уж не вытащить наконечник. Глубоко засел.

Опять он попытался подняться и не сумел. Он зажал рану ладонью, чувствуя, как с кровью уходит из тела сила. Кружилась голова. Шамнилсина знобило, как будто подул зимний ветер.

Очень тихо вокруг. Впереди, скорчившись, лежал мертвый разбойник, и дальше кто-то лежал. Неужели всех пастухов перебили, неужели угнали стадо? Хозяин воды разгневается. Как бы не велел ему, Шамнилсину, отдать обратно жену...

Он застонал громко, протяжно. Он звал людей на помощь, потому что было это нестерпимо — лежать здесь, под холодным дождем, и думать о том, что его молодую жену, Кааданнатур, отведут в дом Шудурги.

— Люди! — кричал и стонал он. — Лю-у-уди!

Сам бог смерти Аму нагнулся над ним и посмотрел огромным глазом, и был он страшен, страшен...

Потом его закачало, и он подумал, что так и должно быть, потому что Аму переправляет его, мертвого, в потусторонний мир, где начнется совсем другая жизнь.

В своем новом доме, сложенном из глиняных необожженных кирпичей, на красном шерстяном ковре, на скамье, подпертой двумя каменными львами, сидел Хозяин воды. Был он угрюм и мрачен. Завитая борода и

пучок волос на затылке почти не отличались цветом от серебряной тесьмы, переплетавшей его длинные пряди. Поверх ярко-зеленого плаща, скрепленного у плеча золотой заколкой, свисало множество ожерелий из разноцветных бусинок. Правая рука выше локтя была схвачена толстым серебряным браслетом, левую обхватывали три медных.

Все три сына стояли перед ним, а позади стоял стражник в кожаных штанах и шлеме, с тяжелым копьем в руке.

У старшего, Аданазира, вид был нехороший: одежда изорвана, борода всклокочена, глаза обведены дорожной пылью. Мясистый, как у отца, нос виновато опущен.

Младший, Шудурги, скосил на братца насмешливый взгляд, как бы спрашивая: что, провинился, любимчик? Людей положил, овец упустил, а сам задал стрекача. Пусть, пусть посмотрит отец, в чьи руки готовится передать людей и стадо.

А средний, толстяк Куруннама, жалостливо вздыхал. Этому все равно, сколько угнано овец, сколько людей убито. Этому — лишь бы не переводился в кувшинах сброженный виноградный сок.

— Их было много, три раза против нас, — повторил Аданазир, опуская нос еще ниже. — Я и мои пастухи бились, как львы.

Упоминание о львах не улучшило настроения Хозяина. Исподлобья взглянул он на наследника, бросил сердито:

— От того, как ты бьешься, скоро от стада ничего не останется.

Услышав смехок, повел набрякшим веком на Шудурги. А этот радуется. Роду убыток, Роду позор — а он доволен, что старший брат провинился. И улыбочка скверная у Шудурги. Только ли над старшим братом улыбочка? Похоже, что он чему-то другому улыбается. Уж не львы ли его рассмешили? Ну погоди же, охотник...

И, размахнувшись, Хозяин воды вытянул Шудурги длинной плеткой из бычьих жил. Тот, поблуднев и прижав ладонь к щеке, по которой пришелся удар, отступил на несколько шагов. Теперь у Аданазира пробежала по лицу улыбка. А Куруннама опять завздыхал.

— Убирайтесь вон! — Хозяин воды сделал знак стражнику.

Тот приставил копые к стене и проворно налил из белого кувшина с коричневым зубчатым узором сброженного виноградного соку в большую чашу. Не одному Куруннаме это зелье в удовольствие. Он, Хозяин, тоже понимает в нем толк.

— Позволь сказать, отец,— выступил вперед Шудурги, все еще держась за щеку.— Кочевники за половину ночи далеко не ушли. Дай мне стражу, и я догоню их и отоблю овец.

Хозяин посмотрел на младшего. Чем-чем, а дерзостью боги его не обделили.

— Если они пошли на север,— продолжал Шудурги,— то им не миновать узкого места между большими болотами и Змеиным полем. Я подстерегу их там и убью всех до одного.

«А что,— подумал Хозяин воды,— если выехать сейчас, то...»

— Хорошо,— сказал он.— Возьми шестьдесят стражников и ослов и отправляйся поскорее.

Шудурги приложил правую руку к груди и шагнул к выходу. У порога обернулся.

— Что еще? — Хозяин нетерпеливо выбросил руку ладонью вверх.

— Об одном прошу, отец. Этой ночью умер Шамнилсин, пастух. Отдай мне его жену Кааданнатум.

— У тебя уже есть три жены.

— Что из того? Пусть будет четвертая.

— Молод еще,— засопел Хозяин воды.— Иди, я подумаю.

Шудурги, однако, не вышел. Стоял, выжидательно уставясь на отца дерзкими рыжими глазками.

— Иди! — крикнул Хозяин воды.— Отобьешь овец — отдам тебе Кааданнатум.

Когда младший сынок вышел, он потянулся за глиняной фигуркой Эа, бога воды, попросил у своего покровителя удачи.

Над селением стоял долгий-долгий плач. Жены, сидя на корточках у дверей своих хижин, оплакивали пастухов, убитых этой ночью. Призывали кару богов на убийц-кочевников, от которых не стало житья всей долине. А громче всех плакала Кааданнатум. Она раскачивалась

из стороны в сторону, и протяжно стонала, и выла, и ранила ногтями свои тугие щеки.

— Лучше всех на свете ты, возлюбленный мой! — причитала она между взрывами плача. — Ноги твои были быстры... руки были крепки... грудь твоя была убежищем моим...

И люди, проходя мимо ее хижины по своим делам, горестно качали головами, сочувствуя Кааданнатур. Пришла мать Шамнилсина и села рядом и тоже стонала, оплакивая сына. Но плач Кааданнатур был громче всех других плачей. И она не слушала свекрови, когда та пыталась накормить ее квашеным молоком.

— Опустела моя хижина, — стонала она, — не придет мой возлюбленный... не принесет браслетов мне...

И она сорвала с руки свой единственный браслет из раковин и бусин сердолика и отбросила далеко от себя. Браслет упал в большую лужу от ночного дождя. Мальчишка, игравший на краю лужи, вытащил браслет из воды и принес ей, но Кааданнатур даже не взглянула на него, теперь ей были не нужны браслеты. Мальчишка был совсем мал и не имел еще одежды, но даже он понял, как велико горе Кааданнатур. Он положил браслет у ее ног и, заплакав, побежал обратно к луже.

Почти до самого вечера не умолкал плач молодой вдовы. Небо стало серого цвета, и опять полил дождь. Мокрые, со свалывшейся шерстью, жалобно блея, прошли мимо опустевшей хижины Кааданнатур овцы, отбитые Шудурги у кочевников, а сам Шудурги ехал во главе усталых стражников. Должно быть, он хорошо бился и убил немало разбойников-кочевников и отомстил за убитых ими пастухов. Многие люди приветствовали Шудурги, храброго воина, громкими криками. А он ехал на осле, у которого бока ходили от усталого дыхания, и смотрел только в одну сторону. На Кааданнатур он смотрел, медленно проезжая мимо. Но она, исцарапанная собственными ногтями, с растрепанной, посыпанной пеплом головой, в изодранной одежде, ничего вокруг не видела.

Прошла ночь. Когда рассвело, в хижину Кааданнатур пришли два стражника и сказали:

— Идем. Хозяин воды зовет тебя.

Кааданнатур, лежавшая на циновке, не пошевелилась. Один из стражников нагнулся и дернул ее за руку,

чтобы понять, живая ли она или умерла. Как дикая камышовая кошка, вскочила Кааданнатум, оставив царапины на руке стражника. Заорал, заругался стражник, она же, забившись в темный угол, сверкала оттуда злыми глазами и шипела — да, точно как кошка. Оба стражника кинулись ее ловить, она ловко изворачивалась, и царапины появились у них не только на руках, но и на лицах, и они обозлились до крайней меры. В конце концов они, конечно, поймали ее, потому что вдвоем были сильнее, и понесли к дому Хозяина воды. Все же и по дороге Кааданнатум ухитрилась одному расцарапать нос, а другому укусить руку почти до кости.

Утирая кровь со лбов, щек и носов, стражники поставили Кааданнатум на ноги перед Хозяином воды. Тут же она уселась на плитах пола. Вид у нее был так ужасен, что Хозяин воды покачал головой.

— Послушай меня,— сказал он жалостливым голосом.— Шамнилсин бился с разбойниками и умер. Знаю, тебе жалко его. Он был хороший пастух и хорошо понимал овец и баранов. Мне тоже его жалко. Но теперь он в другой жизни. А тебе надо жить здесь. Ты будешь женой Шудурги, моего младшего сына. Так я решил.

Кааданнатум посмотрела на него безумными глазами.

— Укрепи себя едой и питьем,— Хозяин воды указал плеткой на циновку, где лежало на виноградных листьях жареное мясо и стоял кувшин с молоком,— умойся водой и выстирай одежду. Вечером Шудурги возьмет тебя в свой дом...

Больше он ничего не успел сказать: так быстро вскочила она на ноги, с такой ловкостью скользнула между стражниками к выходу. Те, совсем озверев от ярости, погнались было за Кааданнатум, но Хозяин воды громким криком вернул их назад. Не надо до вечера ее трогать. Пусть утихнет горе женщины.

А она прибежала к хижине отца Шамнилсина, которая стояла на краю селения, возле густого кустарника, что рос вдоль берега большого канала. Тут было много хорошей глины, и отец Шамнилсина, искусник, лепил тут кувшины и делал на них узоры и обжигал их в очаге. Тоже из обожженной глины делал он серпы для жатвы ячменя и остро их оттачивал.

Еще он умел плавить и ковать медь и делать из нее

браслеты и украшения для Хозяина воды и его жен, для всей его семьи. Но самое большое умение отца Шамнилсина, за что особенно был он любезен Хозяину, состояло в тайном мастерстве.

И как раз этим он сейчас и занимался.

Кааданнатум была переполнена своим горем. Но, увидев, как работает отец Шамнилсина, она вытерла слезы, размазав на щеках грязь, и, разинув рот, стала смотреть.

Свекор, худой и сутулый, в старой кожаной шапке и длинной закопченной юбке, поставил на землю в два ряда множество горшков и наполнил их оцетом, который получается из скисшего винограда. Люди обычно кладут в оцет лук и чеснок, чтобы можно было долго их хранить. Но не чеснок опустил отец Шамнилсина в горшки, а медные пластинки и рыжеватые камни, которые он один умел находить. Потом он связал пластинки и камни тонкими веревками, тоже медными, — и тут Кааданнатум увидела, как между двумя кончиками медных веревок вдруг проскочила молния. Она была как настоящий небесный огонь, только маленький и без грохота. Но все равно Кааданнатум очень испугалась и упала на землю, закрыв голову полой накидки.

Когда же она осмелилась поднять голову, никаких молний уже не было. Свекор стоял спиной к ней, и она не видела, что он делает. Но вскоре он вытянул из горшка, стоявшего отдельно, медный браслет, и браслет теперь был блестящий, не медный, а золотой. Свекор тихо засмеялся, вертя его перед глазами. Он всегда радовался, когда у него получалось это колдовство, и даже смерть старшего сына, Шамнилсина, не могла отвлечь его от радости удачи.

Тут вышла из хижины свекровь, окруженная детьми — младшими братьями и сестрами Шамнилсина. Она засуетилась, увидев Кааданнатум, потянула ее в хижину и заставила съесть ячменную лепешку, испеченную утром, и сыр с луком.

Говорить невестка не могла, потому что сорвала себе горло плачем и стонами. И поэтому мать Шамнилсина не сразу поняла то, что ей нашептала Кааданнатум. А когда поняла, сильно огорчилась, ударила себя обеими руками по голове. Обе они еще поплакали по Шамнилсину. Но потом свекровь стала говорить, что ничего не поделаешь,

Шамнилсин теперь в другой жизни и сюда не вернется, и поэтому пусть уж лучше она, Кааданнатум, не противится воле Хозяина воды.

Еще не наступил вечер, когда Шудурги пришел за ней. Опять лил дождь, рано в этом году начались дожди, очень рано. Шудурги, за которым бежали два его любимых пса, подошел к хижине родителей Шамнилсина и громким голосом велел Кааданнатум выйти и исполнить волю Хозяина воды. Она не вышла, а вышел отец Шамнилсина, искусник, и, сутулясь, сказал, что Кааданнатум не хочет вставать, не хочет ни есть, ни говорить и он опасается, как бы она не умерла.

Тогда Шудурги, нагнувшись у низкого входа, шагнул в хижину. Из всех углов при тусклом свете горящего в масле фитиля испуганно смотрели на него дети. Кааданнатум, завернувшись в циновку, лежала лицом к стене, свекровь тормошила ее, уговаривала встать, но та не отвечала, не шевелилась. Шудурги не стал тратить слов на уговоры — упорствующая женщина заслуживает не слов, а плетки. Он сгреб Кааданнатум вместе с циновкой, легко поднял и понес. Она не шевелилась, руки ее висели, как тростниковые веревки, а волосы слиплись от пепла и глины. Ее дыхание было слабым.

Шудурги нес женщину через все селение, ступая сандалиями по лужам, и люди смотрели на него и качали головами. Бедняжка хочет умереть, думали люди, чтобы встретиться со своим Шамнилсином там, в другой жизни. Но Шудурги не разрешит ей умереть. Уж он-то заставит ее жить в этой жизни и быть послушной женой. У Шудурги, всем известно, рука тяжелая.

Дом у Шудурги был хороший, из сырого кирпича. В задних комнатах с глухой стеной жили его жены, и он велел им накормить, напоить и умыть новую жену, Кааданнатум. Но та ничего не съела, ни кусочка, и противилась умыванию. И такой стоял галдеж на женской половине, что Шудурги пришлось войти и прикрикнуть на расшумевшихся жен. А новая жена, Кааданнатум, лежала безучастно на циновке лицом к стене. Лучше всего было взять плетку и хорошенько поучить строптивницу порядку. Но она была так слаба, что могла бы не вынести справедливого наказания, и Шудурги оставил ее в покое, рассудив, что время сделает свое дело. Горе ее утихнет, а сытная еда и красивая одежда произведут обычное

действие. В то, что женщина по своей воле решила перейти в другую жизнь, Шудурги не верил.

И он вышел с женской половины, оставив на циновке рядом с головой новой жены красивый серебряный браслет.

Всю ночь Кааданнатум тихо проплакала, пока не высохли слезы. Когда рассвело, она повертела в руке браслет и даже хотела примерить его, но передумала: отбросила прочь, так, что он закатился под скамью, на которой стоял светильник в виде раковины, и отвернулась лицом к стене. И опять она отказалась от еды. В середине дня пришел Шудурги, накричал на нее и, приподняв с пола, силой разжал ей челюсти и влил в рот немного молока из глиняной чашки. Кааданнатум не кричала и не царапалась, потому что у нее не было сил. Она только укусила Шудурги за палец. Тот ударил ее по щеке и, ругаясь, вышел.

И еще прошла ночь. Сквозь забытие Кааданнатум казалось, что она уже умерла и теперь ждет, когда бог Аму перевезет ее в другую жизнь, где сидит на берегу, под финиковой пальмой, Шамнилсин. И как только Аму переправит ее на тот берег, она пустится бежать к возлюбленному своему...

— Шамнилсин, Шамнилсин!..

Она открыла глаза и прислушалась. Было уже утро, слышался шум дождя. И опять раздались крики, приглушенные кирпичными стенами:

— Шамнилсин, Шамнилсин!

Что это — сон? Или она уже в другой жизни?..

— Смотрите, люди, вернулся Шамнилсин!..

Откуда только взялись силы у Кааданнатум? Вскочила, оттолкнула одну из жен Шудурги, которая пыталась ее ухватить за подол. Метнулась в соседнюю комнату, сбита с ног рабыню, сторожившую у выхода. Сам Шудурги, полуодетый, бросился за ней. Она выскользнула змеей, оставив у него в руках накидку. В одной тунике пустилась бежать под дождем, разбрызгивая воду из луж. Она видела толпу людей у того края селения, где стояла хижина отца Шамнилсина, искусника. А дальше, за толпой, высилась очень большая колесница, вся из гладкого серебра. Никогда она не видела таких колесниц. Кааданнатум протолкалась сквозь толпу и увидела, что это не колесница: там не было ни ослов, ни быков, ни

даже колес. Может, это был ковчег, какие, по рассказам людей, плавают по Реке? Но ковчег стоял здесь, на суше, и не стоял даже, а висел над землей, из его чрева была опущена лестница, а на лестнице стоял Шамнилсин...

Люди знали, что Шамнилсина убили разбойники, и поэтому, когда увидели его выходящим из серебряного ковчега, испугались и побежали прочь. Все ведь знают, что мертвецы никогда не приходят из другой жизни в эту. Их дух может появиться, если не оставить покойнику достаточно еды и питья, но сам мертвец — никогда.

И тут Шамнилсин закричал, что он живой, боги спасли его и залечили рану, пусть люди не боятся. Люди вернулись и стали на него смотреть, а некоторые мужчины, кто посмелее, даже ощупали и обнюхали его и убедились, что Шамнилсин и верно жив. Умерший человек ведь пахнет совсем не так, как живой.

Тогда и раздались крики, выведшие Кааданнатум из забытья.

Она обезумела от радости — только этим можно было объяснить то, что она не пала к ногам мужа, как следует поступить женщине, а кинулась к нему на шею. А Шамнилсин, вместо того чтобы поучить женщину порядку, привлек ее к себе и на глазах у людей терся щекой о ее щеку и гладил ее свалившиеся волосы. Может быть, боги, оживив его, лишили разума?

— Ты вернулся, возлюбленный мой, — хрипела и сипела Кааданнатум, повиснув у Шамнилсина на шее. — Боги услышали мои мольбы... Ты вернулся ко мне...

— Подожди ты, женщина! — раздраженно прикрикнул на нее один из людей, старый человек, который управлял движением воды по каналам. — Ты никому не даешь и слова вымолвить. Пусть Шамнилсин расскажет толком, что с ним случилось.

И Шамнилсин стал рассказывать, как он той ночью бился с разбойниками у Реки и как в него вонзилась стрела и он, потеряв много крови, лежал без памяти, готовый к тому, чтобы Аму, бог смерти, перенес его в другую жизнь. Но другие боги, которые покровительствуют ему, Шамнилсину, не отдали его во власть Аму. Они забрали его к себе в серебряный ковчег, который как раз перед ночным боем спустился с неба. И когда он очнулся,

он увидел, что лежит на мягком, но это был не войлок и не перемятый тростник. И увидел гладкие стены, каких не бывает ни в хижинах, ни в домах из сырого кирпича. И увидел свет, но это не был ни свет костра, ни свет масляного фитиля. Он пощупал бедро и не ощутил боли. От страшной раны остался только небольшой рубец. Вот, посмотрите.

Шамнилсин приподнял сзади красно-синюю юбку, на которой темнело большое-большое пятно высохшей крови, и люди посмотрели и убедились, что рубец есть.

И тогда, продолжал Шамнилсин свой рассказ, он понял, что боги взяли его к себе, заживили рану и вернули к жизни.

— Сыночек! — заплакала в голос мать Шамнилсина и погладила его по плечу. — Боги жалились над тобой...

— Замолчи, женщина! — крикнул старый человек. — Что было дальше, рассказывай. И почему твои боги не выходят из ковчега?

Шамнилсин, понизив голос, объяснил, что боги не любят воды и не выходят, когда мокро. Но все равно — они видят и слышат все, что происходит за стенами ковчега.

Люди слушали и кивали: само собой, что боги все видят и слышат. Но было бы интересно на них взглянуть.

Шамнилсин зажмурился и покачал головой. Шепотом сказал, что лучше их не видеть — уж очень они страшны на вид. Ростом, правда, маленькие, но... Нет, лучше не видеть... А здесь, хлопнул он себя по курчавому темени, у них большой глаз... А еда у них в трубках вроде бы из бычьего пузыря, очень вкусная еда, сладкая.

Люди кивали, слушая его: само собой, что у богов хорошая еда. А все же интересно знать, сколько их там, в ковчеге, и будут ли они покровительствовать Роду.

Он, Шамнилсин, видел только одного бога. Но, судя по голосам, их двое. Это даже не голоса, а... Нет, трудно объяснить. Но так уж ему кажется, Шамнилсину, что их двое. Бог, которого он видел, спрашивал о его, Шамнилсина, племени. Рта и губ у бога не было, но голос откуда-то шел, и Шамнилсин понимал его речь. Он просил бога отпустить его обратно в селение, и бог спросил, где оно находится. Потом ковчег поднялся в небо, и он, Шамнилсин, чуть не умер опять, потому что подумал, что боги возьмут его к себе на небо и не отпустят. Но почти сразу ковчег пошел вниз — и вот он здесь...

...Дождь лил и лил. Пришлось привести с пастбищ все стадо и запереть в загонах. На полях и виноградниках люди тоже бросили работать. И все приходили смотреть на серебряный ковчег, который висел невысоко над мокрой землей у края селения.

Даже сам Хозяин воды, сопровождаемый стражниками, пришел посмотреть на ковчег. То, что боги избрали его Род для посещения, Хозяина воды не удивило. Род был большой и сильный, не так уж много в долине таких родов. Но почему боги не выходят из ковчега? Впрочем, и это понял Хозяин воды. Само собой, богам нужно принести жертву. И он повелел сверх обычной дани каждой семье отдать по овце.

Стражники пошли по хижинам исполнять повеление, и многие люди роптали и даже проклинали Шамнилсина за то, что он попался богам на глаза и притащил их сюда.

Сам Хозяин воды возжег огонь на жертвенном камне, и люди принесли согнанных со всего селения овец в жертву и зажарили на огне их мясо. Теперь боги увидят, что Роду ничего для них не жалко, и выйдут благословить людей.

Но боги не выходили. Жареное мясо лежало на виноградных листьях и мокло под дождем. А боги не выходили.

Хозяин воды забеспокоился. На другой день, утром, он послал стражников за Шамнилсином.

Кааданнатур теперь была умытая, одежда починена, волосы уложены в высокую прическу. Голос у нее появился опять, правда не такой громкий, как раньше. Напевая, она пекла во дворе лепешки. Увидев вошедших стражников, она перестала петь и печь и кинулась к ним с визгом, очень сильным. Стражники на этот раз позаботились о себе: они прикрылись кожаными щитами и не позволили этой дикой кошке выпустить когти.

Шамнилсин разнеженно лежал на циновках и зевал в ожидании утренней пищи. Услышав, что его зовет Хозяин воды, он тотчас встал, велел жене замолчать и вышел вслед за стражниками. Но Кааданнатур была не из тех женщин, которых достаточно один раз поучить порядку. Всю дорогу до дома Хозяина она бежала за мужем, тихо завывая, а когда Шамнилсин скрылся в доме, осталась у ворот и не спускала глаз с дверей дома.

Хозяин сидел на скамье, подпертой двумя каменными львами. Позади стоял стражник с копьем, у дверей стоял другой, тоже с копьем. Еще тут были все три сына Хозяина воды.

Шамнилсин приложил руки к груди и низко наклонил голову, приветствуя Хозяина. Тот сделал ему знак приблизиться:

— Шамнилсин, ты бился с разбойниками и умер, но боги вернули тебе жизнь. Так говорят люди. Но я хочу услышать от тебя: так ли это было?

Шамнилсин начал подробно рассказывать, как уже рассказал вчера людям, а когда дошел до чудесного своего исцеления, повернулся и поднял сзади юбку, чтобы показать Хозяину воды рубец на исцеленной богами ране.

— Как ты смеешь? — сказал Шудурги, выступив вперед. — Как смеешь показывать вождю непристойное место?

Шамнилсин оробел, взглянув на его свирепые рыжие глазки.

— Я не хотел... — пролепетал он. — Я только хотел показать, что там, где была рана от стрелы...

— Не было у тебя раны! Все ты лжешь, навозный червь!

И в воздаяние лжи Шудурги хлестнул Шамнилсина плеткой.

Шамнилсин схватился рукой за обожженную щеку. Глаза его сверкнули, как раскаленные угли. И, бросив вперед свое смуглое тощее тело, он ударил Шудурги кулаком в середину лица.

Люди часто ссорятся друг с другом и в Роду бывали кровавые драки, но чтобы простой пастух ударил по лицу сына вождя?! Такого еще не бывало.

Пока Шудурги поднимался, стражники по знаку Хозяина воды набросились на Шамнилсина и завернули ему руки за спину. Старший сын, Аданазир, которому было приятно видеть, как Шудурги лишился передних зубов, сказал, преданно глядя на Хозяина:

— За такую дерзость нельзя отрубить голову. Надо посадить его на кол, чтобы он умер медленно. Он заслуживает кола.

Средний сын, Куруннама, шумно вздохнул, распространив вокруг себя запах сброженного виноградного сока.

Младший, Шудурги, приблизился к Шамнилсину, которого крепко держали стражники, и по глазам его было видно, что он сейчас всадит пастуху в живот нож. Тут Хозяин воды велел ему отойти в угол.

— Шамнилсин,— сказал он грустно,— я позвал тебя для того, чтобы ты рассказал про богов, которые вернули тебе жизнь, и чтобы спросить, почему боги не выходят из ковчега. Но ты ударил по лицу моего сына и огорчил нас. Ты заслуживаешь смерти.

— Я не хотел огорчать тебя, Хозяин! — закричал Шамнилсин, опомнившийся после вспышки ярости, которая его ослепила.— Он ударил меня плеткой... Мне было больно...

Он хотел сказать еще многое в свое оправдание, но Хозяин воды велел ему замолчать, а стражникам — отвести Шамнилсина в узилище. Он же, Хозяин, решит, какая кара уравновесит злодеяние дерзкого пастуха.

Двоих стражников оказалось мало, чтобы отвести Шамнилсина в узилище: как дикая камышовая кошка, набросилась на них Кааданнатум. Она кричала и царапалась, и пришлось прибежать еще четверым стражникам, чтобы оттащить ее в сторону.

Потом Шамнилсина столкнули в узилище. Это была глубокая яма с широким дном и маленьким отверстием высоко над головой. Сейчас яма была почти доверху полна дождевой воды.

Шамнилсин плюхнулся в холодную воду и чуть не утонул.

Хорошо, что вода доходила только до шеи, если стоять вытянувшись. Что бы стало с ним, если бы вода покрыла его с головой?

Он стоял, вытянувшись и глядя сквозь маленькое отверстие вверх, на серое небо. Еще хорошо, что дождь сегодня не льет, а только капает. Шамнилсин открыл рот и стал ловить капли дождя, потому что утром не успел ни поесть, ни напиться воды. Он горько жалел, что дал ярости ослепить себя. Что он наделал по глупости своей, что он наделал! Хозяин воды теперь велит отрубить ему голову. Или, еще хуже, посадит на кол, чтобы смерть была медленной. А Шудурги возьмет Кааданнатум себе в жены, как уже пытался это сделать.

— Люди! — закричал он громко.— Люди, это я, Шамнилсин! Скажите Хозяину, что я буду работать для

него еще половину двенадцати лет, только пусть он меня не убивает! Люди! Лю-у-ди!!

Он кричал очень громко, но никто ему не ответил. Только где-то поблизости раздался унылый крик осла.

Возле узилища стоял стражник, и он наставил копье на Кааданнатум, когда та подбежала к яме, чтобы увидеть своего мужа и услышать его голос. Плача и завывая, она побежала по селению, от хижины к хижине, и кричала людям о новой своей беде и просила помощи. Но почти все люди Рода были на полях и пастбищах, а те, кто был в селении, ничем не могли помочь Кааданнатум в ее новой беде. Да и все другие люди, будь они сейчас в селении, ничем бы ей не помогли. Никто ведь не захочет навлечь на себя гнев Хозяина воды и его стражников, пытаясь вытащить простого пастуха из узилища.

Так Кааданнатум добежала до хижины отца Шамнилсина, искусника. Он сидел у горящего очага и лепил из глины большой горшок, а его жена, мать Шамнилсина, пряла, покрикивая на бегающих вокруг детей. Услышав о новой беде, мать Шамнилсина заплакала, ударяя себя руками по голове. Отец закрыл глаза и ссутулился еще больше. Так он сидел некоторое время на корточках. Ему было жалко сына. А что он мог сделать? Конечно, Хозяин воды был к нему милостив, но не просить же его избавить Шамнилсина от наказания. Ведь в наказании — сила вождя.

Какой-то он непутевый, Шамнилсин. То умирает и богам приходится возвращать его к жизни, то выбивает зубы изо рта сына Хозяина. Если рассудить по справедливости, он, конечно же, заслуживает наказания...

Слушая, как отец Шамнилсина рассуждает своим слабым голосом, Кааданнатум с тоской глядела на серебряный ковчег богов, который все еще висел за краем селения, за кустами терновника и корявыми невысокими смоковницами. Боги... Они вернули жизнь Шамнилсину и привезли домой. Они все видят и слышат. Почему же они сидят взаперти, не принимают обильной жертвы? Неужели они тоже отвернулись от бедного Шамнилсина?

Наверное, во всей долине не было женщины более отчаянной, чем Кааданнатум. Не дослушав рассуждений отца Шамнилсина, искусника, она сорвалась с места и

кинулась бежать к ковчегу богов. И, добежав, задрала голову и стала кричать, дерзкая, требуя, чтобы боги вышли и помогли ее беде. Само собой, боги не отвечали. Тогда Кааданнатум, совсем лишившись рассудка, принялась метать в ковчег камни и комки глины.

Вдруг в серебряном боку ковчег отворилась маленькая дверь, и оттуда сама собой опустилась на землю лестница, тоже серебряная. Кааданнатум, прижав руки к груди, чтобы приветствовать богов, как только они появятся, замерла в ожидании. Но время шло, а боги не появлялись. Тогда Кааданнатум, всхлиывая и трясясь от страха, ступила на лестницу. И тотчас лестница сама собой пошла вверх, втягиваясь в ковчег и унося на себе обесумевшую женщину. Дверь тихо закрылась.

Мать Шамнилсина, которая видела все это, стоя у своей хижины, очень испугалась. Она побежала по селению, крича, что ее невестка, Кааданнатум, лишилась рассудка и боги забрали ее к себе и что теперь не миновать большой беды. Все, кто был в этот час в селении, побросали дела и устремились к серебряному ковчегу. Остановившись на некотором отдалении, у кустарника, они смотрели и ждали, что же будет дальше.

Когда весть о безумном поступке женщины дошла до Хозяина воды, он понял, что этот день не простой: сегодня решится судьба Рода. Сопровождаемый стражей и сыновьями, Хозяин отправился к ковчегу и стал ожидать знака богов. На жертвенный камень он велел положить плетеный поднос, на котором лежали ожерелья из медных пластинок, позолоченных отцом Шамнилсина. Если уж от такой жертвы отвернутся боги, то не жди хорошего.

Ждать пришлось долго. Успел припустить и перестать дождь.

Наконец в ковчеге отворилась дверь, вниз сама собой поехала лестница, а на лестнице стояла Кааданнатум. Лицо у нее было растерянное. Но, увидев толпу и самого Хозяина воды с сыновьями, дерзкая женщина уперла одну руку в бок, а вторую выбросила вперед, просунув большой палец сквозь сжатый кулак. Люди ахнули, а Хозяин воды сделал вид, что не замечает дурного знамения. Но подумал, что надо наказать строптивницу.

— Вот тебе! — крикнула Кааданнатум, сошедши с лестницы на землю и шевеля большим пальцем в сжатом

кулаке.— Я отведала пищи богов! Теперь они меня защищают! Вот, вот тебе!

Однако она осталась подле ковчега, остерегалась подойти к Хозяину воды ближе. И правильно делала. Потому что Шудурги недобро смотрел на нее, щуря рыжие глазки. Уж он-то, Шудурги, не побоялся бы того, что женщина вкусила пищу богов, уж он-то поучил бы ее порядку. Да и не врет ли она про пищу?

И тут произошло великое событие в жизни Рода. Боги явились людям.

Когда бог вышел из ковчега и ступил на лестницу, которая все бежала и бежала сама собой, люди с громкими криками пали ниц кто где стоял. Хозяин воды грузно опустился на колени. Он зажмурился — так страшен был бог. Но, преодолевая страх, открыл глаза и сказал своим надтреснутым голосом:

— Я Издубар, великий охотник, Хозяин воды, дающий жизнь Роду. Помилуй меня и моих людей.

И все люди закричали:

— Помилуй нас!

Бог молча сошел с лестницы, постоял немного возле Кааданнатур, которая тоже распростерлась на мокрой земле. Случившийся тут бодливый козел, угрожающе выставив рога, бросился на бога. Однако, не пробежав и двенадцати шагов, животное вдруг подскочило вверх и повисло, мотая длинной бородой и испуганно бляя, а потом рухнуло вниз и запуталось рогами в кустарнике.

— Помилуй нас! — опять закричали люди, лежа на земле.

Бог медленно обошел лужу и приблизился к колодцу, полному мутной дождевой воды. Из прозрачного бычьего пузыря, в который он был одет, выдвинулась блестящая палка и погрузилась в колодец — как будто бог хотел измерить его глубину. Потом бог подошел к жертвенному камню и осмотрел глазом, помещавшимся на темени, ожерелья из золоченых пластинок.

— Это я, Издубар, принес тебе в жертву,— сказал Хозяин воды, не спуская с бога немигающе-настороженного взгляда.

Бог не взял ожерелий. Ничто не шевельнулось на ужасном его лице, на котором не было ни губ, ни малейшей щели вместо рта. Но откуда-то, вроде со стороны, раздался вдруг голос бога:

— Кто это сделал?

Тихий ропот прокатился по толпе. Уж не навлек ли гончар-искусник на себя гнев богов за тайное свое ремесло?

— Это сделал человек из моего Рода,— ответил Хозяин воды.— Вот он.

Он указал на отца Шамнилсина, который, сам не свой от испуга, лежал неподалеку в своей закопченной длинной юбке.

— Покажи, как делаешь это,— сказал бог.

Отец Шамнилсина, почтительно горбясь и птясь, пригласил бога к своему очагу. Идти к нему было недалеко, но бог шел не скоро, потому что на дороге было много луж и он старательно обходил их. Многие люди двинулись было за богом, но Хозяин воды остановил их и, блюдя нужное расстояние, пошел за богом сам.

Бог уставил страшный свой взгляд и осмотрел горшки с оцетом и медные веревочки, связывающие пластинки и рыжие камни, а потом велел искуснику привести все в действие. Неподвижно стоя, смотрел, как вспыхивают голубые молнии, как становится темная медная пластинка сверкающей, золотой.

— Я, Издубар, принес тебе такие пластинки...

Хозяин воды не успел договорить, осекая, потому что бог вдруг, не повернувшись, пошел назад. Как стоял, так и пошел назад. Поравнявшись с обомлевшим Хозяином воды, бог сказал, и опять как бы со стороны ковчега донесся его глухой голос:

— Ты посадил человека в яму. Освободи его.

На другой день после своего освобождения из узилища Шамнилсин отправился к серебряному ковчегу, чтобы поблагодарить богов за милость к себе. На жертвенный камень он положил плетеный поднос с горкой сушеных плодов смоковницы и войлок, из которого можно было сделать хороший плащ. Все это он прикрыл пальмовыми листьями от дождя, а сам простерся на мокрой земле и попросил богов принять жертву и продлить свое благоволение к нему, Шамнилсину. И он уже собрался уходить, когда увидел, что из ковчега побежала лестница. Поняв, что боги зовут его, Шамнилсин ступил на лестницу.

В ковчеге пробыл он недолго. Вскоре он спустился с большим сосудом в руках, сверкающим, как серебро, и наполнил сосуд землей, но не до верха. Туда же он положил ветки терновника и ветки смоковницы, пальмовые листья и стебли тростника и всякой травы, растущей тут и там. Старательно сделал он все, как велели ему боги, и отнес сосуд обратно в ковчег. Потом, довольный тем, что хорошо послужил богам, он пришел к своему отцу, искуснику, чья хижина стояла поблизости, и, сев на циновку, сказал:

— Я исполнил волю богов. Боги благоволят ко мне.

Мать, радуясь и гордясь сыном, погладила его по плечу и подала чашку с квашеным молоком. А отец, сутулясь, положил высохшие от огня и солнца руки на скрепленные ноги и сказал:

— Боги возвратили тебя к жизни и велели поднять из узилища. Они отличают тебя своей милостью, и это радует меня. Но боги не живут долго рядом с людьми. Что станет с тобой, когда они улетят?

Шамнилсин, попивая вкусное квашеное молоко, ответил:

— Все равно люди знают, что на мне милость богов, и не посмеют меня тронуть.

— Люди не посмеют, а Шудурги посмеет. Он никогда не простит того, что ты высыпал его зубы на землю. Он убьет тебя и заберет твою жену к себе в дом.

— Не будет этого! — крикнул Шамнилсин.

А сам помрачнел и задумался, почесывая одной ногой другую. Потом сказал еще вот что:

— Будет большая вода. Так сказали боги. Дожди будут лить много дней и затопят долину. Боги сказали, чтобы ты ушел.

Отец смотрел на Шамнилсина, не понимая того, что услышал.

— Боги велели мне уйти? — переспросил он. — Куда?

— В горы. На восток или на север.

— А ты? А другие люди?

— Боги велели тебе уйти в горы с женой и детьми, — повторил Шамнилсин. И только тут сообразил: — Если большая вода затопит долину, то надо уходить всему Роду...

В тот же день весть эта облетела Род: будет большая вода, надо уходить из долины. Так сказали боги.

Но разве просто это — бросить поля и виноградники, покинуть обжитые хижины и скитаться, перегоняя стадо от травы к траве, как скитались когда-то предки? Уйти в дикие горы, на чужие пастбища, под стрелы и копы жестоких горных людей?

Волю богов надо исполнять. Но почему это свою волю они передали через Шамнилсина? Что может понять в воле богов простой пастух?

Так говорили люди, собираясь у колодца. Уж очень непутевый этот Шамнилсин. Отец у него тихий человек, искусник, а от сыночка нет никакого покоя. Только и слышно: Шамнилсин умер... Шамнилсин воскрес... Шамнилсин выбил зубы Шудурги... А разве не из-за этого негодного Шамнилсина пришлось людям отдать по овце для жертвы — жертвы, которую боги не приняли?

Ранним вечером люди стояли у колодца. По очереди опускали мехи из ослиной кожи, набирали воду. И пошел такой разговор.

— Большая вода каждый год бывает, когда разливается Река, — сказал старый человек, который управлял движением воды по каналам. Теперь ему управлять было нечем, потому что каналы стояли полные мутной дождевой воды. — До нашего селения большая вода никогда не доходила.

— А дожди? — спросил другой человек, который хорошо умел давить ногами виноград и собирать сок. — Дожди такие раньше бывали?

Старый человек со всплеском опустил свои мехи в колодец.

— Может, и бывали, — сказал он.

— А может, и не бывали, — сказал Шамнилсин, как раз подошедший к колодцу со своими мехами.

— Ты-то много знаешь! — проворчал старый человек. Вытащив из колодца полные мехи, он сердито глянул на Шамнилсина и сказал: — Молчать надо, когда старшие говорят. А тебе лишь бы спорить. Откуда ты взял, что большая вода затопит долину?

— Так сказали боги, я своими ушами слышал.

— Откуда мне знать — слышал или придумал?

— Верно, — подержал старика давитьщик. — Придумал, чтоб людей напугать.

— Да слышал я! — закричал Шамнилсин, выбросив вверх руки. — Почему вы мне не верите?

— Через таких, как ты, боги не передают свою волю,— прервал его старый человек.— Разве нет у нас вождя?

Тут и другие люди у колодца зашумели, заговорили:

— Врет, врёт Шамнилсин! Попугать нас хочет!

— Зря его из ямы вытащили. Вся смута из-за него...

Выкрикивая гневные слова, люди надвигались на Шамнилина, отнеся его от колодца.

— Я правду сказал! — выкрикивал тот, но голос его был почти не слышен в шуме возбужденных голосов.

Остро заточенными каменными топорами близкие вождю люди валили деревья в пальмовой рощице. Стучали топоры, шуршали скобели, снимая с бревен лишнюю толщину. Старший сын Хозяина воды, Аданазир, ходил среди людей, распоряжался, покрикивал.

Был в Роду человек, умевший плести лодки из тростника. Обмазанные земляной смолой, плавали такие лодки по Реке. Но тут Хозяин воды велел делать лодку не из тростника, а из настоящего толстого дерева, да и не лодку, а большой ковчег.

Такие ковчегι видывал Аданазир в Городе. Приплывали они из других мест, привозили товары разные для мены. Не раз хвастал Аданазир, рассказывал отцу про эти виданные в Городе ковчегι — выставлялся перед братьями-невеждами. Вот и нахвастал на свою голову: велел ему отец построить такой ковчег — большой и крепкий, с загородками для скота. Пришлось Аданазиру взяться за работу, хотя не знал он, как делают ковчегι.

Умелец, что лодки из тростника плел, был человек умный: кивал, слушая Аданазира и глядя на сделанный им на мокрой глине рисунок, а сам все делал по своему разумению. Подгонял грубо стесанные бревна одно к другому, скреплял длинными скрепами. Эти скрепы, сделанные из меди, были прямо разорением. У Аданазира сердце кровью обливалось, когда умелец со своими помощниками вгонял скрепы в бревна. Им-то что? Дай им серебряные скрепы, они и их вгонят: не свое ведь. А он, Аданазир, знает, как дорога в Городе медь: дважды по двенадцати овец за слиток, да еще одну-две зарежь и зажарь для угощения купца.

Стучали, стучали топоры. Мок под дождем Аданазир,

вместо того чтобы лежать в сухом доме на мягких циновках, вместо того чтобы заниматься любимым делом: подсчитывать, сколько овец и баранов, сколько ослов и коз, сколько сиклей серебра и слитков меди, сколько дорогих украшений перейдет в его, Аданазира, владение, когда боги возьмут к себе его отца. Но первое, что он, Аданазир, делает, когда по праву первородства станет Хозяином воды, вождем Рода,— это прогонит младшего брата. Он даст ему часть стада, и пусть Шудурги, этот охотничек, убирается подальше.

Он вздрогнул, услышав приближающийся собачий лай. Ну конечно, это Шудурги со своими свирепыми псами. Вон он идет, мелькает за пальмовыми стволами его плащ из зеленой шерсти.

Шудурги прошел мимо, ослабил.

— Что,— спросил,— скоро будет готов ковчег?

— Иди своей дорогой,— ответил Аданазир, уловив насмешку в вопросе.

Глядя на удаляющегося брата, представил себе приятную картину: как на одном колу сидит Шамнилсин, а на другом, напротив,— Шудурги. Вот была бы настоящая, большая радость!..

Шамнилсин шел слева от стада, а еще левее темнела под дождем пальмовая роща, за которой простирался почти до самой Реки тростниковый лес.

Плохие времена, плохая пастьба, думал Шамнилсин, шлепая по лужам. Холодная вода доходила до щиколоток, сандалии увязали в скользкой глине. От дождей, от непрсыхающей травы стали беспокойными овцы и бараны, и шерсть у них свалилась. Но еще беспокойнее было у него, Шамнильсина, на душе.

Невзлюбили его Хозяин воды и его сыновья. Сторонятся люди. А почему? Как будто он виноват в том, что разбойники напали тогда на караван. Как будто он виноват в дожде и плохой пастьбе и в том, что боги ему сказали о большой воде, которая затопит долину.

— А-на-на-а! — перекликались пастухи с одного края стада к другому. — А-на-на-а-а!

— А-на-на! — подал голос и Шамнилсин.

Но ему никто не ответил. Не то что раньше: идущий позади подхватывал клич, передавал дальше. А теперь

пастух, шедший за ним, смолчал, как будто не его очередь кричать.

Почему люди озлобились на него, Шамнилсина?

Из пальмовой рощи, к которой приближалось стадо, слышался глухой стук топоров. Весь Род знал, что близкие к вождю люди строят в роще ковчег из бревен. Много ходило разговоров об этом. Что же — Хозяин воды переждет большую воду в ковчеге? А как же люди? Куда им деваться — бросить поля и хижины, уходить в горы? Никто не знал, что делать. Это ведь не просто — сниматься с насиженного места. А ну как придешь обратно после большой воды, а место занято другими людьми? Что тогда — за копыа, за пращи браться? Ох, не просто, не просто...

Может, ошиблись боги, предсказав большую воду?..

Шамнилсин поскорее выбросил из головы нехорошую мысль. Как бы не лишиться из-за нее милости богов. Одна ведь у него осталась поддержка — милость эта самая.

Гнали пастухи стадо с пастбища, и низко висело над ними небо, на котором давно нет солнца, и лил дождь. Мрачно темнела роща, мимо которой тянулось стадо.

Поскользнулся Шамнилсин на размытой глине, качнулся, взмахнул руками. И в тот же миг услышал, как пропела близко стрела. Если слышишь пение стрелы, значит, пролетела мимо...

Живо кинулся Шамнилсин в мокрые кусты, в грязь, — впился острыми глазами в опушку рощи: кто стрелял в него оттуда? Вроде бы слышались ему быстрые шаги, вроде бы зарычала там собака. Все стихло. Только пес, охранявший стадо с этого края, вытянул морду к опушке, рывкнул раза два или три. Только доносился из рощи стук топоров.

Шли дни, прибывала вода. Уже не лужами она стояла на земле, а почти сплошняком, и земля больше не принимала воды. Черный дым костров тянулся из пальмовой рощи: там плавили в горшках земляную смолу и этой смолой заливали щели в ковчеге.

А дождь лил и лил без конца, и овцы беспокойно мекали в загонах, беспокойно кричали ослы, и люди поняли, что солнца больше не будет. Чем-то они навлекли

гнев богов, и боги решили затопить долину. И еще поняли люди, что боги в серебряном ковчеге были злыми богами. Если бы это было не так, то разве стали бы они спокойно взирать на потоп?

Уже тянулись по краю пастбищ стада чужих родов, покидавших долину. И Хозяин воды велел людям выючить имущество на ослов и вместе со стадом уходить в горы. Свое же имущество — ткани и шерсть, еду и питье в кувшинах, серебро и медь, и много зерна и винограда, и отборных овец и баранов, ослов и собак, украшения и оружие — велел он погрузить в ковчег.

У Шамнилсина не было осла, на которого можно навьючить имущество. Впрочем, не было у него и имущества, если не считать двух кувшинов, двух круглых блюд, двух ножей и ступки.

Вода уже стояла вровень с порогом хижины. Шамнилсин, а за ним его жена перешагнули порог. Посмотрели они последний раз на свою хижину — и пошли к тому краю селения, где стояла хижина отца Шамнилсина, искусника. Хотел Шамнилсин помочь отцу навьючивать имущество на осла. У отца ведь было много добра. Одних кувшинов с камнями и медными пластинками сколько! Давно надо было уйти отцу, еще пол-луны назад боги велели ему отправиться в горы, а отец все тянул, ждал приказания Хозяина воды, как будто мало ему было повеления богов.

Нес на плече Шамнилсин циновки, а к поясу его были привязаны два ножа — кремневый и медный — и праща. Кааданнатум, поспешая за ним, шлепала по воде крепкими ногами, несла ступку для растирания зерен. Остальное бросили они в хижине.

Шумно было в селении. Кричали на жен и ослов мужчины, плакали дети, лаяли собаки, и всюду шли спешные сборы. Давильщик винограда, мимо хижины которого как раз проходили Шамнилсин с женой, лупил палкой своего осла, который разлегся возле стойла на куче тростниковых стеблей и не хотел вставать.

— Вставай, упрямая скотина! — орал он. — Вот тебе! Получай!

А его жена пинала осла ногами, и дети их орали и брызгали друг в друга водой. Тут давилщик увидел Шамнилсина. По его мокрому разъяренному лицу пошли красные пятна.

— Эй, ты! — крикнул он. — Что, доволен теперь? Накликал потоп?

Шамнилсин сделал вид, что не услышал. Только шаг ускорил. А Қааданнатум на ходу просунула сквозь кулак большой палец и показала давильщику. Дурной знак еще пуще взбесил того.

— Люди! — завопил он во всю глотку. — Поглядите на этого шакала! Это он привел к нам злых богов! Он накликал беду.

Шамнилсин еще ускорил шаг. Қааданнатум бежала за ним. Вслед им несло:

— Все из-за тебя, грязная собака! Чтоб ты подох!

— Глядите — накликал потоп и первый удирает!

Комок мокрой глины шлепнулся в спину Шамнилсина. Со страхом слушал он гневные слова людей и видел их ненавидящие глаза — и не мог понять, в чем же он провинился перед ними.

— Люди-и! — надсаживался давильщик. — Поучим его порядку!

Полетели со всех сторон комки глины. Отовсюду несло:

— Какую овцу пришлось из-за него отдать!

— В яму с водой его!

— На ко-ол!

— Бейте-е-е...

Толпа, орущая, беснующаяся, забывшая о сборах, устремилась за Шамнилсином и его женой. Они теперь бежали во весь дух. Бросили циновки, бросили ступку. Разбрызгивая воду, мчались, уходили от смерти. Пробегая мимо отцовской хижины, успел заметить Шамнилсин горку кувшинов и горшков, сделанных искусными руками, увидел мелькнувшее в черном проеме хижины испуганное лицо матери. Остановиться — умереть. И Шамнилсин с быстроногой своей женой помчались дальше, к кустам терновника, к корявым смоковницам. Одна, одна теперь была надежда...

Ах! Не висел над мокрой землей серебряный ковчег, как висел много-много дней до этого. Улетели боги! Они и раньше боялись воды, а теперь, должно быть, и во все испугались.

— Бейте-е!

Приближалась злая толпа, впереди всех бежал, размахивая тяжелой палкой, давильщик.

Тут-то Кааданнатум увидела, подняв голову, ковчег богов. Он медленно поднимался в сумрачное небо. Как видно, совсем недавно покинули боги землю. Кааданнатум прыгала в воде, простирая руки к уходящему ковчегу, и звала богов на помощь. Она звала таким громким голосом, что боги ее услышали.

Уже сбили с ног Шамнилсина, уже чьи-то руки рванули Кааданнатум за косы, уже готовился бог Аму принять их обоих в другую жизнь, как вдруг толпа замерла, пораженная ужасом.

Будто рев дикого кабана раздался вдруг, только в шестьдесят раз сильнее. С неба прямо на головы людей быстро опускался серебряный ковчег. Услышали, услышали боги мольбу женщины...

Люди бросились бежать врассыпную. Только Шамнилсин и его отчаянная жена остались, стоя на коленях в воде. С перекошенными от страха лицами смотрели они, как снизился ковчег богов и остановился в трех или пяти локтях над землей. Над их печальной, залитой водою землей.

Рев у умолк. Из ковчега опустилась лестница. И, замирая от страха, Шамнилсин и жена его, Кааданнатум, ступили на нее.

Глава вторая

АГГЛЮТИНАЦИЯ

Вам путь известен всех планет,
Скажите, что нас так мятет?

М. В. Ломоносов, Вечернее размышление

ИЗ ДОКЛАДА ПРОФ. РЫБАКОВА НА ПРЕЗИДИУМЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР (стенограмма)

...Как я уже говорил, ни с кем из членов комиссии, кроме меня, Ур не пожелал встретиться. Это очень осложнило работу, потому что мое знание истории и культуры Древнего Востока не превышает дилетантского уровня. К счастью, мне очень помог сосед Горбачевского, пенсионер Фарбер: многолетнее увлечение историей древних цивилизаций превратило этого, я бы сказал, сугубо книж-

ного старичка из любителя в профессионала. Ур не возражал против его присутствия при наших беседах.

Все три беседы записаны магнитофонным способом и тщательно проанализированы. Я изложу выводы и мнения, выработанные комиссией, конспективно. Нет нужды говорить, что наши выводы носят первичный характер и не претендуют на истинность в последней инстанции. Событие такого гигантского масштаба, как посещение Земли инопланетным кораблем и возвращение захваченных им землян, требует фундаментального изучения.

Итак, пришельцы, по-видимому, первоначально не имели намерения забрать с собой кого-либо из землян. Что-то, однако, заставило их изменить свои планы. Десантное судно опустилось вновь и приняло на борт Шамси... Шамнилсина и его жену. Пожалели ли их пришельцы, видя, что толпа вот-вот растерзает несчастных, или была другая причина милосердного акта? К этому вопросу я еще вернусь.

Что было дальше? Цитирую Ура:

«Отец много раз мне рассказывал, что, когда боги взяли его с матерью к себе в ковчег и поднялись на небо, он опять умер. Он перестал ощущать свое тело. Очнулся он уже в другой жизни — так отец думал вначале. Но потом оказалось, что у богов совсем неплохо — никакой работы, хорошая еда, только скучно. Родители скучали по овцам, по солнцу, по своей хижине... Ну, что говорить, представьте себе однообразие длительного космического перелета... А потом родился я...»

Мальчика, родившегося в корабле пришельцев, родители называли Урнангу. Так появился на свет маленький землянин, никогда не выдававший Земли. Самого перелета Ур, или, точнее, Урнангу, не помнит: был слишком мал. Его детство и юность прошли на планете, которую он называет Эир. К какой звездной системе относится эта планета, Ур объяснить не может, потому что расположена она в центре Галактики, закрытом для земных наблюдателей пылевыми облаками. Он сказал, что ночное небо Земли поразило его звездной скудостью. На Эире небо покрывает скоплениями огромных звезд.

Эирцам или, если угодно, эириям было трудно произносить длинные шумерские имена, и они ограничились лишь первыми слогами: Шам, Каа и Ур. Я позволю себе такие же сокращения.

Ур почти ничего не рассказал нам о планете Эир и ее обитателях. Он был очень сдержан и чем-то, как мне показалось, удручен. Вот некоторые из его крайне скупых ответов:

«Это очень древняя цивилизация, гораздо древнее земной... Они двуногие, но их внешний вид сильно отличается от человеческого... Там все другое, прежде всего энергетика... Обучение отдаленно напоминает гипнопедию...»

На таких сведениях далеко не уедешь. Что-то, как видно, побуждает Ура помалкивать. Он сказал еще, что корабль эирцев, совершавший полет в нашей области Галактики, не имел особой цели посетить Землю. Тем не менее они выслали с корабля десантное судно, потому что Земля их заинтересовала двумя свойствами — сильным (с их точки зрения) магнитным полем и обилием воды. Десантное судно облетело огромные безлюдны пространства и сделало две или три посадки в областях концентрации разумной жизни. Последняя посадка была, как мы теперь знаем, в древней Месопотамии. Всюду пришельцы наблюдали военные или иные конфликты. На мой вопрос, учили ли они чему-нибудь местное население, Ур ответил: «Нет». На вопрос, почему они, улетаая, захватили его родителей, он ответил: «Не знаю».

Цитирую далее:

«Отец с матерью считали, что боги их перенесли во владения другого вождя. Эирцев же они особенно не интересовали. Родителям дали синтетические прутья и синтетическую глину, и они сделали себе хижину, подобную той, в какой жили на Земле. Но овец и деревьев, к каким отец и мать привыкли на Земле, на Эире нет. Они ужасно по ним тосковали и просили меня поговорить с Учителем, чтобы им разрешили возвратиться в родную долину. Они говорили, что большая вода, наверное, уже спала, но я тогда совершенно не понимал, что это означает...»

Далее идут ответы Ура на ряд моих вопросов:

«Да, я сказал: Учитель. Это был действительно учитель, такое слово правильно передает функции, которые он выполнял по отношению ко мне. Он учил меня общему курсу, если говорить по-земному, естественных наук... Нет, я жил не с родителями, но часто их навещал... Да, можно сказать, что я жил и учился в коллективе сверстников... Собственнические общества относятся к далеко-

му прошлому Эира, о них никто не помнит, кроме обучающихся программ. Нынешний Эир, вернее, тот, который я покинул,— это высокоорганизованная общность, включающая всех жителей планеты, где бы они ни находились...»

Я процитировал наиболее существенные из ответов Ура на мои вопросы.

Из вышесказанного возникает весьма смутная, но достаточно впечатляющая картина цивилизации, намного более развитой, чем наша. Можно предположить, что Эир — планета с примерно таким же гравитационным полем и составом атмосферы, как и на Земле. Иначе наши шумеры не смогли бы там жить, а, по словам Ура, жили они на Эире без скафандров. Воду Ур увидел впервые на Земле,— значит, Эир планета безводная. По видимому, она лишена и магнитного поля или имеет поле очень незначительное. Это обстоятельство и, что особенно важно, расположение Эира в одной из центральных областей Галактики обусловило принципиальное, как говорит Ур, отличие их энергетики от земной. Жаль, что он не пожелал рассказать нам, в чем сущность энергетического принципа Эира,— это пролило бы свет на техносферу высокоразвитой планеты, и такая информация могла бы иметь революционное значение для научно-технического прогресса на Земле. Однако благодаря наблюдениям Горбачевского некоторыми сведениями мы все-таки располагаем. Это прежде всего эффект «джаномалии», о котором я докладывал ранее. Это выделение космической составляющей из электрических токов океанских течений. Вероятно, эирцы умеют аккумулировать и трансформировать определенные виды космического излучения. Далее. Несколько раз в беседах с Горбачевским Ур ронял нечто об управлении потоком информации. Я много об этом думал, и мне кажется, что тут-то и кроется самое главное: какая-то загадочная связь с энергетикой... Я хочу сказать, что вот это управление потоком информации, может быть, осуществляется на некоем энергетическом уровне... Мне трудно подыскать даже самые общие формулировки: ведь речь идет о специфических свойствах иного разума... Ур землянин, но прошел выучку там. И если нам удастся понять, как он управляет своей лодкой и каков механизм его поразительных телекинетических способностей, то,

быть может, мы приблизимся к пониманию энергетики планеты Эир. Таково мое личное мнение...

Цивилизация планеты Эир представляется нам не только высокоразвитой, но и весьма рационалистической. Такой вывод можно сделать из характера отношений эирцев к землянам. Вспомним прекраснодушные гипотезы о добрых и мудрых пришельцах — учителях варварских земных племен. Они-де, пришельцы, дали людям огонь, научили математике, астрономии и прочим весьма полезным вещам. И вспомним теперь решительное «нет» Ура в ответ на мой вопрос, учили ли чему-нибудь эирцы обитателей Древнего Двуречья. Вопрос имеет принципиальное значение, ибо речь идет о знаменитом Шумере с его значительной и наиболее ранней из всех известных цивилизаций древности. Как бы славно все увязалось, если бы Ур ответил «да». Так вот откуда, сказали бы мы с уверенностью, идет пресловутая халдейская мудрость: от пришельцев. Увы, все было, по-видимому, не так. Пришельцы с Эира совершили посадку в Двуречье, но отнюдь не в качестве учителей, горячо заинтересованных в просвещении невежественных туземцев. Они были сторонними наблюдателями. Люди представлялись им, наверное, грубыми и воинственными дикарями, и они, пришельцы, не вмешивались в земные дела. Мы полагаем, что их невмешательство носило не случайный, а принципиальный характер. Они имели достаточные основания опасаться того, что, скажем, технические новшества, которые они могли бы предложить людям, будут использованы вождями и жрецами во вред другому племени, что такая неравномерность, скачкообразность развития породит новые жестокие конфликты, новые кровопролития. Наверняка они понимали, что были для тогдашних обитателей долины богами. А богам полагается быть мудрыми. Мудрость пришельцев с Эира проявлялась в невмешательстве.

Не противоречит ли этому утверждению то, что эирцы приняли, казалось бы, горячее участие в судьбе Шама? Чем руководствовались они, когда выбрали после ночного побоища умирающего Шама и залечили ему рану? Жалостью, милосердием? Не исключено. Но вполне вероятно и другое: просто представился случай обследовать туземца, и выбор пал на раненого Шама случайно. Возможно, из того же чисто исследовательского интереса

они решили понаблюдать, как сложатся у Шама отношения с соплеменниками после исцеления. Тронуло ли их горе молодой жены Шама, мольбы Каа, или, повелев Хозяину воды освободить Шама из узилища, они ставили некий социологический эксперимент? Трудно сказать. Лично я склоняюсь ко второму предположению.

Подозреваю, что вывоз Шама и его жены с Земли был продиктован не только, а может, и не столько состраданием, стремлением спасти их от разъяренной толпы, сколько все тем же исследовательским интересом. Быть может, точно так же эирцы вывозили чем-то их заинтересовавших приматов с других планет.

И кто знает, может быть, эксперимент продолжается. Только ли потому завезли Шама и его семью обратно на Землю, что он истосковался по овцам? Несомненно, эирцы знали, что за время двух перелетов — туда и обратно — на субсветовой скорости сработает известный релятивистский эффект и на Земле пройдут тысячелетия. Кстати: необычайно интересен вопрос о принципе и технике их космических полетов. Но тут Ур заявляет, что он не космонавт и ответить на эти вопросы не может. Разумеется, вопросы эти опять-таки тесно связаны с проблемой энергетики Эира.

Так вот. Понимаю, как шатки наши умозаключения, но мы не исключаем того, что возвращение семьи Шама на Землю спустя почти шесть тысячелетий — не что иное, как продолжение некоего эксперимента. Какова его цель? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ в обозримое время...

В том, что нам рассказали Ур и его родители, есть еще одна поразительная деталь. Это — тайное искусство гончара, отца Шама. Лично я был потрясен, но археологи знают, что раскопки в Месопотамии наводят на мысль о знакомстве древних с гальваностегией. Теперь можно считать это доказанным. Каким образом дошел допотопный гончар до примитивного гальванического элемента, мы не знаем. Однако все, что нужно для этого: медь, куски железной руды и оцет — винный уксус в качестве электролита, — было у него под рукой. Многолетний опыт и счастливый случай натолкнул его на поистине гениальную мысль — соединить медной проволокой куски руды и меди в горшках, залитых уксусом, и получить таким образом источник тока. И вот он вынимает из ванны или,

если можно так выразиться, из особого горшка грубый медный браслет, на который тончайшим слоем осело золото, как бы силой волшебства перенесенное с золотой пластинки, погруженной в тот же сосуд.

А почему бы и нет? Почему летопись великих открытий и изобретений мы должны начинать с Архимеда? Разве не было до него многих сотен поколений *homo sapiens*? Разве не затаился в глубине веков безвестный изобретатель колеса? Гончарного круга? Прялки? Воздадим должное их гению, и тогда — что же, поверим тогда и в реальность гончара из Древнего Шумера, применившего гальванотехнику за шесть тысяч лет до Якоби.

Вспомним эпизод: бог, выйдя из ковчега, заинтересовался золочеными пластинками и пожелал взглянуть на их создателя и его мастерскую. Шумерам было просто: прилетели боги, и все тут. А вот богам, сиречь пришельцам, пришлось изумиться: дикие времена, дикари с каменными наконечниками на копьях — и вдруг гальваностегия! Надо полагать, они, пришельцы, увидели в этом серьезный признак потенции к развитию землян. Не случайно они, предвидя большое наводнение, передают через Шама совет его отцу — поскорее уходить в горы. Заметьте: не вождю, не всему племени в целом, а именно этому искуснику, отцу Шама. Что это, как не забота о том, чтобы гениальный изобретатель выжил, передал свое мастерство будущим поколениям?

Мы не знаем и, к сожалению, никогда не узнаем, успел ли отец Шама добраться до гор или его захлестнул потоп. Но больше нигде в древнем мире, как и в средние века, наука не обнаружила следов гальванотехники. Пока не обнаружила.

Мне остается в самом сжатом виде очертить круг вопросов, связанных с цивилизацией Древнего Шумера. Здесь предстоит большая, кропотливая работа, мы должны выявить еще много сведений, которые хранит память Шама и его жены.

Мы уже установили с помощью Фарбера, что говорят наши гости на одном из диалектов старошумерского языка, распространенного в Двуречье по крайней мере до половины третьего тысячелетия. Язык, а также характерная для Шумера шестидесятичная система счета проливают свет на вопрос, поставленный в свое время Леонардом Вулли: были ли шумерами люди, населявшие южную

часть долины Двуречья до потопа? Да, они были шумерами. Возможно, они принадлежали к раскопанной Вулли культуре Эль-Обейда. Это предстоит еще установить. Можно, однако, считать установленным фактом, что их культура пережила потоп.

Пока мы не располагаем новыми данными в сложнейших вопросах этногенезиса. Кто такие шумеры, откуда пришли? В каких отношениях были они с загадочным народом, пришедшим в Двуречье, согласно легенде, с моря? Однозначных ответов на эти вопросы пока нет. Шам, однако, вспоминает об Издубаре, вожде племени, точнее, рода, который некогда привел своих людей с гор в долину. Речь идет не о Хозяине воды, а о его отце, старом Издубаре, великом охотнике, который очень напоминает библейского Нимрода, «сильного зверолова». Ближайшие к Нижнему Двуречью горы — хребет Загрос на юге нынешнего Ирана. Легче всего предположить, что именно оттуда пришли шумеры, как впоследствии оттуда вторгались в долину племени Древнего Элама. Но прародиной шумеров могли быть и более отдаленные гористые районы Азии — Тавр, например, или Кавказ, Иранское нагорье или Гиндукуш.

Главным инструментом дальнейшего исследования станет, по-видимому, лингвистический анализ. Шам уже согласился принять у себя дома в качестве гостя Павла Борисовича Решетника, очень способного лингвиста.

Шам, естественно, географии не знает, и Ур не мог со слов отца определить на карте нужное место. Как ни странно, в материалах эирской экспедиции не была указана долгота места. Ур сказал мне, что там значилось только, что колодец, возле которого располагалось селение, находился к северу от экватора примерно на двенадцатую часть круга. Это соответствует тридцатому градусу северной широты. Где-то под этим градусом стоял древнейший из известных нам городов Шумера — Эриду. Вполне возможно, что это и был тот самый Город, куда шел с караваном Шам, Город, в одном дневном переходе от которого он был ранен в бою у Реки. Название Реки сомнений не вызывает — это древний Буранун, нынешний Евфрат.

Было ли наводнение, начало которого видели Шам и эирцы, обычным для долины весенним разливом рек или тем самым «всемирным потопом», который описан в шу-

мерском сказании о Гильгамеше и впоследствии в Ветхом завете, мы не знаем. Пожалуй, судя по настойчивому совету зирцев (а им было виднее) поскорее покинуть долину, это все же был потоп. Вряд ли он уничтожил всю жизнь в долине — города наверняка уцелели, — а вот селение Шама было, конечно, сметено водным потоком, как и другие селения. Самому Шаму и его жене необычайно повезло. Потоп поглотил, уничтожил их род, и прошли многие годы, прежде чем на юге долины вновь расцвела жизнь и поднялись и окрепли города-государства — великий Ур, Лагаш, Урук, — они же, Шам и его супруга, были в пути, в межзвездном пространстве, и течение времени для них замедлилось...

— Валечка, к телефону! — пропела тетя Соня, выглянув на лестничную площадку.

Валерий сидел в соседской галерее у раскрытого окна и слушал, как бубнил пенсионер Фарбер:

— Древнейшие клинописные тексты не полностью передают звук, поэтому мы... э-э... плохо знаем старошумерский язык. Но при различиях в фонетике... э-э... основа у него та же, что и в классическом шумерском... Та же неизменяемость корня, и гармония гласных, и агглютинация...

— Сейчас, тетя Соня! — досадливо откликнулся Валерий. — Как вы сказали, Ной Соломонович? Альгю...

— Агглютинация. — Фарбер прокашлялся и косенько посмотрел на него. — Это значит... э-э... приклеивание, присоединение к корню слова аффиксов... аффиксов, имеющих определенное грамматическое значение...

— Валечка, что ж ты не идешь? — снова высунулась тетя Соня. — Аня тебя ждет.

— Аня? — Валерий бурно рванулся к застекленной двери, бросив на ходу: — Простите, Ной Соломонович, я сейчас...

— Для шумерского языка характерны длинные цепочки аффиксов, — бубнил Фарбер, не сразу заметив исчезновение собеседника. — Э-э, где же ты?.. Ну ничего... Он уткнул нос, поросший черными волосками, в книгу.

Около десяти лет назад Фарбер ушел из аптеки, где работал провизором, на пенсию, и все эти годы он мало

разговаривал с людьми. Так только, с проходящей родственницей, готовившей ему обеды, с соседями по поводу рецептов да с сыном-инженером, который раз в неделю проводывал старика, книжки ему приносил. От недостатка коммуникаций у Фарбера голос как-то сел, сделался глухим, как из закрытой бочки, и что-то неприятно клочкотало у него в горле, когда он начинал говорить. Последние дни, однако, с лихвой вознаградили старика за долгое молчание. С того самого момента, когда он робко заговорил с Шамом по-шумерски, к нему, Фарберу, вдруг повалил народ. Он не совсем ясно представлял себе, откуда взялись в наши дни шумеры, но видел, что они вызывают жгучий интерес. Несколько раз приходил симпатичный профессор Рыбаков,— сидя в застекленной Фарберовой галерее на скрипучем соломенном стуле, профессор долгие часы разговаривал с ним и с Уром и пил чай с инжировым вареньем, принесенным тетей Соней. И приходили еще люди, и с некоторыми было очень интересно говорить, потому что они хорошо знали ранние цивилизации и разбирались в шумерской клинописи. Голос у Фарбера мало-помалу окреп за эти прекрасные дни, и почти прошло клочкотание в горле, и его ввалившиеся щеки вроде бы немного округлились и даже порозовели. Особенно приятно было ему, когда один из сведущих людей поспорил с ним по поводу употребления шумерского суффикса «на», а потом, признав свою ошибку, выразил восхищение его, Фарбера, познаниями и пригласил на работу в научный институт. Ах, если б скинуть со слабых, ссутулившихся в аптеке плеч хотя бы десяток лет!..

Третьего дня Шам с женой и сыном уехал куда-то в колхоз — жаль, жаль! Сразу исчезли гости, кончились прекрасные времена. Нет, не совсем кончились, остался один собеседник — и кто бы мог подумать, что непутевый Сонин племянник, который вечно гоняет где-то мяч (Фарбер был искренне в этом убежден), вдруг зажжется таким неистовым интересом к древнейшей цивилизации Земли? Вот уже несколько вечеров сидит тут, и слушает, слушает то, что он, Фарбер, рассказывает ему о Древнем Шумере и Древнем Аккаде, о халдеях и хананеях, о жестоких и могущественных царях Вавилона и Ассирии...

Валерий ворвался в заставленную картонными коробками переднюю своей квартиры, схватил трубку.

— Алло? — сказал со старательной небрежностью.

— Здравствуй, Валера, — прозвенел как ни в чем не бывало Анин голосок. — Где ты пропадаешь, почему не звонишь?

Валерий мог подробно перечислить свои звонки и как следует ответить на это «где пропадаешь», но сдержал свой порыв. Не надо спорить с женщинами, не надо, не надо...

— Занят был на работе, — отрывисто бросил он.

Аня хихикнула:

— Так занят? Бедный! Нонна, наверно, житья не дает?

— Ты чего хотела?

— Фу, как грубо! — Аня осеклась. Потом, после короткой паузы, уже другим тоном: — Валера, я у подружки занимаюсь, это почти рядом с тобой. Если хочешь, приходи минут через двадцать на угол Гоголя. Проводишь меня домой. Если хочешь, конечно.

С той же старательной небрежностью Валерий ответил:

— Ладно, подойду через полчаса.

Постоял немного, дымя сигаретой, над умолкнувшим телефоном. Телефонный аппарат был новый. Красный, как пожарная машина. Как сигнал опасности.

— Валечка, ты уходишь? — спросила тетя Соня. — Хотела тебя попросить обвязать эти две коробки с посудой.

Еще могли пройти месяцы до вселения в новую кооперативную квартиру, но беспокойная тетушка загдя начала сборы. Неохотно, но исправно Валерий притаскивал ей из окрестных магазинов пустые картонные коробки из-под масла и печенья, и тетя Соня аккуратно, вдумчиво укладывала в них пожитки.

Не надо, не надо, не надо спорить с женщинами, убеждал себя Валерий, ворочая тяжелые коробки и обвязывая их бельевой веревкой. Не сорваться бы, не выказать свою боль и обиду, сохранить небрежный, скучающий тон. Сотни, тысячи вещей есть поинтересней, чем встречи с Анькой. Вот — Шумер! Ка-акая прекрасная, захватывающая штука — история! Дураком он был набитым, когда в школьные годы пренебрегал историей. Бросить, что ли, читать фантастику и приключенщину, засесть за толстые тома Всемирной истории — да не прос-

то так, а с карандашиком, с хронологическими таблицами. Не обезьяна же он, черт дери, которой нет дела до того, что происходило до нее в родном лесу.

Вдруг спохватился: истекают условленные полчаса!

Натянув замшевую куртку, купленную по случаю в комиссионке, крикнул тете Соне: «Ухожу!» — и вихрем на улицу.

На углу улиц Тружеников Моря и Гоголя скучал, углубившись в самосозерцание, продавец хурмы, пожилой носатый дядечка в нечистом халате. Было еще светло, еще только собиралось за вечереть поблекшее сентябрьское небо.

«Агглютинация, — подумал Валерий, прислонившись к фонарному столбу. — Приклеивание к корню этих... как их... фениксы, что ли... нафиксы... Хорошо старику Фарберу с его древностями, с агглютинацией этой самой. А если не склеивается? Где такой клей найти, чтобы прихватило надежно, навсегда?.. Жду еще пять минут, — подумал он, взглянув на часы. — Если она за пять минут не придет...»

И тут же вышла Аня из-за угла — розовощекая, в черно-блестящем плаще до пят, в голубой кепочке с козырьком. Царственной походкой подошла к Валерию, сказала с улыбкой:

— Приветик.

Они пошли вниз по улице Гоголя под зеленой листвою акаций, под широкими днищами старых балконов, под ранними фонарями.

— Валера, ты на меня сердисься? — Анин голосок взлетел на немыслимую высоту.

— Чего сердиться? — дернул он плечом. — Подумаешь, каких-нибудь две недели не виделись.

— Ну Валера, не на-адо! Я же вижу по твоему носу, что ты сердисься, как ненормальный. А я правда, когда ты позвонил тогда, очень была занята. Ты не представляешь, какая трудная у нас химия...

Не хотел Валерий — точно не хотел, — и все-таки сказал:

— А этот... ну, сын академика, — он представляет?

Аня остановилась. Поморщилась, ножкой топнула:

— Ясно, ясно. Рустам, конечно, уже раззвонил.

И верно, именно от Рустама впервые услышал Валерий про сына академика. В кафе «Молодежное» разгля-

дел он, Рустам, в табачном дыму, как танцевала Аня с бойким чернявым юношей. И узнал Рустам в этом парне сына известного нефтехимика, который раньше, до переезда в дом ученых, жил по соседству с Рустамом, на одной улице. Само собой, рассказал он Валерию о встрече в «Молодежном». Не такой был Рустам человек, чтобы держать друга в неведении.

— Во-первых, никакой он не сын академика, его папа просто членкор,— объяснила Аня.— А во-вторых, мы с Тофиком учились в параллельных классах, а сейчас он тоже в университете учится, на востоковедческом. Что из того, что мы разочек сходили в кафе?

— Знаешь что? — отрывисто сказал Валерий, чтобы разом все кончить.— Сегодня с тобой отплясывает Тофик из параллельного класса, завтра появится Рубик с перпендикулярного факультета,— ну что ж, на здоровье. Только мне все это ни к чему. Мне двадцать восемь, я для тебя уже старей.

Минуты две или три они шли молча, пересекая по диагонали сквер с подсвеченным фонтаном. Пенсионеры, плотно сидевшие на скамейках, таращили на них глаза.

Аня погрустнела, светлые бровки ее взлетели под голубой козырек, придав лицу беспомощное выражение.

— Ты не старей, а эгоистичный. Почему я должна сидеть взаперти и носа не высовывать без твоего разрешения? Я живой человек все-таки...

Валерий не ответил. Не было смысла возражать, если она сама не понимает, что живой человек не должен так обращаться с другим живым человеком.

Аня вдруг порывисто взяла Валерия под руку.

— Не надо нам ссориться, Валера. Это не имеет никакого значения — кто со мной отплясывает. Правда. Я никогда не забуду, как ты написал тогда на машинке... ну, сам знаешь...

«Да разве я хочу ссориться? — думал Валерий.— Мне эти ссоры — острый нож... Только надоели качели. Вверх-вниз, вверх-вниз... Сколько можно терпеть?..»

— Ну Вале-ера! — нашептывала Аня под ухом.— Не будь таким ледяным. Слышишь?

Лед быстро таял.

И вот уже они сидели на Приморском бульваре в укромной темноватой аллее среди других парочек.

— Хватит целоваться,— сказала Аня.— Хорошего

понемножку... Хватит, говорю!.. Что у вас новенького в институте?

— Анька, Анечка! Мучение мое... Любишь?

— Сам знаешь.

— Ничего я не знаю, ни-че-го. Пойдешь за меня замуж? Не молчи, отвечай: да или нет?

— Пойду...

Валерий вскочил:

— Пошли во дворец! Хотя...— Он взгляделся в циферблат часов.— Черт, поздно уже, наверно.

— В какой дворец? Бракосочетания? — Аня прыснула в ладошку.

— Само собой, не в Букингемский же. Там ведь уйма формальностей — заявление, справки, срок какой-то надо выждать...

— Сядь. Ну сядь же! — Аня потянула его за руку.— Ты, я вижу, уже разбежался.

— А чего тянуть? Завтра у тебя когда лекции кончаются? В два? Я за тобой заеду — и во дворец.

— Валерочка, милый, очень тебя прошу: не торопи. Я согласна, согласна,— быстро добавила она.— Мы пойдем с тобой во дворец, но только не завтра. Не торопи меня, ну пожалуйста!

— Почему?

— Мне... страшно немного...

— Чего тебе страшно? — насторожился он.

— Валера, я тебе по правде все скажу... Вот я вижу, как Лариска живет,— это подруга моя, она весной вышла замуж. Снимают с мужем комнату в старом дворе, удобств никаких...

— Вопрос снимается! — прервал ее Валерий.— Мы с теткой скоро переедем в новый дом...

— Я знаю. У Лариски чудный муж, музейный работник, страшно интеллигентный, но зарабатывает он немного, а у Лариски только стипендия, она на третьем курсе.

— Ну и что? — спросил Валерий неприятным голосом.— Они голодают?

— Конечно, нет. Кто теперь голодает? Но что-нибудь купить — целая проблема. Я вижу, как Лариска мечется — здесь пятерку займет, там десятку,— хочется ведь быть одетой не хуже других... А ведь скоро у них и ребенок появится...

Она замолчала, теребя ремешок сумочки. Из соседней аллеи донеслось гитарное треньканье, потом — взрыв смеха.

— Слышишь? — сказал Валерий. — Это над нами люди смеются.

— Нет. Я как раз не хочу вызывать ни смеха, ни жалости.

— А что ты хочешь вызывать? Зависть?

— Просто я хочу жить по-человечески. И, пожалуйста, не разговаривай со мной таким тоном.

— Аня, погоди обижаться и выслушай меня. Может, я не такой интеллигентный, как Ларискин муж, но я, представь себе, тоже хочу жить по-человечески. И я не допущу, чтобы моя жена бегала занимать пятерки. Слышишь? Ты ни в чем не будешь нуждаться, — с какой-то злой решимостью сказал он. — Конечно, в разумных пределах. Ну, чего тебе еще?

— Валера, — вскинула она на него быстрый взгляд, — только ты не думай, что у меня какие-то особые претензии... Просто мне хочется...

— Веселья? Будет! Поездок хочется? Будут поездки! Публикация, диссертация — все будет!

— Вот умничка! — Аня опять приняла к нему, и он обхватил ее плечи. — Только знаешь, Валера, дай мне хотя бы две недели. Тебе, может, просто — раз-два и женился, — а мне не просто... У меня, ты ведь знаешь, родители трудные, надо их подготовить. Да и масса других дел... Правда, Валера!

— Ладно, — великодушно разрешил он. — Даю две недели.

Из соседней аллеи грянул под гитару дурашливый хор:

Чтобы не было пожара
От опасных тех затей,
Будьте бдительными, мамы,
Прячьте спички от детей!

«Резвятся мальчики и девочки, — подумал Валерий с неожиданным щемящим чувством. — Хорошо им, девятинадцатилетним...»

— Да! — вспомнила Аня. — Я что хотела спросить, Валера: ты читал в «вечерке» про Ура?

— Перепечатку из «Известий», что ли? Читал, конечно.

— Ой, ты знаешь, я уже давно чувствовала, что он откуда-то... не знаю, не от мира сего, в общем... Валера, объясни, как это может быть — родился шесть тысяч лет назад, а все еще жив и даже молодой. Мне объясняли ребята, но я не поняла. Что это за парадокс Эйнштейна?

«А мне уж никогда не будет девятнадцати,— думал Валерий,— и не пройду я больше по нашему старому доброму бульвару с шумной компанией и гитарой...»

— Парадокс Эйнштейна? — спохватился он. — Ну, видишь ли, пространство, время и тяготение находятся в зависимости...

Он объяснял Ане парадокс замедления времени, а в соседней аллее теперь затянули старинную студенческую песню:

Там, где тинный Булак со Казанкой-рекой,
Словно брат со сестрой, обнимаются,—
От зари до зари, чуть зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются...

— Вот теперь понятно,— сказала Аня. — Ты всегда лучше всех объясняешь. Валера, а что это за страна — Шумер?

— В древности люди всегда селились на берегах больших рек,— со вздохом начал Валерий. — И вот в речной долине Тигра и Евфрата...

Сам Харлампий святой закивал головой,
Сверху глядя на них, умиляется,—

неслось из той аллеи. И тут был мощно подхвачен припев:

Через тумбу, тумбу раз,
Через тумбу, тумбу два...

— Фу, как орут! — поморщилась Аня. — Ненормальные прямо. Они из медицинского.

— Откуда ты знаешь? — удивился Валерий. — По голосам?

— По песням. А теперь что же — Ур улетит обратно на эту планету? Как ее — Эир?

— Не знаю. Он уехал к родителям в колхоз, сидит там безвылазно, и никто не знает, что будет дальше.

Рокотала гитара, лихие голоса вели старинную песню к концу:

Но соблазн был велик, и не выдержал старик,
С колокольни своей он спускается,

И всю ночь напролет он и пьет и поет
И еще кое-чем занимается!

Эта озорная песня Казанского университета — не правда ли? — вызывает представление о развеселой жизни дореволюционного студенчества. Вольно им было от зари до зари шататься по городу. Вон даже святой Харлампий, патрон университетской церкви, им позавидовал — слез со своей колокольни и закутил напропалую. Отсыпались студенты, естественно, днем. Обязательного посещения лекций не было. Только расписание вывешивалось — выбирай что хочешь.

Ах, веселые времена необязательного посещения и ночных шатаний! Ах, озорные песни и невинные забавы!

Правда, были в жизни старого студенчества свои мелкие неудобства. Ну, скажем, непременно нужно было в срок вносить плату за обучение. Особо одаренным юношам, не имеющим средств, разрешалось представлять «свидетельство о бедности», освобождавшее от платы. И, чтобы получить эту унижительную бумагу, приходилось долго обивать пороги канцелярии полицмейстера.

Перелистайте студенческие дневники Чернышевского за 1848—1849 годы — вы поразитесь, сколько перед двадцатилетним Николаем Гавриловичем возникало сложных финансовых и бытовых забот, неведомых нынешним студентам.

Общежитий не было. Студенты снимали комнаты и углы «по средствам». А чтобы добыть денег, давали уроки на дому гимназистам из богатых семей. Дашь с утра урок часа на два — беги в университет, хоть одну лекцию успеть бы послушать. Потом — на другой конец города, еще урок часа на два. Зайти в кофейню Вольфа, где посетители имели право бесплатно читать газеты, похлебать наскоро щей, горячего чаю попить. Потом — к товарищу лекции переписать. Забежать на почту — письмо родителям отправить (почтовых ящиков еще не было), сходить к немцу в Чернышев переулок — чернил купить и узнать, что партия распродана, послезавтра надо прийти. А тут приспело время сдать профессору зачет на дому, да хорошо бы его дома застать, а то прошлый раз ушел несолоно хлебавши (телефонов-то еще не было). Поздним вечером у себя в каморке завалиться бы спать, да надо писать очередную работу. А темы для студен-

ческих работ всякий раз даются новые — что профессору в голову придет, — так что и переписать не у кого...

Не колесили по старому Петербургу автобусы, трамваи и троллейбусы. Не мчались под городом поезда метро. Были только извозчики — медленные и дорогие («Овес-то нынче почему?»). За перевоз через Неву лодочники брали по 15 копеек.

И все концы студент проделывал на своих на двоих.

Библиотеки, кроме университетской, были только платные, с залогом. 18 сентября 1850 года Чернышевский записывает расход — 10 рублей серебром на возобновление билета в библиотеке для чтения. А когда ему удалось достать на считанные дни «Современник» с лермонтовским «Героем нашего времени», Николай Гаврилович переписал эту вещь для себя. Купить журнал было «не по средствам».

Часто приходилось ему обдумывать, чем выгоднее писать и на какой бумаге. То ли чернилами, то ли карандашом. А карандашей в России тогда не делали, были только заграничные, и стоил такой карандаш 10 копеек серебром — по ценам того времени столько же, сколько два фунта хлеба.

А так — что ж, жизнь веселая. Хочешь — спать ложись, хочешь — песни пой...

Конечно, были не только бедные студенты. Были и богатые, их называли «белоподкладочниками». Чтобы уменьшить приток разночинцев в университеты, было введено обязательное ношение формы — довольно дорогой, со шпагой на боку. Бедные студенты заказывали себе форму на неизносимой черной саржевой подкладке, чтобы хватило на пять лет. А богатые — на белой шелковой. Им-то, «белоподкладочникам», не надо было бегать по урокам и библиотекам. Нужные книги и журналы они покупали на деньги родителей, ездили на родительских лошадях, и времени свободного для развлечений у них, понятно, было куда больше.

Ладно, хватит о старых временах. Просто к слову пришлось: святой Харлампий подвинул к сему отступлению.

При своей близорукости Вера Федоровна очков не носила — полагала, что они ей не идут. Однако все, что ей было нужно, она видела превосходно.

Вот и сегодня: предприняв большой директорский обход института, внезапно появляясь в отделах и лабораториях, Вера Федоровна зорко подмечала недостатки, подлежащие устранению.

В холле второго этажа она увидела совершенно возмутительный недостаток: у круглого низенького столика, развалившись в креслах и дымя сигаретами, сидели младший научный сотрудник Горбачевский и незнакомый юноша в пестром галстуке и многопуговичном пиджаке, какие теперь закройщики модных ателье называют «фасон свиноматка». Перед ними лежали на столике два-три развернутых ватмана, покрытых, как принято писать в производственных романах, сетью затейливо переплетенных линий, а проще говоря — чертежами двухступенчатого редуктора с косозубыми цилиндрическими колесами.

Палец Горбачевского блуждал по чертежам, а многопуговичный юнец со скучающим видом смотрел сквозь заграничные теневые очки сложной конструкции.

— Деталь девятая, — произнес Горбачевский, — маслоуказатель...

Тут он увидел Веру Федоровну и запнулся. У него напряглись было мышцы, управляющие подъемом туловища, но в следующий миг Валерий понял, что все равно попался и теперь вежливым приветствием делу не поможешь. Он остался сидеть в кресле, только ноги подтянул, а директриса, холодно глянув, прошествовала через холл в коридор.

В приемной Вера Федоровна справилась у Нины Арефьевой, вернулась ли из отпуска Селезнева, и, получив ответ, что да, как раз сегодня вышла на работу, распорядилась вызвать ее.

С улыбкой вошла Нонна в кабинет директрисы. Вера Федоровна, прищурившись, окинула взглядом ее стройную фигуру в брючном костюме из кримплена сиреневого тона, с неизменным аляповатым скарабеем, приколотым к отвороту жакета. Сухо ответив на Ноннино приветствие, приступила к разному:

— Ваши подчиненные, моя милая, распустились. Не далее как десять минут назад ваш хваленый Горбачевский — заметьте, в рабочее время — принимал посетителя по личному делу. Одного этого достаточно для наложения взыскания, не так ли?

Нонна открыла было рот, чтобы ответить в том смысле, что она только что вернулась из отпуска, но Вера Федоровна не дала ей вымолвить ни слова.

— Но еще хуже то, чем занимается Горбачевский,— продолжала она обличительную речь.— Нетрудно понять, что он сдавал бездельнику-студенту работу, выполненную за деньги,— листы по начерталке или курсу деталей машин. С легкой руки вашего Горбачевского этот белоподкладочник современного типа с юных лет привыкает жить за чужой счет. И я вас спрашиваю: какой инженер из него получится, к чертовой бабушке?

— Мне нет никакого дела до этого студента, а что касается Горбачевского...

— Ах, вам нет дела? — Голос Веры Федоровны достиг басовых нот.— Вам наплевать, что появится еще один неуч и бездельник с инженерным дипломом, который будет в меру своих сил портачить на производстве, а потом сунется, чего доброго, в науку, и сердобольные тетеньки вроде вас напишут за него кандидатскую диссертацию...

Нонна рывком поднялась. Все кипело у нее внутри, но она постаралась сказать как можно спокойнее:

— Разрешите внести поправку в вопрос о сердобольных тетеньках. Да, я написала диссертацию за чужого дядю, но — не по своей воле. Против своих убеждений. Под сильным нажимом непосредственного начальства...

— Поправка принимается,— ворчливо сказала Вера Федоровна, закуривая сигарету.— Я не устояла против нажима своего начальства, вы не устояли против моего нажима, а в результате — сквернотища, халтура. Хорошо еще, что иногда прилетают пришельцы и сбивают таких вот соискателей с панталыку... Я все это к тому, Нонна, чтобы разозлить вас на халтуру. Не будем ждать пришельцев. Сколько раз увидим халтуру, столько раз и накинемся на нее — с шумом, с воплями, по-бабьи,— но только не дадим ей расцвести. Нельзя плодить новых Пиреевых.

— Совершенно согласна.

— А раз согласны, то учините вашему Горбачевскому немилосердный разнос. Административных мер принимать не стану, но предупредите его, что в следующий раз не будет пощады... Чего вы стоите? Сядьте, разговор не окончен.

Нонна села, платочком вытерла лоб, поправила прическу. «Ничего себе, чудесно начинается новый рабочий год...»

— Я предупрежу Горбачевского,— сказала она, вскинув голову.— А вообще-то, Вера Федоровна, я подам вам докладную — насчет прибавки Горбачевскому и Марку Варламову.

— В прошлом году я прибавила Горбачевскому десятку. Кстати: он, кажется, соискатель? Тема утверждена, насколько помню? Ну, так чего же он тянет с диссертацией?

— Тянет,— пожала плечами Нонна.

— Ладно, тащите докладную, я подумаю. Теперь вот что, Нонна. Вы по-французски читаете?

— Нет. По-английски умею.

— Тогда вот вам перевод с французского.— Директриса пошарила среди бумаг на столе и протянула Нонне листок с машинописным текстом.— Читайте, да поживее.

Нонна быстро пробежала письмо глазами.

М а д а м !

С удовольствием пользуюсь поводом написать Вам письмо. Дело в том, что в этом сезоне Ваш покорный слуга намерен провести комплексное исследование Течения Западных Ветров в диапазоне от пролива Дрейка до берегов Австралии. Судя по некоторым высказываниям Вашего сотрудника мосье Ура, побывавшего этим летом у меня в Океанариуме, такое исследование может представлять для Вас определенный интерес.

Был бы счастлив, мадам, провести работу совместно. Хотелось бы, в частности, испытать в океане методику, о которой в самом общем виде мне поведал мосье Ур при наших — увы, весьма немногочисленных — беседах в Санта-Монике.

Если идея совместной работы не вызывает у Вас отращения и будет сочтена Вами полезной, то не откажите в любезности сообщить Ваши соображения по прилагаемому мною плану исследования, а также о технических и прочих условиях сотрудничества, которые пожелает предложить советская сторона. Я готов принять на своем судне Вас лично, мадам, и двух-трех Ваших сотрудников-океанологов. Из сообщений советской прессы я узнал о поразительной истории мосье Ура, а также о

том, что он, к счастью невредимый, благополучно возвратился в Ваш прекрасный город. Соболаговолите, мадам, передать мосье Уру сердечный привет и особое приглашение участвовать в экспедиции, если, разумеется, он сочтет это для себя возможным. Пользуюсь случаем для того, чтобы переслать мосье Уру предмет его личного обихода, забытый им в Океанариуме.

Намечаемый мною срок отплытия «Дидоны» — конец декабря с. г.

С наилучшими пожеланиями, мадам,
искренне Ваш

Жюль-Сигисбер Русто, директор

Санта-Моника, 22 сентября.

Улыбаясь, Нонна положила листок на стол.

— Я и не знала, что Русто так куртуазен,— сказала она.

— Что скажете о предложении старика?

— Оно не вызывает у меня отвращения. Наоборот.

— Русто хитер. То есть я не сомневаюсь, что он радужно примет в экспедицию меня или другого океанолога, но нужен-то ему Ур, это ясно.— Вера Федоровна посмотрела на погрузневшее лицо Нонны.— Я звонила в Москву относительно предложения Русто. Вероятно, начальство отнесется к нему благосклонно. Но вопрос сейчас, милая моя Нонна, упирается в Ура.

Нонна молча кивнула.

— Я никогда не верила в пришельцев,— продолжала Вера Федоровна, барабанив пальцами по настольному стеклу.— Не укладываются пришельцы у меня в голове. Я и сейчас подозреваю во всей этой истории с Уром какую-то мистификацию. Ведь он склонен к мистификации, а?

— Нет,— покачала Нонна головой.— Он даже не знает, что это такое. Он совершенно натурален.

— Хотите сказать — непосредствен? У меня другое мнение, хотя, конечно, вам виднее. Однако незаурядность этого... гм... потомка Навуходоносора...

— Скорее уж — предка,— вставила Нонна.— И очень отдаленного. Мы по времени гораздо ближе к Навуходоносу, чем Ур — с противоположной стороны отсчета.

— Я просто потрясена этим фактом.— Вера Федоровна иронически хмыкнула.— Спуститесь-ка на землю,

Нонна, и слушайте внимательно. Нам непременно надо заполучить Ура, чтобы он довел до конца свой проект. Я имею в виду обоснование этой странной штуки, обнаруженной вами на Джанавар-чае. «Джаномалию» эту самую имею в виду. Теперь, когда установлено, что Ур являлся с высокоразвитыми пришельцами, к его проекту могут отнестись весьма серьезно. Понимаете?

— Да. Только мне неприятно это выражение — «являлся».

Вера Федоровна яростно прищурилась на Нонну, потом трянула своей медно-рыжей гривой, усмехнулась:

— С вашим пуризмом, милочка, вам следовало бы держаться подальше от океанологии. Сама не знаю, почему я вас терплю... Ну, короче. Все сейчас зависит от Ура — наша океанская тема, экспедиция, а может быть, и более значительные вещи. Ур живет сейчас у родителей в колхозе. Это недалеко от города... да вы же бывали там. Поезжайте в колхоз и уговорите Ура вернуться в институт, хотя бы на время подготовки проекта. Передайте ему приглашение Русто и кстати — присланный им пакет. У Нины возьмете письма для Ура. Письма и посылка Русто — достаточный повод для визита, как вы считаете?

— Достаточный... Но мне не хочется, Вера Федоровна... Пошлите лучше Горбачевского.

— Нет. Горбачевского можете взять с собой, но уговорить Ура сумеете только вы. Нечего смотреть на меня голубыми глазами — я знаю, что говорю. Идите и творите мою волю.

С рассеянным видом вернулась Нонна к себе в рабочую комнату. Там Валерий и Рустам усердно трудились над вертикальным разрезом солёности воды в восточной части Каспийского моря. Нонна попросила Валерия отвлечься и принялась «учинять разнос». Тот хмуро вертел на столе флакон с тушью.

— Ну, хватит, — сказал он, не дослушав до конца. — Сколько можно воспитывать? Все ясно — нарушил, попался, готов к наложению взыскания. В перерыв отработай полчаса, затраченные из служебного времени. А брать или не брать у студентов заказы — это мое дело.

— Не только твое, — вяло возразила Нонна. — Ты приучаешь студента к халтуре и безответственному отношению...

— Да ничего я не приучаю! — вскипел Валерий. — Парню плохо дается курс деталей машин — ну и что? Почему сразу уж — халтура и безответственность?

— Тихо, тихо, дорогой, — мягко вмешался Рустам. — Не надо шуметь. Нонна права в одном, ты — в другом. Если студент сам не хочет или не может чертить, так он найдет, кого попросить. Валера откажется — другой ему начертит. Скажи? Так уж лучше пусть Валерка зарабатывает, нет? Только не в ущерб, конечно. А шуметь не надо, — ласково повторил он. — Зачем омрачать атмосферу?

— Миротворец! — проворчал Валерий, искоса взглянув на Нонну.

Взглянул — и поразился. Нонна сидела за столом, сжав пальцами виски; горькая вертикальная складочка врезалась в гладкий, безоблачный лоб, и по щекам медленно катились слезы.

Глава третья

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ...

Словно буря, все то, что дремало подспудно,
Осадило мой разум, и он отступил,
И носился мой дух, обветшалое судно,
Среди неба и волн, без руля и ветрил.

Шарль Бодлер, Цветы зла

С двумя ведрами воды шел Ур от колодца. По-утреннему длинная тень скользила слева, изламываясь на ограде из нетесаных камней. Шуршали под ногами облетевшие листья.

Из всех земных дел ему больше всего нравилось это — носить воду. Это была хорошая работа: мышцы напряжены, а мысли пролетают легко и свободно, и ты идешь сквозь утреннюю игру света и тени, ни на чем особенно не задерживая взгляда, только посматривая, чтобы не выплеснулась из ведер вода.

Потом, запивая крепким чаем добрую половину свежеспеченного чурека с маслом и сыром-моталом, Ур благодушно слушал, как мать убеждает отца в необходимости купить пылесос. Она видела такой в городе, когда жила у тети Сони, — красный, гудящий, с длинным хобо-

том, в который будто ветром несло обрывки бумаги, пыль, просыпавшуюся в кухне крупу.

— Не надо нам пылесоса,— запинаясь на трудном слове Шам.

— Надо! Надо! — Каа ввинчивала в мужа неистово горячий взгляд.— Разве мы хуже других людей, у которых есть пылесос?

Ур посматривал на гостя. Павел Борисович Решетник слушал перепалку хозяев с тонкой непроницаемой улыбочкой и прихлебывал чай с сухариком. От жирной баранины, которой вот уже больше недели Каа потчевала гостя, у Павла Борисовича что-то разладилось в желудке, и он второй день обходился минимумом еды и питья. На госте был синий спортивный костюмчик, обтягивающий ранее брюшко. Очки его сидели немного косо.

«Наверное, смакует необычность сочетания слова «пылесос» со старошумерским диалектом»,— подумал Ур, заметив тонкую улыбочку гостя.

— Веник очень хорошо подметает пол,— высказался Шам, вытирая ладонью губы и поднимаясь из-за стола.

— Пылесос лучше! — твердо стояла Каа на своем.

После завтрака Шам отправился на ферму. Он снова работал теперь на животноводческой ферме, более того — был как бы правой рукой ее нового заведующего, чем очень гордился. Гость принялся помогать Каа прибирать со стола и мыть посуду, и они заговорили о разных разностях, а Ур побрел в дальний угол двора, где под навесом стояла деревянная тахта.

Из города Ур привез два ящика книг, выданных по специальному распоряжению библиотекой местного университета. Дни напролет он лежал на тахте под навесом и читал, читал, и размышлял о прочитанном и увиденном, и наслаждался покоем. Он знал, конечно, что покой этот недолог, но ему хотелось, чтобы он продолжался до того самого момента, когда там решат его дальнейшую судьбу.

Он протянул руку и взял с табуретки томик из серии литературных памятников. Тут был древнегерманский эпос о нибелунгах, и Ур быстро перелистал его, а когда дошел до того места, где погибает Зигфрид,— задумался.

Это, как видно, была старинная мечта человечества — мечта о неуязвимости. Ахилла в младенчестве купали в реке Стикс, сделавшей неуязвимым его тело —

кроме пятки, за которую его держали. Зигфрид выкупался в крови дракона, и кожа его стала непробиваемой, но и тут героя подстерегла случайность: при купании упал ему на спину, между лопаток, зеленый лист с дерева. И что же? Ахилл был убит стрелой, пущенной Парисом прямо в пятку. Копье коварного Гагена из Тронеге поразило Зигфрида прямехонько в уязвимое место — между лопаток.

Мечта о неуязвимости не сбывалась и в более поздние времена. Стальные латы спасали рыцаря от удара мечом, но сделались ненадежными, когда изобрели огнестрельное оружие. Потом броня появилась в новом качестве: ее поставили на колеса, на гусеницы. Пришлось оружейникам как следует потрудиться, чтобы изобрести броневой снаряды, нащупать у танков ахиллесову пятку. Оружие и защита от него как бы состязались в нескончаемом беге наперегонки. И вот наконец появилось оружие, от которого нет защиты. Зеленый листок уязвимости накрыл всю планету...

Нет защиты? Есть, конечно. На языке Эир это называется приобщением к общему разуму...

Ур закрыл глаза. Томик с нибелунгами, зажатый в руке, свесился с тахты.

По внезапной ассоциации возник перед мысленным взором Ура просторный зал, освещенный красноватым светом. Накануне приобщения он, Ур, и группа сверстников сидят перед контрольными машинами, проверяют еще и еще раз свою подготовку. Собственно, сидит один Ур, ему было бы неудобно стоять перед невысоким аппаратом. Он смотрит сквозь очки на тексты вопросов, плывущие по экрану, и старательно формулирует в уме ответы, радуясь, когда сигнальный огонек подтверждает их правильность. У него прекрасное настроение. И он не сразу замечает, что за соседней машиной, слева, что-то произошло. Там вдруг сосед-сверстник как-то поник, медленно закружился на месте, чешуя на нем стояла дыбом. Подоспел Учитель, потащил его, безжизненно прикрывшего глаз веком, к выходу из зала. Лишь потом Ур узнал из случайного разговора, что сверстник не заболел, нет, — он просто не смог совладать со своим отвращением к Уру — к его гладкой белой коже, к тому, что он, отвечая в уме на вопросы, шевелит розовыми нащепками, расположенными под безобразно коротким носом.

Учитель, разумеется, уладил конфликт. Но чувство горечи у него, Ура, осталось надолго. Ах, много бы он дал, чтобы не отличаться от сверстников... чтобы иметь настоящий большой глаз, а не жалкие щелки, на которые приходится надевать специально для него сделанные очки... чтобы так же, как сверстники, стоять перед машиной, удобно опираясь на три точки...

Потом, после приобщения, когда он начал работать на станции синтеза, такого больше не случалось. Взрослые эирцы умели владеть собой, они ни разу не давали Уру почувствовать, что он другой, непохожий. И все-таки он чувствовал это...

Плывут воспоминания. Вот он прилетел навестить родителей в их странном жилище, стоящем на отшибе, чтобы не привлекать чрезмерного внимания. Отец оживился, позвал на пустырь — поупражняться в метании камней, но он, Ур, отказался. Хватит, время детских забав миновало, ни к чему эта праща, ни к чему камни. Мать, конечно, пустилась в свои любимые причитания — ах, сыночек вырос, надо взять девушку в жены, а в этих местах ни одной девушки не видать, ах, ах... Он, Ур, не знает, что такое девушки, да и знать не хочет, они ему не нужны. Как бы только мать помягче успокоить... И тут отец вдруг как ударит кулаком по стене, как закричит, потрясая руками... «Хочу опять умереть! — кричит страшным криком. — Пускай бог Аму возьмет меня к себе, а здесь больше жить не могу! Или умереть, или обратно в долину — вода в ней уже давно спала!..»

Пришлось Уру пойти к Учителю.

«Мои родители хотят вернуться на свою планету, — сказал он, — на Землю».

«Знаю, — сделал Учитель утвердительный жест. — Но сумеют ли они теперь жить в изменившемся мире? Ты ведь знаком с принципом относительности времени».

«Да, я подсчитал. На Земле прошло около трех тысяч лет».

«Ты плохо считал. Пройдет еще столько же, пока корабль совершит обратный путь».

«Ох! — воскликнул Ур. — Действительно... Шесть тысяч земных лет... Жизнь там, конечно, очень изменится. Ведь земляне были склонны к быстрому развитию».

«Развитие там идет не столько быстро, сколько неравномерно, — сказал Учитель, сделав знак, означавший со-

стояние глубокой задумчивости.— По нашим прогнозам, за шесть земных тысячелетий оно может принять опасный характер. Оружие твоего отца к моменту возвращения очень устареет, и он не будет способен к самозащите».

Услышав это, Ур тоже задумался. Вот и Учитель подтверждает, что на Земле нельзя обойтись без оружия. Он вспомнил, как отец наставлял его: «Когда бросаешь первый камень во врага, который тебя не видит,— молчи. Но если враг тебя заметил, то кидайся на него с криком, чтобы он понял, что ты страшен и безжалостен и спасение для него — только бегство. Иначе твои бараны будут угнаны, и Хозяин воды разгневается на тебя...» Уру эти наставления были ни к чему, и он упражнялся в метании камней только для того, чтобы не обидеть отца, но удивительно было то странное удовольствие, которое он испытывал, когда попадал в цель. Было такое ощущение, словно он чего-то достиг.

«Мне трудно понять, о чем ты сейчас думаешь,— сказал Учитель.— Объясни словами.— И, когда Ур объяснил, он впал в еще более глубокую задумчивость, а потом сказал: — Тебе по земному счету еще нет двадцати лет, не так ли? Значит, ты будешь еще молод, когда возвратишься на планету своих родителей...»

«Но я не хочу туда! — с испугом воскликнул Ур.— Я хочу жить дома!»

Однако Совет Мудрых решил по-иному. Главная машина, прогнозируя варианты развития человечества, делала выводы, с которыми приходилось считаться. Они, прогнозы, относились, в общем, к далекому будущему. Тем не менее чувство ответственности побуждало уже теперь позаботиться о безопасности грядущих поколений. И тогда было решено пойти на серьезные энергетические затраты, связанные с посылкой корабля в отдаленную область Галактики — к опасной планете по имени Земля...

Последний разговор с Учителем накануне отлета...

«Ты внешне от них ничем не будешь отличаться. Но к тому времени, когда вы прилетите, там произойдет множество перемен. Я даже допускаю, что исчезнет народ, говорящий на языке твоих родителей».

«Да, это возможно», — поник головой Ур.

«Тебе придется трудно. Нужно будет как можно

быстрее освоиться, научиться все делать так, как они, подражать им во всех мелочах. Ты очень расстроен?»

«Мне страшно», — признался Ур.

Учитель сделал знак сочувствия.

«В-корабле-рожденный, — сказал он, — мы верим в твои способности и твою преданность».

«Не сомневайся, Учитель, — грустно сказал Ур. — Здесь мой дом, здесь все, что мне дорого. Я знаю свою задачу».

«Она имеет огромное значение для будущего Эира».

«Знаю, Учитель».

«Мне жаль расставаться с тобой, В-корабле-рожденный. Я умру, пока ты будешь в полете. Тебе сообщат, когда придет время настроиться на общение с новым Учителем. Прощай, и счастливого тебе возвращения домой».

Долго, долго был путь к Земле. Отец изнемогал от однообразия жизни в ковчеге, и мать горевала, видя, что на щеках Ура появилась борода, знак возмужания: не годится мужчине в таком возрасте не иметь жены. Что до него, Ура, то ему скучать было некогда. Он готовился к выполнению задачи. Старательно изучал информацию об опасной планете — прежнюю, собранную той экспедицией, и новую, которую исправно поставляли на борт корабля маяки. Эта новая информация была слишком общей — она давала представление лишь о сильных сотрясениях коры планеты, о состоянии атмосферы и магнитного поля. Кроме того, она была как бы спрессована — события разного времени накладывались одно на другое, так что было необычайно трудно определить их даты. Теперь-то Ур, конечно, знал, какие именно события были зарегистрированы маяками, знал их точные даты.

К примеру, сильное локальное сотрясение коры было, вероятно, извержением вулкана Кракатау в 1883 году.

1908 год — опять сотрясение, но другого характера: увеличения сернистых соединений в атмосфере не отмечено, но наблюдался радиоактивный фон. Это — падение космического тела, названного «Тунгусским метеоритом».

1940—1945 годы — частые и многочисленные толчки на большой площади планеты, выбрасывание в атмосферу огромного количества азотно-серных соединений. Мировая война.

1945 год. Взрыв атомного происхождения в атмосфе-

ре, а вскоре — еще два сильных взрыва. Это — испытание атомной бомбы в Аламогордо, а потом — Хиросима и Нагасаки.

Далее маяки регистрировали длительную серию взрывов возрастающей мощности в атмосфере, под водой и под землей. Шли испытания ядерного оружия.

И — уже подлетая к звезде, именуемой землянами Солнцем, — корабль получил данные о выходе на околоземные орбиты космических тел искусственного происхождения. Наконец — информация чрезвычайной важности о полетах искусственных аппаратов с Земли к другим планетам той же звездной системы.

Было похоже, что главная машина Эира не ошиблась в своих грозных прогнозах...

Последние недели, дни, часы перед посадкой. Десантная лодка шла по околоземной орбите, поддерживая устойчивую связь с кораблем, оставшимся на орбите последней планеты этой системы. Проплывали под лодкой знакомые по картам очертания материков, тут и там скрытые облаками. Удивительные облака — с какой скоростью мчат их могучие ветры Земли! Но более всего поражала Ура вода. Синие океаны планеты приковывали его взгляд, на них не надоедало смотреть и смотреть...

Отцу и матери картины, развернутые на экранах, были непонятны. Они не знали, что Земля шарообразна, и нечего было и пытаться убедить их в этом. Но они требовали направить ковчег в долину у Реки. В отчетах той экспедиции сохранилась только широта места — одна двенадцатая круга к северу от экватора. Ур направил лодку вдоль этой параллели.

Горы, горы, океанский берег, океан... опять горы, длинная однообразная равнина, пустыня, что ли... море... вот это место как бы между четырьмя морями — тут и горы и равнины вдоль больших рек... «На следующем витке пойду сюда на посадку», — решил вдруг Ур. Надо сесть на воду, как советовал командир корабля. На воду легче сесть такому неопытному пилоту, как он, Ур. Какое бы море выбрать?..

Вон то зеленое, замкнутое, — пожалуй, самое подходящее.

«Так, схожу с орбиты».

Автоматы прошупали воду, определили плотность, температуру и прочее. Всего, конечно, не узнаешь, мало

ли что таит эта странная незнакомая среда. Но... выбрать не приходится...

Ур тронул клавишу посадочного автомата. Ох, кажется, трасса спуска излишне крута... Теперь уже поздно поправлять...

Лодка со свистом врезалась в зеленую воду.

Он задремал. Никогда раньше не бывало такого, чтобы он спал днем. Но теперь, часами напролет лежа на тахте под навесом, он с удивлением замечал, что строчки на книжной странице как бы затуманиваются, а веки сами собой опускаются, прикрывая глаза...

Сквозь сон Ур услышал смех, куриное квохтанье. Вмиг продрал он глаза, приподнялся на локте.

Спиной к нему стоял возле летней кухни некто в коричневой замшевой куртке и джинсах, с кружкой в руке. Мать обмахивала фартуком табуретку, предлагая садиться, а рядом с ней стояла Нонна. Тутовое дерево, еще не до конца облетевшее, шелестело над ними листвою, и пятна солнечного света скользили по Ноннинному лицу, обращенному к Уру.

— Ну вот, — сказала она, — ты его разбудил.

Замшевая куртка живо обернулась, явив Уру рыжеватую бородку и смеющиеся глаза.

— Здорово, Шамнилсиныч! — гаркнул Валерий.

— Привет, Валерий, — подошел к гостям Ур. — Здравствуй, Нонна.

Он пожал ее узкую прохладную руку.

— Здравствуй, Ур. — Она спокойно смотрела на него со слабой улыбкой. — Давно тебя не видела...

Валерий принял рассказывать, как выплеснул из кружки недопитую воду и случайно попал в курицу.

— Ничего не случайно, — прервала его Нонна. — Я видела, как ты прицелился. Ур, мы привезли тебе почту. И вот этот пакет — посылку от Русто.

— От Русто? — Ур наконец отвел взгляд от лица Нонны и развернул пакет. — А, это моя бритва, я забыл ее там...

Каа притащила с веранды вторую табуретку и, лопоча что-то, пригласила гостей садиться. Потом сунула ноги в домотканых пестрых чулках в туфли и побежала со двора.

Ур познакомил гостей с Решетником.

— Разрешите с вами поговорить.— Валерий подхватил Решетника под руку и повел к веранде.— Вы, конечно, читали книгу Вулли «Ур халдеев» в переводе Мендельсона? Так вот, там сказано, что культура Джемдет-Наср резко отличается...

— Ур, мы приехали по делу,— начала Нонна, однако что-то в его лице заставило ее остановить взятый было разбег.— Ты очень изменился,— сказала она, испытывая неясную тревогу от его пристального взгляда.— Ты решил снова отрастить бороду?

— Нет...— Ур провел ладонью по заросшей щеке.— Просто не брился... Я сейчас!

Он схватил бритву, присланную Русто, принялся нервными движениями заводить пружину. Нонна попыталась остановить его, но он не слушал, зажужжал бритвой у подбородка. Нонна со вздохом отвернувшись, посмотрела на веранду.

Там Валерий и Решетник вели оживленный разговор о происхождении шумеров.

Ур между тем, выбрив одну щеку, снова заводил пружину.

— Погоди, Ур, потом добреешься,— сказала Нонна, и он послушно замер, опустив белую коробочку бритвы на колено.— Пока нам не помешали, давай поговорим, если ты не возражаешь. Ур, я ни о чем тебя не спрашиваю... Только не перебивай... Ни во что не вмешиваюсь, не посягаю ни на твоё время, ни на твои планы. Но есть одна просьба. Не только моя. И Вера Федоровна просит, и... если хочешь, весь институт...

Торопясь и волнуясь, ужасаясь собственному многословию, Нонна изложила просьбу. Если довести до конца проект, над которым он, Ур, работал так увлеченно... в общем, если закончить обоснование эффекта, который, если он, Ур, помнит, мы называли «джаномалией»... Ну да, конечно, она и не сомневалась, что он помнит... лично она тоже прекрасно помнит поездку на Джанавар-чай и часто вспоминает... вспоминает, как прибор показал излишек электроэнергии... Ну вот, если довести проект до конца, то он, наверное, вызовет большой интерес. Очень вероятно, что будет разрешена большая исследовательская работа в океане. Кстати, Жюль Русто собирается в экспедицию и предлагает совместное исследование Те-

чения Западных Ветров. Если он, Ур, хочет прочесть письмо Русто, то вот перевод...

Ур быстро пробежал письмо и вернул его Нонне.

— Наши, наверное, согласятся на совместную работу с Русто,— продолжала Нонна более спокойным тоном.— Ты, конечно, волен не принимать в ней участия, если не хочешь. Но мы все очень, очень просим тебя, Ур, вернуться в институт на короткий срок, чтобы закончить проект. При твоей работоспособности это займет не больше двух месяцев. Мы тебе поможем...

Ур молчал, сгорбившись на табуретке и поигрывая бритвой.

С веранды донесся тихий голос Решетника:

— Не логичнее ли допустить, что у шумеров и у древних тюркских племен были общие предки с неким праязыком, элементы которого сохранились в языках обоих народов? Язык — организм сложный, и если мы будем иметь в виду его дискретность...

— Нонна,— поднял голову Ур,— ты приехала только затем, чтобы сказать мне это? Чтобы я закончил наш проект?

— Да. Ты, по-видимому, не собирался заглянуть в институт... Что ж, если гора не идет к Магомету...

— Понятно. За два месяца, наверное, можно закончить расчеты. Даже раньше, я думаю. Но, видишь ли... мои планы несколько переменились...

— Ур, только не спеши отказываться! — воскликнула Нонна.— Вспомни, как ты говорил об океане дешевой электроэнергии... о совмещении магнитной и географической осей... Вспомни, Ур! Не могу поверить, что ты ناحисто потерял интерес ко всему. Я знаю теперь о необычайности твоего прошлого... но, что бы там ни было, ты человек, Ур. Человек среди людей...

Скрипнула калитка, во двор вошли Каа и улыбающийся Шам в своей клетчатой рубашке навыпуск, с желтой плетеной корзиной, из которой торчали виноградные листья.

— Еще раз прошу, Ур: не торопись с отказом,— сказала Нонна, поднимаясь.— Подумай хорошенько и сообщи мне по телефону о своем решении. Ладно? Или открытку напиши.

— Хорошо,— сказал Ур, тоже вставая.— Я подумаю, Нонна.

Как ни порывалась Нонна поскорее уехать, ничего из этого не вышло. Уж если Каа хотела угостить обедом, так она угощала, и Нонна поняла, что сопротивляться ее гостеприимству бессмысленно. Ели долму — местные голубцы в виноградных листьях, и это — Нонна должна была признать — была очень вкусная долма. Только Решетник, кандидат наук, ее не ел. Он пил чай с сухариком, и очки его иронически поблескивали.

Валерий объявил, что будет есть за Решетника, и подтвердил свои слова делом. Он был оживлен и весел. Уру он сказал, что скоро женится на Ане, и заранее пригласил на свадьбу. И еще он сказал, что рассчитывает на помощь Ура в кое-каких математических вопросах для диссертации, которую он, Валерий, наконец-то начал писать.

Каа горячо заинтересовалась сообщением о предстоящей свадьбе. Она устремила на Валерия неистово любопытный взгляд и стала выпрашивать подробности — во что обойдется свадьба, и какой выкуп надо платить родителям невесты, и про подарки, и все такое, — а Решетник, тонко улыбаясь, переводил с шумерского на русский и обратно, а потом Каа начала жаловаться на сына, который никак не женится и этим причиняет ей ужасное горе. Ур сидел молча, уставившись в стакан с крепко заваренным чаем. Одна щека у него так и осталась невыбритой.

Гости уехали. Шам отправился к себе на ферму.

— Видишь, вот и Варели женится, — обратилась к сыну Каа, приступив к мытью посуды в большом тазу. — Ой, горе мое! Когда же ты женишься, Урнангу?

— Когда-нибудь, — терпеливо ответил Ур и пошел к тахте.

Он лег и стал разбирать привезенную почту. Прежде всего вскрыл большой конверт из плотной желтой бумаги с цветным фирменным знаком и четкой надписью полукругом: «Fraser Cubic — Eggs Ltd». С глянцевого обложки журнала на него глянула смеющаяся Аннабел Ли. Она была снята в матросском костюмчике на борту яхты, ее волосы были пронизаны солнцем и ветром, а внизу, под стройными ногами, шло красными буквами:

НИКТО НИКОГДА МНЕ ТАК НЕ НРАВИЛСЯ, КАК ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА, — ГОВОРIT АННАБЕЛ ЛИ ФРЕЗЕР. СМ. СТРАНИЦУ 7.

Ур взглянул на указанную страницу. Там шел бойкий репортаж, написанный со слов Аннабел Ли, о том, как они познакомились в Санта-Монике, и как поехали в Одерон и там попали в грандиозную драку студентов с полицией, и как Аннабел Ли с помощью своего отца, преуспевающего владельца фирмы кубических яиц «Fraser Cubic — Eggs Ltd». (Валентайн, Небраска), пыталась выволить мистера Ура из тюрьмы, но французская полиция вцепилась в пришельца мертвой хваткой. Конец репортажа был посвящен описанию и восхвалению кубических яиц — какие они вечно свежие и непортящиеся.

Ур полистал еще и нашел записку. От нее приятно пахло духами, и там было написано на машинке:

Как поживаете, мистер Ур? Вы теперь стали ужасно знаменитый, о вас пишут в газетах даже больше, чем об Элисе Купере. Как видите, и нас с дэдди не обошли журналисты, и я посылаю вам номер журнала. Любуйтесь, а если не хотите, выкиньте в мусоропровод; я обижаться не стану. Мне приятно вспоминать, как мы познакомились, и как вы сражались в Одероне, защищая меня (не правда ли?), и как я втюрилась в вас по самые уши. А вы меня вспоминаете? Еще посылаю вам вырезки из газет, я отобрала самые интересные, ну, конечно, из тех, что попались на глаза. Дэдди, если вы пожелаете, пришлет вам ящик кубических яиц. Ужасно несправедливо, что в России не знают про эти яйца,— так говорит дэдди, и он, разумеется, прав. Ур, приезжайте в Америку!

Искренне ваша Энн.

Улыбаясь, Ур еще раз прочел письмо. Потом высыпал из конверта газетные вырезки.

Каких тут только не было плодов лихого воображения! Вот серия красочных рисунков, прослеживающих земной путь пришельца — от момента высадки до страшных пыток, которым русские подвергают «человека с Альтаира», пытая у него тайны алтайского оружия массового уничтожения. Вот фотография пришельца — спутанная рыболовная сеть, как бы висящая в воздухе. Вот другая — ящерица, сидящая на чем-то вроде кукурузоуборочного комбайна; ящерица большая, а комбайн маленький — очень занятный комбинированный снимок. Еще фото — трехгранная призма, опутанная колючей проволокой. А вот бледное женское лицо с печаль-

ными глазами и длинными темными волосами,— и подпись, извещающая, что это и есть подлинный снимок пришельца, полученный из секретного русского источника.

Вздыхнув, Ур принялся за другие письма.

«Пишут вам пионеры 7 «А» класса школы № 2 гор. Пятигорска. Просим приехать к нам на отрядный сбор 15 октября, посвященный проблемам завоевания космоса...»

«Меня, как специалиста, интересуют методы оформления витрин универсальных магазинов на других планетах...»

А вот крупным почерком, зелеными чернилами: «Уриэль!» Это письмо Ур прочел внимательно.

...Теперь когда я знаю кто ты и твою страшную судьбу я совсем лишилась покоя. Уриэль умоляю прости меня я сделала это в минуту раздражения против твоей невнимательности ко мне то есть написала в управление анонимку. Иван Сергеевич меня утешает говорит что ты давно все забыл и вообще ты добрый но я страшно мучаюсь и поэтому решила тебе написать попросить прощения. Уриэль напиши непременно а то я с ума сойду собаки у меня появились новые очень интересный новый номер делаю покажу на гастролях в Сыктывкаре куда мы на днях выезжаем. Ты мне туда напиши я очень буду ждать. Привет тебе горячий от всех наших и Ивана Сергеевича особенно. Марина Морская.

Ур обвел взглядом дворик с прибитой серой землей, кур, исследующих эту землю, летний очаг, беленые стены домика под шиферной крышей. Толстые гроздья рыжеватого-лилового лука висят на столбах веранды. Из комнаты доносится бормотание телевизора — мать, покончив с готовкой и уборкой, теперь будет смотреть все передачи подряд. Лингвист Решетник пристроился на веранде с блокнотиком, пишет что-то.

Ур, прихватив газетные вырезки, пошел к веранде. Решетник взглянул на него и захлопнул блокнот.

— Хотите посмотреть на мои снимки? — Ур протянул ему вырезки и сел рядом, обхватив колени.

Решетник, посмеиваясь, просмотрел вырезки.

— Это Бичер-Стоу,— сказал он, указав на печальное женское лицо.

— Кто?

— Гарриет Бичер-Стоу, которая написала «Хижину дяди Тома».

— А-а, книга о рабстве в Америке. Слышал, но не читал. А надо бы прочесть... Ведь я — сын раба из Древнего Шумера, верно, Павел Борисович?

— Ну, не совсем. Ваш отец, насколько я понимаю, не был рабом в классическом смысле. Он рассчитывал, после того как отработает хозяину выкуп за жену, получить клочок общинной земли. Но вообще-то дело шло именно к рабству. Имущественное неравенство уже взрывало родовую общину. Этот типчик, Издубар, которого ваш батюшка называет Хозяином воды, вполне созрел для рабовладения.

— Да-да, я помню, вы говорили...— Ур уткнул подбородок в колени.— Отцу повезло: вовремя смотался... Скучно, Павел Борисович... Рассказали бы что-нибудь...

— Уж не знаю, что вам еще рассказать.— Решетник добросовестно наморщил лоб и пошевелил толстыми пальцами, собираясь с мыслями.— Ну, раз зашло о рабском труде...

И он, посмеиваясь, принялся рассказывать, как некий древнегреческий поэт, Антипатр Фессалоникский, некогда восхитился изобретением водяного колеса и пылко воспел это само по себе чрезвычайно важное техническое новшество, наивно полагая, что теперь можно освободить рабов от изнурительного труда. Дескать, рабство падет перед водяным колесом и снова настанет золотой век.

Со вкусом, слегка подвывая, Павел Борисович прочел наизусть это стихотворение, которое сам же, еще будучи студентом-вундеркиндом, перевел на русский язык:

Слушайте новость, рабы, чей удел — напрягаясь,
вертеть жернова,
Дайте отныне отдых рукам утомленным и спите спокойно.
Пусть петухи надрываются криком, предчувствуя утро,—
спите!

Вашу работу отныне делают нимфы речные — наяды.
Прыгая светлыми, звонкими струйками на водяном колесе,
Весело пляшут нимфы-наяды на звонких подвижных
ступеньках,

Жернов тяжелый вращая веселой полезной игрою своей.
Вы же, рабы, теперь без труда заживете счастливою жизнью.
Лишь наслаждения ведая, вы позабудете тяжесть труда.
Благодарите богов милосердных, пославших эту замену —
Обод колесный ступенчатый, быстро вращаемый резвым
ручьем.

— Очень интересно,— сказал Ур.

— Не правда ли? — хихикнул польщенный Решетник.— Чудная получается картинка. Рабы спят или резвятся на лужайке, а нимфы работают за них. Речные нимфы, так сказать, крутят турбины ГЭС, морские нимфы-нереиды ведут лов сельди, горные нимфы-ореады — ну, скажем, проводят канатные дороги, а лесные дриады... гм... прибирают мусор, оставленный туристами.

— Да-да,— сказал Ур, вздохнув.— Не спасло водяное колесо людей от рабства... Павел Борисович, разрешите вас спросить. Вы довольны своей жизнью?

Решетник поднял брови.

— Я доволен. А что?

— Вот вы, наверно, женаты, в Москве у вас семья, дети... а вы вторую неделю сидите здесь и разговариваете с совершенно вам чужими людьми, что-то записываете... Вас не тянет домой?

— Тянет, конечно.

— Почему же не уезжаете? Впрочем, можете не отвечать. Знаю, вы скажете, что вам нравится ваша работа.

— Так оно и есть.— Решетник смущенно потупился.— Но если вы считаете, Ур, что я засиделся здесь...

— Да нет, я не об этом. Живите сколько хотите...

Ур побрел к очагу. Никуда не уйти от самого себя, нигде не спрятаться от собственных мыслей... Он перелил остаток воды в кастрюлю, подхватил ведра и отправился к колодцу. Хорошее это дело — носить воду. Он шел и пытался припомнить песенку, слышанную однажды. «Что-то там такое, в ведрах нет воды... Значит, мне... значит, мне не миновать беды...»

— В-КОРАБЛЕ-РОЖДЕННЫЙ, ТЕБЕ ДАНО РАЗРЕШЕНИЕ ВЕРНУТЬСЯ. ВЫЙДИ НА ОРБИТУ И ЖДИ СИГНАЛА С КОРАБЛЯ.

— Спасибо, Учитель. Я рад. Но мне нужно задержаться еще на два-три земных месяца. Это будет в пересчете...

— ЗНАЮ, ТЫ ПРОСИЛ О СКОРЕЙШЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ. А ТЕПЕРЬ ПРОСИШЬ О ЗАДЕРЖКЕ. ПОЧЕМУ?

— Мне нужно закончить одно дело, которое я сам же и начал.

— В ТВОИХ ПЕРЕДАЧАХ ПОЯВИЛОСЬ МНОГО

НЕЯСНОСТЕЙ. ПЕРЕДАЙ ЯСНЕЕ: КАКОЕ ДЕЛО ТЫ НАЧАЛ?

— Это проект упорядочения магнитного поля планеты.

— ДЛЯ ЧЕГО ЭТО НУЖНО?

— Если удастся осуществить проект, планета получит дешевую энергию в практически неограниченном количестве.

— ДЛЯ ЧЕГО ЭТО НУЖНО?

— То есть как — для чего?.. Это нужно для блага человечества.

— ЯСНЕЕ! ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ КОСМОПЛАВАНИЯ? ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ОПАСНОГО РАЗВИТИЯ?

— Нет, Учитель! Нет, нет, здесь все гораздо сложнее... Опасное развитие скорее возможно в условиях энергетического голода, чем при избытке... Я все объясню по возвращении...

— ТЫ ОБЪЯСНИШЬ В СЛЕДУЮЩЕМ СЕАНСЕ СВЯЗИ. ПОДГОТОВЬСЯ К КОРОТКОМУ И ЯСНОМУ ДОКЛАДУ. ТЫ ПЕРЕДАЛ — ДВА-ТРИ МЕСЯЦА. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ? ДВА ИЛИ ТРИ?

— Три.

— ХОРОШО, ТРИ МЕСЯЦА, НАЧИНАЯ С ЭТОЙ МИНУТЫ. ТЫ ДОЛЖЕН ПЕРЕДАВАТЬ ВСЕ О СВОЕЙ РАБОТЕ. ВЫЗОВЫ БУДУТ ЧАЩЕ. ТЫ ПОНЯЛ?

— Да. Я понял, Учитель...

Глава четвертая

МЕРИДИАНЫ

Я,
Создатель новой энергетики,
По своей преобразуя воле
Этот мир страдания и боли,
Соберу пылающие цветики,
Отдыхая на магнитном поле...

Л. Мартынов, Гимн Солнцу

В рабочей комнате мало что переменилось. Пожалуй, только шкафы еще больше разбухли от толстых папок да на столе Валерия прибавилось лент, снятых с самописцев.

Рустам, раздвинув синеватые от частого бритья щеки в дружелюбной улыбке, говорил:

— Запишу тебя в турнир по пинг-понгу, дорогой. Если денег надо — бери сколько хочешь, хоть двести рублей. Что еще для тебя сделать?

— Спасибо, Рустам, — сказал Ур. — В пинг-понг, пожалуй, я поиграю немного. А деньги... Мне ведь будут платить?

— Конечно, — сказала Нонна. — Вот с жильем надо как-то решить. Валерий скоро женится, у него ты жить не сможешь. Придется устроить тебя в гостинице.

— Зачем в гостинице? Зачем в гостинице? — энергично всплеснул руками Рустам. — Как будто я не найду квартиры! У меня брат-нефтяник в Алжир уехал с семьей — двухкомнатная квартира пустая стоит, хоть сегодня занимай!

Примчался Валерий, возгласил с порога:

— Порядок! Только в кадрах просили заполнить анкету.

— Зачем? — поморщилась Нонна. — Вера Федоровна сказала же...

— Ну, не могут они без анкеты — надо их тоже понять. — Валерий положил перед Уром анкетный лист. — Пиши. Фамилия — Ур... Нет, постой... Надо тебе наконец человеческую фамилию придумать. А?

Ур пожал плечами.

— Правильно, — поддержал Рустам. — Фамилии раньше давали по имени отца. Значит — Шамов.

— Тогда уж, если точно, — Шамнилсинов, — возразил Валерий. — Как-то не очень звучит, произносить трудно. Ребята, а может — Шумеров? Или Шумерский? Как тебе больше нравится, Ур?

— Мне все равно.

— Шумерский, — сказала Нонна. — Так лучше.

— Значит, пиши, — ткнул Валерий пальцем в графу анкеты, — Шумерский. Имя-отчество — тут надо точно — Урнангу Шамнилсинович. Так. Год рождения... Ну, тут я уж не знаю, что писать. Может, напишем просто: «до потоп»? — Он засмеялся.

— Уру двадцать семь лет, — сказала Нонна, — значит, год рождения...

— Но это же неверно! В анкете нельзя привирать. Пиши, Ур: четвертое тысячелетие до нашей эры. Звучит,

черт дери! Дальше — место рождения. Инопланетный космический корабль...

— Не надо пугать людей,— заметила Нонна.— Лучше написать «Транспортное средство». Это более или менее привычно: ведь люди теперь рождаются и в поездах и на теплоходах...

— В нашем дворе соседка в такси родила,— сказал Рустам.— Пиши, дорогой: «Транспортное средство». Так правильно будет.

— Какие-то вы... заземленные,— недовольно сказал Валерий.— Романтики в вас ни на копейку нету. Ну ладно, дальше что? Национальность. Пиши: древний шумер. Или, как точнее — шумериец? Мне бы такую анкетку — ух! Пиши, Ур, чего остановился?

— Не хочу.— Ур бросил авторучку и встал из-за стола.— Надоело. Заполняй сам, если тебе нравится, а мне дайте папку с расчетами. Я ее оставил, кажется, в своем столе.

— Твоя папка у меня,— сказала Нонна.— Действительно, Валера, заполни анкету сам, просто дашь Уру подписать.

Она протянула Уру зеленую папку.

Некоторое время Ур перебрасывал в этой папке листки, испещренные цифрами и размашистыми набросками, схемами, графиками. Потом попросил таблицы магнитных склонений и замер над атласом, раскрытым на синих просторах Индийского океана. Нонна иногда кидала на него быстрый взгляд. Ур сидел боком к ней — в старой черной водолазке и потертых джинсах,— кулаком подпер скулу, ноги в стоптанных огромных кедах выставил из-под стола. «Бож-же мой,— вдруг ужаснулась она, представив себе, на каких фантастических, невероятных фонах рисовался вот этот самый профиль.— Какие странные, нечеловеческие миры видели эти глаза!.. Неужели он собирается вернуться туд а? Неужели прав Валерка в своем предположении, что он должен туда возвратиться, даже против собственного желания?..»

Дождь как зарядил с ночи, так и лил весь день без передышки. По улицам нагорной части города бежали желтые потоки. Машины шли, волоча за собой водяные буруны, как торпедные катера. Из троллейбуса, остано-

вившегося на углу проспекта Дружбы и Малой Хребтовой улицы, повалил народ — жители нового микрорайона. Первым выскочил Рустам. Он подал Нонне руку, помогая ей прыгнуть с подножки на тротуар, и они побежали по Малой Хребтовой под дождем, хлещущим наотмашь.

— Хороший хозяин, — бормотал на бегу Рустам, — собаку в такую погоду не выпустит...

Спустя несколько минут они свернули под арку, пересекли наискосок просторный, как поле аэродрома, двор и вбежали в подъезд. Поднявшись на четвертый этаж, они вошли в маленькую переднюю, сбросили мокрые плащи и мокрые туфли.

— Ур, ты где? — Нонна заглянула в комнату. — Ур! — Она испуганно повернулась к Рустаму. — Слушай, его нет!

Рустам, сунув босые ноги в старые тапки, прошлепал через проходную комнату во вторую. Сквозь раскрытую балконную дверь он увидел Ура.

— Привет, дорогой, — сказал он. — Ты что делаешь?

— Привет, — ответил Ур. — Я смотрю на дождь. Нонна пришла?

— Пришла. Пойдем, а то она уже решила, что ты сбежал.

Пропустив Ура в комнату, Рустам закрыл балконную дверь. Потом постоял немного, озираясь и качая головой. Ох, и досталось бы ему от Гусейна, старшего брата, если б тот увидел, во что превратили его квартиру! Мебель сдвинута, и всюду — на полу, на столе, на тахте — карты, карты, ватманы с чертежами, таблицы. Рустам отколол от полированного бока серванта ярко раскрашенную схему примерного количества воды, переносимого течениями в Южном полушарии. Схема, спору нет, была хороша, но это еще не резон, чтобы втыкать кнопки в румынский гарнитур.

— Рустам, — позвал Ур из передней, — найди, пожалуйста, для Нонны домашние туфли, а то я не знаю даже, где тут искать.

Вскоре Нонна вышла из ванной, постукивая каблуками слишком больших для нее туфель без задников. Вынула из сумки антрекоты, хлеб, сыр и яблоки.

— Сейчас буду вас кормить. Ты, конечно, целый день ничего не ел? — спросила она Ура.

— Что-то ел.— Ур прищурил глаз, припоминая.— А, пирожок проглотил, когда ходил покупать газеты.

— Пирожок — это не еда.— Нонна умчалась на кухню.

— А что же? — с некоторым замедлением удивился Ур.

Рустам, сунув руки в карманы, разглядывал разложенную на полу карту, склеенную из нескольких листов ватмана.

— Вроде бы температуры все обозначены? — спросил он.

— Сезонного термоклина нет для этого района.— Ур ткнул пальцем в пролив Дрейка.— Валерий обещал найти данные, но что-то не идет. Не знаешь, где он застрял?

— Валерка с перерыва ушел в научтехбиблиотеку. Придет, никуда не денется.— Рустам кинулся в кресло, зажатое между горкой с посудой и шкафчиком с телевизором, и закурил.— Навалилось на Валерку все разом,— добавил он.— Переезжать на новую квартиру надо, а тут Анька опять взбрыкнула...

— Что? — рассеянно переспросил Ур, приняхиваясь к мясному духу, поплывшему из кухни.— Что ты сказал?

— Ничего.— Рустам выпустил одно за другим два аккуратных дымных колечка.— Ничего, кроме нервоза, он не получит, если на Аньке женится. Не знаю, что мне с ним делать, жалко его, дурака... Ты бы помог ему, Ур, написать диссертацию.

— Так пожалуйста, я готов. Только, по-моему, Валерка сам еще не готов.

— Да-да! — Рустам закивал, мучительно сморщившись, как от зубной боли.— Материала — навалом, садись за статистику, считай, обобщай, так нет, душа у него, скажи пожалуйста, не лежит. Ко всему лежит, только к диссертации не лежит. Скажи? — Он развел руками, взглядом призывая Ура к сочувствию.

— А что, — спросил тот, — Валерий обязательно должен защитить эту диссертацию?

— Почему обязательно? — удивленно помигал Рустам.— Его никто не обязывает, не хочешь — ходи без степеней. Приличный человек должен степень иметь. На этой планете, откуда ты прилетел... Эйр, да?.. там разве не так?

— Нет, там по-другому.

— Ну да,— понимающе кивнул Рустам.— Не по-человечески. Ты не думай, я не считаю, что все поголовно должны остепениться. Но если ты работаешь в научном институте, имеешь дело с наукой,— почему нет? Не сидеть же всю жизнь эмэнэсом.

— Ты прав,— сказал Ур.

Тут Нонна позвала их обедать — или, если угодно, ужинать.

— Сегодня развернул газету,— сказал Ур, управившись со своим антрекотом и придвинув чашку с черным кофе,— и вижу заголовок: «Меридианы благоустройства». В заметке речь идет о расчистке старого пустыря под сад и детскую площадку. Это хорошо, но при чем тут меридианы? Меридиан все-таки определенное географическое понятие. Или он имеет другое значение?

— Другого не имеет,— улынулась Нонна, мелкими глоточками попивая кофе.

— Почему так обижены параллели, почему все достается меридианам? — продолжал Ур.— О параллелях я слышал только в одной песне, ее на днях по радио передавали,— хорошая песня, только там, по-моему, неправильно сказано: «Радушие наше знакомо посланцам далеких широт».

— А что тут неправильного? — спросила Нонна.

— Речь в песне идет о Москве и Париже, а расстояние между этими городами по широте не так уж велико — вшестеро меньше, чем по долготе. Надо бы петь: «посланцам далеких долгот».

— Не придирайся, дорогой.— Рустам прожевал последний кусочек мяса.— Не нравятся наши песни — спой свои, которые поют на этой планете... Эйр, да?

— Там не поют песен.

Рустам сделал круглые глаза и воскликнул:

— Слушай, это совсем скучная планета! Песен не поют, диссертаций не защищают,— чем они там занимаются? Одной астрономией?

— Я бы мог ответить, Рустам, но вряд ли мои объяснения будут полезны или интересны. Ну, представь себе, например, такое развлечение: поток колебаний инфракрасной полосы, воспринимаемый как теплые и холодные дуновения...

— Бр-р! — передернул плечами Рустам.— И ты сидел на таких концертах и получал удовольствие?

— Хватит, Рустам,— сказала Нонна, вставая из-за стола.— Что ты, на самом-то деле, привязался сегодня?

— А почему я не могу спросить? — сердито всплеснул руками Рустам.— Тебе неинтересно — не слушай. Зачем мешаешь?

Нонна не ответила. Свалила грязную посуду в мойку и молча вышла из кухни.

— Ты уходишь? — Ур выскочил за ней в коридорчик.

— Нет. Сяду за разрез плотности.

— Подожди, ты ведь одна не сможешь,— сказал Рустам из кухни. Он допивал кофе и доедал бутерброд.— Сейчас вместе сядем. Интересный человек, клянусь: поговорить не дает...

Спустя несколько минут все трое углубились в работу. Ур размышлял над странным своим блокнотом, медленно перематывая пленку с одному ему понятными записями и то и дело останавливая механизм перемотки. А Нонна и Рустам занялись составлением вертикального разреза плотности воды вдоль пятидесятого градуса южной широты — параллели, которая как бы служит осью величайшего на планете поверхностного течения, Течения Западных Ветров, непрерывным холодным кольцом опоясывающего Южное полушарие.

Это была трудная работа: измерения в тех широтах производились сравнительно редко и в разные годы, и в поисках данных об этих измерениях Нонна, Рустам и Валерий перерыли весь институтский архив. Тем не менее даже из этих скудных сведений о температуре, солености и плотности воды все-таки можно было вывести некоторые закономерности, которые следовало учитывать при составлении проекта...

Мир полон загадок.

Ну вот, к примеру: почему летает майский жук, когда сопоставление его массы и параметров крыльев неопровержимо доказывает, что это вредное насекомое летать не может?

А вот загадка, вылупившаяся из научных исследований последнего времени: почему у Земли есть магнитное поле, а у Луны — нет, а у Марса и Венеры — такое незначительное, что и говорить о нем не стоит?

Давным-давно научились люди обращаться с магнитом.

тами, использовать их свойства в мореплавании, энергетике, электротехнике. Еще в детстве мы получаем привычные представления о компасе, о динамо-машине. Но что такое магнетизм, какова его природа — этого мы не знаем.

Академик В. В. Шулейкин, известный своими исследованиями в области физики моря, пишет: «Полное незнание самой природы земного магнитного поля никак не вяжется не только с совершенством методов электрических и магнитных измерений, но также и с тем, что практическое применение первого магнитного прибора — компаса — было известно людям более трех тысяч лет...»

Гипотез, конечно, много, но точного знания пока нет. И поэтому приходится объяснять земной магнетизм просто как некое специфическое свойство Земли как небесного тела, обуславливающее существование вокруг нее магнитного поля. Специфическое свойство — коротко и... неясно.

Различают две части магнитного поля — постоянное и переменное. Постоянное, по-видимому, причинно связано с внутренним строением Земли. Оно изменчиво и постоянным названо лишь потому, что претерпевает медленные, «вековые» изменения. Магнитная ось Земли не совпадает с осью вращения и даже не пересекается с ней. Совпадали ли обе оси когда-либо в прошлом? Неизвестно. Но известно, что магнитные полюсы медленно перемещаются со временем. Сейчас северный магнитный полюс находится на севере Канады, в районе безвестного арктического полуострова Бутия, а южный — в Антарктиде, где-то на Берегу короля Георга V. (На Солнце магнитные полюсы перемещаются гораздо быстрее, чем на Земле, и отмечено, что оба — и северный и южный — могут оказаться в одном полушарии. Еще одна загадка!)

В конце прошлого века русский физик Н. А. Умов высказал мысль, что близость направления магнитной и географической осей Земли не случайна и следует подозревать некую связь между вращением земного шара и его намагниченностью. Взгляды Умова развил П. Н. Лебедев — знаменитый Лебедев, первым измеривший давление света. Он предположил, что центробежная сила, вызванная вращением Земли, смещает электроны внутри атомов и это-то смещение и является источником магнитного поля. Недавно советский ученый Е. В. Ступоченко

попытался подтвердить гипотезу Лебедева экспериментально. Исследуя смещения электрических зарядов в вращающихся телах, он произвел расчеты, которые показали, что существующая намагниченность Земли могла бы возникнуть при смещении заряда внутри каждого атома только на одну сотую диаметра атома. Расчет, однако, не подтвердился, когда его применили к Солнцу и звездам.

Итак, подозревается вращение Земли. Но вращается и Луна — почему же у нее нет своего магнитного поля? Выходит, что вовсе не обязательно любое вращающееся космическое тело должно быть намагничено?

В 1945 году советский ученый Я. И. Френкель выдвинул гипотезу: в ядре Земли — вязкой металлической жидкости — возникают вихревые токи, они-то и есть источник земного магнетизма. Ныне школа английского геофизика Э. Булларда, основываясь на новейших сейсмологических материалах, уточнила: Земля имеет твердое ядро, окруженное вращающимся огненно-жидким слоем металла, в котором и возникают дрейфующие вихревые токи.

Гипотеза Булларда — Френкеля имеет свои недостатки: оставляет открытым вопрос о первоначальном источнике возбуждения, не объясняет сравнительно быстрых изменений составляющих магнитного поля. Так или иначе, постоянное магнитное поле принято объяснять вихревыми электрическими токами, генерирующимися в проводящем ядре Земли.

Что до переменного магнитного поля, то его источник находится за пределами Земли: это электрические токи в верхнем слое атмосферы — ионосфере. Изменчивость ионосферы — этой пограничной области, за которой чернеет открытый космос, — и вызывает, по-видимому, магнитные вариации. Плавные, периодические вариации в повседневной жизни заметны разве что специалистам-геофизикам и корабельным штурманам, которые должны, ведя прокладку, непременно учитывать магнитное склонение, то есть угол между географическим и магнитным меридианами для данной точки. Неопределенные вариации знакомы каждому, кто слышал, как вдруг начинает хрипеть на коротких волнах радиоприемник, или наблюдал, как внезапно прерывается проволоочная связь. Это — магнитные бури. Их вызывают колебания солнеч-

ной активности — появление пятен, выброс факелов. Может быть, существуют и другие причины космического порядка. Во время магнитных бурь ярко разгораются полярные сияния. В зоне сияний токи достигают 270 тысяч ампер, в то время как общие токи над землей имеют силу порядка 40 тысяч ампер.

Изменчивость магнитного поля вызывает необходимость постоянных измерений его элементов. И возникают сложные картины. Взгляните при случае на карту магнитных склонений для любого года, и вы увидите, как причудливо изгибаются изогоны — линии, соединяющие на карте мира точки с одинаковой величиной склонения.

Склонения меняются с широтой и временем года, они зависят также от одиннадцатилетних циклов солнечной активности. Наибольших величин склонение достигает в районе магнитных полюсов. Ему бы полагалось равномерно уменьшаться к экватору. Почему же, в таком случае, в экваториальной зоне Атлантического океана западное склонение ныне составляет целых 22°?

Какие-то силы систематически искажают геомагнитное поле. Только ли ионосферные токи? Только ли солнечная активность? Нет. Есть еще одна сила — Мировой океан. Колоссальная масса легкоподвижной и к тому же электропроводной жидкости...

Давно обнаружили электрические токи, блуждающие в твердой оболочке Земли, — так называемые теллурические токи. Но лишь сравнительно недавно открыли, что токи есть и в океане.

В 1935 году техник рыбной промышленности А. Т. Миронов ставил в Баренцевом море опыты по электрическому лову сельди: он читал, что речную рыбу кое-где глушат, опуская в воду электроды и пропуская между ними ток. Однако морская рыба не всплывала на поверхность подобно своим речным соплеменницам и даже не делала попыток уйти из зоны действия тока. Было похоже, что электрический ток для морской рыбы не имеет никакого значения. И вели себя так не какие-нибудь электрические угри, а обыкновенные, ни на что не претендующие селедки.

Скромный техник-рыбник Миронов сделал сразу два открытия. Одно — по своей прямой специальности: морскую рыбу током оглушить нельзя, но можно заманить куда надо. Второе открытие имело серьезнейшее геофи-

зическое значение: в морской воде есть электрический ток, к которому рыба вполне адаптирована.

Мионов поставил ряд опытов, чтобы убедиться в истинности своего вывода. Он погрузил в море два электрода на расстоянии друг от друга, какое позволяла длина судна, но не подвел к ним ток, а подключил чувствительный прибор. Опыты подтвердили: электрический ток в океане есть.

Токи, возникающие в морских течениях, очень незначительны. Тем не менее океан вносит существенный вклад в общую картину земного магнетизма. Океан — не только гигантская машина, преобразующая лучистую энергию в тепловую. Он в значительной степени делает магнитную «погоду» планеты.

Существуют фундаментальные работы академика В. В. Шулейкина о сложной связи и взаимозависимости трех «этажей», формирующих геомагнитное поле: ядра Земли, океана и ионосферы. Очень интересна, в частности, идея о том, что дрейфующие конвекционные вихри Булларда взаимодействуют с океанической частью земной поверхности сильнее, чем с сухопутной частью. Существует весьма тонкая взаимосвязь между двумя подвижными оболочками Земли — океаном и ионосферой. Сравнительно недавно радиолокация ионосферы дала неожиданный эффект: на одном из ионных слоев как бы отпечатан силуэт Австралии. Вероятно, такой эффект возникает вследствие температурного контраста между ионосферой над материком и ионосферой над океаном: потоки воздуха в ионосфере, направленные вдоль береговой черты, словно бы оконтуривают Австралийский материк и вызывают иные условия отражения радиоволн по сравнению с чисто океанскими и чисто материковыми.

Установлена связь между магнитным склонением — иначе говоря, широтной составляющей напряженности геомагнитного поля — и очертаниями океанов. Магнитное склонение возрастает при подходе к океану. Береговая черта не просто отделяет сушу от воды — невидимкою она поднимается ввысь и, сложив взаимодействуя с ионосферой, искажает магнитное поле Земли.

Было ли оно, поле, другим, упорядоченным, в древнейшие времена, когда всю Землю покрывал первичный океан? И не очертания ли поднявшихся впоследствии материков вкупе с океанскими электрическими токами от-

клонили магнитную ось от оси вращения, создали магнитные аномалии, прихотливо выгнули на карте мира изогоны? Очень трудный вопрос.

Ясно одно: если бы планету и сейчас полностью покрывал океан, то даже при вполне упорядоченном геомагнитном поле мы с вами, читатель, были бы дельфинами, а эта книга была бы отпечатана кровью осьминога на разглаженной акульей коже.

Около восьми Рустам поднял голову от карты и сказал:

— Между прочим, сегодня на хоккейных меридианах интересная встреча.

Среди общественности, представленной Уром и Нонной, эта весть не вызвала ответного душевного движения.

— Наши играют с финнами,— одиноко прозвучал голос Рустама.

— А хоть бы и с дельфинами,— сказала Нонна.— Двадцать пятой западной долготы, глубина пятьсот — тридцать четыре и четыре. Отметил? Теперь глубина — тысяча...

— Поговорить не с кем! — проворчал Рустам, отмечая на карте указанную точку.— Где Валерку носит, хотел бы я знать!

В восемь он подступил к телевизору, стянул с него покрывало и решительным щелчком как бы утвердил свое право на личную жизнь. Закурив, он кинулся в кресло. Профессионально-бодрый голос комментатора начал перечислять составы команд.

— Сделай по крайней мере потише,— сказала Нонна.

Она была умная женщина и понимала, что мужчину, настроившегося смотреть хоккей, лучше не отвлекать от этого занятия.

Дело пошло: как былинные богатыри, команды с клюшками наперевес ринулись в сечу. Рустам напутствовал их, коротко свистнув при помощи двух пальцев.

Тут прозвенел звонок.

— Наконец-то появился! — сказал Рустам, не отрывая горящего взгляда от экрана.— Ур, открой, пожалуйста.

Но это был не Валерий. В маленькую переднюю, сра-

зу заполнив ее громкими голосами и шуршанием мокрых плащей, вошли Вера Федоровна и Грушин.

— Вот они где угнездились, голубчики,— прищурилась Вера Федоровна на онемевших от неожиданности Ура, Нонну и Рустама, которого директорское контрольное выдернуло из кресла, как морковку из грядки.— Нарочно подыскиали квартирку без телефона.

— Филиал филиала,— улыбался Грушин, принимая директорский плащ.

— Где тут зеркало?.. Ага, есть.— Вера Федоровна истинно королевскими движениями рук взбодрила медное облако волос.

Крупная, уверенная в себе, она прошла в комнату и, огибая расстеленные на полу ватманы, направилась к креслу.

— Садитесь все,— сказала она,— и выключите телевизор. Буду держать речь.

— С вашего разрешения,— обрел дар речи Рустам,— я выключу звук, а изображение оставлю. Наши с финнами играют...

— Ну, если с финнами, тогда можно только звук.— Вере Федоровне не чуждо было великодушие.— Нонна, вы прекрасно выглядите, хоть сейчас в манекенщицы.

— Благодарю, я очень польщена,— отозвалась Нонна.— Есть горячий кофе, не хотите ли попить?

— Кофе? Тащите. А вы, товарищ Ур, вроде бы похудели, а?

— Вес у меня, я думаю, не изменился,— ответил Ур.

— Да-да, вы похудели без изменения веса — именно это я и хотела сказать. У пришельцев так бывает, не так ли? Вы что-то сказали, Рустам?

— Нет, Вера Федоровна... Это я крикнул,— ухмыльнулся тот.— Наши первую шайбу забросили.

— Никогда не могла понять, как можно заниматься таким дурацким делом — забрасывать шайбы... Спасибо, Нонна,— кивнула директриса, приняв блюдце с чашкой кофе.— Итак, объясняю причину визита. Она состоит всего из нескольких слов. Мне позвонили из Москвы и сообщили, что нам разрешено участие в экспедиции Русто. Для трех человек. Не улыбайтесь преждевременно, Нонна, потому что еще неизвестно, кто поедет.

— Хорошо, я не буду улыбаться. Но все равно приятно...

— Как раз у меня сидел Леонид Петрович,— продолжала Вера Федоровна,— и он не даст мне соврать: я разговаривала с Мирошниковым ледяным тоном, будто ничего особенного не случилось. Хотя — не скрою — мне хотелось хрюкнуть от восторга.

Грушин хихикнул, схватил с журнального столика пустую готовальню и, крутя ее в руках, сказал:

— Подтверждаю, что вы не хрюкнули.

— Вы могли бы подобрать выражение поизящней.

— Позвольте, Вера Федоровна! — вскинулся Грушин.

— Ладно, ладно. Закончив разговор с Москвой, я позвонила к вам,— директриса тряхнула головой в сторону Нонны,— и убедилась в педантичной аккуратности моих сотрудников.

— Мы ушли ровно в шесть,— сказала Нонна, приподняв округлые черные брови.

— Я и говорю: мои педантичные сотрудники скорее умрут, чем задержатся лишнюю минуту на работе. Было две минуты седьмого на моих часах и четыре — на часах Леонида Петровича. Хорошо, что моя Ниночка превосходно воспитана. Какими путями ей удалось установить адрес этой квартирки, я не знаю, но, пока она обзванивала город, у нас с Леонидом Петровичем произошел сугубо океанографический разговор, который несколько затянулся. И поэтому, девушки, не думайте, что мы приехали только для того, чтобы сообщить радостную весть...

— Ай-яй-яй-яй-я-ай! — завопил вдруг Рустам, ударив себя по коленям.— Извините,— тотчас спохватился он.— Такую возможность Якушев сейчас упустил, клянусь...

— Поскольку телевизор работает без звука, то вы и переживайте, Рустам, соответственно.— Вера Федоровна сунула в рот длинную сигарету, и Рустам, щелкнув зажигалкой, дал ей прикурить.— Так вот,— продолжала она,— ввиду того, что ваш проект, Ур, скоро, как я полагаю, нарастит мясо на кости и будет подан к столу, я бы хотела разобраться хотя бы в его скелете. И Леонид Петрович хочет. Он вообще настроен скептически...

— Позвольте, Вера Федоровна,— вскинулся тот.— Дело не в моем каком-то там прирожденном скепсисе. Дело в исходных посылках и законах физики. Разрешите, я выскажу...

— Да уж валяйте, раз начали.

Грушин захлопнул готовальню, раскрыл и опять захлопнул.

— Начну с того, что полностью сознаю большую важность проблемы получения дешевой энергии. Я интересуюсь этими вопросами, хотя и не совсем по специальности. Производство электроэнергии в наше время практически удваивается за каждое десятилетие. Удваивается! Мировое производство ее уже превысило четыре триллиона киловатт-часов в год. Если так и дальше пойдет, то не помню точно, в какие сроки, но в обозримое время энергоресурсы на шарике будут исчерпаны. Имею в виду уголь, нефть и другое природное топливо. Вы слушаете, Ур?

— Да,— поднял тот глаза на Грушина.— Я весь внимание.

— А то мне показалось, что вы отключились... Пойдем дальше. Гидроэлектрическая энергия тоже не безгранична — почти все мощные реки уже перегорожены плотинами. Еще какие естественные источники энергии? Ветер, солнечное тепло, энергия приливов... Все это мы используем пока очень мало. Дóроги приливные станции, дóроги и солнечные — по экономическим показателям не проходят. Да если бы и прошли, то их ресурсы, это уже подсчитано, дадут в год примерно такую же мощность, сколько дают теперь в сумме все электрические мощности, производимые промышленным способом. Это сопоставимо. Тот же порядок. Это, между прочим, факт сам по себе замечательный и, скажем, для прошлого века просто фантастический: энергия, добываемая человеком, сравнялась с энергией природных явлений. Нет, вы подумайте только: на одном уровне с природой! С той самой всесильной, грозной, могучей природой, которая повергала мохнатого предка в ужас громом и молниями... С той природой, которая заставила воинов Цезаря в страхе отступить перед мощным океанским приливом на берегах Атлантики...

— Леонид Петрович, все это очень интересно,— встала Вера Федоровна,— но все-таки давайте ближе к делу. Я не могу сидеть тут до полуночи.

— Да... да-да, ближе к делу... Итак, природные ресурсы ограничены, и двадцать первый век на них не выйдет. Какой есть выход? Только один — ядро атома.

Энергия деления и энергия термоядерного синтеза. Сейчас у нас и за рубежом идут большие работы с целью добиться лучшего использования делящихся материалов. Атомные реакторы нового типа, вероятно, станут дешевле и экономичней, они будут превращать в энергию не только уран-235, но и уран-238, то есть практически всю руду. И, наконец, управляемая термоядерная реакция. В конце века, я уверен, она будет осуществлена, и вот тогда-то призрак энергетического голода исчезнет надолго, во всяком случае — на многие-многие века. Дейтерий, извлеченный из ста шестидесяти кубометров воды, даст столько же энергии, сколько дают теперь все добываемые за год миллионы тонн угля и нефти. А дейтерия в морской воде сколько угодно. Запасы лития тоже огромны...

Тут Грушин запнулся и уставился на Рустама, который, схватив себя за голову, молча раскачивался из стороны в сторону с выражением безграничного отчаяния.

— Что с вами? — забеспокоился Грушин. — Вы заболели?

— Не заболел, а болеет, — сказала Нонна. — В наши ворота забросили шайбу. Не обращайтесь внимания, Леонид Петрович.

— Ага, шайбу... Понятно... — Грушин захлопнул готовальню, положил ее на стол и вытер носовым платком руки. — Ну, собственно, я почти все сказал. Слишком сложна и трудна проблема будущей энергетики. И поэтому ваша идея использования в энергетических целях морских течений мне кажется... вежливо говоря, она малоперспективна. Кинетическая энергия общей океанической циркуляции слишком рассеяна для того, чтобы извлечь из нее практическую пользу. Каким это образом вы будете ее улавливать? Поставите посредине океана водяное колесо?

— Да вовсе не об этом речь...

— Знаю, Нонна, знаю, вас интересуют электрические токи в морских течениях. Они, конечно, есть и вызывают некоторые электромагнитные силы, но очень уж эти силы слабые — порядка десяти миллионных силы Кориолиса. Да вы сами знаете...

— Так. — Вера Федоровна хлопнула ладонью по подлокотнику кресла. — Одна сторона высказалась. Выкладывайте возражения, Ур. Или вы, Нонна?

— Возразить, Вера Федоровна, может только Ур,— сказала Нонна.— Мне в проекте тоже далеко не все понятно. И, если бы я сама не видела, как на Джанаварчае прибор показал излишек энергии, то рассуждала бы в точности как Леонид Петрович. За одним исключением. Ядерная энергетика имеет замечательное будущее, полнотью согласна. Но и у нее есть ограничитель — недопустимая степень загрязнения окружающей среды. Во избежание катастрофического перегрева атмосферы выработку термоядерной энергии придется сдерживать.

— Точно,— поддакнул Рустам, которого хоккей отпустил на перерыв.— И еще, дорогой Леонид Петрович, разрешите поправочку. Токи в море слабые, это вы правильно сказали, а бывают и довольно-таки сильные — при магнитных бурях. Помните, два года назад мы выходили с вами на «Северюге»...

— Прекрасно помню, Рустам, очень даже помню. Ну и что? Ваша электростанция будет работать только в магнитную бурю? Насчет перегрева атмосферы, Нонна, вы правы, такой ограничитель будет, но все равно — ядерной энергии человечеству хватит даже при сдерживании выработки.

— Не стану спорить, я не футуролог,— сказала Нонна.— И вообще, я просто технический исполнитель проекта. Мое дело — подготовить данные о Течении Западных Ветров, вот и все.

С минуту все молчали. Поглядывали на Ура — теперь была его очередь. А он сидел безучастно, обхватив себя за локти и наклонив голову так низко, что казалось, будто он спит.

Вера Федоровна постучала ногтем по подлокотнику. Ур поднял голову. Твердые губы разжались.

— Леонид Петрович прав. Нет смысла продолжать проект. Я прекращаю работу.

Нонна ахнула. А Рустам, выбросив руку в сторону Ура, сказал с напором:

— Ты что, дорогой? Сколько сил, сколько времени потратили — и все побоку? При первом возражении, да? Так можно разве? Драться надо, дорогой, за идею!

— Но я не хочу драться...

— Хочешь не хочешь, а будем драться! — Рустам рубанул воздух ребром ладони.— Еще все будет, что положено: шумиха, неразбериха и выявление виновных, все,

как полагается! И схлопочем мы с тобой кучу выговоров, и объяснения будем представлять не менее, чем в трех экземплярах,— а ты как думал? Скажи?

Вдруг он умолк и, подавшись всем корпусом вперед, впериł неистовый взгляд в экран телевизора: начался второй период матча. Он уже не видел и не слышал, как Нонна, улыбаясь, похлопала ему в ладоши. Не слышал, как засмеялась Вера Федоровна и как Грушин сказал примирительно:

— Действительно, мой юный друг, я вовсе не к тому атаковал ваш проект, чтобы побудить вас прекратить работу...

— Понятно.— Ур потерял свою шевелюру.— Хорошо, попробую объяснить, насколько смогу. Прошу учесть, что я не автор идеи. На Эире я был простым техником на станции синтеза. Обыкновенным техником с обыкновенным образованием.

— Обыкновенное — в масштабе Эира? — вставил Грушин.

— Да, конечно... Так вот. Когда мы летели к Земле, я изучил общий курс планетологии и прежде всего — все, что было известно о Земле. Перед посадкой мы проделали множество измерений, в частности магнитную съемку, и мои спутники... специалисты с Эира... они были... как бы сказать... ну, по-своему поражены были космическим феноменом, каким представилась им Земля. Среди известных им планет нет ни одной, которая имела бы такое ярко выраженное магнитное поле и такую огромную акваторию. Кто-то из моих спутников первым высказал эту идею... идею о дефекте, который надо исправить, чтобы черпать энергию из внепланетных источников.

— Дефект — это несовпадение магнитной и географической осей? — спросила Вера Федоровна.

— Да.

— Под внепланетным источником имелось в виду Солнце,— полувопросительно, полутвердительно сказал Грушин.

— Разве в космосе, кроме Солнца, нет источников энергии? — посмотрел на него Ур.— Космос полон ею.

— Если вы говорите о космических лучах, то они доходят до поверхности Земли настолько ослабленными, что не могут...

— Космические лучи — слишком общее название,—

сказал Ур.— Я не знаю, как назвать эти заряженные частицы и их источник. На Эире очень давно создана система, которая преобразует это излучение в энергию различных видов. Мне кажется...

— Простите, Ур, еще раз перебыю,— выпалил Грушин.— Я читал, что недавно установка, поднятая на ракете в околоземное пространство, зарегистрировала поток излучения в диапазоне субмиллиметровых волн. Есть предположение, что это не что иное, как реликтовое тепловое излучение, оставшееся от первоначально раскаленной Вселенной. Не об этом ли излучении вы говорите?

Ур задумчиво посмотрел на него.

— Не знаю, Леонид Петрович. Видите ли... я просто не могу перевести на русский или любой другой из земных языков термины, принятые на Эире. Мне кажется, ближе всего для обозначения потока частиц, о котором идет речь, выражение «релятивистские электроны». Но не могу поручиться за точность... Требуется определенная магнитная структура, чтобы широкие ливни, образующиеся при встрече первичного галактического излучения с атмосферой планеты, могли быть уловлены, измерены и преобразованы в нужный вид энергии. Эти ливни частиц взаимодействуют с поверхностью планеты, но лучше всего — с подвижным веществом, пересекающим магнитные меридианы. На этом принципе и основана на Эире установка искусственного магнитного поля. Очень сложная система. Можно сказать, гордость эирской науки... И вот почему их поразила Земля с ее естественным магнитным полем и морскими течениями, переносящими огромные массы воды. Природа сама создала превосходную энергетическую установку с одним лишь дефектом...

— Позвольте,— сказал Грушин.— Механизм взаимодействия вторичного космического излучения с веществом более или менее изучен. Поток слишком разрежен для практического...

— Достаточно плотен! — Похоже, что дотошность Грушина начинала раздражать Ура.— Здесь все дело в чувствительности прибора, в его поглощающей способности...

— Если вы имеете в виду процесс ионизации, то его отметит обыкновенная камера Вильсона.

— Леонид Петрович,— плачущим голосом сказала Нонна,— ну что вы без конца перебиваете?

— А что такое? — Грушин вскочил со стула и замахал руками. — Я хочу разобраться. Не мешайте мне разговаривать!

— Вы же не даете ему довести мысль до конца...

— «Мысль до конца!» — Грушин подпрыгнул и даже слегка задержался в воздухе от частых взмахов. — Если мне говорят о магнитной обработке воды, тут я твердо знаю, что это предотвратит отложения накипи. Что бетон, затворенный такой водой, будет прочнее. Но когда мне говорят о гипопеппи... гипотетических частицах в магнитном поле, тут па-прошу дать мне право на сомнение!

— Имеете, имеете право, — посмеиваясь, сказала Вера Федоровна. — Только, если можно, не поднимайте ветер руками. Нонна, отвяжитесь от него.

Ур встал со стула и направился к Грушину, сунув руку в карман. Грушин невольно отпрянул.

— Наверно, я не смогу вас ни в чем убедить, — сказал Ур и вынул из кармана плоскую коробочку. — Посмотрите лучше на эту штуку. — Он нажал на что-то сбоку, и в коробочке открылись две катушки, и с одной на другую медленно поползла широкая, слегка мерцающая пленка.

— Что это? — Грушин выхватил из нагрудного кармана очки, надел и низко наклонился над коробочкой.

— Это одна из микроструктур, которые делают на Эире для приема галактического излучения. Есть микроструктуры-аккумуляторы, есть преобразователи нескольких видов... Пачка такой пленки в датчике прибора способна выделить космическую составляющую из электротоков морских течений. А физическую сущность явления я сейчас не смогу вам объяснить — запутаюсь в терминологии. Какие-то вещи вы знаете лучше, чем я, а я знаю вещи, о которых вы и представления не имеете.

— Дайте-ка и мне посмотреть, — сказала Вера Федоровна. Сощурившись, она разглядывала коробочку, которую Ур держал на ладони. — Мне говорили, что у вас есть занятный блокнот, а оказывается, что это аккумулятор...

— Он может служить и блокнотом. Видите? — Ур взял тонкий стержень и провел несколько штрихов.

— Очень мило. — Вера Федоровна выпрямилась в кресле. — Послушайте, голубчик, если у вас всегда при себе этот инопланетный аккумулятор — или как еще на-

звать? — то почему вы из моего снабженца выбивали ниобиевую проволоку?

— Запас пленки у меня ограниченный,— сказал Ур.— Для экспериментов хватит, но если проект будет принят... В общем, я искал, чем можно заменить материал, из которого состоит микроструктура пленки. Ближе всего — ниобий. С ним еще придется повозиться, чтобы придать требуемые свойства. Испытать различные сплавы нужно. Но по исходным данным ниобий подходит.

— Я бы вам посоветовала, Ур, быстрее дать заявку на лабораторные работы,— сказала Вера Федоровна.— Ну хорошо. Некое галактическое излучение, которое вы не можете назвать приличным именем, достигает Земли, взаимодействует с ее магнитным полем и широким ливнем падает в океан. Дальше что?

— Оно может быть выделено из электрических токов крупных течений, пересекающих магнитный меридиан. Но о его преобразовании в электричество в промышленных масштабах не может быть и речи, пока не устранен дефект. Нужно упорядочить геомагнитное поле.

— Иначе говоря — совместить магнитную ось с осью вращения, это я уже слышала. Как вы собираетесь это сделать?

— Вера Федоровна, я и об этом вам говорил — помните, когда советовал имитировать на вашей модели Течение Западных Ветров. Это кольцевое течение — созданный самой природой виток обмотки генератора. Нужно ввести корректив — дать первичный импульс этому витку. Мощный импульс, достаточный для того, чтобы «столкнуть» с места магнитную ось.

— Почем вы знаете, что она совместится с географической, а не «вильнет», скажем, в противоположную сторону?

— Импульс можно рассчитать так, чтобы ось сместилась на нужное количество градусов. Этим-то я и занимаюсь...

— Три — один! — Рустам с шумом отодвинул стул и поднялся.— Порядок! В третьем периоде финнам уже не догнать... Извини, дорогой,— ласково отнесся он к Уру.— Ты сказал, что занимаешься расчетом импульса, да? Покажи нашим дорогим руководителям схему установки.

— Схема несложная,— сказал Ур.— Труднее будет смонтировать ее вот здесь,— он указал на карту,— в про-

ливе Дрейка, между Огненной Землей и Землей Грэйама. Единственное подходящее место, где Бравые Весты проходят вблизи берегов.

— Чу-удное местечко,— сказала Вера Федоровна.— Лет восемь назад там чуть не утонул «Тайфун». И я вместе с ним.

— Да, штормы...— Ур потер лоб.— Поставить там установку энергетического импульса будет трудно. И, пожалуй, не легче — подвести к мысу Горн линию передачи высокого напряжения.

— Это какая же потребуется мощность?

— Пока могу сказать только, что очень большая. Но затрата будет единовременной — только для импульса. Дальше сработает сам генератор: сместится магнитная ось, изменится структура геомагнитного поля. Это, вероятно, будет сопровождаться сильной магнитной бурей.

— А потом?

Ур с рассеянным видом пожал плечами.

— Что ж, потом — энергия, доступная всюду, где есть соответствующие приемники и преобразователи... Что ж еще?..

— Ты, Ур, совершенно не умеешь подать себя,— решительно вмешалась Нонна.— Речь идет об энергетике совершенно нового типа, Вера Федоровна. Мы как-то забываем в вечной житейской текучке, что живем не просто на земле, а на Земле с большой буквы — на планете, летящей в космическом пространстве. Мы сжигаем миллионы тонн природного горючего, мы расщепляем в реакторах ядра урана, чтобы получить энергию, нужную для жизни. Но энергия — вокруг нас! Околоземное пространство пронизано потоками заряженных частиц. Их использование считается невозможным. И вот появился проект, он необычен и еще не рассчитан до конца, но меня, например, необычайно привлекает сама идея — овладеть галактическим излучением, преобразовать его в электричество... Не все понятно? Да, не все. Но разве мы знаем все о внутриядерных силах, сцепляющих протоны и нейтроны в атомном ядре? Нет! Тем не менее мы научились расщеплять ядро и извлекать из него энергию... Так же и здесь... Вы только представьте себе: миллионы тепловых электростанций перестают сжигать уголь и нефтепродукты, миллионы автомобилей перестают выбрасывать в атмосферу углекислый газ...

— Хорошо сказала! — воскликнул Ур. — Автомобили, лакированный ужас двадцатого века... Передвигаться посредством непрерывных взрывов — судорожная техника!

— Нечего охаивать автомобиль, — сказала Вера Федоровна. — Он хорошо послужил и еще послужит. Ему бы экономичный электродвигатель...

— Так об этом мы и говорим! — Нонну сегодня было не узнать. Куда девалась ее обычная сдержанность! — Автомобиль получит аккумулятор и преобразователь, как и все прочие потребители энергии. Общедоступная дешевая энергия изменит облик всей техносферы. Она покончит с загрязнением рек, морей и воздуха. Она...

— ...облагодетельствует род человеческий, — с иронией вставил Грушин. — Вы мне вот что скажите, Нонна: где вы возьмете столько ниобия для ваших преобразователей? Ниобий — элемент редкий, да еще цены на него подскочат до небес, вот и получится, что ваша общедоступная и дешевая обойдется дороже, чем обыкновенная, ради которой жгут уголь и нефть и за которую взимают плату.

— Надо сделать искусственные материалы, которые заменят дорогой ниобий.

— «Надо сделать»! — Грушин повертел рукой, будто ввинчивая невидимую лампочку. — Очень уж просто все у вас.

Рустам придвинулся со своим стулом поближе к Грушину:

— Леонид Петрович, я знаете о чем сейчас подумал?

— Откуда мне знать? — проворчал тот, отодвигаясь и морщась от дыма Рустамовой сигареты.

— Я подумал — вот если бы к средневековому ученому пришел молодой такой головастый малый и сказал: «Дорогой, задуй свою свечку, пойдем на мельницу. Ты приделай к водяному колесу вал, обмотай его медной проволокой, а вокруг расставь магниты, и пусть вода крутит колесо. Ты получишь силу, которой можно осветить твой пыльный чердак или что там... келью... И эта сила будет сама приводить в действие машины».

— Ну и что? — с брезгливым выражением спросил Грушин.

— А то, что этот ученый, очень, между прочим, умный мужик, ответит головастому малому так: «Иди отсюда,

дорогой, и не мешай работать. Придумают тоже! Чтоб ни водой, ни ветром, ни огнем, ни порохом...»

— А! — отмахнулся Грушин. — Ну вас, на самом-то деле...

— Еще Гумбольдт где-то сказал, — заметила Нонна, — что каждая наука обязательно проходит три стадии. О новом открытии сперва говорят: «Какая чепуха!» Потом: «О, в этом что-то есть». И наконец: «Кто же этого не знал?»

Вера Федоровна засмеялась:

— Здорово они вас уели, Леонид Петрович?

— Нисколько! — вскочил Грушин. — Инопланетная пленочка, спору нет, любопытна. Вот и надо бы начать с того, чтобы отдать ее на всестороннее исследование. А все остальное... — Он посмотрел на часы. — Вы остаетесь, Вера Федоровна?

— Сейчас поедem. — Вера Федоровна тоже встала. — Я бы должна как-то завершить дискуссию, но, признаться, не знаю как. Слушаешь вас, — кивнула она на Ура, — интересно. Грушин начнет — будто собственные мои сомнения выкладывает... Что вы на меня уставились, товарищ Ур? Спросить о чем-нибудь хотите?

— Я вот что хотел... — неуверенно сказал Ур, переступив с ноги на ногу. — Может, все-таки прекратить это? — Он обвел рукой ватманы, карты, таблицы. — Вдруг опять Пиреев рассердится и... новые начнутся неприятности... Было ведь уже летом...

— Пиреев? — протянула Вера Федоровна. — Ну, вы, голубчик, и верно как ребенок... Нету Пиреева! То есть, конечно, есть, но, слава те господи, науку-матушку больше не тревожит. Что же вы, Нонна, не рассказали товарищу о знаменитом происшествии? В самый разгар великой борьбы — как раз в весьма ответственном кабинете — у Пиреева выступила на лбу этакая надпись, синими буквами, что, дескать, съел он барана, украденного в каком-то колхозе. Я это сама видела и до сих пор не могу понять, как не умерла на месте от смеха...

— И у Пиреева надпись была? — Ур изумленно посмотрел на Веру Федоровну.

И вдруг с его лица словно сдернули занавеску: вмиг ожило оно, в тусклых глазах вспыхнул былой блеск, сверкнули зубы — Ур захохотал во всю глотку.

— Стойте, — вымолвила Вера Федоровна, — мне гово-

рили, будто вы к этому делу причастны. Ну-ка, признавайтесь!

— Ой, правда, Ур, это ты сделал? Расскажи, расскажи! — просила Нонна, радуясь, что Ур пробудился от спячки, от пугавшего ее оцепенения.

И Ур, немного успокоившись, рассказал, как Дай-заде, бывший заведующий животноводческой фермой, продавал на сторону колхозных баранов и портил жизнь отцу и отец пожаловался ему, Уру, на это. Вообще-то, будь другие времена, более ему понятные, отец не отказался бы участвовать, к примеру, в набеге на соседний колхоз, чтобы угнать стадо. Но воровать баранов в своем колхозе — такого отец стерпеть не мог. У него были свои понятия на этот счет. И вот он горько жаловался ему, Уру, и просил... нет, велел сделать что-нибудь, чтобы вывести вора Дай-заде на чистую воду. И тогда он, Ур, отрезал от пленки из своего блокнота тонкую полоску и нанес на нее код — тот самый текст. А отец со своим другом сделали так, как он им посоветовал: разрезали полоску на мелкие части и вместе с травой скормили баранам. Самым таким товарным, что ли, особям. А дальше — код, будучи съеден, переходит в баранью мышечную ткань. Он вроде голограммы, этот код: на сколько частей его ни разрежь, каждый клочок сохранит информацию. Ну вот. В живом бараньем мясе код никак себя не обнаруживает. Но если барана зажарят и съедят, безразлично, какой кусок, — тут нагрев и соляная кислота человеческого пищеварения проявляют код, как фотопленку в проявителе. А красители, которые имеются в коже человека, закрепляют надпись на лбу...

— Вот оно как, — сказала Вера Федоровна. — Одна-ко... серьезная пленочка...

— Серьезная, серьезная, — подтвердил Грушин.

— Ну что ж, поехали, Леонид Петрович. А вы, голубчики мои, продолжайте трудиться. Не знаю, как там с магнитной осью получится, а проект, что и говорить, ин-терес-ный... Чтоб вы мне довели его до конца!

Только ушли Вера Федоровна с Грушиным, как опять раздался звонок. Нонна открыла дверь и впустила Валерия — мокрого, с непокрытой головой.

— Только что машина отъехала с директорским номером, — осипшим голосом сказал Валерий, сдирая с себя плащ. — Здесь, что ли, была?

— Да. С Грушиным приехала, расспрашивала о проекте. Спорили... Где ты пропадаешь?

Не отвечая, Валерий скинул туфли и в носках пошел в комнату. Рустам поднял на него пронизательный взгляд.

— Держи.— Валерий сунул Уру в руки зеленую папку.— Здесь бумаги с машины и прочее... и прочее... и прочее...

Он ходил по комнате, словно не мог остановиться, и бормотал, и глаза у него были какие-то шалые, навывкате.

— Кофе будешь пить? — спросила Нонна.

— Буду! — гаркнул он и, широко отставив локти, направился в кухню. И уже оттуда донесся его незнакомо-хриплый голос: — Я теперь свободен от любви и от плакатов!

— Ты у Аньки был? — Рустам бросил последний взгляд на незакончившийся хоккей и помчался в кухню.

— Плакаты — это, надо полагать, листы по начерталке для студентов,— сказала Нонна.— Что еще у него стряслось?

Ур не ответил — он уже листал бумаги в папке. Вздохнув, Нонна пошла согреть кофе для Валерия.

Глава пятая

МАДЕМУАЗЕЛЬ СЕЛЕЗНЕФФ

Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвет горизонты
И раздувает рассвет.

Из песни

Ранним утром 20 декабря рейсовый самолет международной линии Москва — Никозия, разбежавшись, оторвался от шерemetьевской бетонки и, как полагается, начал набирать высоту. Еще было далеко до рассвета. Внизу простирались заснеженные поля и темные клинья лесов, и где-то с левого борта мерцала сквозь дымную мглу россыпь огней Москвы.

Перекачивая языком во рту взлетную конфетку, Ур смотрел в иллюминатор, пока клубящиеся торопливые

облака не закрыли землю. Тогда он откинулся на высокую спинку кресла и скосил взгляд на Нонну. Она сидела рядом, глядя прямо перед собой, профиль ее был четок и безмятежен. По другую сторону от Нонны сидел Валерий. Он зевал, мучительно сморщившись. Не выспался, бедняга. Все они вот уже которую ночь не высыпаятся: с утра до поздней ночи не отпускает их Москва.

Теперь-то отпустила. Теперь трудные, наполненные шумом и беготней, нескончаемые две московские недели остались позади.

Стюардесса, будто сошедшая с модной картинки, протянула подносик с лимонадом и минеральной водой. Ур выпил и того и другого, удовлетворенно крикнул и закрыл глаза.

Мысли текли лениво.

Странно все получается у него. Непоследовательно... Сам торопил Учителя, только об одном мечтал — поскорее покинуть Землю,— и сам же попросил отсрочить отлет... Не собирался принимать приглашение Русто — а все-таки принял и вот летит на далекий Мадагаскар. И не просто так летит, а с паспортом в красной обложке, и не сам по себе, а в составе группы, имеющей план сотрудничества из двадцати семи пунктов...

Странно, странно. Как будто ты не вполне принадлежишь самому себе. Только начни что-то делать, только начни — и ты уже не волен распоряжаться собственным временем... Зачем было, к примеру, участвовать в переселении Валерия с тетей Соней на новую квартиру? После бешеной гонки с проектом один только и выдался свободный день в начале декабря, один-единственный. Полежать бы на диване с книжкой, почитать бы всласть,— так нет, втиснулся в набитый до отказа троллейбус и поехал на улицу Тружеников Моря. А там уже были все в сборе — и Рустам, и Марк с Аркашей, и еще несколько знакомых парней из института. С тяжким топотом тащили вниз и грузили в машину мебель, коробки с книгами, немыслимые какие-то сундуки, и Рустам умело распоряжался погрузкой, и тетя Соня бегала вверх-вниз по лестнице, умоляя осторожнее нести посуду. Весь двор провожал отъезжающих. Из распахнутых дверей квартиры Барсуковых орал неугомонный магнитофон. Старушки на скамеечке в углу двора делали ручкой прощальный привет. Подслеповато и грустно смотрел из своего окна фар-

мацевт-пенсионер Фарбер, великий знаток древних цивилизаций.

Потом затаскивали вещи на третий этаж нового дома. Тетя Соня затеяла угощение. Засиделись, расходились уже под вечер, и Валерий кричал с лестничной площадки им вслед: «Спасибо, орлы! Приходите еще таскать, как говорят в Древнем Шумере!»

Спустя несколько дней окончательно решился вопрос о составе группы, командирваемой для совместной работы с океанографической экспедицией доктора Русто, и вся группа — Нонна, Валерий и он, Ур,— вылетела в Москву.

Ах, Москва! Человеческий водоворот на обледенелых тротуарах, теплые вихри из стеклянных дверей метро, строгие лица гостиничных служительниц. Все куда-то бегут, спешат,— невольно и ты ускоряешь шаг. Попробуй остановиться, чтобы тронуть ладонью невиданно красивое белое вещество, называемое коротко и как-то очень подходяще — снег,— тебя толкнут, обругают, а то еще и с ног, чего доброго, собьют. Нельзя выпасть из ритма. И ты мчишься, мчишься...

Ты мчишься на очередное заседание, где сидит множество незнакомых людей, и отвечаешь на вопросы и тычешь указкой в пролив Дрейка, порядком уже надоевший. А потом профессор Рыбаков ведет тебя еще в какие-то кабинеты, и люди с важной осанкой, в темных костюмах вежливо пожимают тебе руку, и опять — расспросы, возражения, сомнения и снова расспросы. И — бумаги. Нарастающие лавинообразно бумаги с резолюциями наискось:

«Тов. Шумерскому. Прошу немедленно представить сведения».

«Тов. Шумерскому У. Ш. Ваше мнение?»

«Т. Шумерскому. Дать материалы для составления сметы».

Он с трудом запоминал фамилии людей, с которыми ежедневно сталкивался и которые уже не только выслушивали его, но и чего-то требовали, торопили. И уже кто-то из них поставил ему, Уру, «на вид» за непредставление в срок какого-то заключения.

Почти все время Нонна была рядом. Она решительно ввязывалась в разговор, когда Ур растерянно умолкал на многочасных заседаниях. Она не давала ему утонуть

в бумагах и заблудиться в коридорах, помогала писать докладные и представлять дополнительные сведения. Она следила, чтобы он не забывал обматывать шею теплым шарфом и не терял перчаток.

Где-то носился параллельным курсом Валерий. Рыжая его бородка мелькала в кабинетах Академснаба, в экспериментальных мастерских. По заказным спецификациям принимал Валерий измерительные приборы необычной конструкции. Спорил с поставщиками, требовал «довести до техусловий».

В последние дни в этом водовороте появилась Вера Федоровна. Уверенная в себе, громкоголосая, умеющая не спешить, она вносила некоторое спокойствие в страсти, разгоревшиеся вокруг вопроса о великом будущем пролива Дрейка. «Ограничимся на первом этапе комплексным исследованием Течения Западных Ветров, а дальше видно будет...»

«Дальше» видно было плохо. Проект носил глобальный характер, и в этом-то, как уразумел из услышанного на совещаниях Ур, и таилась главная трудность.

«Вы, наверное, успели убедиться, как неоднороден мир в социально-экономическом отношении,— сказал ему вчера профессор Рыбаков. (То была прощальная беседа, они все сидели в номере у Веры Федоровны.) — Мы могли бы пойти на геомагнитный эксперимент, если полностью будет обоснована его целесообразность. Но тут нужны объединенные усилия всего человечества. Пойдет ли на это Запад? Вот вопрос... Множество людей на Западе, несомненно, заинтересуется проектом — среди них будут ученые, а может, и некоторые политики. Но решающее слово не за ними. Решать будут нефтяные и угольные монополии... крупные электротехнические и иные концерны... Вряд ли им понравится проект, который поставит крест на ископаемом топливе...» — «Решать в конечном счете будут не монополии, а народ», — запальчиво возразила Нонна. На это Рыбаков не ответил — только головой покачал и сказал: «Ах, Нонна, Нонна...»

Ур посмотрел влево. Нонна спала, ровно и покойно дыша, и ему почудилась еле заметная улыбка у нее на лице. Что-то, наверно, приснилось...

...А Нонна не спала.

Беспокойно было на душе. Беспокойно за маму с ее гипертонией, никогда ведь еще не оставляла ее одну больше чем на три недели, а тут — на целых четыре месяца... Беспокойно было при мысли о долгом плавании в высоких штормовых широтах: выдержит ли она, если ее укачивало даже при каспийских штормах? Впрочем, шторм на Каспии не уступит, пожалуй, океанскому...

Беспокойно было думать об Уре. Вот она вытащила его из колхоза, уговорила закончить проект, принять участие в экспедиции Русто. А дальше что? Если бы знать, что у него на уме...

«Ох, Ур... мучение мое...»

Нонна вспоминает, как позавчера они сидели рядышком и жена Костюкова посмотрела на них и сказала вдруг... Бог знает, что она сказала. Нонну так и обдало жаром от ее слов...

Приятно вспоминать этот вечер.

Ей, Нонне, не хотелось идти к Костюковым, совершенно незнакомым людям. Ну конечно, слышала она о Юрии Костюкове немало: был такой молодой инженер в их городе, работал в НИИТранснефти, лет десять назад вместе со своим другом Николаем Потапкиным изобрел или открыл нечто необычайно, фантастически интересное — эффект проницаемости. А еще они сделали из Валерия Горбачевского человека, так говорит сам Валерий, который был тогда мальчишкой-лаборантом.

Давно уже Костюков живет в Москве. И вот Валерий воспользовался единственным вечером, свободным от беготни и совещаний, и потащил Ура и ее, Нонну, к своему божеству.

Она ожидала увидеть солидного толстого дядю с эталонной значительностью на челе высоком, а им открыл дверь долговязый белобрысый малый. Он дурашливо поклонился и молвил: «Здравствуйте, люди и пришельцы». И сразу они с Валеркой пустились в воспоминания — о каком-то кораблекрушении и необитаемом острове, о какой-то необыкновенно умной, ныне покойной собаке, о плавании на плоту, — они перебивали друг друга и показывались со смеху, и ей, Нонне, казалось, что они просто выдумывают все это с ходу, чтобы потешить себя.

Потом пришла жена Костюкова, Валентина Савельевна, очень полная дама с красивым лицом. Она пришла

с лекций, которые читала на филологическом факультете, и быстро накрыла на стол.

Костюков спросил Валерия, как у него дела с кандидатской диссертацией, и Валерий сказал, насупившись, что никакой диссертации не будет. Костюков пристально на него посмотрел и сказал: «Так-так». И продекламировал стихотворение, ей, Нонне, не известное: «Но путь науки строгой я в юности отверг, и вольною дорогой пришел я в Нюрнберг. Кто знает, сколько скуки в искусстве палача, не брать бы вовсе в руки тяжелого меча...» А Валентина Савельевна сделала гримаску и высказалась в том смысле, что не все стихи бывают к месту, а особенно — стихи малоодаренных литераторов. Костюков возразил, что Федор Сологуб был поэтом, может, и не первого ранга, но даровитым, а стихи не обязательно цитировать к месту. Еще он заявил, что Валерке, с его застарелым отвращением к науке, следует пойти в ловцы бродячих собак, и признался, что и сам он, Костюков, тоже ловец бродячих собак, именуемых сумасшедшими идеями. Тут у них вышел спор. Валентина Савельевна посоветовала мужу: «Вот и лови своих любимых собак, а в филологию не суйся». На это Костюков ответил, что филология входит в его профессиональные интересы в качестве «гуманитарной отдушины». Валентина Савельевна, слегка повысив голос, заявила: «В качестве объекта профанации — так будет вернее. Ты же полуграмотный человек: пишешь «панцирь» через «ы». «Да, пишу через «ы», — с достоинством подтвердил Костюков. — Потому что я единожды грамоте учен и переручиваться не собираюсь. Между прочим, многие люди, не нам с тобой чета, тоже писали через «ы», и русский язык от этого не погиб».

Слушая эту перепалку, она, Нонна, с трудом удерживалась от смеха, и ей все больше нравился этот невозмутимый Костюков.

«И вообще у меня накопился ряд вопросов, — продолжал Костюков, подливая вина в фужеры. — Ну, вот например: как писали древние римляне слово «вольноотпущенник»? Через дробь, как у нас пишут «м/мать», то есть «многодетная мать»? Подозреваю, что все-таки они не писали «в/отпущенник», но никто, включая мою жену, не может дать мне однозначный ответ». — «Тебе и не требуется никакого ответа, — тотчас парировала выпад Ва-

лентина Савельевна.— Тебе лишь бы поморочить людям голову своими выдумками. Вы себе не представляете,— обратилась она через стол к Нонне,— как мой Юрочка бестолково начитан. Он просто начинен второсортными стихами и литературными реминисценциями». — «А это плохо?» — спросила Нонна, улыбаясь. «Это ужасно! — последовал ответ.— Ведь он все-таки доктор наук и мог бы вести себя солидной. Этим летом у них в институте... Кстати, если вы думаете, что я знаю, как называется его институт, то вы ошибаетесь». — «Я много раз тебе говорил,— спокойно вставил Костюков,— мой институт называется ВРЫГТ». — «Вы слышали? — воззвала Валентина Савельевна к Нонне.— ВРЫГТ! Разве может так называться институт?» — «А что?—сказал Костюков.—Нормальная аббревиатура. Не удивляет же тебя, что Большой театр официально называется ГАБТ». — «А ну тебя! Посмотри, люди смеются! — Валентина Савельевна патетическим жестом указала на гостей.— Да, так вот, летом у них в институте затеяли лодочный поход по мещерским речкам и озерам. Мы тоже поехали и взяли с собой сына. Все хорошо, погода дивная, природа — просто чудо. Сели в лодки, отплыли. И только начали грести, как мой Сашка вдруг скорчил страшную рожу и как зарел: «А ну, навались, чтоб у вас жилы лопнули!» — «Не так,— поморщился Костюков.— Он крикнул правильно: «А ну, навались, а ну, мальчики, рваните серебряные ложечки! Навались, что же это ни у кого жилы не лопнули!» Вот как он крикнул. Сашка лучше, чем ты, знает литературу». — «Вот-вот! Бог знает чему он учит впечатлительного девятилетнего мальчишку. А в лодке были солидные люди, замдиректора в частности, и я уверена, что твои «серебряные ложечки» ему не очень понравились».

«Это из «Моби Дика», — сквозь смех сказал Валерий. «Еще бы тебе не знать! — напустилась на него Валентина Савельевна.— Вы с Юрой — с одного дерева яблочки. У тебя-то сына еще нет?» — «Нет», — сказал Валерий с похабным вздохом.

«Послушай, всезнающий Валерка,— обратился к нему Костюков,— а знаешь ли ты, почему тайфунам дают женские имена? Не знаешь? Стыдно, братец. А еще океанолог. Вот послушай.— Длинной рукой снял Костюков с полки книжку, мгновенно нашел нужное место и прочел: — «А как бы вы еще назвали бешеную бурю, ко-

торая неожиданно свалилась на вас новость откуда и потом, тихо воркуя, ушла неизвестно куда...» — «Ни капельки не остроумно», — сказала Валентина Савельевна. — Я уверена, что на планете, откуда прибыл наш высокий гость, — улыбнулась она Уру, — тайфунам дают только мужские имена». Развеселившийся Ур ответил, что там не бывает тайфунов, там всегда одинаковая ровная погода. «Какая прелесть! — сказала Валентина Савельевна. — Там и жизнь, наверное, ровная, спокойная, не то что у нас — крутишься, крутишься как угорелая...»

«Зато у нас занятнее», — вставил Костюков.

Он вспомнил, как у Салтыкова-Щедрина была описана аналогичная ситуация: немецкий мальчик переманивал к себе русского мальчика, а тот отказался, потому что «у нас занятнее». Но Валентина Савельевна не нашла в ситуации решительно ничего аналогичного. Вдруг она с неожиданно доброй улыбкой посмотрела на них, Ура и Нонну, сидевших рядышком, и сказала: «А вы чудная парочка»...

И она положила Нонне брусничного варенья и стала рассказывать, как у них недавно гостили друзья из Новосибирска — Коля Потапкин и его жена Рита, которые и привезли это варенье, и какая у Потапкиных была интересная поездка в Индию. А мужчины завели разговор о предстоящей экспедиции и о проекте Ура и заспорили, заспорили о магнитном поле... об энергии морских приливов... о содержании в Мировом океане солей урана...

Нонна не вмешивалась в их спор. Все, о чем говорили вокруг, как бы отдалилось, заволокло туманом, — остались только те слова Валентины Савельевны, да и не слова уже, а их смысл, обжигающий душу, и было странное ощущение тесноты, хотелось не то смеяться, не то плакать...

Ужасно хотелось спать. Но почему-то не шел сон к Валерию. Попробовал углубиться в самоучитель французского языка, но не смог. Мысли, оттесненные московскими неделями в подвалы сознания, теперь выплывали наружу...

Соплеменник по спортивному обществу, соплячок из «Буревестника» — здрасте, объявился вдруг Костя Трубицын. Яхтсменом был плохоньким, за борт боялся выве-

шиваться на крутых к ветру курсах, ну и ладно, это бывает, пока не привыкнешь. Не захотел Костенька привыкать. Ушел в теннис играть. И вот нате вам — Знаменитый Теннисист. В Венгрии был, в Югославии был, теперь в Люксембург поедет...

Молодой, удачливый, чернобровый — объявился вдруг на именинах у Ларисы, Анькиной подруги. Ладно, всегда должен быть кто-то в центре внимания. Ладно, танцуйте, отплясывайте хоть до упаду. Топайте, кружитесь, неситесь. А он, Горбачевский Валерий, со своими почти двадцатью восемью годами, со своей языческой верой в Дворец бракосочетаний, — не обязан торчать в углу. Он не бой на корте, чтобы подавать мячики игрокам. Пусть каждый сам играет свою партию.

Он так и сказал Аньке, когда та на следующий день позвонила ему в институт и потребовала объяснений по поводу его безобразного поведения, выразившегося в незаметном уходе с именин. Он так и сказал: пусть каждый сам играет свою партию. Но Аня настояла на встрече, чтобы выяснить отношения. Хорошо. Выяснять так выяснять. У него дела в вычислительном центре — если она хочет, пусть приходит туда к семи.

Лил дождь. Бежала по улицам желтая вода. Автомобили волокли за собой буруны, как торпедные катера.

«У тебя невозможный ревнивый характер», — сказала Аня из-под мокрого зонтика.

«Не в ревниучести дело, — сказал он. — Просто мы очень разные».

«Значит, я должна переделать себя, приноровиться к твоим взглядам и привычкам?»

«Слишком большая понадобится переделка. Не надо».

«Видишь, какой ты! Тебе даже и в голову не приходит, что и ты мог бы что-то переделать в своем характере».

«Чтобы приноровиться к тебе? Я попытался это сделать...»

«Ты о чем?.. А, поняла — диссертация! Только не смей представлять дело так, будто я на аркане ташу тебя, великого бесребреника, к кандидатскому окладу!»

«Я не бесребреник. Я достаточно халтурил ради рубля. На выкуп, во всяком случае, нахалтурил».

«На какой выкуп?»

«Чтобы выкупить тебя у родителей».

«Фу, как ужасно ты остришь!»

«Я не профессиональный конференсье, чтобы всегда удачно остришь. А насчет диссертации вот что тебе скажу: не хочется халтурить... Материал, который у меня есть, годится для справочника... для пособия морякам, метеорологам... Конечно, и диссертация прошла бы на таком материале, но... В общем, не идет дело. Не могу... Подожду, когда у меня появятся свои идеи».

«А если не появятся?»

«Буду жить так. Без ученой степени. А может, переqualифицируюсь в фигуристы и поеду на соревнования в великое герцогство Люксембург».

Тут он услышал всхлип и, заглянув под зонтик, увидел, что Аня плачет. Не мог он видеть слез, душа у него от женских слез переворачивалась.

«Не плачь,— сказал он тоскливо.— Не надо, Аня. Сейчас поймаю такси и отвезу тебя домой. И закончим на этом».

Всхлипы усилились. Потом он услышал тоненький, жалобный, прерывающийся голос:

«Ну чем, чем я виновата... если люблю танцевать... если хочется жить интересно...»

«Ты не виновата,— подтвердил он.— Просто я слишком ревнив. Просто слишком многого требую, когда хочу, чтобы ты на вечеринках не забывала о моем существовании. Просто я стар для тебя».

Он остановил такси и отвез Аню домой. У подъезда он поцеловал ей руку, чего никогда в жизни не делал, и, не оборачиваясь, пошел по пустынной улице, под слепыми от потоков воды фонарями. Он шел, по горло переполненный горечью и жалостью к самому себе. И жалостью к Ане. Почему она так жаждет сделаться бездумной модной куклой? Что за поветрие обуяло нынешних девочек? А может, он действительно постарел и чего-то не понимает?..

Пытаясь совладать с собой, он нарочно громко сказал, обращаясь к ночному сторожу у магазина «Синтетика»: «Без пол-литра не разберешься, как говорили в Древнем Шумере»...

Спустя месяц или полтора, накануне отлета в Москву, Аня вдруг позвонила ему на работу:

«Валера, я слышала, ты уезжаешь в экспедицию?»

«Да,— сказал он.— Уезжаю».

«Надолго?»

«На четыре месяца».

«А какой маршрут?»

«Пройдем по кольцу Течения Западных Ветров. Стоянок будет мало. В Сиднее, у попутных островов... Поболтаемся, в общем, в океане».

Она помолчала, а потом сказала:

«Ну, счастливого плавания».

«А тебе счастливо оставаться, Аня...»

«Хватит самоедством заниматься». Так сказал Валерий самому себе, лежа в самолетном кресле. Отсыпайся, пока есть время. А не хочешь спать — думай о том, как тебе, дураку, крупно повезло. Шутка ли, в океанскую кругосветку попал. Увидишь скалы Кергелена... услышишь, как воеет буря у мыса Горн...

Давно рассвело, и самолет шел в голубом холодном сиянии дня. А внизу—сплошные облака, безбрежное волнистое море облаков, таких прочных на вид, что хоть вылезай наружу и займись таким облаколазанием.

Ур рассеянно смотрел в иллюминатор. Вдруг в поредевших облаках мелькнула земля. Снова закрылась. Не успел Ур сообразить, что это за земля, что за страна лежит внизу, как облака раздвинулись, словно занавес, и такой звонкой, такой слепящей ударило в глаза синевой, что на миг он закрыл глаза.

Море!

Ур повернулся к Нонне и увидел, что она не спит.
— Вижу,— сказала она тихо и улыбнулась.

Ур не сразу оторвал взгляд от ее бледного от усталости лица, обрамленного темной полоской волос и пушистой голубоватой шапочкой.

Проснулся Валерий. Он перегнулся через Ноннину плечо, впился взглядом в роскошную средиземноморскую синеву.

— А вот и Кипр,— сказал он. И не без торжественности добавил: — Именно здесь Отелло задушил Дездемону.

— Это все, что ты знаешь о Кипре? — усмехнулась Нонна.

— Почти. Раньше я вообще путал его с Критом.

— Эх, ты,— сказала она тоном первой ученицы, которая, конечно, никогда не путала.

Гористый зеленый остров, затянутый легкой дымкой, лежал перед ними, как бы выгнув спину. Над горами висели реденькие, готовые растаять облака.

— Где-то я читал, что Кипр по-французски — «Шипр», отсюда и пошло название одеколона, — вспомнил Валерий.

И он пустился рассказывать, что еще в древности Кипр славился «душистой мазью» — очищенным топленым свиным салом, смешанным с растертыми цветочными лепестками. Дескать, спирт еще не был изобретен, зато широко было известно свойство очищенного свиного сала хорошо адсорбировать эфирные масла и сохранять запах.

— И что же, — недоверчиво спросила Нонна, — чтобы надуться, надо было натереться свиным салом?

— Представь себе. Говорят, сама Афродита натиралась — и ничего, всем нравилось, как от нее пахнет. Кстати, она здесь и родилась. Вышла из пены морской на берег Кипра.

— Какие обширные познания! — сказала Нонна насмешливо. — Смотрите, готическая церковь на горе. Воон белеет.

— Это, наверное, со времен тамплиеров сохранилось.

— С каких времен? — спросил Ур.

— Был такой рыцарский орден тамплиеров. Они во времена крестовых походов захватили Кипр.

— Ты, я вижу, успел подготовиться, — сказала Нонна. — Энциклопедию небось полистал?

Самолет заходил на посадку. Вот раскинулся вдоль бухты утопающий в зелени город, порт с многочисленными пароходами. Показалась Никозия, потом ушла в сторону, возникли холмы, поросшие темно-зеленым маквисовым кустарником... человек в мохнатой шапке и ишачок с поклажей на тропинке... ушли и холмы, навстречу бежало ровное поле, а вот и бетонная полоса... толчок...

Прилетели. С пальто, перекинутыми через руку, направлялись в здание аэропорта. Солнце пригревало здесь славно.

Формальности, проверка документов. Нонна объяснялась с чиновниками-киприотами по-английски. Валерий с интересом глазел по сторонам, пытался читать греческие надписи на ярких рекламных плакатах. Ур помалкивал, вид у него был мрачноватый.

— Что с тобой? — спросила его Нонна, когда они уселись за столик в ресторане. — Ты чем-то недоволен?

— А с чего быть довольным? — ответил за Ура Валерий. — В город съездить не пускают, сиди тут и жди пересадки. Транзитная жизнь.

Ур слушал, медленно обводя взглядом зал и пеструю транзитную публику, офицеров в неведомой форме, пожилых дам, клюющих носами толстый путеводитель, негра с кофейным лицом. Принесли блюда с ростбифом и какими-то травами. Ур принялся за еду, но вдруг поднял на Нонну печальный взгляд и сказал:

— Знаешь, кто я такой? Невежественная допотопная обезьяна.

Нонна испуганно воззрилась на него, а Валерий, со ртом, набитым мясом, поперхнулся. Оба они напустились на Ура: «Что еще за разговорчик жалкий, вот не ожидали от тебя, да ведь с тобой, с твоими знаниями мало кто сумеет потягаться, а если ты про каких-нибудь тамплиеров не слышал, то и черт с ними...»

Ур слушал, кивал — вроде бы соглашался. Но вид у него веселее не сделался. И даже оранжада, любимого, можно сказать, напитка, он выпил всего два стакана.

Спустя три с лишним часа (уже надоел им здешний аэропорт, и уже во все адреса были отосланы цветные открытки с видами острова) объявили посадку на «каравеллу», выполняющую рейс на Мадагаскар. Посадка была непривычная — с брюха самолета. Улыбающаяся стюардесса проводила их на места второго класса, а другая стюардесса, немыслимо красивая, предложила синие дорожные сумки с надписью «Эр Франс». Ур отказался, а Нонна и Валерий взяли, и у Валерия сердце покатилося куда-то в дальние дали, когда эта красотка наградила его улыбкой.

Потом они поднялись в воздух и полетели в Африку.

Море и земля теперь не были скрыты облачной завесой, и все трое смотрели в иллюминаторы не отрываясь, боясь упустить хоть что-нибудь. Но вид был довольно однообразный, внизу потянулась пустыня, и лишь ненадолго, на какие-то минуты, открылся их взглядам Нил в зеленых берегах.

А потом небо померкло, и темнота сгустилась с такой быстротой, будто вылили черную тушь из гигантского флакона.

— Безобразне! — сказал Валерий, откинувшись в упругую мягкость кресла. — Раз в жизни собрался в Африку, так на тебе — ночной полет. А все почему? Происки империалистов...

— Тихо, тихо, — сказала Нонна. — Придержи язык.

— Хорошо было Ливингстону — шел себе по Африке пешочком, видел все, что хотел...

— Подорвал здоровье, — в тон ему продолжила Нонна, — умер от лихорадки...

— Все мы смертны, — сделал Валерий блестящее обобщение. — Ведь куда мы летим? На Мадагаскар! А я этого не чувствую. Как будто я лечу в обыкновенную командировку в город Астрахань. Перемещение в кресле! Только и разницы, что тут в подлокотнике розетка для электробритвы и кофе подают вместо чая.

— Хватит брюзжать. Утром увидишь Мадагаскар.

— Не хочу я ничего видеть. Как можно летать в темноте? Так и в Килиманджаро врезаться недолго...

Ворча таким образом, он возился в кресле, поудобнее устраиваясь, и вдруг заснул на полуслове.

Нонна тоже задремала. Где-то среди ночи ее разбудил голос стюардессы. Тихонечко, чтобы не разбудить спящих, старшая стюардесса — сперва по-французски, потом по-английски — от имени командира «каравеллы» поздравила бодрствующих пассажиров с пересечением экватора. Ни на кого это не произвело впечатления. А Нонна подумала, что, будь сейчас светло, можно было бы увидеть снежную шапку Килиманджаро. Тут ей показалось, что рука Ура, прикасающаяся к ее локтю, напряглась, странно отвердела. Резко повернув голову, Нонна посмотрела на него.

Однажды она уже видела на лице Ура это ужасное каменное выражение. Господи, подумала она, что у него за приступы? Не вывез ли он какую-то неведомую болезнь с той планеты?..

— ...МЫ НЕ ПОНИМАЕМ ТВОИХ ПОБУЖДЕНИЙ. НЕ ПОНИМАЕМ, ЗАЧЕМ НУЖНА НОВАЯ ПОЕЗДКА. ЗАЧЕМ НУЖНО ДАВАТЬ ИМ НОВОЕ ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ ОНИ МОГУТ ОБРАТИТЬ ПРОТИВ НАС, ПРОТИВ РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ?

— Так получилось, Учитель... Так получилось, что у

меня возникли обязанности. Я просто не мог здесь жить в стороне от их дел. Это невозможно...

— У ТЕБЯ ТОЛЬКО ОДНА ОБЯЗАННОСТЬ. ТЫ ЕЕ ЗНАЕШЬ.

— Да, я знаю. Я выполнял ее, насколько в моих силах...

— ТЫ ВЫПОЛНЯЛ ОБЯЗАННОСТЬ ХОРОШО. НО ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ МЫ ПЕРЕСТАЛИ ТЕБЯ ПОНИМАТЬ. ОТВЕТЬ НА ВОПРОС О НОВОМ ЗНАНИИ.

— Я прошлый раз сообщил о своем проекте. У меня нет уверенности, что он будет осуществлен. Но если будет, то они получат большее количество энергии. Они смогут за несколько десятилетий перестроить свою устаревшую техносферу...

— ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ. ОНИ НАПРАВЯТ НОВУЮ ЭНЕРГИЮ НА ВЫХОД В БОЛЬШОЙ КОСМОС. ПОГИБНУТ РАЗУМНЫЕ МИРЫ. ПОГИБНУТ ТЕ, КТО ТЕБЯ ВОСПИТАЛ И ПРИОБЩИЛ К РАЗУМУ...

— Нет! Они не станут уничтожать разумную жизнь!

— ТЫ САМ ПОДТВЕРДИЛ ИХ ВРОЖДЕННУЮ АГРЕССИВНОСТЬ. ТЫ САМ ПОСТРАДАЛ. ТЕБЕ НАНОСИЛИ УДАРЫ, И ТЫ НАНОСИЛ УДАРЫ. ЭТО МИР, ПОЛНЫЙ НЕНАВИСТИ.

— Это мир, полный противоречий. Да, много ненависти и насилия, но еще больше доброты и человечности...

— Я НЕ ПОНЯЛ.

— Человечность... Как объяснить тебе, Учитель... Это — когда любишь людей и делаешь им добро...

— ЛЮБИТЬ СЕБЕ ПОДОБНЫХ МОЖНО ЛИШЬ НА ОСНОВЕ ОБЩЕГО РАЗУМА. НЕВОЗМОЖНО ЛЮБИТЬ ТЕХ, КТО НЕНАВИДИТ, КТО НАНОСИТ УДАРЫ.

— Да, это так. Это, конечно, так... Но люди умеют любить и ненавидеть одновременно...

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО.

— Мне трудно объяснить, Учитель, как пестра и многообразна здесь жизнь. Людей разъединяют границы, языки, социальное устройство и экономический уклад. Но многое их объединяет. Идеи мира и социальной справедливости объединяют огромные массы. Люди сознают

глобальную опасность, скрытую в ядерном оружии. Это совсем не тот примитивный мир, которого у нас опасаются. Дикарь с атомной дубиной — это образ неправильный!

— ПЕРЕДАЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ОБРАЗ.

— Я не могу с ходу... Впрочем... Может быть, так: юноша с факелом у порога космоса.

— ЮНОША — ЭТО ВОЗРАСТ. ЧТО ОЗНАЧАЕТ ФАКЕЛ? ГОТОВНОСТЬ ПОДЖЕЧЬ?

— Нет. Это факел знания.

— СОМНЕВАЮСЬ В ПРАВИЛЬНОСТИ ОБРАЗА. ФАКЕЛ НЕПОЛНОГО ЗНАНИЯ МОЖЕТ СТАТЬ ЗАПАЛОМ ДЛЯ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ. ТЫ УВЛЕЧЕН ЧАСТНЫМИ ФАКТАМИ, КОТОРЫЕ МЕШАЮТ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ. ТЕБЕ ПОНЯТНО ЭТО?

— Да. Но только...

— КОНЧАЕТСЯ УСЛОВЛЕННЫЙ СРОК. ТЫ ДОЛЖЕН ПРЕКРАТИТЬ СОВМЕСТНУЮ РАБОТУ С НИМИ. ТЫ ДОЛЖЕН ЕЩЕ РАЗ ВСЕ ОБДУМАТЬ И ГОТОВИТЬСЯ К ОТЛЕТУ...

Мадагаскар открылся рано утром — изрезанный зелено-коричневый берег над неправдоподобно синей водой. Всклобленная равнина как бы карабкалась со ступеньки на ступеньку вверх, а дальше начинались горы, подернутые призрачной облачностью.

«Каравелла» прошла над белым, в резких тенях портовым городом и некоторое время летела над ущельем, по которому стекала к Мозамбикскому проливу быстрая река. Мимолетно вспыхнули на солнце зеркальца ее порогов. И вдруг в разрыве облаков ощерился затененным кратером вулкан. Слева заголубело горное озеро. Еще вулканы — целое семейство. Над ними, словно охраняя их вековой сон, простерлись недвижные облака.

Перегнувшись пополам, почти лежа на Уре, Валерий с жадностью смотрел на проплывающий остров.

— Мадагаскар, — бормотал он. — Мадагаскар подмною...

Красавица стюардесса с головокружительной улыбкой тронула его за локоть, указала пальчиком на ремень, на светящееся табло. «Каравелла» шла на посадку. На

высоком плато, круто обрывавшемся в зеленую долину, возникла россыпь островерхих домиков,— должно быть, окраина Антананариве столицы Малагасийской республики. Дымили какие-то трубы. Из буйной зелени тут и там выпирали голые морщинистые скалы.

— На большой, обширной ниве... я вижу Антананариве,— пробормотал Валерий, а стюардесса, удивленно посмотрев на его шею, пошла по проходу дальше.

«Каравелла» мягко тронула круглыми лапами шершавую бетонку, чуть подпрыгнула и побежала к аэропорту, над которым развевались флаги.

Влажная жара охватила путешественников, как только они вышли из самолетного чрева. Здесь было лето в разгаре. Под неодобрительным взглядом Нонны Валерий стянул с себя куртку.

Они шли в толпе пассажиров за аэропортовским чиновником. Из пестрой группки встречающих, отгороженных барьером, им помахал бородач в тропическом шлеме и крикнул:

— Мосье Ур!

Ур недоуменно взглянул на него. В следующий миг он узнал Шамона, оператора подводных съемок из Океана-риума, и, улыбаясь, приветственно поднял руку. Шамон сказал ему что-то по-французски, Ур кивнул.

— Это сотрудник Русто,— сообщил он Нонне и Валерию.— Он приехал за нами и после формальностей увезет нас в Диего-Суарес. «Дидона» стоит там, а Русто чем-то занят, я не совсем понял. Извиняется, что не сумел сам приехать.

После проверки документов и таможенного досмотра нашим путешественникам возвратили паспорта, украшенные свеженькими штампами. Шоколадного цвета носильщики погрузили их багаж на тележку и выкатили ее из здания аэропорта. Тут уже поджидал Шамон.

Спустя еще минут пятнадцать они катили в расхлябанном микроавтобусе, в нутре которого что-то протяжно стонало и дребезжало. Из радиоприемника рвался бешеный джаз. Мальгаш-водитель подсвистывал ему. Шамон что-то говорил, вроде бы по-русски, но было плохо слышно. Он все поглядывал на Нонну и улыбался ей. У него было добродушное широкое лицо в окладе черной и жесткой, будто проволоочной бороды.

Въехали в Антананариве. Замелькали убогие хижи-

ны, свалка, пестрые вывески лавчонок; полуголые коричневые ребятишки с криком гоняли по мостовой тряпичный мяч; шофер высунулся из окошка и неистово на них заорал, ребятишки завопили в ответ. Вдруг на перекрестке полицейский в громадной фуражке, в белой рубашке и шортах мановением руки пустил микроавтобус на широкий, многолюдный проспект, с обеих сторон обсаженный пальмами, и тут пошли дома европейского типа, и опять хлынули пестрые вывески и яркие витрины, и опять Валерий высунулся и крутил головой, жадно вбирая в себя краски, звон и запахи малагасийской столицы.

У Нонны немного кружилась голова от этого мелькания, от нескончаемого джаза. А тут еще Валерий, неугомонное создание, принялся кричать ей в ухо о каких-то пиратах. О каком-то капитане Миссоне и каком-то монахе с итальянской фамилией, которые в семнадцатом веке создали здесь, на берегу Мадагаскара, пиратскую республику Либерталию, и было в этой республике полное братство и никакой частной собственности. Пираты-утописты? Ах, вечно вычитает Валерка несусветное!..

Потом столица осталась позади, и дорога устремилась на север. Пошла горная местность, склоны, поросшие кустарником, похожим на кактусы, дикие нагромождения застывшей лавы, и вдруг за поворотом, в низине, — тропический лес.

Они проезжали по легким мостикам глубокие ущелья, в которых бурлили горные речки. У дорожного указателя с непонятной надписью Шамон велел шоферу свернуть направо. Остановились у опушки леса. Вообще-то на лес это не было похоже. Торчали тут и там из кустарника словно бы пучки гигантских перьев, веера, опахала неведомых великанов. Шамон, ужасно коверкая русские слова, что-то объяснял про эти деревья, но, кроме того, что они называются «равеналия», Нонна не смогла ничего уловить. Валерий уже успел достать новенькую, купленную перед отъездом кинокамеру «Кварц» и зажужжал, прильнув к видоискателю и медленно поворачиваясь.

Лишь потом они узнали, что равеналия, или иначе «дерево путешественников», прежде была одной из характерных особенностей мадагаскарского пейзажа, но теперь почти исчезла. Не только времена меняются — меняются и пейзажи.

— А где лемуры? — спросил Валерий, опустив камеру. — Мосье Шамон, почему не видно лемуров?

Мосье Шамон усмехнулся:

— Лемур — спать. Дормир. Ночья видно. День — но.

— Так надо их разбудить, — сказал Валерий.

Шамон закинул назад голову и жизнерадостно захохотал.

Было далеко за полдень, когда путешественники, изрядно усталые, несколько отупевшие от обилия впечатлений, въехали в Диего-Суарес или, по-мальгашски, Анцирану. Здесь было жарко, гораздо жарче, чем на плато. Кривые улицы с бесконечными лавчонками по сторонам исходили зноем, и тень многочисленных пальм несколько от него не спасала.

Микроавтобус остановился у обшарпанной двухэтажной гостиницы. Пока выгружали чемоданы, в автомобильном нутре что-то продолжало неприятно стонать. Шамон расплатился с шофером и повел приезжих в отель. Тут они были встречены темнолицым портье как желанный божий дар и немедленно препровождены на второй этаж в номера. Шамон попросил их к шести часам по местному времени спуститься в ресторан и, простившись, ушел.

— Какой он милый и любезный! — сказала Нонна, переставляя время на своих часиках. — Ну так, ребята, — мыться и отдыхать. Без четверти шесть постучитесь ко мне.

У себя в номере Валерий был приятно удивлен кондиционером. Аппарат работал слишком громко, но, вероятно, уж таков был мадагаскарский стиль. В комнате зноя не чувствовалось. А за окном пыльная улица, застроенная старыми домами колониального стиля, сбегала вниз, и в конце ее виднелись причал, черный борт торгового судна и нависшая над ним шея порталного крана. Дальше протянулась полоска мола, а за ней синел океан. При мысли о том, что это Индийский океан, Валерий с силой хлопнул себя по бедрам и произнес вслух:

— Ай да Горбачевский!

Он принял душ. Около шести, в любимой белой маечке-полурукавочке со скрещенными синими ракетками на левой стороне груди, в брюках прекрасного цвета беж,

он зашел в соседний номер к Уру. Потом они постучались в Ноннину дверь.

Нонна уже была готова. Она стояла в светленьком искристом костюме перед зеркалом и заканчивала сложный ритуал причёски. Затем она критически оглядела маечку Валерия, черную водолазку и джинсы Ура и решительно сказала, что не пойдет с ними, пока они не оденутся прилично.

— Что? Что такое? — возопил Валерий. — Не стану я надевать галстук в тропиках! Сама видала, здесь почти без штанов ходят, так с какой стати мне выпендриваться?

А Ур сказал, что у него, кроме того, что на нем, есть только зимний костюм, который он, разумеется, не надеет, и одна рубашка. Нонна, однако, твердо стояла на своем, и пришлось идти переодеваться.

Минут через десять они спускались по лестнице, усталой потертым красным ковром. Ур сменил водолазку на кремовую рубашу с погончиками, а Валерий шел в темно-сером костюме, демонстративно крутил шеей, обвязанной ярким, в колечках галстуком, и ворчливо рассказывал Уру — но так, чтобы и Нонна слышала, — как правы были комсомольцы двадцатых годов, когда отвергали галстук как символ буржуазного благополучия. Он даже припомнил пьесу тех времен под названием «Галстук» — читать он ее не читал, но слышал от тети Сони, что была такая пьеса, в которой товарищи высмеивали комсомольца, упрямо носившего галстук, а потом ему досталась винтовка без ремня, и он вместо ремня приспособил галстук, найдя этому пошлому предмету правильное применение...

— Хватит, хватит, — сказала Нонна. И добавила, усмехнувшись: — Теперь я знаю, откуда пошла твоя манера: от Костюкова.

Войдя в зал ресторана, они остановились. В табачном дыму плыли столики, потные, красные лица, салфетки, бутылки. Полированный ящик у стойки извергал громохочущую музыку.

Тут они увидели невысокого человека с сухим горбоносым лицом, энергично пробиравшегося к ним между столиков. На нем была светло-зеленая рубашка и шорты такого же цвета.

— А вот и Русто, — сказал Ур, широко улыбаясь.

Валерий язвительно шепнул Нонне:

— До чего неприлично одет! Ай-яй-яй...

Доктор Русто, склонив воинственный седой хохолок, поцеловал Нонне руку и сказал по-французски, что счастлив видеть очаровательную мадемуазель Селезнёфф. Затем он обнял Ура и похлопал его по спине. Валерию крепко пожал руку и, столь же старательно, сколь и любезно, повторил вслед за ним фамилию:

— Гор-ба-шез. Трез агреабльман¹.

И он повел их в угол, где за сдвинутыми столиками сидел экипаж «Дидоны», навстречу улыбкам и картавому говору, и принялся представлять всех подряд, а бородач Шамон, смешно произнося русские слова, переводил. Впрочем, тут же выяснилось, что Нонна говорит по-английски, а Валерий с грехом пополам понимает, и тогда Русто перешел на английский.

— Пьер Мальбранш,— назвал он, и над столиком воздвиглась высокая и гибкая фигура молодого человека с резко очерченным костистым лицом и каштановыми кудрями до плеч.— Мой помощник и штурман. А это Мюло,—представлял он дальше, и дочерна обожженный солнцем дядька с тонким носом и водянистыми глазами оторвался от стакана красного вина и, ухмыльнувшись, подмигнул Нонне.— Мюло — механик «Дидоны», неустрашимое и болтливое дитя Прованса, прожигатель жизни и поджигатель подшипников. А это наш боцман Жорж,— продолжал Русто, и ладно сложенный креол в белом костюме почтительно наклонил курчавую голову.— Он родился недалеко отсюда, на Майотте, и мечтает вернуться туда и обзавестись гаремом, но ничего из этого не выйдет, потому что я отпущу Жоржа, только когда перестану плавать, а плавать я никогда не перестану. Франсуа Бертолио,— назвал он следующее имя, и тотчас вскочил юноша с улыбчивым открытым лицом, с большим родимым пятном на левой щеке, с длинными волосами соломенного цвета.— С его дядюшкой, Ур, вы хорошо знакомы — я имею в виду Жана-Мари, библиотекаря Океанариума. Франсуа ловил счастье в Париже, но найдет его, как я надеюсь, в океане. Это его первый рейс, и он будет помогать нам в лаборатории. Люсьена Шамона вы уже знаете. Здесь недостает Армана Лакруа,

¹ Очень приятно (франц.).

величайшего из ныряльщиков, зрителя Океанариума,— Ур, его вы знаете тоже. Арман остался на «Дидоне», потому что должен же кто-то оставаться на судне, когда команда на берегу. Кроме него, на судне моторист Фрето, хотя, как мне кажется, ему следовало быть здесь, а нашему другу Мюло — в машинном отделении, но, увы, Мюло просто не умеет оставаться на судне, если оно стоит в порту. Еще матрос, нанятый мною здесь, он должен явиться на борт завтра, перед отплытием,— и вот, дорогие друзья из России, весь экипаж «Дидоны». А теперь,— Русто поднял свой стакан,— мы выпьем за самого очаровательного из всех океанологов, каких мне только доводилось видеть,— за мадемуазель Селезнёфф.

— Вив! — дружно крикнул экипаж.

Раскрасневшаяся Нонна поблагодарила — мерси, мерси боку — и отпила из фужера необыкновенно вкусного вина, и тут же на ее тарелке выросла гора салата, и была придвинута еще тарелка с рыбным блюдом необычного вида, и чашка с пряным напитком, и Нонна счастливо засмеялась и принялась за еду. Русто сразу завел с Уром спор о методике предстоящих измерений, они перебивали друг друга и чертили на бумажных салфетках схемы.

Затем Русто предложил тост за Ура, немного погодя — за «мосье Горбашез», и еще дважды прозвучало дружное «вив». Шамон кинул монету в музыкальный ящик и увел Нонну танцевать. Валерий снял пиджак и повесил на спинку стула, оттянул галстук и завел разговор с Мюло. Потом пошел танцевать с Нонной Мальбранш, а рядом с Валерием очутился Шамон, и они выпили еще по стакану. Валерий спросил, где Шамон учился русскому языку. Оказалось, что тот женат на внучке русского эмигранта и от нее немного научился говорить по-русски, и ему нравится этот язык, а особенно песни.

Мюло, хитроносый механик, сидел по другую сторону от Валерия. Он налил Валерию вина, и они выпили, подмигнув друг другу, и Мюло рассказал какую-то историю, а Шамон кое-как перевел. Это был старый провансальский анекдот. Мариус говорит Оливье: «Хочешь, я тебя представлю своей приятельнице, она исключительная красавица». — «Хочу», — отвечает Оливье. Мариус представил его. Теперь Оливье обращается к Мариусу: «Раз решите мне потанцевать с вашей прекрасной дамой».

А красавица и говорит: «Надо бы у меня спросить». А Мариус говорит красавице: «Ты, гусыня, помолчи, когда два дворянина разговаривают».

Валерий захохотал. Шамон, сдвинув брови, воззрился на Мюло и спросил, к чему тот, собственно, вспомнил этот глупый анекдот. Провансалец принялся его уверять, что рассказал это без всякой задней мысли, просто вспомнилось, а что тут такого? Шамон махнул рукой и ушел танцевать с Нонной, которая только что вернулась с Мальбраншем с танцевального пятачка.

Мюло дернул Валерия за рукав, и они еще выпили, а потом Валерий обнаружил, что сидит с Мюло в обнимку и старательно подтягивает провансальцу, поющему какую-то песню. Ему было чертовски весело.

Потом Валерий очутился на улице, под яркими звездами. Он помнил, что долго прощался со всеми, пожимал руки и говорил: «Трез агреабльман».

Утром его разбудил солнечный луч, невежливо пощекотавший в носу. Валерий встал со смутным беспокойством от того, что позволил себе вчера лишнего, и пошел под душ. Потом появился Ур, и они постучались к Нонне. Валерий вошел к ней, заранее приготовляясь к отпору. К его удивлению, обошлось без нотаций. Нонна стояла у окна, обведенная солнечным контуром, и улыбка ее — странное дело! — показалась Валерию смущенной.

— Из нас троих,— сказала Нонна,— вчера только Ур сохранил ясную голову.

Валерий хотел тут же предложить, чтобы Ур стал вместо Нонны старшим в группе, но промолчал, подумав, что Ур все-таки... ну, некоторым образом прищелец...

— Они чудные ребята,— продолжала Нонна,— с ними просто и весело. Но много пьют, особенно этот механик...

— Ясно, ясно, мадемуазель Селезнёфф,— сказал Валерий.— Учтем это дело и перейдем к следующему.

— Да, Валера, очень прошу тебя учесть. Договорились? Теперь так: мы перебираемся сегодня на «Дидону» и отплываем на эти острова...

— Какие острова?

— Ты разве не слышал, что говорил вчера Русто? Он хочет показать нам Коморские острова. Говорит, было бы жестоко не показать такую красоту. Кроме того, насколько я поняла, он хочет повидаться там со своим ста-

рым другом, ихтиологом по фамилии Ту... Нет, забыла... Ну вот. Вчера «Дидона» прошла размагничивание, сегодня погрузка, потом отплываем на Коморы. А через два дня уйдем в океан. Такова программа.

Внизу, в баре, они сели на высокие табуреты перед стойкой. Нонна и Валерий выпили кофе, а Ур — три бокала сока манго. Тут и разыскал их Франсуа Бертолио, посланный за ними.

Франсуа был не только услужливым, но и расторопным мальчиком. Поймал такси, вихрем взлетел по лестнице за багажом.

Приехали в порт. И — вот она, «Дидона». Чистенький белый корпус, изящная надстройка, солидные кран-балки и лебедки на низкой корме. Грузовая стрела поднимала с причала ящики и опускала в трюм, и было слышно, как распоряжался, кричал что-то грузчикам маленький смуглый боцман Жорж, работавший у лебедки стрелы.

«Коробочка тонн на четыреста», — подумал Валерий, окинув судно опытным глазом. А вслух сказал, торжественно протянув руку:

— Привет тебе, «Дидона», сестра «Севрюги» нашей!

— Что-то тебя на стихи тянет, — заметила Нонна.

Стали вытаскивать чемоданы из багажника машины, и тут произошло неожиданное. Еще минуту назад грузчики на причале мирно стропили ящики, как вдруг у них началась драка. Двое мальгашей в грязных белых шортах кинулись, остервенело крича, за малым в черном берете и комбинезоне. Догнали. Замелькали кулаки. Взметывая пыль, клубок сцепившихся тел подкатился прямо Уру под ноги. Тот наклонился, пытаясь разнять, в следующий миг и он очутился на земле. Валерий и Франсуа бросились к нему, но Ур уже и сам вскочил на ноги и растерянно рылся в карманах. Франсуа закричал на драчунов, малый в берете метнулся в сторону и скрылся за углом пакгауза, а мальгаши в шортах, ругаясь, вернулись к ящикам. С борта «Дидоны» сбежал к ним боцман Жорж, и они громко заговорили, жестикулируя.

— Ничего, ничего... — сказал Ур обеспокоенным Нонне и Валерию. — Просто с ног сбили... Почему они подрались?

Франсуа, тоже очень взволнованный, счищал пыль со спины Ура. Прибежал Шамон, сошел с «Дидоны» и сам Русто.

Происшествие объяснилось просто. В порту вечно толклись безработные докеры, они ссорились между собой, перехватывали друг у друга погрузочные работы,— как видно, и те трое сводили старые счета.

— Сожалею, Ур,— сказал Русто.— И прошу ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в драки — я уже знаю эту вашу особенность. Мадемуазель, мосье, милости прошу на борт «Дидоны». Каюты для вас приготовлены. Люсьен покажет вам лабораторию. Меня же прошу извинить: счета, финансы, бумаги — увы, без всего этого не выйдешь в океан...

Каюты — крохотная одноместная для Нонны и двухместная для Ура и Валерия — оказались уютными, с деревянными панелями, с умывальниками и шкафчиками. Но лучше всего была корабельная лаборатория — длинное помещение со столами для карт и приборов. А приборов здесь было множество — термограф и батометры Нансена, драга и дночерпатели, магнитометры разных систем, эхолот и репитер гирокомпаса и другие нужные для работы в море устройства. Они занимали почти все пространство лаборатории, оставляя для людей только узкие проходы.

Жарко было в лаборатории. По крутому трапу поднялись на шлюпочную палубу, которую здесь называли на английский манер бот-деком. Мальбранш в белом берете высунулся из окошка рубки и с улыбкой отдал честь. Подошел здоровяк Арман Лакруа, великий ныряльщик, сдержанно поздоровался.

А механик Мюло вылез из люка машинного отделения, на нем были фиолетовые трусы, и он, подмигнув Валерию, спустил за борт ведро на веревке, зачерпнул воды и тут же, на палубе, окатил себя с головы до ног, после чего снова скрылся в люке.

И только в третьем часу дня, покончив с береговыми делами, «Дидона» оторвалась от стенки причала и малым ходом пошла к выходу из гавани. Стоя чаек устремилась за ней.

Глава шестая

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

На берегу ничего не забыли, а?
Тогда свистать всех наверх! Пускай
выстроятся здесь, на шканцах, будь
они прокляты!

Г. Мелвилл, Моби Дик

Нонна медленно плыла, опустив голову в маску в воду и пошевеливая ластами. Вода была теплая и прозрачная, и в ней цвели роскошные, сказочно многоцветные коралловые сады. Тут и там среди нагромождений кораллов темнели подводные гроты, колыхались пышные водоросли, стаями и в одиночку ходили невиданные рыбы.

Теперь Нонна плыла над внутренним склоном кораллового барьера. Никогда бы не отважилась она заплывать так далеко от берега, если бы не Русто. Он все время держался рядом, вселяя в Нонну спокойное чувство безопасности.

А внизу кипела жизнь. Вон плывет кто-то с желтыми баллонами акваланга за спиной и ружьем для подводной стрельбы на изготовку, и тень от него скользит по светлому дну. Кто это — Ур или Валерий? А вот появился у подножия барьера Шамон, его легко узнать по «аквафлексу» — кинокамере для подводных съемок, похожей на маленький самолет. Кого или что он снимает? Нонна повисла над ним, раскинув руки. Не эту ли забавную рыбу с длинной ниткой на спине снимает Шамон? Или, может, ту уродину, толстую тушу с щетинистым рылом, которая пасется в водорослях? А это кто? Кажется, Валерий. Ну да, бородака мелькнула. Ах, он тянет рыбу на гарпуне, подстрелил-таки... Мальчишка неугомонный. Все они становятся как мальчишки, когда дорываются до воды и аквалангов.

Нонна поплыла дальше и вдруг увидела довольно широкий проход в коралловом барьере. Там сгушалась синева, и Нонна на миг ощутила страх при мысли о бездонной глубине, которая начинается за барьером. Внизу — она отчетливо видела в прозрачной светло-зеленой воде — плыл Ур. Нонна остановилась, чтобы посмотреть, за кем он охотится. Вот он выстрелил — из ружья выле-

тел гарпун, вытягивая за собой льня. Ни в кого не попал! И тут из синевы прохода выплыла длинная серая тень...

Еще ничего не случилось, еще не успела Нонна осознать, что Ур продолжает по инерции приближаться к проходу, а предчувствие беды уже охватило ее. Она с трудом удержала крик ужаса, едва не выпустив из рта загубник трубки. Акула медленно, как бы приглядываясь, плывала в коралловый сад. Ур теперь остановился. Заметил, конечно. Кажется, он находился выше акулы. Кто-то с длинным ножом в руке подплыл к нему и оттолкнул, да, оттолкнул назад. Теперь Нонна отчетливо видела тупые глазки акулы, ее треугольный спинной плавник. Русто был рядом, он потянул Нонну за руку, но она отняла руку, она была как во сне. И в дурном этом сне там, внизу, человек с ножом — теперь она узнала в нем Армана Лакруа — надвигался, страшно медленно надвигался на серую тварь... Вдруг — удар хвостом, гибкое тело изогнулось в повороте... в следующий миг акула устремилась обратно в океанскую синь...

Позднее, когда все вылезли наконец из воды и сидели на веранде бунгало в соломенных креслах, Нонна спросила, а Шамон перевел вопрос на французский:

— Почему она отступила? Разве акулы боятся человека?

— Нет, — усмехнулся Арман. — Они не боятся нас. Но иногда их можно озадачить.

— То есть как?

Арман пожал борцовскими плечами. Что он мог сказать? Никогда ведь не знаешь, как поведет себя акула, сыта она или голодна, очень или не очень агрессивна... На какую нарвешься...

Вместо него ответил Русто:

— Арман никого не боится в море, кроме касаток. И акулы, я думаю, чувствуют это.

— Боится Арман или не боится, это мы увидим, когда я проявлю пленку, — сказал Шамон. — По лицу его увидим.

— А ты снял эту встречу? — спросил Русто.

— Да. Правда, камера прыгала у меня в руках, но что-то, надеюсь, получилось.

Валерий выдвинул одно из кресел из тени кокосовой пальмы на солнце и уселся, вытянув ноги и блаженно шурясь.

— Хлебом меня не корми,— заявил он,— а дай позарогать в декабре.— И добавил сонным голосом: — Увидел бы меня сейчас друг Рустам — непременно умер бы на месте от зависти...

Раздвинув тростниковые шторы, завешивающие дверной проем, вышел из дома на веранду Гийом Турильер, хозяин бунгало. Шел он трудно, со стуком ставя протез и медленно перенося на него тяжесть тела. Ур придвинул ему кресло.

— Спасибо, мосье.— Турильер сел и принялся одной рукой набивать трубку рыжим табаком. Ловко он делал это. Вторая рука в черной перчатке неподвижно лежала на колене.— Я слышал, вы чуть не угодили в пасть Лизетте? — спросил он.

— Лизетта — это любимая акула Гийома,— пояснил Русто, усмехаясь.— Он до сих пор не может ей простить того, что она однажды позавтракала его ногой.

— Да, мосье, мы с ней чуть не столкнулись носами,— сказал Ур, прислонившись к столбику веранды.— Спасибо Арману. Я ведь даже не сразу сообразил, что это акула.

— Много было у меня врагов,— сказал Турильер,— и не до всех мне удалось добраться, но до Лизетты я доберусь...— Он добавил замысловатое французское ругательство и, спохватившись, извинился перед Нонной.— Вы тут настреляли столько рыбы,— продолжал он, обволакиваясь табачным дымом,— что мой Жан-Батист еле управляется на кухне. Впрочем, он теперь разрывается между кухней и политикой. Вчера полдня митинговал в Морони — решал вопрос, не отделить ли Коморские острова от Франции.

Ур с интересом смотрел на Турильера. Со слов Русто он знал, что этот искалеченный человек прожил бурную жизнь.

Внук коммунара, сто лет назад сосланного на Новую Каледонию и там женившегося на полинезийке, сын моряка, впоследствии хозяина рыбной лавчонки, Гийом Турильер родился на Таити. Он помогал отцу в лавке, а потом сбежал от тяжелой его руки, от вечной рыбной воли, нанялся юнгой на шхуну-копровоз. Был много и нещадно бит, и однажды негодяй шкипер проломил ему нос. Плавал Гийом гарпунером на китобойце, возил контрабанду в Пондишери, сидел в сингапурской тюрь-

ме, пытал счастье в ловле жемчуга на Туамоту. Там же, на архипелаге, нанялся в ихтиологическую экспедицию и свел знакомство с молодым Русто, помогал ему испытывать новый аппарат для подводного дыхания. Превосходный навык ныряльщика и практическое знание океана и его обитателей сделали Турильера незаменимым сотрудником экспедиции. К этому времени умер его отец на Танти, в приливе запоздалой нежности завещав блудному сыночку убогую свою рыботорговлю. Турильер продал лавку и, без особого сопротивления поддавшись уговорам Русто, уехал во Францию. Некоторое время он изучал в Сорбонне зоологию. Женился на дочери антиквара, романтической девушке, без памяти влюбившейся в «ловца жемчуга», «коричневого флибустьера», или как там еще она его называла, и все бы пошло хорошо у молодого ихтиолога, если б не война. В июне 1940 года, когда немецкие танковые дивизии устремились к Парижу и развалился фронт, Турильер попал в плен, но сумел бежать. После долгих скитаний он очутился в Алжире. В 43-м в составе французского африканского корпуса сражался в Тунисе. В 44-м высадился в Нормандии. В январе 45-го в Арденнах взрывом немецкой гранаты ему оторвало руку. В погонах капрала, с пустым рукавом, с нашивками за ранения Турильер возвратился в Париж — и убедился, что никто его здесь не ждал. Жена его была теперь женой юриста, делавшего политическую карьеру. Турильер опять уехал в южные моря. На Мадагаскаре он снова встретился с Русто и много лет подряд плавал с ним в качестве ихтиолога. Потом купил на острове Гранд-Комор клочок земли, построил бунгало и вот уже восемнадцать лет безвыездно жил здесь, зарабатывая поставкой редких пород рыб в частные аквариумы Европы и Америки...

— Не собираешься ли, Гийом, стать первым президентом Коморской республики? — спросил, посмеиваясь, Русто.

— Ни первым, ни последним,— прохрипел Турильер.— С меня хватит вашей проклятой суеты. Все тлен, все прах, дорогой мой Жюль. Мне, кроме покоя, ничего от жизни не надо.

Ур задумчиво смотрел на его коричневое лицо со шрамом на щеке, с проломленным носом, с раскосыми глазами под гривой седых волос. Потом перевел взгляд

на пальмовую рощицу, начинавшуюся сразу за бунгало, на заросли акаций и дынных деревьев, за которыми уходил вверх по склону горы лес, настоящие джунгли с гигантскими папоротниками и хвощами — древнейшими растениями Земли. Выше лесной полосы гора была покрыта кустарником, но тут и там виднелись серо-черные обнаженные места, прорезанные глубокими морщинами, — лавовые поля, как объяснил Русто. Еще выше гора уходила в серое облако, в шапку дымных испарений, веч-но окутывающих верхушку.

— Мосье Турильер, — сказал Ур, — если вы так дорожите покоем, то почему же поселились на склоне вулкана?

Турильер повернул к нему голову.

— Картала ведет себя смиренно, — сказал он.

— Но ведь она — действующий вулкан и может в любую минуту...

— Может, — хохотнул Турильер. — А разве, мосье, не на вулкане обосновалась вся эта штука, именуемая жизнью? Вы, как я слышал, повидали такое, чего ни один человек не видел. Уж вы-то, мосье, должны бы знать, как случайна и ненадежна жизнь во Вселенной. Или, может, Вселенная набита разумной жизнью, как мои аквариумы — рыбой?

— Нет, — сказал Ур. — Не знаю, как Вселенная, а в нашей Галактике разумная жизнь сравнительно редка.

— Вы говорите — редка, а я говорю — случайна. Так не лучше ли перестать притворяться, что мы — венец создания? Не лучше ли играть в открытую: вот я, а вот вулкан? — Турильер опять извергнул хриплый смешок. — По мне так лучше, мосье.

Нонна внимательно слушала этот разговор, шедший по-английски.

— Странно вы рассуждаете, — обратилась она к Турильеру. — Жизнь — не игра, и жизнь не случайна, она возникла в закономерном ходе эволюции — это знает любой школьник, во всяком случае, у нас... Человек во-все не беззащитен перед природой, наоборот — он активно воздействует на нее...

— Зачем? Простите, мадемуазель, что прервал вас, но для чего это нужно — воздействовать на природу?

— То есть как — для чего? — Нонна выглядела несколько растерянной. — Если бы человечество рассу-ж-

дало, как вы, люди до сих пор жили бы в пещерах и носили звериные шкуры...

— И это было бы куда разумнее, чем вступать с природой во враждебные отношения. Посмотрите, что мы с ней сделали. Мы отравили ее дымом и химикалиями, загадили нефтью и отбросами, задушили бетоном. Не думайте, милая моя мадемуазель, что природа будет терпеть такое надругательство вечно. В один прекрасный день она взбунтуется.

— Идеализм какой-то! — воскликнула Нонна, порозовев. — Природа была враждебна первобытному, а не современному человеку. В нашем веке человек близок к полному господству над природой. Это процесс сложный, противоречивый, и загрязнение среды оказалось некоторым образом неизбежным следствием. Но что же делать? Цивилизация — процесс необратимый. Выход только один — предотвратить дальнейшее загрязнение, постараться встать с природой в гармонические отношения.

— Никогда этого не будет.

— Будет! Непременно будет... Уже существует, к вашему сведению, проект такой выработки энергии, которая сделает ненужным сжигание ископаемого топлива...

Нонна вдруг замолчала, с ужасом уставившись на столбик веранды, у которого стоял Ур.

— Что это? — спросила она, указывая на животное величиной с кошку.

Обняв столб как раз над головой Ура лапками, похожими на щипцы, и длинным чешуйчатым хвостом, это отвратительное создание выставило рыльце с какими-то наростами и смотрело круглыми глазами на людей.

Ур отпрянул от столба. Животное перевернулось головой вниз и поползло по столбику. Валерий бросился его ловить.

— Не смей! — содрогнулась Нонна. — Укусит!

Шамон засмеялся:

— Это... как это... утром один цвет, вечер — другой...

— Хамелеон! — догадался Валерий, с сожалением глядя на кусты под верандой, в которых исчезло уродливое животное. — Так вот он какой... красавчик... А смотрел-то как! Прямо соглядатай. По-моему, они не опасны.

— Они не приносят вреда человеку, — сказал Турильер. — Но туземцы их боятся. Они уверены, что тот, кто поймает хамелеона, умрет в этом же году.

— Предрассудки,— сказала Нонна. И добавила, помолчав немного: — Все равно, не смей их ловить.

— Вы этого старого скептика не переубедите, Нонна,— сказал Русто.— Пусть он наслаждается покоем, сидючи на вулкане. О каком это проекте вы упомянули? Уж не о странной ли идее нашего друга Ура об извлечении электричества из токов океанских течений? Помнится, он вел в Санта-Монике смутные речи... Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить. Гийом, ты решил сегодня уморить нас голодом?

— Это я виноват, доктор Русто,— раздался высокий певучий голос.— Очень много рыбы.

Подвижной седоватый слуга вынес на веранду огромный поднос, уставленный кастрюлями, бокалами с кокосовым молоком. Он быстро расставил все это на столе. Над грубыми глиняными тарелками поплыл головокружительно пряный дух.

К вечеру морской бриз умерил влажную жару коморского дня. Начался отлив. Вода уходила из бухты, с ревом разбиваясь о коралловый барьер и взметывая белые гребни.

— Ничего себе отлив,— сказал Валерий.— Тут не успеешь почесаться, как тебя вынесет через проход в открытый океан. Как бы нашу «Дидону» не унесло.

«Дидона» стояла на якоре на внешнем рейде, еще там стояло несколько промысловых судов.

Группа островков за рейдом будто приблизилась, четче обозначилась на вечерющем небе. А дальние острова — скопища потухших вулканов — подернулись розовым туманом.

Уже некоторое время из соседнего селения, скрытого прибрежным лесом, доносились звуки барабана. Теперь они усилились. Турильер очнулся от послеобеденной дремоты. Прислушавшись к барабанам, сказал, что в селении празднуют свадьбу.

— А можно пойти туда? — спросила Нонна.

Решили идти лесом, чтобы заодно посмотреть, как пробуждаются от дневной спячки лемуры.

Сумеречно было в лесу. Раздвигая лианы, свисающие тут и там с ветвей деревьев, путники медленно продвигались следом за Турильером. Вскоре набрали на целую

стаю лемуру. Пушистые длинноухие зверьки прыгали с ветки на ветку, тихонько вереща и не обращая внимания на людей. Один сидел, свесив хвост, и быстро сжевывал веточку с листьями, придерживая ее передними лапками. Другой висел вниз головой, зацепившись хвостом за сук.

— Какие они маленькие! — удивленно сказала Нонна. — Чуть больше белки. А я-то думала, что они не меньше обезьян.

— Не торопитесь, мадемуазель, — прохрипел Турильер, припадая на протез. — Еще попадутся экземпляры покрупнее.

И он пустился рассказывать о том, что в отряде приматов лемуры — самый древний подотряд: они существовали уже в начале третичного периода, семьдесят миллионов лет назад, когда обезьян и в помине еще не было. И о «мосте» — полосе суши, связывавшей некогда Мадагаскар с Африканским континентом, от которой остались теперь только островные архипелаги, и о Древней Лемурии, которую поглотил океан.

Потрескивал кустарник под ногами. Сгущалась темнота. Запрыгали лучики карманных фонариков, которыми Турильер заранее снабдил своих гостей. Ближе, ближе стучали свадебные барабаны.

Нонна вздрогнула от резкого крика, раздавшегося где-то наверху. Враз взметнулись лучи — в их свете возник красновато-черный лемур почти метрового роста. Он сидел на ветке, жутковато светились его немигающие пристальные глаза, уши стояли торчком. В следующий момент лемур прыгнул на ветку повыше, и путники увидели, что на его брюхе висит, вцепившись лапками, детеныш цветом посветлее.

— Это самка! — в восторге воскликнула Нонна. — А какой лемурчик чудный!

— Лемурчик как огурчик, — пробормотал Валерий, стрекоча кинокамерой. — Вот только света мало. Может, ты поснимаешь, Люсьен? — протянул он камеру Шамону. — У тебя железно получится.

— Тихо, — сказал Турильер.

Уже несколько минут он прислушивался к шорохам, к торопливым каким-то шагам в лесу. Посветил в ту сторону, но, кроме шершавых стволов и кустарника, ничего не увидел. Потом он обвел лучом фонарика ноги своих спутников.

— Нас четверо,— сказал Турильер.— А было пятеро. Кого-то нет.

Не было Ура.

Кричали долго, отчаянно. Нонна сорвала голос. Проклинала себя: увлеклась интересным разговором, уши развесила... забыла, что за Уром, как за ребенком, надо приглядывать...

— Опасных для человека зверей на Коморах нет,— в десятый раз повторил Турильер.— Вот что,— сказал он немного погодя,— хватит кричать. Идите-ка втроем обратно до самого бунгало и смотрите в оба. А я потопая за вами.

Шли скорым шагом. Во всем этом — в верещании лемурув и в хлопанье крыльев огромных летучих мышей, взбудораженных криками, в нервной пляске фонариков, общаривавших лес по обе стороны тропинки, во всей этой душной ночи было нечто фантастическое. Будто все это не с тобой происходит, не наяву.

Не улетел ли он на своей лодке, про которую рассказывают, что она будто бы сваливается прямо-таки ему на голову при мысленном зове?.. Мог ли он так поступить — без предупреждения, без прощания?.. Мог, мог! Было ведь уже однажды...

Они вышли из лесу. На веранде бунгало горел свет, там сидел кто-то... Нет, не Ур... Доктор Русто и Арман давно ушли на шлюпке на «Дидону»... Ах, это слуга Турильера...

— Жан-Батист! — окликнул его Шамон, ускоря шаг.

Старый слуга трудолюбиво одолевал передовицу в «Монд» трехнедельной давности. Он поднял седоватую курчавую голову.

— Жан-Батист, ты один дома? — крикнул Шамон.

— Нет, мосье,— сказал слуга.— Еще дома господин, которого чуть не съела Лизетта.

— Уф-ф...— Шамон устало опустил на ступеньку веранды.

— Господин недавно пришел. Кушать не хотел, пить не хотел. Сразу пошел к себе в комнату,— сказал Жан-Батист.

Небольшой холл был слабо освещен лампочкой. Свет в доме вообще был тускловат, давала его батарея аккумуляторов, нуждавшаяся, как видно, в зарядке. Скрипе-

ли половицы, устланные пестрыми циновками. Нонна толкнула дверь в комнату Ура. Там было темно.

— Ур! — позвала она, чувствуя, что сердце колотится где-то у горла.

— Что? — ответил из темноты спокойный голос.

Валерий нашарил выключатель, зажег свет. Ур лежал на кровати, закинув руки за голову. В комнате было душно, окно задернуто тяжелой шторой, сплетенной из тростника.

— С ума ты сошел? — накинулся на Ура Валерий. — Шел с нами и вдруг исчез. Не мог сказать по-человечески, что решил вернуться? Что за фокусы, черт дерн, ты выкидываешь?!

— Перестань, — сказала ему Нонна.

— Что — перестань? — озлился Валерий. — У них на планете, может, принято исчезать в лесу и заставлять людей бегать, как борзых, а у нас не принято. Не принято, понятно? — гаркнул он на Ура. — А, ну вас! — махнул он рукой и вышел.

Было слышно, как на веранде он сказал Шамону:

— Такие дела, друг Люсьен. Хоть стой, хоть падай, как говорили в Древнем Шумере...

Ур был очень расстроен. Он сидел сгорбившись, уронив большие руки между колен и глядя остановившимся взглядом в угол комнаты, где стояли стеклянные кубы аквариумов на грубо сколоченных подставках. Нонна села на табуретку.

— У тебя опять был приступ? — спросила она.

— Нет...

— Почему же ты вернулся с полпути?

Ур пожал плечами.

Там, в лесу, его внезапно охватило ощущение засады. Почудились ли ему шаги где-то сбоку, чье-то тайное присутствие? Может, и почудилось. Но этот щелчок... Слабый щелчок и мгновенный, еле различимый свист чего-то пролетевшего мимо — неужели и это померещилось ему? Он вскинул фонарик. Там, где свет его иссякал, погружаясь в ночную темень, колыхались кусты. И будто бы удаляющиеся быстрые шаги... Что это было? Игра воображения? Возня лемуров? Он стоял некоторое время, прислушиваясь. Четыре прыгающих светлячка — фонарики его спутников — удалялись. Тревога не отпускала Ура. И он погасил свой фонарик и пошел, все ускоряя шаг

и напряженно вглядываясь в тропинку, едва белевшую во тьме. Ни о чем больше не думая, пошел обратно. Он слышал крики. Звали его, Ура. Но голос внутренней тревоги все заглушал и гнал его поскорее из лесу...

Обо всем этом, однако, он не мог рассказать даже Нонне.

— Ур,— сказала она,— я просто не могу видеть тебя таким мрачным. Иногда мне кажется, что ты болен... не могу понять, что с тобой происходит... Тебе плохо с нами?

— Нет.— Теперь его взгляд прояснился.— Но я вам только мешаю. Я ведь вижу... тебе приятно и весело с Шамоном, а я только порчу тебе настроение.

— При чем тут Шамон? — изумилась Нонна.

— Он танцует с тобой... ухаживает...

— Ур! И это говоришь мне ты? Ты?..

— Кто же еще? — ответил он с обычной своей добросовестностью.— Здесь никого больше нет.

Нонна наклонилась, спрятала вспыхнувшее лицо в ладони. Господи, он ревнует! Вдруг она поднялась, будто подброшенная приливной коморской волной. Ур тоже встал. Высоко поднятые брови придавали его лицу страдальческое выражение.

— Кажется, придется выяснить отношения,— сказала Нонна, глядя ему прямо в глаза.— Ну вот... как, по-моему, я к тебе отношусь?

— Ты относилась ко мне очень хорошо. И в Москве и раньше. А теперь я не знаю, как ты ко мне относишься. По-моему, тебе со мной скучно, потому что...

— У вас на Эире все такие? — прервала его Нонна.— Ты ребенок, Ур. Надо быть таким набитым дураком, таким олухом, как ты, чтобы не видеть... чтобы не видеть, что я тебя люблю.

— Нонна! — вскричал он.

— Что «Нонна»? Что «Нонна»? — лихорадочно продолжала она, стискивая руки.— Мучение ты мое! Не должна, не должна — понимаешь ты это? — не должна женщина первой признаваться в любви, не должна даже тогда, когда перед ней бесчувственный чурбан...

— Нонна...— Ур шагнул к ней, осторожно взял за плечи, глаза у него сняли.— Еще, еще ругай меня.

Она заколотила кулаками по его груди.

— Надо быть человеком, понимаешь ты это? Челове-

ком, а не пришельцем безмозглым, не истуканом месопотамским...

— Буду, буду человеком...

— Я хотела умереть, когда на тебя полезла акула... Ох-х! — Нонна взяла его руку, прижала к мокрой от слез щеке.

Утром за ними пришла шлюпка с «Дидоны».

Турильер спустился на белый полумесяц пляжа, чтобы проводить гостей. С галантностью, никак не вязавшейся с его обликом, он коснулся губами Нонниной руки.

— Было очень приятно, мадемуазель, спорить с вами, — прохрипел он. — Счастливого плавания.

— А вам, мосье Гийом, желаю покоя и удачи в ваших делах.

— Удачи? Нет, мадемуазель, удачи мне не желайте. Я давно уже уговорился с самим собой, что не буду ждать удачи: на такое ожидание не хватит жизни. Лучше пожелайте мне добраться до Лизетты.

— От души желаю!

Нонна смотрела на удаляющийся берег с одинокой фигурой на пляже. «Прощай, Гранд-Комор, — думала она. — Прощай, бунгало под пальмами, прощай, человек, живущий на вулкане. Вряд ли придется еще свидеться... Но хорошо, что я вас увидела...»

Спустя полчаса они поднялись на борт «Дидоны». Уже ровно стучал, прогреваясь, ее двухтысячесильный двигатель, и палуба мелко вибрировала, и пахло горьковатым дымком выхлопов. Потом затарахтел на баке брашпиль, выбирая якорную цепь. Боцман Жорж в белом берете с красным помпоном и полосатых шортах крикнул:

— *L'ancre est haute et clair!*¹

Мальбранш, выглядывавший из окошка рубки, кивнул и звякнул рукояткой машинного телеграфа. «Дидона» медленно развернулась и пошла синей своей дорогой среди островного лабиринта, среди коралловых отмелей, розовевших сквозь прозрачную воду, среди скопищ вулканов, которые высились немymi свидетелями сущест-

¹ Якорь поднят и чист! (франц.)

вования древней страны Лемурии, поглощенной океаном.

С криком носились над судном чайки и олуши. И долго еще был виден на востоке лилово-серый конус Карталы, над которым висело облачко грозного его дыхания.

Валерий разговорился с боцманом Жоржем. К концу дня они уже были друзьями и неплохо понимали друг друга: оказалось, что Валерий необычайно быстро схватывал французский морской жаргон.

— Что-то у тебя рында-булинь убогий,— говорил он, подергав веревку, привязанную к языку рынды — судового колокола.— Свинячий хвостик какой-то.

И он рассказывал Жоржу о своем яхтклубовском боцмане, одессите («кстати, его тоже Жорой звали»), который учил яхтсменов благоговейному отношению ко всякой снасти.

— Судно познается по тому, как заплетен рында-булинь,— говорил Валерий, невольно подражая одесскому акценту боцмана Жоры.

Жорж кивал и повторял:

— Жорá... Рында-булинь...

Он отцепил от поясного ремня нож и свайку, притащил толстый пеньковый конец, и Валерий принялся плести булинь. Он старательно проплетал пряди, срезал, счесывал, околачивал. Его голые плечи, уже покрывшиеся загаром, влажно блестели на солнце. Рында-булинь получился хороший, добротный — толсто сплетенный с того края, где будет крепиться к языку колокола, и сходящий на нет к свободному концу. Валерий покатал его ногой по палубе — для плотности и гладкости. Жорж поцокал языком, выражая восхищение, и подвесил булинь на место.

— Тре бьен¹,— сказал он и похлопал Валерия по плечу.

— Трез агреабльман,— отозвался Валерий.— А Жора знаешь как сказал бы? Он сказал бы: «Что жь, корзину с памадорами на Привозе увязать сможешь».

— Привоз... Памадор,— закивал Жорж и открыл в улыбке белые прекрасные зубы.

За ужином в маленькой кают-компании Ур был не-

¹ Очень хорошо (*франц.*).

обычно оживлен. С аппетитом ел, запивая кока-колой, много говорил, и то и дело Нонна ловила на себе его взгляд.

— Давно хочу спросить, доктор,— сказал Ур,— что означает название вашего судна?

— Дидона? Это была в древности такая царица, воспетая Вергилием в «Энеиде». Она бежала из Финикии, из своего города Тира от брата-негодяя, убившего ее мужа. Высадилась на африканском берегу и попросила туземцев продать ей участок земли — столько, сколько займет одна бычья шкура. Туземцы согласились. Но прекрасная Дидона была хитра. Она изрезала шкуру на тонкие ремешки и обвела ими большой участок.

Ур засмеялся: хитра, нечего сказать!

— И на этом участке Дидона основала Карфаген,— продолжал Русто со вкусом.— А потом буря прибила к этому берегу корабль Энея. Про Энея тоже не слышали? Хотя — откуда вам было знать на другой планете... Эней был участником Троянской войны, одним из троянских героев. Когда пала Троя, он один уцелел, ему удалось избежать гибели. Видите ли, Энею было суждено основать великое царство, и боги, покровительствовавшие ему, позаботились о его спасении. Кажется, даже Афродита. Ах, ну да, Афродита приходилась ему родной мамой. Так вот. Он плыл, как Одиссей, по Средиземному морю, и где-то у Сицилии буря понесла его к африканскому берегу. В Карфагене Эней рассказал Дидоне о падении Трои, о своих странствиях, и прекрасная царица пламенно его полюбила. Царицы — тоже женщины, не так ли? Дидона умоляла Энея остаться в Карфагене, стать ее мужем, но, увы, нашего героя влекла его судьба. Мужчины есть мужчины, дорогой мой Ур: вечно они куда-то устремляются и редко понимают, что их счастье как раз там, откуда они хотят поскорее уехать, уплыть, улететь...

— Что же было дальше? — тихо спросил Ур.

— Смею вас заверить, ничего хорошего. Эней уплыл из Карфагена, а Дидона, *infelix Dido*¹, как сказал Вергилий, не смогла перенести разлуки и покончила с собой. Она сожгла себя. Эней высадился в Италии, основал Латинское царство, воевал там всласть... Ничего хо-

¹ Несчастливая Дидона (лат.).

рошего,— повторил Русто.— Всегда одно и то же... Что это вы пригорюнились, мадемуазель? Так не пойдет! Выжмите на ваш ломтик папайи лимон, будет вкуснее. Хотите, я вам расскажу, как ревут «ослиные пингвины» на Змеиных островах? Или как Мальбранш обмазал скалу на мысе Серра овсянкой? Или про то, как Мюло сжег опорный подшивник?

Нонна благодарно улыбнулась Русто, а провансалец выкатил на него водянистые глаза и возопил:

— Сколько можно попрекать человека из-за железки?

Валерий построил в уме английскую фразу, но запутался в сложной системе прошедших времен, и вдруг, к немалому его удивлению, та же фраза сложилась у него по-французски:

— Мальбранш, который мазал скалу, зачем он это сделал?

— Ну как же,— весело откликнулся Русто.— Так просили милости у морских богов древние греки: они обмазывали прибрежные утесы овсяной кашей, чтобы боги насытились и не разбивали их корабли. Мальбранш доказал, что греки хорошо знали, что делали. Шторм несколько дней не давал нам выйти из Санта-Моники. Тогда Мальбранш отправился на мыс Серра и облил утес овсянкой из пятилитровой канистры. Надо ли говорить, что к следующему утру шторм утих и «Дидона» вышла в море?

Валерию понравилась история с кашей. Чтобы не остаться в долгу, он, подыскивая с помощью Шамона слова, рассказал об огромной ударной силе каспийской волны, способной срезать, как ножом, двадцатидюймовые стальные сваи. Рассказал об островах на Каспии, рожденных активностью грязевых вулканов. Французы с интересом слушали его, и Русто вспомнил слова Гумбольдта: «Я умру, если не увижу Каспийское море».

Наступил вечер. В небе зажегся Южный Крест, низко над темным горизонтом вспыхнул зеленоватым огоньком Канопус. Валерий и Нонна, стоя на юте, отыскивали в незнакомом небе Южного полушария знакомые по картам созвездия и радовались, когда узнавали их. А Ур задумчиво смотрел на волны, обтекавшие белый корпус «Дидоны», на фосфоресцирующий пенный след за кор-

мой. Океан казался ему живым, мерно дышащим, добрым. Он надежно защищал его, Ура, от неведомых опасностей берега.

Шамон тронул гитарные струны, запел приятным баритоном:

Мы шли по Воклюзу, цепями звеня,
Родная Тулуза не вспомнит меня.
Нас гнали, мы пели...

— Харра́, харра́, ла! — подхватили Мальбранш, Франсуа и боцман Жорж. Они тоже сидели здесь, на юте, и покуривали.

Красотка в Нантелле мне сердце зажгла,
Она мне сказала — Харра, буррикé! ¹—
Что золота мало в моем кошельке...

Негромко вел Шамон старинную каторжную песню, и теперь не только французы, но и Нонна с Валерием подхватывали озорное восклицание погонщика осла.

Я бросил работу — харра, харра, ла! —
Пошел на охоту в лесу короля.
Меня осудили — харра, буррикé! —
У весел галеры сидеть на замке...

Потом пели русские песни. Французам понравился «Стенька Разин». А «Подмосковные вечера» не нуждались ни в переводе, ни в подсказке.

Позднее, когда все разошлись по каютам, Нонна и Ур остались одни. Они стояли рядышком, облокотившись на фальшборт.

— Видел? — сказала она. — Летучая рыба плеснула.

— Да.

— Хорошо в океане, правда?

— Очень.

— Ты улетишь?.. Туда... к ним?

— Нет, — сказал он, помолчав. И добавил: — Ведь ты мне велела быть человеком.

¹ Ослик (франц.).

...В порту Сен-Дени на острове Реюньон Ур отказался сойти на берег.

— Да ты что? — удивился Валерий. — Посмотри, какая красотища тут. Пожалеешь, Ур!

Реюньон и верно был красив в зеленом убранстве тропических лесов. Пальмовые рощи словно сбегали с холмов, чтобы поглядеться в синюю воду. Дальше громоздились горы, их венчал вулкан Питон-де-Неж.

Некоторое время Ур стоял на баке, глядя, как швартуется по соседству промысловое судно — небольшой траулер с низкой, косо срезанной трубой и непонятным вылинявшим флагом.

— Мосье Ур...

Ур обернулся и увидел улыбающееся лицо Франсуа.

— Мосье Ур, если хотите, я останусь за вас на судне...

— Нет, Франсуа. Вы идите, гуляйте. Купите для своего дядюшки открытки с видами.

— Ладно, мосье Ур. Если вам захочется пить, кока-кола в холодильнике в кают-компании.

Ур прихватил бутылку кока-колы и пошел в свою каюту. За открытым иллюминатором плескалась вода, солнечные зайчики бродили по каюте. Ур сел к столу и, отстегнув клапан, вытащил из заднего кармана свой блокнот. Нажал кнопку, и пленка плавно пошла, перематываясь с катушки на катушку. Стоп. Ур надолго задумался. Потом взял тонкий стерженек и начал писать на пленке. Отхлебывал кока-колу из бутылки. Снова принимался писать.

Наверху затопали, раздался смех, шумные голоса. Ур закрыл блокнот, и в этот момент распахнулась дверь, в каюту ворвался Валерий. За ним вошли Нонна и Шамон.

— Много потерял! — начал Валерий с порога. — Ох и городок пестрый, в глазах до сих пор рябит. Люсьен, выйдет что-нибудь из сегодняшних съемок?

— Зелезно. — Шамон, задрав голову, почесал под бордой.

— Что? А, железно... — Валерий хохотнул.

— Такое впечатление, — сказала Нонна, — что тут все живут на улицах. Богатый остров, райская природа, а беднота ужасная. Ур, мы купили тебе шлем, как у Шамона. Ну-ка, примерь.

Пробковый шлем оказался впору. Нонна обрадовалась, что угадала размер головы. А Валерий сказал, прищурившись на Ура:

— Вылитый Тиглатпалассар¹.

Перед ужином Ур постучался к Нонне в каюту.

— Я хочу дать тебе вот эту штуку,— сказал он.

— Что это? — Она вскользь взглянула на его протянутую ладонь, на которой белело нечто вроде пуговицы.

— Пусть это будет у тебя. На случай, если... если со мной что-нибудь случится...

Нонна резко повернулась к нему.

— Что это значит, Ур? Что может с тобой случиться?

— Надеюсь, что ничего. Я ж говорю — на всякий случай.

Нонна взяла двумя пальцами крохотный моток узкой, не больше трех миллиметров шириной, пленки.

— И что я должна с этим сделать?

— Проглотить.

— Ур... ты разыгрываешь меня?

— Нет, Нонна, я вполне серьезно... Ты сама поймешь, когда надо будет проглотить. Это ведь не трудно, она не больше таблетки. Можно запить водой.

— Но все-таки... что это такое?

— Полоска кодовой информации. Больше я ничего не могу сказать. Потом я тебе расскажу все. Когда придет время.

«Дидона» шла на юг по пятидесятому градусу восточной долготы, выполняя задуманный доктором Русто океанский разрез Реюньон — острова Крозе. Это была та самая долгота, тот меридиан, на котором стоял родной город Нонны и Валерия, — но сколько тысяч километров отделяло их сейчас от берегов Каспия!

На борту «Дидоны» наступила рабочая пора. Стучали лебедки, опуская и поднимая термограф (эту операцию Валерий называл «ставить градусник под мышку океану»), батометры, вертушки для измерения скорости течения и другие приборы. Эхолот исправно чертил линию

¹ Тиглатпалассар — ассирийский царь.

океанского дна. Брали водные пробы. Ходила за борт и обратно планктонная сетка.

Группа Селезневой не только изучала на практике методику доктора Русто, но и испытывала свои методы измерений. Ежедневно с носа и с кормы вывешивали свинцовые электроды Миронова и брали с разных глубин показания электрических токов океанского течения. Ур налаживал ниобиевый прибор своей конструкции, опускал в воду, но записи, снятые с самописца, никому не показывал. Наладка оказалась не простой. Да и шло судно пока в попутной струе Мадагаскарского течения, не пересекавшей магнитный меридиан. Ниобиевый прибор дожидался своего часа — погружения в Течение Западных Ветров, к которому с каждым днем приближалась «Дидона».

Погода стояла хорошая. Индийский океан словно был разленился по-летнему, нежился, мягко колыхаясь, под жарким солнцем. Безоблачными, безветренными были рождественские дни. Новый год встретили дважды — сперва по московскому, потом по парижскому времени. Жорж, исполнявший по совместительству обязанности кока, превзошел самого себя. Из муки, сгущенного какао, яиц и тапиоки¹ он создал торт неслыханной вкусности. Нонна кинулась было записывать рецепт, но, увы, оказалось, что Жорж творил в порыве вдохновения и никаких конкретных данных о процессе творчества сообщить не мог.

Шесть тысяч метров было под килем «Дидоны» в новогоднюю ночь. Долго разносились над Центральной Индийской котловиной русские и французские песни. Вероятно, они достигали слуха вахтенных с встречных судов. Тут была оживленная океанская дорога, и суда линий Кейптаун — Калькутта, Кейптаун — Сингапур и других часто пересекали курс «Дидоны».

— Затрубили во дворе трубадуры, закурили в кабаке трубокуры! — воскликнул Валерий. — Что бы еще спеть? Друг Мюло, давай затайнем старинную провансальскую песню «Ах, зачем ты меня целовала»...

И грянула песня. Старательнее всех подпевал Валерию Ур. Он был весел, в море он чувствовал себя пре-

¹ Тапиока — крахмал из клубней тропического растения маниока.

красно. И Нонна, сидевшая рядом, подумала с облегчением, что он поборол свои страхи и все будет у него хорошо, а значит, и у нее тоже.

Шли дни, стало холодать. Впервые это заметили по тому, что Мюло перестал окатывать себя забортной водой. Когда же он появился в кают-компании в свитере вызывающе алого цвета, стало ясно, что тепла больше не жди. Вскоре и другие «дидоновцы» сменили майки на свитеры. Ощущалось уже дыхание Антарктики. Небо побледнело, будто отражая еще далекие льды.

В этих широтах океан был пустынен. Раза два или три попадал на экран небольшой, судя по радарному силуэту, траулер. А может, это были разные суда. Да еще как-то под вечер разошлись на встречных курсах с норвежским китобойцем.

Океан пока миловал их. Но волна пошла крупнее, началась бортовая качка. Поутихли песни на «Дидоне». Кое-кто из членов экипажа потерял аппетит. Нонна и вообще-то отличалась умеренностью в еде, а теперь и вовсе мало ела, огорчая заботливого Жоржа. Она посасывала таблетки аэрона и за обедом избегала смотреть на Армана, на которого качка действовала необычным образом, возбуждая аппетит.

Франсуа, впервые попавший в открытый океан, тоже маялся, но держался хорошо. Аэрон, предложенный Нонной, ему не помогал, но зато помогало другое — репчатый лук. Работая в лаборатории, Франсуа старался не дышать в сторону Нонны, которую запах лука однажды довел едва ли не до обморока.

Но все это были, так сказать, мелочи быта. Океан есть океан, надо приспособливаться к его нраву. И на судне исправно несли вахты, исправно выполняли полный цикл научных работ.

И настал день, когда «Дидона» вошла в Течение Западных Ветров — Бравые Весты, как называли его французы. Под сорок пятым градусом южной широты Русто решил закончить меридиональный океанский разрез и, не доходя до островов Крозе, повернул судно на восток. Был холодный день с шквалистым ветром и дождем. Белыми барашками покрылся океан. Но изматывающая бортовая качка теперь, после перемены курса, почти не ощущалась, ее сменила килевая. «Дидона» как бы отбивала вежливые поклоны волнам. Войдя в скопление пла-

вучих водорослей, характерное для граничных зон больших течений, она легла в дрейф.

Заработали лебедки, отправляя за борт приборы.

Вскоре были получены первые результаты измерений. Температура воды здесь, на северной границе Бравых Вестов, оказалась чуть выше тринадцати градусов тепла, скорость течения — около двух километров в час. Нонна с Валерием занялись магнитными измерениями, потом они вычислили величину электродвижущей силы, наведенной в течении. Здесь, в соленой токопроводящей воде, фарадеевский эффект проявил себя несравненно лучше, чем на реке Джанавар-чай, но, в общем, такие ничтожные токи не могли иметь никакого практического значения.

С помощью Валерия Ур вынес из лаборатории увесистый ниобиевый прибор. На юте им ударил в ноздри острый запах водорослей. Боцман Жорж ворчал, что запакостили всю палубу, и отказывался пустить лебедку для нового «улова» этих «никому не нужных растений». Арман, готовя сетку для спуска за борт, посмеивался над боцманом и уверял его, что скоро люди съедят все, что растет на суше, и возьмутся за эти самые водоросли.

— Никогда! — воскликнул Жорж. — Лучше грызть камни.

Моросил дождь. Над «Дидоной» парил огромный альбатрос — белоснежный красавец с черными маховыми перьями, с трехметровым размахом крыльев.

— Здравствуй, птица-буревестник! — восхитился Валерий. — Да он скорее белой молнии подобный, чем черной.

Они отправили прибор за борт. А когда расшифровали запись, Нонна ахнула: «дополнительная» величина ЭДС оказалась невероятно большой. Рядом с ней цифры, полученные летом на Джанавар-чае, выглядели убогими.

Русто не поверил, когда ему показали результат измерений. Пришлось повторить замер, и Русто самолично наладил лентопротяжный механизм, подозревая его во вранье. Однако повторный замер подтвердил предыдущий.

С погасшей сигарой во рту Русто прошелся взад-вперед по узкому проходу лаборатории. Его сухое гор-

боносое лицо как бы вытянулось, костистый подбородок ушел в воротник мохнатого свитера. Потом Русто сел на стол, выхватил изо рта сигару и наставил ее на Ура.

— Извольте, сударь,— сказал он,— членораздельно рассказать о своих чудесах. Что еще за космическая составляющая в океанских течениях, дьявол ее поберит?

Он слушал объяснения Ура придиричиво: переспрашивал, бурно возражал, уточнял формулировки.

— Ах, значит, дело не столько в ниобии, сколько в инопланетной пленке! — воскликнул он. — Что за материал? Какова структура? Ах, так, вы не знаете! Послушайте, Ур, еще никому не удавалось провести меня, кроме губернатора Макао, и поэтому не воображайте, что я...

— Даю вам слово, доктор, честное шумерское слово, что не знаю, как и из чего делают эту пленку. Знаю лишь ее основные свойства, по ним и высмотрел в таблице Менделеева относительно похожий элемент — ниобий. Но и он недостаточно активен. Надо искать сплавы на основе ниобия.

— Искать сплавы,—повторил Русто, разжигая сигару.— И вы уверены, что ваши сплавы будут преобразовывать космическое излучение в электрический ток?.. Что? Да, я помню, вы что-то говорили об упорядочении геомагнитного поля. Значит, одно непременно связано с другим? Вы как будто спите, Ур. Неужели вы не можете внятно излагать свои мысли? *Mop dieu*¹, что за косноязычие!

— Но вы не даете мне говорить...

— Я?! — вскричал возмущенный Русто. — Да я только и делаю, что вытягиваю из вас клещами слова. Говорите же, или я прикажу вздернуть вас на рею!

Он выслушал Ура, попыхивая сигарой и стряхивая пепел в пластмассовую ванночку.

— Так-так,— сказал он.— Установка в проливе Дрейка. Очень мило, сударь, очень благородное у вас намерение — напоить планету дешевым электричеством. И вы полагаете, что это вам удастся? Что вы шлепаете своими толстыми губами? Отвечайте!

¹ Боже мой (франц.).

— Не знаю, что вам ответить, доктор,— усмехнулся Ур.— Вы сами, кажется, видели...

— Видел,— энергично кивнул Русто.— И еще увижу. Будь я проклят, если мы не обойдем все кольцо Бравых Вестов и не выудим вашу «джи... джаномалию» из каждого десятка миль. Я о другом спрашиваю: неужели вы всерьез полагаете, что вам разрешат осуществить ваш проект и оскотливать человечество?

— Если проект получит достаточное теоретическое и экспериментальное основание, то он будет принят. Помоему, такое мнение сложилось в Москве. Разве не так, Нонна?

— Так,— подтвердила она.

— В Москве! — воскликнул Русто.— Насколько я понимаю, проект имеет глобальный характер.

— Разумеется,— сказала Нонна.— Проект предполагает широкое международное сотрудничество. Иначе его не осуществить. Нужна договоренность на уровне правительств.

— Умница, Нонна, умница! Но тут-то, дорогие мои друзья, и выйдет осечка. У вас в Москве просто: есть хороший проект, сулящий энергетическое изобилие, и ничто не мешает правительству по зрелом размышлении его принять. Иное дело — ваши партнеры на Западе. С чего это, например, мистер Симпсон разрешит Конгрессу Соединенных Штатов принять проект, от которого ему, Симпсону, не будет ничего, кроме разорения?

— Какой мистер Симпсон? — спросил Ур.

— Не нравится Симпсон — пусть будет Гетти, Рокфеллер, уж о них-то слышали? Да вы имеете представление о военном-промышленном комплексе? Легко сказать — дешевая электроэнергия. А как быть с нефтяными и угольными концернами? Распустить за ненадобностью? Ха, как бы не так! Они сами кого угодно распустят. Или вы не слышали, что случается на Западе с изобретателями? В свое время Рудольф Дизель нанес удар фабрикантам паровых машин — и смерть его осталась тайной для всех. Был некто, изобретший сухой бензин, растворимый в воде. Просто порошок — брось его в бензобак и залей водой. Американские военно-морские силы произвели испытания и были поражены результатом. Вскоре изобретатель пропал без вести. Не утверждаю, что так бывает всегда. Но факты есть факты. Изо-

бретатели поумнее продают патенты кому следует — для вечного погребения в сейфах. А несговорчивые изобретатели исчезают без вести, попадают в автомобильные катастрофы — им нельзя жить. Теперь представьте себе, как ласково посмотрят правления концернов на проект производства энергии без ископаемого топлива.

— Но ведь существует Организация Объединенных Наций...

— В ЮНО¹ сидят представители правительств. А президенты и премьеры, даже самые радикальные, дорожат своей жизнью не меньше, чем простые смертные.

— Так что же? — упавшим голосом спросил Ур. — Выходит, дело настолько безнадежно, что и затевать не стоит?

— Кто сказал, что не стоит? — рявкнул Русто, грозно сдвинув брови. — Да если ваша «джаномалия» не случайный курьез, если Бравые Весты подтвердят ее на всем своем протяжении, то мы не станем сидеть сложа руки, как последние олухи. Мы опубликуем результаты исследования, мы обратимся к ученым всего мира, к правительствам, в ЮНО, к самому господу богу! Мы будем долбить и долбить в одну точку! Не из одних баранов, слава тебе господи, состоит человечество!

Глава седьмая

«А КАК ЖЕ УР? БЕДНЫЙ УР...»

И оснащен и замыслами полный,
Уже готов фрегат твой растолкнуть
Седых морей дымящиеся волны
И шар земной теченьем обогнуть.

*В. Бенедиктов, И. А. Гончаров
перед отплытием «Паллады»*

В полосе Течения Западных Ветров «Дидона» шла на восток. Погода ухудшилась. Крепчал ветер, давший название течению, небо плотно заволочлось тучами. По всему океану, из края в край, паслись бесчисленные белые барашки. Даже не верилось, что это тот самый океан,

¹ ЮНО — принятое на Западе сокращенное название ООН.

который еще так недавно был ярко-синим, теплым, лениво колышущимся под солнцем тропиков.

Качка вконец измучила Нонну. Аэрон уже не помогал. Она держалась на пределе сил, на упрямом нежелании поддаться собственной слабости. Вид и запах еды вызывал у нее отвращение. Она перестала ходить в кают-компанию. Жорж таскал ей в каюту черные сухари и кофе с лимоном. Но каждое утро, осунувшаяся, побледневшая, она исправно являлась в лабораторию и садилась за работу. Одно только и было спасение — привычный ритм работ. Нонна хмурилась, ловя на себе сочувственные взгляды мужчин. И втайне мечтала о земле. О какой угодно, только бы она не уходила из-под ног, только бы не подбрасывала вверх, не мотала из стороны в сторону с тупой равномерностью маятника.

Но вот на экране судового локатора, поставленного на пятидесятимильную дистанцию, появилась мерцающая зеленая тень — очертания острова Кергелен. Здесь «Дидона» должна была пополнить припасы, здесь предполагался отдых перед следующим отрезком кругосветки — дальним переходом до Сиднея.

Столпившись на бот-деке, экипаж «Дидоны» смотрел на приближающиеся мрачные базальтовые скалы, на отвесные изрезанные берега Кергелена, на покрытую ледником гору Росса. Тучами кружили в низком небе поморники — крупные темные чайки.

Валерий был радостно оживлен.

— Смотри,— дергал он Ура за рукав,— смотри, какие скалы. Настоящие башни! Вот это островок! А там, смотри, начинается настоящая тундра! А птичий базар!

И он, торопясь и глотая слова, рассказывал Уру и Нонне, как в восемнадцатом веке французский моряк Ив-Жозеф Кергелен в поисках легендарного Южного материка открыл этот неуютный архипелаг, состоящий более чем из сотни островков, и с тех пор сам архипелаг и единственный в нем крупный остров носят имя Кергелена, а самому Кергелену ничего приятного это открытие не принесло: во Франции его обвинили в чем-то, кажется, в жестоком обращении с командой, и посадили в тюрьму,— вот такие пироги, с этим островом только свяжись! Ледяной сфинкс!

— Почему ледяной сфинкс? — спросил Ур.

Но Валерий не ответил — он уже нацелил объектив кинокамеры на скалы Кергелена. Будет что показать по возвращении!

Между тем «Дидона», повинувшись искусной руке Мальбранша, медленно шла вдоль скалистого берега. Волны, отброшенные берегом, бесновались, создавая толчею и нередко перемахивая через верхнюю палубу «Дидоны». Наконец на малом ходу судно втянулось в узкий коридор меж высоченных базальтовых скал — это была естественная гавань Ройял-Саунд.

Открылись постройки на каменистом берегу, приземистые сараи, деревянные пирсы. Где-то горел в сером воздухе ранний фонарь. В бухте, укрытой от ветра, было сравнительно тихо. Покачивались на серой воде несколько промысловых судов — вероятно, начинающийся шторм прервал тюлений промысел и загнал суда в гавань.

Особых формальностей со съездом на берег не было. На судне остались Арман, матрос-мальгаш и моторист Фрето, жаждавший выспаться после трудной вахты. Остальные заторопились в спущенную с левого борта шлюпку. Остальные — кроме Ура.

— Опять ты решил остаться? — спросила Нонна, задержавшись у трапа. — Пойдем с нами, Ур. Ну прошу тебя. Неужели тебе не хочется осмотреть остров?

— Нет... Лучше я побуду на судне.

— Лучше нам всем быть вместе. Но, поскольку тебя не переубедишь... Не стой на ветру с открытой шеей, наденешь кашне.

С этими словами Нонна спустилась по трапу, и шлюпка под ударами весел понеслась к близкому берегу.

Русто с Мюло и Жоржем направились к домику местной администрации, чтобы договориться о погрузке на завтра. Здесь, на Кергелене, была база топлива и продовольствия для промысловых судов. Остальные «дидоновцы» пошли по деревянным мосткам небольшого поселка, миновали с полдюжины домиков, сарай из гофрированного железа и очутились у крутого обрыва, под которым шли и шли на приступ угрюмого берега пенные волны.

Нонну немного пошатывало, океан еще не отпустил ее, но какое же это было счастье — идти по твердой, надежной земле! Она держала под руку Шамона и Мальб-

ранша, и они вышучивали друг друга, выясняя, кого больше покачивает.

Валерий чуть приотстал от них. Он шел, надвинув на лоб капюшон нейлонового тулупчика и сунув руки глубоко в карманы. Ему нравилось бухать подкованными сапогами по бурому базальту, нравилось ощущать себя таким бесстрашным скитальцем южных морей, нравилось идти по этому острову, хорошо описанному некогда Жюлем Верном, даром что сам Жюль Верн тут никогда не бывал.

Когда-то Эдгар По, тоже любимый писатель, выпустил повесть «Приключения Артура Гордона Пима» — о том, как славный парень Пим оказался на зверобойном бриге «Грампус» в антарктических водах и там таинственным образом исчез, сгинул вместе с бригам. Об Антарктике в то время толком ничего не было известно, и фантазия Эдгара По набросила на ледовый материк мистический покров. При всем том даже самым безудержным своим фантазиям этот превосходный мастер умел сообщить полную достоверность. Да, так оно и было, думали читатели: Антарктика полна страшных загадок, там человека подстерегает гибель...

Жюль Верн очень любил Эдгара По, но не любил неразгаданных тайн. И он по-своему почтил память американца — написал в 1895 году роман «Ледяной сфинкс», в котором предпринял поиски пропавшего «Грампуса» и несчастного Пима. Рукопись «одного янки из Коннектикута», то есть повесть Эдгара По, наводит героев Жюля Верна на последний путь «Грампуса». Они идут по следу, они преодолевают тысячу опасностей и узнают все о разыгравшейся полярной трагедии. И для каждой из фантастических деталей, разбросанных по книге богатым воображением Эдгара По, Жюль Верн подбирает сугубо реалистическое объяснение.

И как бы лейтмотивом проходит через книгу Жюля Верна молящий шепот друга Артура, метиса Дирка Петерса: «А как же Пим? Бедный Пим...» Эта мольба влекла героев Жюля Верна дальше на поиски — даже при обстоятельствах, когда следовало, казалось, позаботиться только о себе.

Валерий шел по голым скалам, по бесприютным базальтам Кергелена — тем самым, по которым шли герои Жюля Верна, расспрашивая жителей острова, последних

людей, видевших экипаж «Грампуса». И этот вопрос: «Не заходил ли сюда промысловый бриг «Грампус»?» — едва не сорвался с его уст, когда он проходил мимо гофрированного сарая, у входа в который толпились люди с грубыми, обветренными лицами. Ему и в голову сейчас не приходило, что не было в действительности никакого «Грампуса», никаких героев Жюля Верна, не было несчастного Пима.

И он бормотал на ходу:

— А как же Пим? Бедный Пим...

В портовой таверне их уже ожидали Русто, Мюло и боцман Жорж. Здесь было шумно и накурено. Сидевшие за столами зверобои в кожаных и меховых доспехах, в зюйдвестках и высоких сапогах словно бы сошли со страниц пиратских книжек. Над стойкой высилась грузная фигура бармена с бритой головой и застывшей улыбкой, открывавшей два ряда металлических зубов.

— Ух и зверюга! — восхитился Валерий, глядя на бармена.

Разбитной кельнер со стуком поставил на стол бутылки, потом принес блюда с салатом и жареной рыбой.

— А где Франсуа? — спросил Русто. — Разве он не сошел на берег?

— Он был с нами, — сказал Мальбранш, — но в таверну не захотел идти. Я отправил его на судно. Пусть выпится.

— Бедный мальчик, — сказал Русто. — Это его первый рейс, но держится он молодцом, не так ли, друзья? — Он поднял стакан. — Ваше здоровье, милая Нонна. Вы тоже держитесь молодцом.

Часа два спустя они вышли из таверны в ветер и темень и направились к пирсу, освещенному подслеповатым фонарем. Шлюпки у пирса не оказалось — ну да, ее же увел Франсуа обратно на судно. «Дидона» стояла недалеко от берега, вон светятся ее огни в тусклых ореолах.

— На «Дидоне»! — крикнул Мюло, приставив ладони рупором ко рту. — Эй, Арман!

Молчание. Только завывал штормовой ветер.

— На «Дидоне»! — гаркнули все хором, а Валерий свистнул в два пальца.

— Есть «Дидона»! — донесся голос матроса-мальгаша. Его фигура возникла под кормовым фонарем.

— Гони сюда шлюпку!
— Шлюпка у пирса! — последовал ответ.
— Нету у пирса! — заорал Мюло. — Давай гони скорее!

С «Дидоны» донеслось:

— У другого пирса! Правее! Пра-аво смотри-и!

И верно, у соседнего пирса, метрах в двухстах, покачивалась белая шлюпка. Пришлось идти туда.

Коричневое лицо матроса-мальгаша было обрамлено светлым мехом капюшона.

— В чем дело, Жильбер? — спросил Русто, первым поднявшийся по трапу на борт «Дидоны». — Почему шлюпка была привязана у другого пирса? Кто на берегу?

— Мосье Ур и Франсуа, — ответил мальгаш.

— Ур на берегу? — удивилась Нонна. — Вы не ошиблись, Жильбер?

— Я ошибся? — Мальгаш засмеялся. — Значит, мои глаза не мои. Значит, я не видел, как Франсуа приплыл на шлюпке, а потом он вышел вместе с мосье Уром, и они сели в шлюпку и пошли к берегу. Значит, это видели не мои глаза...

— Они ничего не сказали? А почему пошли к другому пирсу? — спросил Русто. — Впрочем, откуда тебе знать. Где Арман?

— Арман спит, я сменил его в девятнадцать. И Фрето спит.

— То, что Фрето спит, слышно на весь Кергелен. Значит, ты сменил Армана, — Русто взглянул на светящийся циферблат своего хронометра, — два часа с четвертью тому назад. А когда ушли Ур и Франсуа?

— Я принял вахту, и тут приплыл Франсуа. Очень скоро.

— Выходит, они уже почти два часа на берегу...

Русто, сунув руки в карманы анорака, задумчиво обвел взглядом скудно освещенный берег. Внизу, на черной воде, билась о борт «Дидоны» шлюпка, привязанная у трапа. На промысловых судах, стоявших в гавани, вразнобой ударили склянки.

— Не понимаю, — сказала Нонна Валерию. — Не понимаю, что заставило Ура сойти на берег. Куда мог повести его Франсуа?

— Ну, мало ли, — сказал Валерий. — Может, они ре-

шили присоединиться к нам, но по дороге их что-нибудь задержало...

— Не понимаю. Не понимаю,— твердила Нонна, стискивая руки. — Он не хотел сходить на берег. Он чего-то боялся...

— Боялся? — Валерий вытаращил на нее глаза.— Первый раз слышу. Да брось, что еще ты выдумала! Пойдем в каюту, может, он там записку оставил.

Они прошли в каюту, которую занимали Ур и Валерий. Никакой записки тут не было. Слабо пахло луком. На столе лежали раскрытый атлас морей, стопка книг, учебник французского языка, какая-то плоская коробочка.

— Смотри-ка! — Валерий схватил коробочку.— Это же его блокнот!

Крышка блокнота стояла косо, были видны ролики с пленкой.

— Ну, значит, Ур отлучился ненадолго,— сказал Валерий.— Он же никогда с блокнотом не расстается. Даже спит с ним в обнимку. Не дрейфь, Нонна! Скоро он вернется.

Бодрый тон и уверенность Валерия подействовали на Нонну успокаивающе. Но время шло, а Ур и Франсуа все не возвращались. Тревога с еще большей силой охватила ее. И когда Русто решил отправить на берег поисковую группу, Нонна заявила, что пойдет тоже.

— Вам не надо, Нонна,— уговаривал ее Русто.— Не женское занятие — лазать по скалам.

Но она настояла на своем. И отправилась с Арманом, Валерием и Шамоном на берег. Блокнот Ура она взяла с собой.

Они высадились на тот пирс, к которому, по словам мальгаша, ушли Ур и Франсуа. Светя ручными фонариками, пошли по стонущим деревянным мосткам к домику администрации. Заглянули на местную радиостанцию. Безрезультатно. Ледяной ветер ударил им в лицо, когда они повернули к таверне. Расспросы ничего не дали — ни бармен, ни зверобой, сидевшие тут, и понятия не имели, куда подевались двое из экипажа «Дидоны».

Обошли один за другим все домики поселка. Миновали склад — длинный сарай из гофрированного железа. Дальше дорожка уходила к обрыву, к диким нагромождениям скал, в необжитую тундру. При мысли о том, что

Ур где-то там, за стеной мрака и неизвестности, Валерий передернул плечами. И пробормотал невольно:

— А как же Ур? Бедный Ур...

Долго кричали, звали, мучительно вслушивались — не принесут ли порывы ветра ответный зов. В темной пристройке сарая вдруг возник прямоугольник света и в нем — силуэт человека с красным огоньком сигареты.

— Кого вы потеряли, ребята? — спросил по-французски старчески надтреснутый голос.

Арман устремился к нему и вступил в разговор. Нонна и Валерий не все понимали, и Шамон им переводил. Нет, этот человек, оказавшийся кладовщиком со склада горючего, ничего не знал о пропавших. Да никуда они не денутся, добавил он, где-нибудь надрались и отсыплются теперь, что еще на Кергелене делать в штормовую погоду? Вечером вот тоже — ходили тут, искали кого-то, а потом понесли пьяного. Нашли, значит...

— Ты этого пьяного видел в лицо? — спросил Арман.

— Где ж видеть, когда темнота уже пала? Мне ни к чему приглядываться, — разразился кладовщик скрипучим смехом. — Пьяные все на одну морду.

— А куда его понесли?

— Куда-то понесли. Вон сколько судов загнал сюда шторм. Поздно в этом году наступает здесь лето, поздно...

Дальше идти было некуда. Сели в шлюпку и направились к ближайшему промысловому судну. На крики с кормы свесилась голова в капюшоне, грубый голос ответил, что таких здесь не было и нет, проваливайте отсюда. Обошли и другие суда. На одном судне шла попойка, и зверобои стали зазывать «дидоновцев» к себе на борт, чтобы как следует повеселиться. Вахтенный другого судна посоветовал пойти поискать пропавших на ближайшее тюленье лежбище или отправиться следом за сумасшедшим траулером, который недавно снялся с якоря и ушел в океан.

Так ничего не узнав, вернулись на «Дидону».

Нонну бил озноб. Жорж принес ей чашку черного кофе с лимоном, но она покачала головой. Русто с погасшей сигарой в зубах ходил взад-вперед по бот-деку и все смотрел, смотрел на бесприютный берег.

— А как же Ур? Бедный Ур,— бормотал Валерий, не слыша собственного голоса в завываниях ветра.

Нонна позвала его в каюту.

— Слушай,— сказала она, глядя на него глазами, полными тревоги и какой-то отчаянной решимости.— То, что я тебе скажу, не должен знать никто.— Она вынула из кармана брлок бумажный пакетик и извлекла из него таблетку, как показалось Валерию.— Еще на Реюньоне Ур дал мне эту штуку и велел ее проглотить, если с ним что-нибудь случится...

Валерий осторожно взял «таблетку» и внимательно рассмотрел ее.

— Это пленка из его блокнота,— тихо проговорил он.— Черт, как тонко срезана...

— Он сказал, что здесь закодирована какая-то информация.— У Нонны сорвался голос. Валерий протянул ей остывший кофе, но она отстранила чашку.— Погоди,— сказала она.— Ты что-нибудь знаешь о том, что за информация и почему надо глотать?

Валерий поднял в раздумье бровь.

— Что-то я припоминаю... что-то он говорил однажды...

— Это когда рассказывал о своей проделке с баранам? Ну, о надписи на лбу Пиреева?

— Да нет,— отмахнулся Валерий,— раньше, еще когда он жил у меня... Что-то такое о том, как обучают методом глотания информации...

Нонну трясло. Вдруг она выпрямилась, решительно отобрала у Валерия пленку и положила себе в рот. Сделала глотательное движение. Валерий снова протянул ей чашку, и Нонна взяла, отхлебнула кофе. Она стояла посреди каюты и смотрела куда-то вверх остановившимся взглядом.

— Ну? Ну что? — нетерпеливо спросил Валерий.— Действует?

Она молчала.

— О добрый аптекарь, напиток твой действует верно,— пробормотал Валерий, пытаясь пересилить охватившую его жуть.

...Вода прибывала, волны с пенными гребнями шли через всю долину, затопляя селения и пальмовые рощи, это шел потоп, потоп... Над черным бортом ковчега встал человек с копьем. А, это ты, желтоглазый дьявол, ты все-таки подстерег меня и, связав по рукам и ногам, бросил в волны, а волны громоздятся все выше, они подбрасывают меня до неба и низвергают в пучину... Ты хочешь и потрясаешь копьем на борту ковчега, на черном борту, обмазанном земляной смолой... Но я еще жив... И мы еще посмотрим... посмотрим, кто будет смеяться последним...

Ур очнулся. Он услышал стук двигателя. Как бы сквозь туман, увидел над собой электрическую лампочку в проволочной сетке.

Лампочка горела вполнакала, темно-желтым светом, красный червячок спиральки разгорался и темнел, словно подмигивал Уру.

Окончательно придя в себя, Ур обнаружил, что лежит на узкой койке, пристегнутый двумя широкими ремнями к ее бортам. Вокруг были железные стены, выкрашенные серой масляной краской, без окон. Стены начали валиться, койка стала боком, и он повис на ремнях, больно впившихся в тело. Потом — резкий толчок, Ура подбросило вместе с койкой... с силой швырнуло вниз... Хорошо еще, что его догадались привязать к койке, иначе он давно бы разбил себе голову о железные стены или о ножки стола, привинченные к палубе...

Но что это за каюта без иллюминатора? На каком он корабле и куда идет этот корабль по штормовому океану?

Тут он вспомнил все, что с ним произошло.

Вчера — или еще сегодня? — он остался на «Дидоне», хотя Нонна звала его на берег. Ему очень хотелось сойти на угрюмый берег этого острова, но он знал, что лучше ему остаться на судне. Он проводил взглядом шлюпку, увозившую Нонну и остальных. Что она сказала еще? Ах да, сказала, чтобы он надел кашне. Она всегда напоминает ему, чтобы он одевался потеплее, — ведь он непривычен к холоду...

Он сунул руку в карман пальто и вытащил шелковую голубую косынку — ту, что подарила ему летом в Санта-

Монике Аннабел Ли. Ладно, сойдет за кашне. Он обмотал шею косынкой.

— Чертов островок,— сказал Арман, заступивший на вахту у трапа.— Здесь даже летом не понырешь. Вы замечаете, насколько Южное полушарие холоднее Северного?

Ур оглядел гавань и промысловые суда, стоявшие на якорях. На одном из них, судне с низкой, косо срезанной трубой и непонятым вылинявшим флагом, он остановил взгляд: кажется, где-то он уже видел это судно.

— Слышите, как храпит Фрето?— сказал Арман.— Палуба содрогается. Вы бы тоже соснули, мосье Ур.

У себя в каюте Ур прилег на койку, но вскоре понял, что не сможет заснуть. Он сел за стол и некоторое время занимался любимым делом — листал атлас морей, превосходный атлас доктора Русто. Но и это занятие не отвлекло его от беспокойных мыслей о завтрашнем дне. Он помнил точно: завтра истекает трехмесячный срок, который он себе выпросил. Завтра будет вызов. Последний вызов. Надо подготовиться, заранее сформулировать... информация должна быть предельно ясной и четкой... отказ — достаточно мотивированным...

Он долго сидел за столом, перематывая пленку в блокноте и читая одному ему понятные значки. И весь трудный год, прожитый на Земле, а вернее, год и четыре месяца как бы прокручивался вместе с этой пленкой перед мысленным взглядом. Он всматривался в значки — отголоски своих наблюдений — и поражался переменам в самом себе... Кто бы сейчас узнал его там? Даже Учитель, первый Учитель, знавший его лучше всех, даже он, будь он жив сейчас, не узнал бы любимого своего ученика.

«Понял бы он меня? — думал Ур.— Понял бы, как мучительна, нестерпима двойственность моего положения? Сумел бы он подняться выше привычных представлений, выше твердого сознания своей правоты, выше собственного биологического вида, наконец?..»

— Можно? — В каюту просунулся Франсуа, он часто дышал, глаза его блуждали.— Мосье Ур, вас просит Нонна... срочно на берег...

— Что случилось? — вскочил Ур.

— Нет, ничего такого... Она упала, вывихнула ногу,— говорил Франсуа, пока Ур трясущимися руками натягивал пальто.— Она не может идти и просила вас...

— Скорей! — Ур уже мчался по коридорчику между каютами, на бегу нахлобучивая шапку.

У трапа дежурил мальгаш Жильбер, сменивший Армана. Ур и Франсуа спустились по трапу в шлюпку, схватились за весла.

— Нет, мосье Ур, к тому пирсу,— обдал его Франсуа запахом лука.

Фонарь на пирсе будто устал разгонять сгущающуюся мглу, света его хватало только на пяточок под столбом. Над гаванью плыл перезвон склянок.

— Сюда, мосье, за мной.

Следом за Франсуа Ур быстро прошел мимо приземистых домов, мимо длинного сарая из гофрированного железа. Дальше тропинка уходила в скалы, ломаными черными силуэтами рисовавшимися на фоне темно-серого неба.

— Далеко еще, Франсуа?

— Что? — обернулся тот на ходу, придерживая рукой шапку.

— Я спрашиваю — далеко...

Договорить Ур не успел. Трое или четверо кинулись к нему из-за скал.

— Молчать! — произнес низкий голос.

Вмиг Ур был схвачен крепкими руками, и один из нападавших начал обкручивать его веревкой. В следующий миг этот, с веревкой, отлетел от удара ногой в живот. Сильный рывок, и в руках нападавших осталось пальто Ура; раздалось проклятье, мелькнули лучи фонариков.

Ур бежал обратно, к огням поселка, слыша за собой топот погони. Бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни. На бегу он тронул задний карман брюк — ах, досада, не взял блокнота, первый раз в жизни забыл... Они догоняют... Ну, будем отбиваться. Он сорвал с шеи косынку, круто остановился и, подобрав крупный камень, положил его в косынку. Закрутил «пращу» над головой, целясь в ближайшего преследователя. Тут он услышал щелчок и мгновенный свист, ощутил острый удар в живот. Он еще успел метнуть камень и увидел, как преследователь схватился руками за лицо, но знал, что бросок

получился не сильный, потому что руки его внезапно ослабли. Ур упал лицом вниз, попытался подняться, но не смог...

Ур отстегнул ремни и сел на койке. Немного побаливал живот в месте удара. Он сунул руку под свитер, под майку, нащупал корочку засохшей крови. Если бы это была пуля, то он бы не смог подняться. Чем же в него стреляли?

Держась за борт койки, он нагнулся посмотреть, где ботинки. Один ботинок ездил под столиком, от ножки к ножке, второго не было видно. Ур потянулся к тому, что разъезжал под столом, и в этот момент со скрипом повернулся в замочной скважине ключ. Металлическая дверь отворилась, человек в черном берете и комбинезоне шагнул через высокий комингс в каюту. В дверном проеме встал, широко расставив ноги, второй — рослый малый с забинтованной головой и чем-то блестящим в руке.

— Очухались? — сказал человек в черном берете, протягивая откупоренную бутылку с пестрой наклейкой. — Нате, попейте водички. Может, есть хотите? Только скажите, я мигом. Куриных котлеток, конечно, нет или там паштета, — у нас весь траулер по самые уши залит горячим, это ведь сколько времени по всему океану гоняемся. Но бекон, кофе — это можно. Принести?

— Нет.

Ур взял бутылку. «Виши», — прочел он на наклейке. Сделал глоток и поморщился: вода показалась совершенно безвкусной. Он принялся медленно пить из бутылки, стараясь выиграть время и оценить обстановку.

— Что уставились на меня? — Человек в берете поскреб черную щетину на щеке. — Не успел побриться, извините, — осклабился он. — Работы много, не успеваю...

— Где-то я вас видел, — сказал Ур, вцепившись в койку, повалившуюся набок. — В Диего-Суаресе вы, случайно, не дрались с грузчиками в порту?

— Может, и дрался, — добродушно ответил тот. — У вас коробочка, извиняюсь, в заднем кармане была, верно? Не успел я в тот раз коробочку выудить. Ну, допили водичку? Кончайте, я бутылку заберу.

Ур запрокинул голову, глотнул еще раз два. Плохи дела, подумал он. В одном только повезло — в том, что блокнот остался на «Дидоне», не попал в руки к этим людям. Он уже догадывался, кто затеял охоту на него...

— В газете однажды, — продолжал черный берет, — я вычитал про быков доктора Дельгадо, которые по радио управляются. Вот и у вас коробочка всегда была при себе, чтобы людям башку дурить. Не скажете, где коробочка? Мы ведь хорошо посмотрели — нету ее у вас...

— А на Гранд-Коморе, в лесу, вы тоже были?

— Может, и был, — охотно согласился берет. — Ну, кончайте, господин хороший, я не нанятой разговоры разговаривать...

— Я вас не держу. Идите.

— Бутылочку позвольте назад. Кто вас знает, может, вы мастер бутылкой драться. Ох, и сильны же вы! — добавил он с уважением. — Джимми до сих пор кровью харкает, после того как вы его ногой в живот угостили. А Конрад... — Он обернулся к рослому малому, стоявшему у двери. — Что, Конрад, болит?

Малый потрогал повязку на лбу и невнятно выругался.

Судно резко накренилось и обрушилось в пропасть. Ур не удержался, его бросило прямо на человека в берете.

— Эй, вы что? — крикнул тот, отскочив; глаза у него побелели. — Держаться надо...

А рослый малый наставил пистолет необычного вида и сказал на плохом французском:

— Опять хотел ампула в брюхо?

— Давайте бутылку, — мрачно сказал черный берет. — Сколько можно сосать?

— Сейчас допью. Со мной был юноша — где он?

— Парень жив и здоров, укачался только маленько.

— Вот ваша бутылка. Идите и скажите своему хозяину, что мне нужно с ним поговорить. Да побыстрее.

Оставшись один, Ур выловил свои ботинки, разъезжавшие по каюте, и обулся. Заглянул в шкафчик — там висели его пальто и шапка. Ладно. Надо собраться с мыслями.

Значит, так: Франсуа, судя по их словам, на борту траулера. Как бы с ним связаться? Это первая за-

дача. Вторая — узнать, куда идет траулер. Ну, а дальше?..

«Они меня боятся,— подумал Ур, вспомнив, как отскочил от него человек в берете.— Ну, хорошо, они боятся — что же дальше?» Без блокнота он не сможет одолеть их, не сможет вызвать лодку... Если бы Нонна догадалась взять блокнот... На это нечего рассчитывать: она вывихнула ногу, она страдает от боли... и от того, что он, Ур, исчез неведомо куда...

Он ударил кулаком себя по лбу. Сам, сам во всем виноват. Не надо было снова влезать в их дела, не надо было оттягивать возвращение... Тут он вспомнил, что сегодня истекает срок и будет вызов... вызов, на который он не сможет ответить...

Ур вскочил с койки и тут же полетел кубарем по вздыбившейся палубе. На четвереньках он добрался до двери и забарабанил по ней.

— Откройте! — кричал он. — Выпустите меня! Чего вам от меня надо?..

Никто ему не ответил. Только протяжные обвалы воды доносились из-за двери. Ур растянулся на палубе, усталой жалким вытоптаным ковриком, и закрыл глаза.

Сколько времени он пролежал так, не сопротивляясь отчаянию и качке? Он не знал, не хотел знать. Но вдруг он услышал звук вставляемого в скважину ключа. Вмиг Ур поднялся на ноги. Лицо его было страшным. Он сделал шаг к двери...

Гуго Себастиан вошел в каюту. В глазах его мелькнул испуг, он выхватил из кармана пистолет, похожий на стетоскоп. Ур опомнился. Нет, так нельзя... грубой силой их не взять...

— Я так и думал, Себастиан,— сказал он, овладев собой.— Так я и думал, что это вы подстерегаете меня по всему океану. Какого черта вам от меня надо?

Себастиан переложил пистолет из правой руки в левую и быстро перекрестился. Он был в кожаной куртке на белом меху. Желтые глаза смотрели настороженно из-под кустиков бровей.

— Вы напугали меня, Уриэль,— сказал он.— Я не одарен от природы такой могучей силой, как вы, и поэтому вынужден принять эту меру самозащиты. Вы не должны думать, что я собираюсь причинить вам вред:

это всего лишь снотворное средство в растворимой ампуле...

— Я с ним уже познакомился. Чего вам от меня надо? Куда вы меня везете?

— Понимаю ваше раздражение, Уриэль. И если вы сидите по ту сторону стола...

— Уберите пистолет. У меня сильное искушение свернуть вам шею, но я этого не сделаю.— Ур сел на койку.— Ну? Отвечайте.

Себастиан сунул пистолет в карман и сел на привинченный к палубе табурет по другую сторону стола.

— Я бы предпочел, чтобы вы разговаривали вежливее,— сказал он,— но понимаю, что у вас есть основания гневаться. Меня утешает только надежда на то, что вы поймете, что я действую в ваших же интересах.

— В моих интересах? Что это значит?

— Уриэль, мне известны ваши планы. Ну, может быть, не детально, но известны. Поверьте, я вам друг, и я хочу самым серьезным образом вас предостеречь: вы собираетесь внести в мир огромную смуту. Вы хотите дать человечеству даровую энергию, но это обернется бедой для великого множества людей, которые потеряют привычную работу. Они станут нищими и будут проклинать ваше имя.

— То есть как?

— А куда вы денете гигантскую армию нефтяников, шахтеров, теплотехников, рабочих электростанций?

— Рабочие электростанций останутся, им только придется немного переучиться. А горняки... ну что ж, вместо тяжелой работы на нефтяных промыслах и шахтах надо им предоставить другую...

— Вы удивительно наивны, друг мой,— усмехнулся Себастиан.— Но это естественно в вашем положении. Ваш предшественник тоже был идеалистом и поплатился за это...

— Вы опять о Христе? Не хочу слушать.

— Но я отвечаю на ваши вопросы, Уриэль.

— Меня зовут Урнангу.

— Как вам будет угодно. Разрешите продолжать. Если вы действительно озабочены, Урну... Урунгу... если вы на самом деле, а не на словах хотите сделать человека счастливым и обеспечить ему достойное существование, то у вас просто нет иного способа, чем тот, который я вам

предлагаю. Вы возглавите очистительное движение, какого еще не видел мир. Не имеет значения имя, полученное вами при рождении. Весь мир знает, что вы пришли из космоса, и только этот факт имеет значение. Ваше пришествие. Пришествие, которого уже отчаялось человечество. Не в имени дело, но имя может быть только одно, потому что только эта традиция способна сплотить все человечество. Традиция имеет необычайно крепкие корни в человеческих сердцах. Я знаю, что даже многие атеисты не отрицают возможности вознесения Христа: разве полностью исключено, что его могли прихватить с собой инопланетные космонавты? И разве исключено то, что он мог бы возвратиться на Землю благодаря релятивистскому эффекту, спустя тысячелетия? Библейское сказание о Енохе, живым взятом на небо, вполне вяжется с этой версией...

— Хватит, Себастиан. Ни слова больше о Библии. Отвечайте без уверток: куда вы меня везете и что собираетесь делать?

— Хорошо, пусть будет в открытую... У меня все подготовлено, Ургунду. Сразу по прибытии в Кейптаун состоится пресс-конференция. Будут видные журналисты и другие влиятельные лица, сочувствующие движению неoadвентизма. От вас ничего не потребуется — только ваше присутствие. Я оглашу текст заявления, с которым вы можете сейчас ознакомиться...

Он сунул руку за пазуху.

— С какой скоростью идет траулер?

Себастиан пристально взглянул на Ура.

— Зачем вам это? Учтите, что здесь не выйдет ваша одеронская проделка. Мы в открытом море...

— Я хочу знать, когда мы доберемся до Кейптауна. Ну? Десять узлов? Пятнадцать?

— Двенадцать. Если шторм не разыграется сильнее, завтра к вечеру мы придем в Кейптаун. Текст заявления пойдет в газеты и на радио. Телевидение тоже подготовлено. Весть о втором пришествии облетит христианский мир в считанные минуты...

«Сколько времени прошло с момента выхода траулера с Кергелена?» — соображал Ур. Если бы не беспамятство, он знал бы это точно: чувство времени никогда его не подводило. Но это же чутье подсказывало ему, что сейчас не более семи часов утра. Вышел траулер, навер-

ное, в восемь вечера. Одиннадцать часов в море... Значит, пройдено чуть больше ста тридцати миль... Теперь, мысленно проложив курс на Кейптаун, Ур знал место траулера в океане. Если бы у него сейчас был блокнот, ах, если бы... Но есть еще одна, хоть и слабая, но надежда. Если они близко и приемник у них настроен максимально тонко, то сигнал вызова сможет дойти...

— Богатства в мире распределены неправильно,— продолжал между тем Себастиан.— Мы призовем верующих к справедливому перераспределению. Бедность будет вознаграждена за свое долготерпение достатком. Неисчислимы богатства, собранные за века католической церковью...

Тут он, взглянув на Ура, осекся. Лицо пришельца из космоса было неузнаваемым, оно как бы затвердело, «схватилось», как схватывается цементный раствор. По напряженному лбу бежала струйка пота. Толстые губы побелели и были словно склеены.

— Что с вами, Уриэль? — спросил Себастиан. Ему было нехорошо от качки, у горла стоял тошнотный ком, но теперь он ощутил еще и испуг. — Уриэль! — крикнул он.— Что случилось?

— Ничего... — Ур повалился навзничь на койку.

— Вам плохо? — Себастиан вынул стеклянную трубочку с таблетками.— Примите вот это.

— Нет. Ничего... Продолжайте...

— Может, выпьете горячий кофе? Есть при такой качке невозможно, но кофе... Принести? — Шатаясь, Себастиан дошел до двери и, приотворив ее, отдал кому-то распоряжение. Вернувшись на свое место, он с минуту смотрел на Ура. Потом сказал тоном почти отеческим: — Ах, Уриэль, Уриэль... Вы, право, ведете себя как ребенок... Какие-то крайности — то цирк, то неосуществимые проекты... Зачем вам это? У вас даже нет приличного жилья, вы ютитесь по каким-то углам, по чужим квартирам. Получаете жалованье, извините, клерка, ездите в городском транспорте... У вас даже нет своего автомобиля!

В дверь постучали. Себастиан принял у малого в черном берете поднос с бортиками, на котором в специальных клетках стояли кофейник и чашки.

— Пейте, Уриэль, я налил вам.

Теперь они сидели друг против друга как добрые при-

ятели, отхлебывая из толстостенных чашек. Кофе был хороший, ароматный. Где-то внизу стучал двигатель.

— Знаю, сейчас вам кажется, что над вами совершенно насилие,— говорил Себастиан,— но на самом деле это не так, и вы поймете, что я — не более как орудие вашей же судьбы. Вам, дорогой друг, предназначено будущее великое, блистательное...

«Вряд ли они приняли вызов,— думал Ур.— Они, конечно, еще далеко... Что ж, придется ждать прибытия в Кейптаун... Пресс-конференция? Пусть... Там-то я и заставлю выслушать меня...»

— Вы слушаете, Уриэль? Разрешите называть вас привычным именем... Вы слушаете меня?

— Да. Вы хотели показать заявление для прессы. Где оно?

Себастиан с живостью вынул из внутреннего кармана куртки целлофановый пакетик, а из него — сложенный лист настоящего пергамента. Английский текст был набран крупным шрифтом, напоминающим средневековую первопечатную латынь, вокруг шел орнамент тончайшей, искуснейшей работы, с золотым тиснением.

— Что это? — удивился Ур.— Вроде этих... как называются папские послания?

— Энциклики,— улыбнулся Себастиан, подняв черные кустики бровей.— Ну что ж, если угодно, это первая ваша энциклика, Уриэль. Видит бог, она не уступает ватиканским ни по стилю, ни по оформлению. Признаться,— добавил он доверительно,— все это обошлось мне в такую сумму, что только успех нашего дела держит меня, так сказать, на плаву... Один фрахт этого судна... Впрочем, ни к чему,— оборвал он самого себя.— Читайте.

«Люди Земли! Возлюбленные братья и сестры!

Я снова с вами. Я пришел.

Более года я обходил тайно Землю и видел многих людей и многие страны. И видел несправедливые богатства и горькую нищету, и слезы человеческие, и горе от неразумия.

Я осмотрел церкви и увидел, как плохо служат они делу моему. Истинно сказано в Апокалипсисе: церкви Ефесская и Смирнская, церкви Пергамская и Фиатирская, церкви Сардийская, Филадельфийская и Лаодикийская в смуте и раздоре.

И только одна церковь, нерушимый корабль неоадвентистов, свято блюла веру во второе пришествие мое.

Я говорю: я испил из чаши Грааль и вернулся и встал во главе церкви своей...»

Дальше Ур читать не стал.

— Не люблю пышного стиля,— сказал он.— Неужели нельзя попросту: дескать, я пришел и теперь все переверну кверху дном... А это что? Откуда тут взялась моя подпись?

Внизу, под текстом, стоял широкий небрежный росчерк.

— Перепечатано с вашего автографа, Уриэль.— Себастиан вытянул из его пальцев пергамент.— Если помните, летом, на Черном море, вы мне дали автограф. Я же сказал: ни в чем мы не собираемся вас затруднять — хотя бы и в росписи. Механизм полностью налажен и готов к действию. Дороги назад нет.— Он поднялся.— Я рад, что вы проявляете разумный подход. Не хочу утомлять вас. Если вы захотите поесть...

— Минуточку, Себастиан. Я хочу повидать юношу, которого ваши люди вчера захватили вместе со мной.

— Я пришлю его, если только он на ногах. Франсуа плохо переносит качку. Разрешите вас заверить, что Франсуа, как и его достойный дядюшка, будет вам верным служителем.

— Что это значит? Вы хотите сказать, что он...

Себастиан покачал головой:

— Боже, как беспредельно вы наивны...

Ур встал, устремив на швейцарца тяжелый взгляд.

— Мальчишка куплен? Вы подослали его на «Дидону», чтобы следить за мной? Отвечайте! Ну, живо!

Себастиан стоял, держась за край стола, и прислушивался к чему-то. Теперь и Ур услышал: топали ноги по железной палубе, доносились какие-то крики. Что-то там, наверху, происходило. Себастиан быстро вышел из каюты, но не успел притворить за собой дверь: Ур, метнувшись, навалился на дверь плечом. Себастиан давил с той стороны и кричал, призывая кого-то на помощь. Несколько секунд они боролись таким образом, потом Ур мощным рывком отбросил противника. Себастиан растянулся в узком коридоре. Пока он поднимался, вытаскивая из кармана пистолет, Ур в несколько прыжков достиг трапа, ведущего на верхнюю палубу.

Океан был страшен. Белопенные горы ходили, громясь выше мачты, бросали судно вниз-вверх. Дико, по-волчьи завывал ветер; он был так плотен, что можно было лечь на него грудью. Поток воды обрушился на палубу, сбил Ура с ног. Он очутился бы за бортом, если бы не успел схватиться за штормовой леер — канат, протянутый вдоль палубы. Мелькнуло рядом чье-то лицо с безумно вытаращенными глазами. На мостике человек в черном мокром плаще орал, глядя куда-то вверх. Ур, вцепившись в леер, поднял голову. Косматые бурые тучи плыли, гонимые ветром, их клочья словно бы цеплялись за мачту, за низкую, косо срезанную трубу. С неба, из туч, в сереньком свете утра опускалось прямо на судно серебристое «веретено».

Опять обвал гигантской волны. Покрывая рев воды и ветра, кричали на верхней палубе люди. Человек в черном берете мелко крестился. Кто-то орал:

— Марсиане!.. Это за ним прилетели!..

Ур не сводил взгляда с летающей лодки. Дошел, дошел вызов... Он не видел, как Себастиан, держась одной рукой за леер, другой нацелил на него пистолет. И тут выскочил откуда-то Франсуа — Ур узнал его по соломенным волосам, по родимому пятну на бледной щеке. В следующий миг Франсуа вышиб из руки Себастиана пистолет и завопил срывающимся голосом:

— Мосье Ур, простите, простите... Они мне говорили, что так нужно для вашей же пользы... Простите меня, мосье Ур!..

Стоя на коленях, он плакал и цеплялся за куртку Ура.

Лодка теперь висела над траулером, и вдруг палуба стала давить на ноги, она поднималась, поднималась, но это была не очередная волна — какая-то исполинская сила вытягивала судно из воды...

Взвыл, разгоняясь в воздухе, оголенный винт. Кто-то с мостика безумным голосом заорал, чтобы остановили двигатель. Оцепенев от ужаса, команда траулера смотрела на невесть откуда взявшееся «веретено», которое притянуло, вырвало судно из воды и теперь потащит его за собой на небо, на Марс или еще дальше... Лязгая зубами, шепча давно забытые молитвы, смотрели на женщину с яростными черными глазищами, которая появилась в открывшейся на боку «веретена» овальной двери, на рыже-

бородого мужчину, выглядывавшего из-за плеча женщины...

Ур замахал им руками, закричал, и в ответ женщина тоже крикнула и засмеялась, а мужчина выкинул из двери что-то белое. Это был шторм-трап, он долетел, размазываясь, до палубы траулера, и Ур подбежал к нему, занес ногу...

Гуго Себастиан опомнился. Он кинулся вслед за Уром, но тут человек в черном берете проворно подставил ему ножку. Себастиан упал на палубу, его потащили назад. Он кричал:

— Скоты! Проклятые трусливые скоты!.. Сколько вам заплачено!.. Держите его, он же уходит, уходит...

И он пытался вырваться и рыдал, колотя отчаянно кулаками по железной палубе. Его держали крепко.

Ур долез по раскачивающемуся шторм-трапу до двери лодки.

— Франсуа! — крикнула Нонна. — Почему он не забирается?..

— Не надо его звать! — Ур, задыхаясь, ступил в отсек и потянул шторм-трап вверх. — Я все-таки не Христос, чтобы прощать... Скорее! Вы мне энергатор разрядите...

Он захлопнул дверцу и ринулся к пульту управления. Быстрое движение руки...

Траулер со своей потрясенной командой рухнул в воду, выбросив гигантский фонтан, и закачался на волнах.

Ур и Нонна кинулись друг другу. Они стояли обнявшись и обмениваясь бестолковыми восклицаниями, а лодка между тем все так же низко висела над штормовым океаном. Валерию казалось, что волны вот-вот дотянутся, захлестнут, «слизнут» неуправляемую лодку...

— Ты молодчина, Нонна!

— Дорогой ты мой...

— Как твоя нога?

— Какая нога?

— Мерзавец, он выдумал это...

— Ты о чем, Ур?

— Потом, потом...

Тут Валерий не выдержал. Он дернул Ура за рукав и сказал:

— Посмотри на экран.

Ур увидел пенные гребни гор-волн и большую белую птицу, летящую в ложбине между двумя горами, увидел траулер, торопливо уходящий прочь от неприятного места.

Ну, наконец-то вспомнил, что он не на Приморском бульваре возле кафе-мороженого...

Ур сел в кресло перед пультом и несколько минут сосредоточенно работал, настраивая автопилот. По экрану внешнего обзора поплыла полоска голубого света. Океан ушел вниз. Лодка, бесшумно набрав высоту, легла на заданный курс.

И вспомнил Валерий свой первый полет в этой лодке. Зеленый Каспий лежал тогда под ними, а впереди была неизвестность, и он, обмирая от страха, готовился, как говорится в романах, дорого продать свою жизнь... Как давно это было!

— Обратно на Кергелен? — спросил Валерий, когда Ур поднялся из кресла.

— Да.

— Только погоди обниматься, Ур. Успеете еще. Что с тобой было? Кто тебя похитил?

Ур наморщил лоб. Да, верно, пришла пора объяснить самым близким людям, что, собственно, с ним произошло. Он усадил Нонну в кресло, единственное кресло в отсеке, а сам сел на пол, скрестив ноги. Валерий тоже устроился на полу, прислонившись к стенке. Мягкий бестеновой свет лег на их лица и как бы приглушил на них выражение тревоги, усталости, пережитого отчаяния...

И Ур рассказал о Гуго Себастиане, задумавшем объявить его Иисусом Христом и с его помощью перераспределить богатства в мире — прежде всего, разумеется, в свою, Себастианову, пользу. И о том, как через посредство библиотекаря Океанариума Жана-Мари он, Себастиан, пристроил на «Дидону» этого юнца, Франсуа Бертолио, и как охотился на него, Ура, по всему океану, и как вчера этому Франсуа удалось заманить его в засаду...

У Нонны расширились глаза. Так вот оно что! Он безрассудно забыл обо всем и кинулся ей на помощь... Она не сводила взгляда с лица Ура и твердила мысленно, клялась себе, что никогда ни на одну минуту теперь не оставит его одного...

Нонна принялась рассказывать, как проглотила пленку с закодированной информацией и что произошло с ней потом. Блокнот Ура был у нее в руках, и это оказалось так просто и естественно — повернуть кончиком пальца крохотную рукоятку сбоку и послать вызов лодке; она прекрасно знала, где находится лодка, да, знала, хотя и не смогла бы выразить это знание словами, — и лодка появилась. Она, как призрак, возникла в темном, затянутом тучами небе и медленно опустилась на воду борт о борт с «Дидоной». Гавань замерла, пораженная небывалым зрелищем, а у доктора Русто выпала изо рта сигара. Она, Нонна, ничего этого не видела, это Валерий ей потом рассказал, и Валерий прыгнул за ней в открывшуюся дверь, хотя Нонна вовсе не собиралась брать его с собой, она просто ни о ком и ни о чем не помнила, кроме того, что нужно лететь на выручку Уру.

Но куда лететь? До сих пор она знала, что надо делать, — каждый раз перед новым, что ли, этапом ее вдруг осеяло. Она знала, как поднять лодку в воздух, и подняла, но куда лететь, она не знала. Почти всю ночь лодка ходила кругами над Кергеленом, на экране было темно, и она, Нонна, временами думала, что сойдет с ума от страшного напряжения. И вдруг — уже стало светать — она поняла, куда надо лететь...

— Я послал вызов, — сказал Ур. — Без блокнота это возможно только на небольшие расстояния, потому что нет усиления сигнала. Хорошо, что расстояние между нами было в пределах ста пятидесяти миль — дальше сигнал бы не прошел.

— Ур, — сказала Нонна, почему-то понизив голос, — я еще не все сказала. Среди ночи, а может, под утро... да, уже начинался рассвет... я вдруг почувствовала, будто меня зовут. Вначале я подумала, что это галлюцинация. Но зов повторился... Я не различала слов, это были не слова, но мне стало ясно: спрашивали, почему я не отвечаю...

— Это меня вызывали, — тоже тихо ответил Ур. — Но поскольку блокнот был у тебя...

— Я так и подумала. Вдруг все исчезло. Будто выключилось.

— Да, — кивнул Ур. — Они поняли, что это не я.

Помолчали. Валерию страшно хотелось курить, он мял в кармане пачку сигарет, но, само собой,

здесь курить не следовало — мало ли, взорвется что-нибудь.

Ур сидел задумавшись. Но вот он поднял голову и увидел две пары глаз, с ожиданием устремленных на него.

Что ж, теперь уже не было смысла скрывать...

— Не знаю, как ты, Нонна,— сказал он,— а Валерий, наверно, давно понял, что я не просто вернулся на Землю жить среди людей, как живут мои родители... что у меня была определенная цель...

— Мне приходило это в голову,— подтвердил Валерий.— Но вообще-то... как-то забывалось... Не хватало, что ли, времени хорошенько подумать. Так ты разведчик, Ур?

— Да,— не сразу ответил Ур.— Помнишь, Валера, как ты заполнял мою анкету? В графе «Место рождения» ты написал «Транспортное средство». Я еще тогда задумался: где же моя родина? Древний Шумер, которого я никогда не видел и которого давно нет на свете? Или планета Эир? Я вырос на Эире, там я получил образование и воспитание,— значит, это и есть моя родина...

— Нет,— быстро сказала Нонна,— твоя родина здесь. Ты сын землян и сам землянин. Ур, тебе трудно говорить. Не надо. Ни о чем не рассказывай.

— Я вырос на Эире, и это был мой мир. Других я не знал и не хотел знать. Конечно, я сознавал свою непохожесть на них. Это мучило меня. Больше всего мне хотелось быть таким, как все. Хотелось страстно, до ненависти к собственному лицу и телу. Но это был мой мир. И когда мне предложили лететь на Землю... Нет,— вздохнул он,— не с этого надо начать. Надо начать с той эирской экспедиции. Первое знакомство с землянами создало у эирцев впечатление о Земле как о планете дикой, населенной крайне агрессивными существами, и на своих картах они сделали пометку, означающую низшую степень разума. Вместе с тем они подметили потенциальную способность земных племен к быстрому развитию. Покидая Землю — с моими родителями на борту,— экспедиция забросила в океаны несколько следящих маяков. Они обязаны были сделать это. Два маяка действуют до сих пор...

— Где они находятся? — перебил его Валерий.

— Ты знаешь. Это «дьявольские треугольники».

Валерий коротко свистнул. Вот как! Конечно, он знал о «дьявольских треугольниках». Так называют два района: один — в Атлантике, между Флоридой, Бермудами и островом Вьерж, а второй — в Тихом океане, между Японией, Северными Филиппинами и островом Гуам. Там бывают страшные бури и мертвая зыбь, врут компасы и не проходят радиоволны, там бесследно исчезают корабли, не успев выкрикнуть SOS...

— Маяки регистрировали мощные взрывы и анализировали состав атмосферы. Информация поступала на Эйр и обрабатывалась... ну, можно назвать эту машину машиной прогнозов. Раз за разом прогнозы приобретали все более тревожный характер. Они предсказывали опасность для Эира...

— Опасность со стороны Земли? — изумилась Нонна.

— Да. Агрессивные от природы земляне, вооруженные ядерным оружием, выйдут в открытый космос, — такой прогноз был сделан, и его расценили как отдаленную, но реальную опасность для старых цивилизаций Галактики. Я был послан на Землю, чтобы определить степень опасности, дать достоверную информацию. Я понимал ответственность своей задачи и был полон энтузиазма...

— Ты определил степень опасности? — спросила Нонна.

— Я старался понять земную жизнь. Мне было так трудно, что невозможно выразить. В минуты слабости я просил отозвать меня... погоди, Нонна, не торопи, я отвечу на твой вопрос... Жизнь на Земле, кроме самых общих принципов, определяющих условия существования разумов в Галактике, нисколько не похожа на жизнь Эира. Там... как бы сказать... ну, все в высшей степени рационально. Там нет такой разнородности и пестроты, которые ошеломили меня на Земле... Не буду отвлекаться. Да, я старательно выполнял свою задачу. На Эйре не только получали регулярную информацию от меня, но и видели моими глазами, слышали моими ушами. Они плохо понимали многое, и я как умел объяснял... Я пришел к выводу, что машина прогнозов преувеличила опасность...

— Преувеличила! — Валерий вскочил и принялся

расхаживать по тесному отсеку.— Ты им скажи, непременно скажи, что они могут спокойно спать на своих кроватях, черт дери...

— Я тоже уверена, что ядерных налетов на Эир и любые другие населенные планеты не будет никогда,— резко сказала Нонна.— Просто обидно, что они считают нас дикарями!

— Не надо обижаться,— посмотрел на нее Ур.— У них были достаточно серьезные основания считать землян агрессивными.

— Да как же можно так обобщать? Ну, были войны, и сейчас есть. Ну, существуют агрессивные группы, рваншисты всякие, монополисты, фабриканты оружия — мир пестр и разнороден, в этом ты прав. Но нельзя же всех людей под одну гребенку!

— Вот именно,— недовольно проворчал Валерий.— Они вроде тех мастеров скороспелых выводов, которые считают: сегодня в школу опоздал — завтра сберкассу ограбит...

— Что вы накинулись на меня? — спросил Ур.— Я же говорю, что информировал Учителя... я правильно информировал эирцев, что прогноз ошибочен... что есть на Земле могучие силы, которые не допустят вывоза ядерного оружия в космос.

— Послушай,— остановился перед ним Валерий.— Ты информировал правильно, ты молодец. Ну, а если бы ты подтвердил прогноз? Что было бы тогда? Война миров?

— Теперь не уэллсовские времена, Валера, чтобы лететь, высаживаться, чем-то рисковать...

— Я помню, помню! Ты мне однажды сказочку рассказывал, я запомнил, как грозились схлопнуть Солнце. Это про них ты рассказывал, про эирцев своих?

— Сказка есть сказка...

— Не крути, Ур! Могут они устроить звездный коллапс? Да или нет?

— Могут. Потребуется такое количество энергии, что трудно себе представить, но в принципе это возможно... Что вы так всполошились, ребята?

— Да видишь ли,— ворчливо сказал Валерий, садясь на место,— лично я обожаю загорать. Хочется еще полежать под солнышком кверху спиной...

— Почему бы эирцам не вступить в прямой контакт

с нами? — сказала Нонна. — Разве это хуже, чем вести тайные наблюдения?

— С кем бы они вступили в контакт? До моей отправки сюда население Земли представлялось им скопищем враждующих племен.

— Какая чушь! Как будто нет ничего, кроме вражды! Ты Расскажи им, Ур, о движении за мир. О международном сотрудничестве ученых в Антарктике, о нашем соглашении с американцами о совместных полетах в космос, о международной службе погоды, о спасании на морях, о помощи при стихийных бедствиях...

— Об Олимпийских играх, — вставил Валерий.

— Наконец, есть международные организации, Совет Безопасности например, который мог бы назначить авторитетную группу экспертов...

— Верно, все верно, — сказал Ур. — Они теперь знают об этом. Но контакт... Может быть, они найдут нужным вступить в контакт, но что-то я сомневаюсь. Слишком разные уровни. Скорее всего, они решат подождать, пока Земля достигнет второй степени разума.

— А что это такое? — спросил Валерий.

— Что это такое? — повторил Ур. — Хорошо. Попробую объяснить популярно... Помнишь, я у тебя прочел уйму старых книжек с чердака? Там был один роман Эдгара Берроуза...

— Берроуз? — сказала Нонна. — Это автор «Тарзана»?

— «Тарзан» там был тоже, без начала и конца. Но я говорю о другой его книжке, она называлась «Дочь тысячи джеддаков». Это космическая фантастика, и ее герой, Картер такой, путешествует по космосу без корабля и скафандра. Сконцентрирует волю — и перемещается натуральным образом на Марс...

— Чепуха! — воскликнула Нонна.

— Верно, чепуха. Такого быть не может. Другое дело — сама идея трансформации энергии мозга в физическое движение. Разум — это ведь не просто продукт высокоорганизованного мозга. Это — и энергия. Но для получения энергии требуется определенная система. Мозг постоянно принимает информацию, рассеянную вокруг; этот прием, не организованный в систему, стохастичен. Мозг может и должен быть настроен на направленный прием информации, и тогда мышление включается

в информационные поля. Тогда оно становится не просто продуктом энергетики мозга, но и, многократно усиленное, само превращается в источник энергии. Эту энергию, которую дает коллективное, организованное в систему мышление, давно освоили на Эире. Можно это назвать интеграцией мыслительной энергии.

— Коллективное мышление,— задумчиво сказал Валерий.— Где-то я читал... где-то было подсчитано, что мыслительная энергия двух миллионов человек, мыслящих синхронно, может зажечь сорокаваттную электрическую лампочку...

— Зажечь лампочку? — Ур засмеялся.— Вряд ли на Земле есть электростанция такой мощности, какую дает выход энергии сознательно-коллективного мышления. Ну вот. Социальное устройство, достигшее такого уровня общего мышления, и есть главный признак второй степени разума.

— Ну и ну! — покачал головой Валерий.— Значит, все там думают хором, что ли? Об одном и том же? По команде?

— Нет, конечно. Каждый думает сам по себе. Но если нужна определенная информация или определенная затрата энергии, немедленно включается вся мощь коллективного мышления, ты как бы получаешь импульс.

— Здорово! А каким образом... черт, не выразишь... как можно настроить свой мозг на направленный прием информации? В общем, нельзя ли мне, или вот Нонне, или любому из нас, простых смертных, подключиться к системе?

— Нет,— сказал Ур.— На Эире с детства проходят специальный курс подготовки. Потом, по достижении зрелого возраста — примерно двенадцати лет по земному счислению,— ты сдаешь экзамен и получаешь личный усилитель. Это и есть акт приобщения к общему разуму.

— Личный усилитель? — переспросил Валерий.

— Да. Вы называете это блокнотом. Прибор универсален, он включает и устройство для записи. Но главное его назначение — усиливать энергетический потенциал твоего мышления. Прибор содержит сильный заряд, практически вечный, потому что постоянно идет автоматическая подзарядка. Вы сами наблюдали преобразование космического излучения в электрический ток...

— И прибор как бы включает твоё мышление в коллективное?

— Примерно так. Я говорю все это упрощенно, потому что психофизика тут очень сложная, мне самому не вполне понятная.

— Значит, в цирке ты поднимал людей направленной и усиленной прибором мыслью?

— Да. Меня привлекало в цирке...

— Погоди, Ур. Насколько я понял, прибор служит посредником между твоим и общим мышлением, так? Но общее мышление далеко отсюда. Не может быть, чтобы заряда прибора, каким бы он ни был, хватало на преодоление такого гигантского расстояния.

— Ты прав, Валера. Заряда не хватает. Ладно, говорить, так уж все... Я ведь прилетел на этой лодке не с Эира.

— Само собой. Тебя с родителями доставил космический корабль, посадил вас на десантной лодке и, надо полагать, улетел обратно...

— Нет. Корабль остался на орбите Плутона. На корабле есть мощная станция-ретранслятор, через нее и идет моя связь с Эиром. Может быть, сегодня корабль перейдет на околоземную орбиту.

— Почему?

— Он придет за мной. Сегодня истекает мой срок...

— Что?! — Нонна испуганно уставилась на Ура.

— Они прилетят за мной, но я откажусь возвращаться. Я остаюсь.

— Правильно! — кивнул Валерий. — Что тебе там делать? Может, у них больше порядка и все такое, но, по моему, скучноватая планета.

Ур не ответил. Он смотрел на экран, на бурный, уходящий к туманному горизонту океан. Скоро, наверное, уже откроется прямо по курсу Кергелен.

— Я ведь не рассчитывал на то, что Нонна вызовет лодку и прилетит за мной, — сказал Ур, помолчав. — Думал, что ты лежишь с вывихнутой ногой...

— Кому же ты послал вызов? Им? — спросила Нонна.

— Да. У меня была надежда на то, что корабль близко.

— Ур... они не увезут тебя склой?

— Надеюсь, что нет. Дай мне, пожалуйста, блокнот. Надо быть готовым ответить на вызов.

Нонна пристально на него смотрела и угадывала каким-то обострившимся чутьем, что он беспокоен, что за внешней сдержанностью скрывается тревожное ожидание.

— А что,— спросил Валерий,— на Эире так и поставлено обучение — глотай пленку с закодированной информацией?

— Это один из методов,— ответил Ур с рассеянным видом.— Есть и другие... Между прочим,— взглянул он на Валерия,— меня удивило в священном писании... удивили некоторые детали. Пророк Иезекииль там глотает книжный свиток и наполняется таким образом знанием. И в Апокалипсисе — Иоанн Патмосский тоже учился так пророчествовать, тоже свиток какой-то глотал. Откуда это?

— Хм! — пожал плечами Валерий.— Метод, одобренный священным писанием... А может, эирцы, когда посетили Землю, научили кого-то... Черт, что это?!

Резкий толчок. Нос лодки стал быстро задираться вверх, будто она наскочила на препятствие и готовилась его перепрыгнуть. Нонна, вскрикнув, упала на спинку пилотского кресла. Ура и Валерия отжало к задней стенке отсека. Но Ур успел ухватиться за тумбу кресла и подтянул налившееся тяжестью тело к пульту. Перед ним заскользили цветные полосы, все быстрее, быстрее, и что-то тихонько щелкало.

Ур знал, что означает щелканье — перемену курса. Автопилот не мог этого сделать...

Он дотянулся до клавиши тормозного устройства. Нет. Лодка продолжала идти с ускорением. Попробовал изменить курс — лодка не послушалась. Нонна, лежа в кресле, со страхом смотрела на его перекошенное лицо, вывернутые губы. Она не знала, что и ее лицо сейчас искажено перегрузкой.

— Что это? — спросила она, с трудом шевеля языком.

Ур молча пытался обуздать лодку, вышедшую из повиновения. Но он уже понимал, что ничего сделать нельзя...

— Это они? — прохрипела Нонна.

— Да...

— Что им нужно?.. Я не хочу к ним, не хочу, не хочу...

Вцепившись в подлокотник кресла, Ур беспомощно лежал на почти отвесном полу. Он слышал, как сзади стонал сквозь зубы Валерий. Знать бы заранее, он усадил бы Валерия в кресло в соседнем отсеке. Там спинка с амортизатором — Валерию было бы легче перенести усечение. О себе он не думал.

— Ур, сделай что-нибудь,— хрипела Нонна.— Мне страшно... Скажи им, чтоб отпустили...

Он молчал. Он знал, что они сейчас не ответят на вызов, не станут говорить с ним, пока не притянут лодку на место...

Экран был закрыт серой пеленой. Потом его залила голубизна — это лодка прорвала густую облачность и шла теперь вверх в чистом небе.

— Сделай, сделай что-нибудь, Ур...

Голубое небо начало меркнуть, словно наступил вечер. Вот оно стало темно-фиолетовым, почти черным... вспыхнули звезды — незнакомые, круглые, немигающие...

— Они не смеют! — кричала Нонна отчаянным шепотом.— Не смеют увозить насильно...

Вдруг перегрузка кончилась. Замедление было мягким, только стало красно в глазах от прилива крови. Наступила невесомость. Нонна и Ур держались за кресло, а Валерий всплыл, его ноги висели у Ура перед носом. Нонна успела заметить, что на экране появилось нечто совершенно непонятное — какие-то странные конструкции, длинные сверкающие плоскости... Лодка, вздрогнув, остановилась. Снаружи донесся короткий стук, потом — шипение.

— Стыковка? — спросил Валерий.

Он опустился на пол. Невесомость теперь исчезла. Тепло весило почти нормально.

— Здесь искусственная тяжесть,— сказал Ур.— Сидите и ждите меня.

Он пошел к двери, но тут Нонна выскочила из кресла и решительно заявила:

— Мы идем с тобой.

Ур поколебался было, потом махнул рукой:

— Ладно. Только ни во что не вмешивайтесь.

Они прошли шлюз. Открылась овальная наружная дверь, и Нонна увидела темноватый коридор и гладкий помост, плотно прилегающий к корпусу лодки. Он был

пригнан с такой точностью, без щелей, что сразу стало ясно: лодка заняла свое место. Это было ее гнездо в чреве космического корабля.

Ур быстро пошел по кольцевому коридору, освещенному невидимыми светильниками. Нонна и Валерий шли за ним, не отставая ни на шаг.

— КТО С ТОБОЙ?

— Женщина, которую я люблю. И мой друг.

— ОНИ ХОТЯТ ЛЕТЕТЬ С НАМИ?

— Нет. Они хотят остаться на своей планете. И я останусь с ними.

— ТВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ЗДЕСЬ КОНЧИЛОСЬ. ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ НА ЭИР.

— Нет, я решил остаться. Всем сердцем я благодарен своему первому Учителю и всем эирцам, но я останусь на Земле. Я человек и хочу жить среди людей.

— ТЫ ЗАБЫЛ ВСЕ, ЧЕМУ ТЕБЯ УЧИЛИ. ТЫ МЫСЛИШЬ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО, ТЫ САМ МНОГО РАЗ ПРОСИЛ ПОСКОРЕЕ ВЫВЕЗТИ ТЕБЯ ОБРАТНО НА ЭИР.

— Да, просил. Я не сразу пришел к ясному пониманию... Непоследовательность только подтверждает мою человеческую природу.

— ОНА ПОДТВЕРЖДАЕТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПРЕБЫВАНИЕ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ СИЛЬНО НА ТЕБЕ ОТРАЗИЛОСЬ. К КОНЦУ СРОКА ТЫ ВСЕ ХУЖЕ ВЫПОЛНЯЛ СВОЮ ЗАДАЧУ.

— Я выполнял ее как умел. Мне было трудно здесь, и на моей информации невольно отражались смутные, растерянность... Но она всегда была правдивой. Я еще раз, последний раз говорю тебе: планета Земля не опасна для Эира...

Нонна стояла чуть позади Ура. Она не видела никого в темном помещении. Впереди светились окошки каких-то приборов — большие и маленькие окошки чужого мира. Где-то вверху была словно прорублена дыра, в которой виднелось звездное небо. Иногда по нему пробегали цветные волны.

Нонне казалось, что в глубине помещения есть кто-то

живой, даже несколько живых существ. Ей было жутко, но она усиленно всматривалась, пытаясь различить очертания фигур. Раз ей почудилось, что пробежавшая световая полоска на миг выхватила из тьмы зеркальную чешую...

— ЧТО ЗНАЧИТ — ПРАВДИВАЯ ИНФОРМАЦИЯ? НЕПОНЯТНО.

— Правдивая информация отражает действительность без искажений. Без лжи сознательной или бессознательной.

— ИНФОРМАЦИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ИНФОРМАЦИЕЙ И БОЛЬШЕ НИЧЕМ. ВСЯ ТВОЯ ИНФОРМАЦИЯ БУДЕТ ОБРАБОТАНА. В ПУТИ МЫ БУДЕМ ВЫЗЫВАТЬ ТЕБЯ, ЕСЛИ ВОЗНИКНУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

— Учитель, я не возвращусь на Эир! Мое место здесь, на Земле, я хочу жить среди подобных себе...

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО.

Нонна взглянула на Ура. Его лицо в слабом свете звездного неба хранило уже знакомое ей суровое выражение. Но было что-то еще, что-то новое, непривычное; щемящее... может быть, вот эти мучительные морщины на лбу... беспомощное выражение поднятых бровей...

— ЭТИ ДВОЕ МОГУТ ВЕРНУТЬСЯ НА СВОЮ ПЛАНЕТУ. ТЫ ВОЗВРАТИШЬСЯ НА СВОЮ. ТЫ ПРИОБЩЕН К ОБЩЕМУ РАЗУМУ И НЕ МОЖЕШЬ СПУСТИТЬСЯ К ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ.

— Могу! Могу и хочу... Отпустите меня, отпустите...

Нонне сделалось тоскливо, жалость и страх переполняли ее. Она не знала, о чем идет безмолвный разговор и как он поворачивается, но чувствовала, видела, что Ур побежден.

И вдруг из неведомых глубин сознания явилось иное чувство, мгновенно оттеснившее страх и жалость. И, безотчетно повинуясь ему, Нонна рванулась вперед...

Она ринулась в глубину помещения, туда, где притаились живые существа: она с ходу налетела на кого-то или что-то и заколотила кулаками по жесткому, жутко холодному, и она кричала надсадно, не своим голосом:

— Не отдам вам его! Он мой, а не ваш!.. Мой, мой!..
Что-то похожее на кривую палку подвернулось ей под руку, и она кинулась дальше, к смутным фигурам, и была палкой куда ни попадя.

— Умру, а не отдам его! Не отпущу ни на какие планеты, никуда, ни-ку-да!.. Убейтесь отсюда!

Кто-то сзади схватил ее за плечи железными руками, она услышала над ухом голос Ура:

— С ума ты сошла!

Нонна вырывалась и царапалась, и кричала, ни до чего ей не было дела, только прогнать этих, не отдать им Ура...

Опомнившись, она увидела все в том же звездном голубоватом свете, что сидит на полу, а над ней, склонившись, стоит Ур, и лицо Валерия, небывало серьезное, увидела она. Ее волосы растрепались, распустились по плечам, и она машинально провела ладонью по полу в поисках выпавших заколок. Лицо было мокрое от слез, в горле першило, хотелось кашлять.

— Дай руку,— сказал Ур.— И вторую. Смотри, что ты наделала.

Руки у нее были в крови, на ребрах ладоней, на костяшках пальцев содрана кожа. Ей было все равно, она даже боли не чувствовала, только внутри, в груди, нестерпимо болело. Тупо смотрела она, как Ур перевязывает ей руки своим и Валеркиным носовыми платками. Потом она подняла на него глаза, и Ур подумал мимолетно, что только глаза и остались у нее на лице, одни огромные глаза.

— Ты не оставишь меня? — спросила Нонна почти беззвучно.

— Никогда,— ответил он.

И, кончив перевязывать, выпрямился.

Разговор его с Учителем по каналу вневременной связи оборвался в ту самую минуту, когда Нонна пошла в атаку. Корабельный связист, вероятно, выключил связь. Ур не знал, что происходило. Но что-то происходило — он видел это по одному ему заметным признакам. Наверняка корабельная машина анализировала поступок и слова Нонны, наверняка уже оповещен об этом Эир. Что ж, оставалось только ждать...

Но вот он ощутил сигнал вызова. Разговор возобновился.

— КТО ЭТО БЫЛ?

— Я уже сообщил: женщина, которую я люблю.

— ОНА ХОТЕЛА ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЭКИПАЖУ?

— Нет. Она никому не причинит вреда. Она добрая.

— ОНА СКАЗАЛА, ЧТО УМРЕТ, НО НЕ ОТДАСТ ТЕБЯ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

— Это значит, что она не захочет жить, если меня увезут на Эир. Она меня любит.

— А ТЫ?

— Что я? Лучше и мне умереть, чем расстаться с ней. Мы с ней не можем расстаться. Мы не можем жить порознь.

Связь опять прервалась. Но Ур продолжал стоять, не шевелясь, не оборачиваясь к Нонне. Он чувствовал на себе ее тревожный взгляд.

Текли минуты, а может, часы.

Вызов!

— В-КОРАБЛЕ-РОЖДЕННЫЙ, СООБЩАЮ ТЕБЕ РЕШЕНИЕ ОБЩЕГО МНЕНИЯ. МЫ НЕ ХОТИМ ВАШЕЙ СМЕРТИ. И, ХОТЯ ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ ОСТАТЬСЯ НА МАЛОРАЗВИТОЙ ПЛАНЕТЕ НАМ НЕ ВПОЛНЕ ПОНЯТНО, ТЕБЕ РАЗРЕШЕНО НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ЭИР.

— Спасибо, Учитель! Спасибо всем, всем...

— ТЫ БУДЕШЬ ВЫКЛЮЧЕН ИЗ ОБЩЕГО РАЗУМА. БУДЬ ОСТОРОЖЕН. СКАЖИ ЖИТЕЛЯМ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ, ЧТО КРУПНЫЕ ВЫБРОСЫ ЭНЕРГИИ В КОРОТКОЕ ВРЕМЯ НЕ БЫВАЮТ ПОЛЕЗНЫМИ. ОНИ МОГУТ ВЫЗВАТЬ ТРЕВОГУ В ЦИВИЛИЗОВАННЫХ МИРАХ. ПУСТЬ ЖИТЕЛИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ БУДУТ ОСТОРОЖНЫ С ЭНЕРГИЕЙ.

Связь выключилась. На этот раз, как видно, навсегда...

Ур вдруг почувствовал, что ноги перестали его держать. Он сел и несколько секунд дышал, широко разевая рот.

— Ну что? — услышал он шепот Нонны. — Они не отпускают?..

Он повернул к ней голову и медленно, трудно улыбнулся.

— Отпустили?! — Ее глаза просияли.

Ур кивнул.

Потом он ушел во тьму кабины, его силуэт трижды пересек светлое пятно звездного неба. Слабо гудели странные голоса. Ур прощался с экипажем звездолета.

Потом они втроем вернулись по кольцевому коридору, через шлюз, в свою лодку. Он усадил Нонну и Валерия в кресла в соседнем отсеке — тут только Валерий вспомнил, что это были кресла Шама и его жены, Каа. Сам Ур уселся в пилотское кресло перед пультом. Снаружи зашипело, донесся короткий стук: звездолет разверз свое чрево, чтобы выпустить лодку.

Перегрузка нарастала, но теперь было легче ее переносить.

— Блокнотик-то у Ура отобрали,— сказал Валерий. Он испытывал неудержимую потребность говорить.— И лодочку после посадки заберут обратно. И будет наш Ур как все люди...

Нонна молчала. Она лежала в кресле, закрыв глаза. Но Валерию почудилась слабая улыбка на ее измученном лице.

— Ты как теперь будешь прозываться? — не мог он остановить себя.— Селезнева или Шумерская?.. Впрочем, какая разница,— добавил он, вдруг погрузнев.— Да, все хорошо, что хорошо кончается, как говорили в Древнем Шумере.

1971—1972 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ПРАКТИКАНТ

<i>Глава первая.</i> Чертово городище	7
<i>Глава вторая.</i> Ур, сын Шама и Каа	21
<i>Глава третья.</i> «Вы ученые, вы и разбирайтесь»	29
<i>Глава четвертая.</i> Спецкомандировка	45
<i>Глава пятая.</i> Ур начинает работать	63
<i>Глава шестая.</i> «Я — землянин»	84
<i>Глава седьмая.</i> Что это было?..	110
<i>Глава восьмая.</i> Джанавар-чай	121

Часть вторая. БЕГЛЕЦ

<i>Глава первая.</i> «Не приносите в храм цены песьей...»	147
<i>Глава вторая.</i> Гнев Пиреева	164
<i>Глава третья.</i> Уриэль	184
<i>Глава четвертая.</i> Санта-Моника	208
<i>Глава пятая.</i> Счет выпавших очков	231
<i>Глава шестая.</i> Альфа и омега	254
<i>Глава седьмая.</i> Возвращение Ура	283

Часть третья. БРАВЫЕ ВЕСТЫ

<i>Глава первая.</i> Люди и боги	301
<i>Глава вторая.</i> Агглютинация	331
<i>Глава третья.</i> Если гора не идет к Магомегу...	354
<i>Глава четвертая.</i> Меридианы	369
<i>Глава пятая.</i> Мадемуазель Селезнёфф	394
<i>Глава шестая.</i> Острова в океане	419
<i>Глава седьмая.</i> «А как же Ур? Бедный Ур...»	442

Для среднего и старшего возраста

Евгений Львович Войскунский

Исай Борисович Лукодянов

УР, СЫН ШАМА

Фантастический роман

Ответственный редактор *Н. М. Беркова*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Р. Б. Сиголаева*. Корректоры *Н. А. Сафронова* и *З. С. Ульянова*. Сдано в набор 18/IX 1974 г. Подписано к печати 24/IV 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 25,85. Тираж 100 000 экз. А03798. Заказ № 3457. Цена 90 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Войскунский Е. Л., Лукодянов И. Б.

В65 Ур, сын Шама. Фантастический роман. Рис. А. Иткина. М., «Дет. лит.», 1975.

479 с. с ил. (Б-ка приключений и научной фантастики).

Фантастический роман о необычной судьбе землянина, родившегося на космическом корабле, воспитывавшегося на другой планете и вернувшегося на Землю в наши дни.

Р2

УР, СЫН

ШАМА

90 коп.